

NEW YORK TIMES БЕСТСЕЛЛЕР

ММЕТ

ДЬЯВОЛЬСКИЙ АКВАРИУМ

Всего три слова:
акула юрского
периода.

*Los Angeles
Times*

СТИВ АЛТЕН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Под Филиппинской морской плитой обнаружен океан Панталасса, который насчитывает 220 миллионов лет, – самое неисследованное царство на планете. Там обитают ужасные морские существа, считавшиеся давно вымершими. Прошло четыре года с тех пор, как Ангел, гигантский мегалодон, родила четырех акул, не менее агрессивных, чем их мать, а потому очень опасно держать всех в одном бассейне. Неожиданно принц Дубая предлагает купить двух подросших мегов для строящегося в Дубае самого большого аквариума, но при этом ставит условие: сопровождать мегов должен Дэвид, сын Джонаса Тейлора. Джонас неохотно соглашается, и Дэвид с радостью отправляется на лето в Дубай, даже не догадываясь, что ему придется отправиться в Панталассу, чтобы поймать самых опасных существ, когда-либо населявших Землю!

В августе 2018 года на экраны страны выходит фильм «Мег» кинокомпании «Warner Bros.», который снял известный режиссер Джон Тёртелтауб («Сокровище нации», «Сокровище нации: Книга тайн», «Ученик чародея»). Главную роль исполняет Джейсон Стэйтем («Карты, деньги, два ствола», «Ограбление по-итальянски»).

Впервые на русском языке!

- [Содержание](#)

-

-

- [Пролог](#)

- [Часть 1](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Часть 2](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

Содержание

Стив Алтен

Мег. Дьявольский аквариум

Steve Alten
Meg: Primal Waters

© 2004 by Steve Alten

© О. Александрова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Моему отцу Лоуренсу Алтену,
который всегда приходит мне на помощь.*

Спасибо, папа!

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места действия и события являются плодом воображения автора и не должны рассматриваться как реальные. Любое сходство с реальными событиями, районами, организациями или лицами, живыми или мертвыми, является чисто случайным.

Пролог

Филиппинское море, Тихий океан

Тихий океан, площадь которого превышает 60 миллионов квадратных миль, является самым большим и самым древним водным бассейном на нашей планете, а при средней глубине 14 000 футов и самым глубоким. Более того, этот океан отличается наибольшим биологическим разнообразием на Земле.

Тихий океан – это все, что осталось от Панталассы, древнего океана, некогда столь обширного, что он покрывал планету практически целиком, за исключением суперконтинента Пангеи.

Жизнь зародилась в этих водах 3,5 миллиарда лет назад в виде одноклеточных организмов, причем такое положение вещей сохранялось практически неизменным в течение следующих трех миллиардов лет. После чего 540 миллионов лет назад в океанских водах начали развиваться различные формы жизни. Из многоклеточных организмов возникли трилобиты и кораллы, медузы и моллюски, скорпены и кальмары. Во время этого Кембрийского взрыва появилось еще одно существо, небольшого размера, которое обладало спинным хребтом, отделявшим головной и спинной мозг от остальных органов.

Наступила эра рыб, а именно – девонский период палеозойской эры.

Первыми из позвоночных были животные-фильтраторы, у которых отсутствовали челюсти для захвата добычи. Поскольку их скелет состоял из хрящей, многие виды имели толстый костяной панцирь, защищавший голову; постепенно у большинства из них сформировались органы чувств, такие как зрение, обоняние, осязание и слух. А затем, спустя 80 миллионов лет после появления первой рыбы, у них возникла еще одна характерная черта – парочка кусачих челюстей.

Именно эта образовавшаяся в процессе эволюции особенность строения стала причиной возникновения резкой диверсификации: разделения обитателей водного мира на хищника и жертву, которая повлекла за собой перестановки в океанской пищевой цепи. На планете появились первые настоящие охотники, а вместе с ними и океанские волки – акулы.

В результате океан Панталасса стал для многих видов весьма опасным местообитанием.

Нужда – это мать прогресса, адаптация – средство для выживания. Через 170 миллионов лет после того, как в море появились первые позвоночные животные, кистеперая рыба выползла из Панталассы на сушу... и сделала глоток воздуха. Со временем жабры

трансформировались в ноздри и легкие, вентилируемые через горло. За период в 20 миллионов лет эти новые животные колонизировали сушу.

Наступила эпоха земноводных.

Адаптация к сухопутной жизни требовала дальнейших эволюционных изменений, тем более что на кону стоял вопрос выживания. В результате у земноводных, ограниченных потребностью в регидратации, начал развиваться реберный каркас, благодаря которому легкие могли перерабатывать гораздо больший объем воздуха. Изменения фертилизации и состава яичной скорлупы позволили защитить эмбрион от высыхания.

Через 60 миллионов лет после того, как первая кистеперая рыба выползла из моря, появились первые рептилии.

За этим последовали дальнейшие адаптационные изменения анатомии водных животных. Смещение тазового пояса позволило некоторым рептилиям подняться на задние ноги. Тяжесть черепа уменьшилась благодаря образованию дополнительных полостей, заполненных мышечной тканью. Эти отверстия в том числе способствовали увеличению силы укуса... Таким образом, появился новый подкласс рептилий, а именно – динозавр.

Со временем Пангея разделилась на два континента: Гондвану и Лавразию. По мере продолжения разлома и дрейфа массивов суши океан Панталасса разделился на Атлантический и Северный Ледовитый океаны, а со временем – на Индийский и Тихий. Изменения атмосферных и геологических условий привели к возникновению глобальных циклов потепления и оледенения, что отразилось на представителях морской и наземной фауны. Сильные выжили, став доминантными видами; слабые вымерли.

Если динозавры были хозяевами суши и воздуха, то такие рептилии, как плакодонты и ихтиозавры, вернулись в океан. Это были первые морские монстры: эласмозавры с очень длинной шеей; кронозавры с массивным черепом; шонизавры, похожие на дельфинов ихтиозавры длиной пятьдесят футов и весом сорок тонн; и, наконец, лиоплевродоны – гигантские плиозавры.

В течение следующих 170 миллионов лет эти грозные хищники доминировали на суше и на море... до тех пор, пока в один роковой день 65 миллионов лет назад с неба не упал астероид диаметром семь миль, после чего жизнь на планете сразу изменилась.

Огненные смерчи, возникшие в результате падения астероида, повлекли за собой нечто вроде ядерной зимы вследствие выброса в атмосферу угарного газа и миллионов тонн золы и сажи, ставших барьером для солнечного света. Пожары потухли, и тотчас же наступил ледниковый период, ставший официальным концом эпохи динозавров. В результате выжили лишь те виды, которые сумели адаптироваться к резкому понижению температур.

Между тем имели место и другие глобальные изменения.

Континенты и океанское ложе покоятся на твердой оболочке Земли, которая называется литосферой. Состоящая из тринадцати крупных тектонических плит и тридцати восьми более мелких, литосфера обтекает горячее ядро планеты, словно постоянно движущийся ледник. Движения эти обусловлены вулканической активностью вдоль границ тектонических плит – двигателем, расположенным под дрейфующими континентами.

Когда расплавленная порода (магма) прорывается сквозь океанское ложе, происходит дивергенция океанических плит, ответственная за образования рифтов. При столкновении двух и более континентов возникают мощные складчатые области, формирующие горные хребты. Когда столкновение происходит под водой, более плотная тектоническая плита подползает под менее плотную в зоне субдукции, в результате появляются глубокие трещины, или впадины, – самые глубоководные области океана. Более плотная плита поглощается мантией, после чего выбрасывается обратно в виде лавы, что приводит к формированию островных дуг.

Подобные вулканические взаимодействия особенно ярко проявляются вдоль тектонической плиты, известной как Филиппинская.

Уникальность Филиппинской плиты, расположенной под Филиппинским морем, заключается в том, что плита эта, по форме напоминающая бриллиант, со всех сторон окружена зонами субдукции. На востоке с ней граничит массивная Тихоокеанская плита, которая, столкнувшись с Филиппинской, пододвинулась под нее, что и привело к образованию Марианской впадины – самой глубокой на планете. На западе Филиппинская плита граничит с Евразийской, на юге – с Индо-Австралийской, а на севере – с Северо-Американской, Амурской и Охотской плитами, причем на всех границах схождения тектонических плит сформировались глубоководные впадины.

Бассейн Филиппинского моря, средняя глубина которого составляет 19 700 футов, является самой изолированной и наименее исследованной областью нашей планеты, а колоссальное давление воды делает ее недоступной практически для всех, за редким исключением, глубоководных аппаратов. Чтобы получить сколь-нибудь значимую информацию о строении этого древнего дна, ученым приходится

полагаться исключительно на данные батиметрической съемки. В результате исследователям так и не удалось обнаружить аномалию Филиппинской плиты: существование под земной корой изолированной водной среды, датировки которой относятся к периоду суперокеана Панталасса.

И в этом море имеется хорошо развитая пищевая цепь, способствовавшая поддержанию жизни еще с тех пор, как морские рептилии вернулись в океан 240 миллионов лет назад.

Акула легко движется в вечном мраке, ее белая шкура льет мягкий свет на притихшее дно, расположенное в семи тысячах футов от бурной поверхности океана. Длина животного, с тупой мордой в форме пули и мощным серповидным хвостовым плавником, составляет пятьдесят восемь футов, вес – тридцать тонн, и мастодонт этот является полноправным властелином здешнего подводного царства.

Под практически невидимыми деснами прячутся острые зубы с зазубринами наподобие ножа для мяса. Нижние зубы, всего двадцать два, по форме напоминающие стилет, предназначены для того, чтобы прокалывать и удерживать добычу. Более широкие верхние зубы, всего двадцать четыре, являются смертельным оружием, способным разрезать кости и мышечную ткань, а также китовый жир. За передними верхними и нижними рядами зубов скрываются четыре-пять дополнительных рядов запасных зубов, загнутых назад и утопленных в десне, словно конвейерная лента. Состоящие из кальцинированных хрящей без кровеносных сосудов, зубы эти сидят в десятифутовых челюстях, которые, словно на шарнирах, крепятся к черепной коробке, что позволяет верхней челюсти вытягиваться вперед и открываться настолько широко, что акула способна проглотить взрослого слона. И словно одних только гигантских размеров и жуткой прожорливости было недостаточно, природа наделила подводного монстра интеллектом и хищническим инстинктом, выработавшимся за 400 миллионов лет эволюции. Шесть различных органов чувств реагируют на любые изменения геологии, течения, градиентов температуры... и на любое существо, находящееся в ареале их обитания.

В глазах хищника имеется отражающий слой ткани, расположенный за сетчаткой. Во время движения на больших глубинах свет отражается от этого слоя, что позволяет животному видеть даже во

мраке. При солнечном свете отражающий слой закрывается содержащей пигмент оболочкой, действующей наподобие солнцезащитных очков. И если у акул радужная оболочка, как правило, содержит в основном черный пигмент, то у данного конкретного самца она скорее похожа на бледно-голубую катарактную пленку, что характерно для альбиносов. Глаза, каждый размером с баскетбольный мяч, рефлекторно закатываются назад в тот самый момент, когда монстр атакует жертву, чтобы таким образом защитить глазное яблоко от повреждения.

Прямо перед органами зрения, под рылом, находятся вертикальные ноздри, настолько чувствительные, что они способны обнаружить одну-единственную каплю крови или мочи в миллионе галлонов воды. Язык и рыло обладают соответственно рецепторами вкуса и осязания, тогда как перепончатый лабиринт внутри черепной коробки служит органом слуха. Но у данного хищника имеются еще два органа восприятия, которые и сделали его хозяином водной стихии.

Во-первых, боковая линия – это сеть крохотных каналов, расположенная с обоих боков под кожей и содержащая микроскопические поры и отверстия, через которые осуществляется связь с морской водой. И когда другое животное создает вибрации или турбулентность в воде, реверберации стимулируют крохотные волоски внутри этих высокочувствительных клеток, предупреждая хищника об источнике возмущений, находящемся за много миль от него.

Еще более чувствительным органом чувств являются многочисленные клетки, сосредоточенные вдоль рыла и под ним. Известные как ампулы Лоренцини, эти глубокие, заполненные желеобразным слизистым веществом поры соединены с мозгом через систему черепных нервов. Такой внушительный комплект нервов обнаруживает малейшие градиенты электрических и биоэлектрических полей, возникающих за счет движения животных в воде, колебания жаберных щелей и сердечных сокращений. Ампулы Лоренцини настолько чувствительны к электрическим разрядам, что хищник, перемещаясь в глубинных слоях Филиппинского моря, вполне мог бы обнаружить гипотетический медный провод, протянутый между Японией и материковым Китаем, чтобы соединить две батарейки типа D, за несколько тысяч миль от него.

Carcharodon megalodon – доисторический кузен современной большой белой акулы. Сверххищник во все времена, мег обладает настолько свирепым нравом, что обречен на вечное одиночество. И хотя за последний миллион лет численность его популяции резко уменьшилась, представители этого вида сумели избежать вымирания путем адаптации – в нашем случае благодаря выбору в качестве местообитания богатых питательными веществами теплых вод впадин в Филиппинской океанической плите.

Серо-голубой глаз животного и его ноздри размером с футбольный мяч окружены шрамами, тянущимися к верхней челюсти и обнаженной части десны. Все эти отметины были в свое время оставлены мегу на память его родным братом, лишившим к тому же своего более мелкого сородича здорового куска спинного плавника.

Те немногие из людей, кому удалось уцелеть после встречи с этим мегом, знают его как Аль Капоне. Ну а для морских животных, попадающихся ему на пути, исходящее от него зловещее биолюминесцентное свечение – предвестник неминуемой смерти.

Изуродованная пасть Аль Капоне заглатывает морскую воду, подергиваясь в жестокой кривой ухмылке. Ведомый голодом, хищник покинул место своего рождения, отправившись на обследование западной части Марианской впадины.

Поднявшись в ночное время к поверхности океана, Аль Капоне убил молодую китовую акулу у побережья атолла Палау. Однако рассвет помешал мегалодону закончить кровавую трапезу, загнав хищника, обладающего повышенной чувствительностью к солнечным лучам, обратно на глубину. В результате ему пришлось шесть часов кружить на расстоянии тысячи футов от своей истекающей кровью жертвы. И наконец, потеряв терпение, мег оставил китовую акулу, чтобы направиться на запад.

Аль Капоне плывет вдоль морского ложа, где температура воды чуть выше точки замерзания. Однако теплокровный океанский голиаф не чувствует холода, поскольку вдоль его хребта с двух сторон тянутся толстые красные мышечные волокна, которые не только придают дополнительную силу внушительным грудным плавникам и хвосту, но и, действуя как своеобразный радиатор, снабжают теплом кровеносную

систему – этаким термостат, обеспечивающий внутреннюю температуру на пятьдесят градусов выше температуры кожи.

И хотя Аль Капоне находится на таких глубинах, где любое морское млекопитающее было бы наверняка раздавлено водными массами, отсутствие плавательного пузыря делает гигантскую акулу нечувствительной к экстремальным значениям давления воды. При этом печень мега весом более 25 000 фунтов, состоящая из множества слоев внутреннего жира, который гораздо легче воды, обеспечивает животному идеальную маневренность на любой глубине.

Аль Капоне, привлеченный слабым электрическим полем, резко меняет курс и теперь отправляется на разведку туда, где его ампулы Лоренцини засекали незнакомый объект, движущийся по черной преисподней.

Потенциальная добыча наполовину зарыта в морское дно в 12 145 футах от поверхности. Покрытый ржавчиной металлический корпус японского эсминца времен Второй мировой войны, продуцируя слабый электрический поток в воде, манит к себе голодного хищника.

Убедившись, что объект несъедобен, Аль Капоне движется дальше, постепенно поднимаясь вверх вдоль Западно-Марианского хребта. Сложенный толеитовыми базальтами, хребет этот густо покрыт коралловыми рифами. Пузырьки метана и сульфид водорода, поступающие из древнего моря под хребтом, просачиваются сквозь скальные образования.

На глубине 7670 футов хребет сглаживается, открывая обширный глубоководный бассейн, геология которого сложилась за 200 миллионов лет до появления популяции мегалодона.

Эта геологическая аномалия возникла 180 миллионов лет назад, когда Пангея разделилась надвое: на Лавразию (Северная Америка, Европа, Азия и Гренландия) и Гондвану (Австралия, Антарктида, Индия и Южная Америка). Медленный разлом двух континентальных плит привел к образованию протяженного участка земной коры, примыкающего к тому, что в настоящее время является территорией Китая. Вытянутый участок затвердевшей магмы длиной сотни миль истончился и ушел под воду, образовав шельф. В то время как определенная часть этого шельфа со временем разрушилась вследствие других тектонических процессов, кора в южной части Западно-

Филиппинской котловины сделалась толще, вследствие чего на расстоянии 7775 футов от поверхности Тихого океана сформировалось фальшивое дно, которое скрыло древнюю зону субдукции, опускающуюся на истинные океанские глубины еще на четыре мили.

В течение следующих 30 миллионов лет магма, поступающая из этой вулканической зоны субдукции, постепенно плотно запечатывала шельф, изолируя ее обитателей от остальной части Тихого океана. Насыщенные питательными веществами течения обеспечивают непрерывную пищевую цепочку, в то время как тепло от гидротермальных источников поддерживает различные формы доисторической жизни в этом абиссальном море, занимающем пять тысяч квадратных миль под шельфом из затвердевшей магмы, скрывающей истинные глубины Филиппинского моря.

Реверберации в воде возбуждают невромасты, расположенные в боковой линии меча. Аль Капоне меняет курс, нацелившись на притягательное течение.

Это дыра в океанском ложе – черная лагуна – диаметром четыреста футов, из которой бьет горячая вода, насыщенная метаном... и чем-то еще!

Мегалодон кружит вокруг похожего на кратер отверстия, втягивая ноздрями притягательную смесь запахов, снабжающую информацией его мозг. Аль Капоне все больше возбуждается, его пасть широко открывается, приток воды заставляет сильнее трепетать жаберные щели и чаще биться сердце. Мегалодон выгибает спину, его чувства в огне, а мускулистая нижняя часть шириной с канализационную трубу заставляет хвостовой плавник отчаянно работать.

Из дыры что-то поднималось!

Новопёрая рыба лидсихтис длиной шестьдесят восемь футов на десять футов длиннее Аль Капоне и на восемь тонн тяжелее. Безобидный гигант, питающийся планктоном, выплывает из дыры в открытый океан, не подозревая о подстерегающем его мегалодоне.

Аль Капоне вытягивает удлинившиеся челюсти в сторону застигнутой врасплох рыбы, погружает зубы в ее анальный плавник, перекусывая нижнюю часть позвоночника.

Лидсихтис содрогается, словно через него пропустили ток напряжением 50 000 вольт, его туловище начинает судорожно дергаться,

тем самым словно помогая мегалодону еще глубже погружать в тело зазубренные верхние зубы. Аль Капоне мотает взад и вперед гигантской головой до тех пор, пока не ломает позвоночник жертвы, отделяя в облаке крови хвост от туловища.

Увлекаемая вверх лучеобразными мощными грудными плавниками, доисторическая рыба продолжает подниматься вверх, уже без хвоста, подальше от черной дыры.

Аль Капоне позволяет жертве ускользнуть, удовольствовавшись куском мяса и хрящей весом в две тысячи фунтов, которые еще нужно перемолоть на более мелкие фрагменты. Мегалодон, с притупленными чувствами и слегка осоветший от еды, внезапно обнаруживает присутствие еще одного существа, возникающего из черной дыры, но не в состоянии отличить жертву от хищника.

И действительно, из отверстия пулей вылетает чудовищное животное, его невероятные челюсти – тридцать два фута от кончика морды до нижнего ряда зубов – тотчас же смыкаются на тазовом поясе меча. Острые, как кинжал, резцы кастрируют Аль Капоне, сперва оторвав его парные класперы, а затем перемолов на мелкие кусочки хрящи в основании мощного хвостового плавника.

Аль Капоне резко поворачивает голову, его расстроенные органы чувств регистрируют появление более крупного охотника, который, величественно выплыв из черной бездны, начинает кружить вокруг раненого меча.

Самка плиозавра весит не меньше синего кита, а длиной (122 фута) даже превосходит его. Огромная крокодилья голова переходит в длинное мускулистое туловище, снабженное передними и задними ластообразными плавниками и коротким хвостом. Невероятно проворная для столь крупного животного, самка резко лавирует и нарезает круги вокруг меча, не забывая при этом о его смертоносных зубах. Все ее чувства, включая необыкновенно развитое обоняние, сосредоточены сейчас на непрерывном потоке крови из частично оторванного хвоста меча. Плиозавр слышит пульсации двухкамерного сердца меча, ощущает вкус горячей едкой крови, вытекающей из раны.

Лишенный возможности сделать рывок вперед, раненый мегалодон пытается противостоять мощному потоку воды, который оставляет за собой рыскающий вокруг своей жертвы плиозавр.

Ну а дальше события развивались чрезвычайно стремительно и со смертельной неотвратимостью.

Оттолкнувшись мощными передними плавниками, стотонный плиозавр выпрыгивает в темноту. После чего с грацией морского льва делает вираж на 180 градусов и хватает открытой пастью беспомощно барахтающегося в воде мегалодона, врезавшись в него, словно мчащийся локомотив – в застрявший на путях автомобиль.

Из пасти мегалодона, не выдержавшего колоссального давления 22 000 фунтов на квадратный дюйм, фонтаном вылетают окровавленные ошметки. Желудок акулы конвульсивно дергается и выворачивается наружу; на ходу срыгивая остатки непереваренного обеда, он торчит из бездонной глотки, словно розовый воздушный шарик. Акула отчаянно бьется всем телом, а тем временем плиозавр все глубже впивается десятидюймовыми острыми зубами в мягкое брюхо жертвы, мотая головой, точно крокодил, чтобы ее утихомирить.

В течение двадцати долгих минут два гиганта бьются, сцепившись в смертельном объятии, омываемые усиливающимся потоком воды из черной дыры. Мегалодон, зажатый в безжалостных зубах плиозавра, заваливается набок и тонет, истекая кровью, а его убийца не отпускает жертву, все сильнее напрягая челюстные мускулы, чтобы подавить последние жалкие попытки к сопротивлению.

И вот наконец мегалодон обмякает, его массивная сердечная мышца перестает качать кровь. Плиозавр на всякий случай еще пару раз трясет мертвого мегалодона, после чего, оставляя за собой кровавый след, змеиными движениями проскальзывает с добычей в черную дыру, спеша накормить детенышей.

Часть 1

Ни один аквариум, ни одно искусственно созданное водохранилище, насколько бы просторными они ни были, не смогут воссоздать естественные условия морского обитания. И ни один дельфин, плавающий в таких водах, не будет похожим на дельфина, живущего в естественных условиях.

Жак-Ив Кусто

Глава 1

Аэропорт Монтерей

Монтерей, Калифорния

Суббота

Черный «Лексус JX» припаркован вторым рядом у ворот В, водитель Джонас Тейлор сверлит глазами копа из службы безопасности аэропорта, который заставил его вот уже четыре раза объехать вокруг аэропорта. Шестидесятишестилетний палеобиолог бросает взгляд на свою двадцатичетырехлетнюю дочь Даниэллу, свернувшуюся возле него на пассажирском сиденье. Красивая блондинка модельной внешности – репортер отдела новостей в филиале телекомпании Эн-би-си и одновременно ведущая субботнего шоу в Океанографическом институте Танаки, – нетерпеливо нахмурившись, смотрит на электронные часы на приборной доске:

– Почти четыре тридцать. Если его самолет прямо сейчас не приземлится, я опоздаю на вечернее шоу.

– Его самолет только что приземлился. Расслабься. – Джонас ловит по радио старую мелодию Нила Даймонда. – К тому же в крайнем случае Оливия сможет тебя заменить.

– Оливия? – Дани смотрит на отца так, будто глотнула уксуса. – Папа, субботнее шоу – это моя работа. И точка. А теперь, будь добр, выключи эту занудную музыку.

– Мне нравится Нил Даймонд.

– Кто-кто?

– Брось! Я еще не такой старый.

– А вот и нет. Именно такой. Папа, я готова тебе заплатить. Только переключи на другую радиостанцию.

– Отлично. Только никакого гангстерского рэпа.

– Надо говорить «гангста». И он сейчас в тренде. Гетто сейчас в тренде. Это именно то, что нужно слушать.

– Виноват. Совершенно забыл, что мы с матерью воспитывали тебя как нищего черного ребенка из криминального района.

Коп подходит к «лексусу», чтобы в очередной раз приказать убрать машину. Но прежде чем он успевает открыть рот, из дверей зала получения багажа выходит двадцатилетний Дэвид Тейлор – крепкий загорелый парень с длинными, выгоревшими на солнце каштановыми волосами. На Дэвиде серая майка футбольной команды «Гейторс», выцветшие джинсы и кроссовки, темные миндалевидные глаза спрятаны за солнцезащитными очками, на широком плече висит оранжево-синяя спортивная сумка Флоридского университета.

Кинув сумку на заднее сиденье, Дэвид садится в автомобиль:

– Простите. Самолет на час опоздал.

– Ничего страшного. Мы сами только что приехали. Правда, Дани?

– Неправда. Ты ведь знаешь нашего папу. Из-за него мы выехали на час раньше, чем нужно. – Дани подставляет Дэвиду щеку для поцелуя. – Хорошо выглядишь. Господи, папа! Да трогайся наконец!

Автомобиль Джонаса вливается в транспортный поток, следуя по указателям на запад в сторону шоссе 68.

– Похоже, ты набрал пару фунтов. Снова качаешь железо? – спросил Джонас.

– И да... и нет. Я решил не поступать в нашу футбольную команду.

– Знаю. Просто увидел твою майку и подумал...

– Это просто майка.

– Потому что на прошлой неделе тренер дважды звонил нам домой. Во время весенней тренировки двое принимающих выбыли из игры из-за травм. А с твоей скоростью...

– Папа, оставь, ради бога! Я свое отыграл еще в старших классах.

– Хорошо-хорошо. Я просто вспоминаю, как играл в футбол в Пенсильванском университете... Лучшее время моей жизни.

– Я тебя умоляю. Это было полвека назад. – Дани ласково ерошит седую гриву отцовских волос. – Дэвид, как тебе папин новый имидж?

– У папы голова теперь такая же белая, как задница у нашего Ангела. Папа здорово поседел со времени нашей последней встречи.

– Издержки слишком тесного контакта с монстрами.

– А мне казалось, тебе нравится работать с детенышами Ангела?

Джонас улыбается дочери:

– Я имею в виду тебя.

В ответ Дани игриво шлепает отца по голове:

– Я ему сто раз говорила, что пора наконец начать использовать средство, убирающее седину.

– Папа, не слушай ее. Седина придает тебе более интеллигентный вид. Вроде Андерсона Купера. Только ты, конечно, гораздо старше.

– Отлично. Я ценю вашу поддержку. Кстати, Дэвид... а что слышно насчет интернатуры...

– Папа, мы об этом уже говорили.

– Но ведь есть и другие специализации по морской биологии. Мы только что заключили сделку по продаже «Морского дьявола» военноморскому центру, в том числе и благодаря демонстрационной записи твоего пилотирования. Военные знают, что ты наш лучший пилот, и вице-адмирал сказал, что им бы пригодился хороший инструктор.

– Ты знаешь, я люблю пилотировать глубоководные аппараты, но больше люблю работать с мегами. Есть нечто особенное в этих огромных хищниках.

– Тебе нравятся большие хищники? В Сан-Диего ищут тренера для самки косатки. Я могу им позвонить...

– Проехали.

– А что не так с косатками?

– Все так, если тебе охота учить кита собачьим трюкам. А у выводка Ангела свои потребности.

– Выводка? Боже, ты говоришь о них так, будто это щенки кокер-спаниеля! Три акуленка уже крупнее взрослой большой белой акулы, а их сестрички... Дани, скажи своему брату.

Дани кивает, продолжая печатать эсэмэску:

– Эти сестренки – настоящее дьявольское отродье. Такие же огромные и злобные, как их мать.

– А почему ты зовешь их сестренками? Ведь чисто формально все пятеро являются сестрами.

– Если тебе придется видеть их каждый день, как нам с Дани, ты сам все поймешь. Возможно, они и вышли из одного чрева, но три акуленка выглядят и ведут себя совсем не так, как Бела и Лиззи. – Джонас сворачивает с шоссе 68 на шоссе 1, ведущее на юг. – А как там Корин?

– Мы расстались.

Дани поднимает голову:

– Ты серьезно? Мне она никогда не нравилась.
– Погоди-ка, – вмешивается в разговор Джонас. – А что не так с Корин?

– Она стала слишком серьезной.

– Ну и что с того, что серьезная? Чем это плохо?

– А как там мама?

– Хорошо. И нечего менять тему.

– Мама на грани нервного срыва, – встревает в разговор Дани.

– Неужели опять ПЕТА?^[1]

– Хуже. Какие-то бандиты. Они называют себя R. A. W., что означает «Верните животных в дикую природу». Папе даже пришлось нанять охрану. Эти отморозки начали прокалывать шины на парковке для персонала. Я пытаюсь уговорить продюсера позволить мне их разоблачить. Ведь этим придуркам наплевать на мегов. Им просто нужна бесплатная реклама.

Дэвид молчит, предпочитая смотреть из окна на выглядывающий из-за холмов Тихий океан.

Джонаса начинает тяготить повисшее молчание:

– Ну ладно, Дэвид, не тушуйся и скажи все, что собирался сказать. Бассейн слишком мал. Акулы становятся слишком большими.

Дэвид поворачивается к отцу:

– А что говорят в законодательном собрании штата?

– То, что всегда. Больше никакого увеличения площадей. По крайней мере, не за счет побережья. Они предлагают нам шестьсот акров в Бейкерсфилде.

– В Бейкерсфилде? А почему не в Долине Смерти?

– Впрочем, есть и другие варианты. В понедельник мы с Маком встречаемся с представителями инвестиционной компании «Эмаар пропертиз» из Объединенных Арабских Эмиратов. Ходят слухи, будто они сооружают с использованием самых передовых технологий океанариум и отель в Дубае.

– Да, я слышал. Это должно быть нечто невероятное. В десять раз больше, чем океанариум Джорджии. Думаешь, они захотят взять одного из наших акул?

– Бьюсь об заклад, что это именно так, – кивает Джонас.

«Лексус» направляется на юг по шоссе Кабрильо, затем сворачивает на Санд-Дьюнс-драйв. Дэвид во все глаза смотрит на обрушивающийся на берег прибой, невольно сравнивая ярящийся Тихий океан в районе Монтерея и мирную Атлантику штата Флорида. Ведь три последних лета Дэвид проходил практику в Океанографическом институте Харбор-Бранч в Форт-Пирсе, выполняя полевые исследования для получения степени бакалавра в области морской биологии. И вот наконец перед Дэвидом появляется знакомая чаша из бетона и стали, соединенная с океаном каналом, похожим на подводный пирс.

Океанографический институт и лагуна Танаки, ставшие родным домом для самых опасных созданий на планете.

Построенная Масао Танакой, дедом Дэвида со стороны матери, более тридцати пяти лет назад, лагуна изначально планировалась в качестве полевой лаборатории для изучения поведения китообразных. Каждый год десятки тысяч китов мигрируют из Берингова моря на юг вдоль калифорнийского побережья в поисках мелководных защищенных бухт для того, чтобы родить своих телят. И лагуна Танаки – рукотворное озеро с доступом в океан – задумывалась как идеальное место для разрешения от бремени самок китов, направившихся в Нижнюю Калифорнию.

Чтобы построить этот океанариум, Масао взял неподъемный кредит под залог будущего своей семьи, но, когда инфляция съела все имеющиеся у него средства, ему пришлось обратиться за помощью в Японский центр морских наук и технологий (JAMSTEC). Однако JAMSTEC был в первую очередь заинтересован в создании системы раннего предупреждения о землетрясениях вдоль побережья Японии, и на Масао была возложена ответственность за бесперебойную работу ЮНИС – необитаемых информационных глубоководных станций. В обмен на финансирование китовой лагуны Масао взял на себя обязательства по выполнению высокорискованного контракта с JAMSTEC по развертыванию двадцати пяти станций ЮНИС в западной части Тихого океана на глубине семи миль вдоль сейсмически активного дна Марианской впадины.

Для выполнения этого задания сыну Масао Ди Джею пришлось сопровождать каждую станцию на «Эбис глайдере» – одноместном

подводном аппарате, похожем на акриловую торпеду с крыльями. На развертывание станций ЮНИС ушло несколько месяцев, и какое-то время система работала как часы. Но затем станции одна за другой прекратили передачу данных. JAMSTEC заморозило субсидирование китовой лагуны, предъявив Масао требование оперативно устранить неполадки. Для решения проблемы необходимо было задействовать уже не один, а два глубоководных аппарата, однако Масао не разрешил второму пилоту, своей дочери Терри, совершить погружение вместе с младшим братом и обратился за помощью к старому другу.

Прежде чем стать палеобиологом, Джонас Тейлор был лучшим пилотом глубоководных аппаратов из всех, когда-либо носивших форму ВМС США... но лишь до своего последнего погружения в Марианскую впадину семью годами раньше. Пилотируя трехместный глубоководный аппарат на глубине 33 000 футов, Джонас внезапно запаниковал и совершил резкое аварийное всплытие. Это вызвало разгерметизацию кабины, в результате чего двое ученых на борту подводного судна погибли. Джонас – единственный выживший после катастрофы – заявил, что столь опасный маневр был обусловлен нападением чудовищной призрачно-белой акулы, голова которой была больше самого подводного аппарата.

Военные медики поставили своему лучшему аргонавту диагноз «батофобия»^[2]. Итак, бесславно закончив военную карьеру и потеряв уверенность в себе, Джонас поставил перед собой задачу доказать всему миру, что малоизученная впадина длиной 1550 миль была действительно населена шестидесятифутовым предком большой белой акулы, а именно *Carcharodon megalodon* – доисторическим хищником, считавшимся давным-давно вымершим.

Масао мало волновали странные теории Джонаса. Единственное, что ему было нужно, – это второй пилот в помощь сыну для проведения восстановительных работ. Вынужденный встретиться лицом к лицу со своими страхами, Джонас принял предложение Масао, считая, что сможет найти неокаменевший белый зуб мегалодона как доказательство того, что эти животные до сих пор существуют.

Но вместо этого Джонас столкнулся с кошмаром, который будет преследовать его всю оставшуюся жизнь.

Джонас Тейлор оказался прав: в абиссальных водах Марианской впадины были представлены самые разнообразные, до сих пор

неизвестные формы жизни, являющиеся звеньями древней пищевой цепи, которая зависела от химических веществ, поставляемых гидротермальными источниками. Эти вулканические насосы образуют тропический абиссальный слой, изолированный примерно в миле от дна постоянными выбросами сажи и минералов. В течение десятков миллионов лет этот замкнутый ареал считался раем для доисторических морских обитателей, а чудовищное давление воды препятствовало научным исследованиям запретных глубин.

После часового погружения в кромешной тьме одноместные глубоководные аппараты Джонаса и Ди Джея сумели пройти через гидротермальные источники, после чего начали обследовать одну из поврежденных станций ЮНИС. Титановая оболочка была раздавлена, но то, что Джонас принял за белый зуб, оказалось всего-навсего оторванной конечностью морской звезды-альбиноса. Джонас, в очередной раз оказавшийся в глупом положении, помог Ди Джею откопать наполовину ушедшую в донные осадки станцию ЮНИС.

Однако возникшие в результате вибраций от манипуляторов звуковые волны привлекли внимание сорокапятифутового самца мегалодона, который, напав на «Эбис глайдер» Ди Джея, убил молодого человека, после чего сам оказался в смертельной ловушке, запутавшись в тросе глубоководного аппарата. И пока ни о чем не подозревавший экипаж надводного судна вытаскивал монстра наверх, еще более крупный мег – беременная самка – напал на своего обездвиженного партнера и в потоке его горячей крови проследовал за ним на поверхность.

И вот, таким образом, вследствие вторжения человека во впадину, самый опасный хищник в истории Земли вырвался из своего чистилища, где находился в течение 100 000 лет.

На Океанографический институт Танаки была возложена задача отловить самку и отправить ее на карантин в китовую лагуну. В результате Джонасу пришлось уничтожить мегу, однако один из выживших детенышей все же был пойман и помещен в китовую лагуну.

**ПРИХОДИТЕ ПОСМОТРЕТЬ НА АНГЕЛА –
АНГЕЛА СМЕРТИ.
ДВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ДЕНЬ.
ВЫ НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ О ПОТРАЧЕННЫХ ДЕНЬГАХ!**

Шли годы, и Ангел превратилась в чудовище длиной семьдесят четыре фута и весом семьдесят тысяч фунтов, которое привлекало миллионы зрителей. Джонас и Терри поженились. И вот однажды Ангел сломала стальные ворота в канал и уплыла через Тихий океан в Марианскую впадину, вернувшись для спаривания в древний ареал обитания своего вида.

Двадцать лет спустя мегалодон оказался в Калифорнии, в рукотворной лагуне, где дал жизнь своему потомству.

Тем временем Масао трагически погиб, однако благодаря возвращению Ангела Океанографический институт Танаки обрел новую жизнь. При поддержке властей штата Калифорния лагуна Танаки снова стала самым популярным в мире туристическим аттракционом.

Однако успех – вещь преходящая, влекущая за собой собственные скрытые проблемы. Для содержания такого большого аквариума, как «Логово Ангела», требуется многочисленный персонал: морские биологи и зооинженеры, в обязанность которых входит забота о меге и ее детенышах; бригада специалистов по окружающей среде, ответственных за содержание лагуны и нового бассейна для мега; администраторы и специалисты по связям с общественностью; служба безопасности и поставщики продуктов питания. Работа со взрослой самкой мегалодона весом в пятьдесят одну тонну и ее пятью отпрысками таит в себе столько вызовов, что любая ошибка может стать фатальной.

«Лексус» поворачивает на Масао-Танака-вей – частную дорогу, ведущую на территорию океанариума. Джонас объезжает стоящие в три ряда машины в поисках свободного коридора и сворачивает на подъездную дорожку к парковке для персонала.

Несколько сотен протестующих в армейском камуфляже несут плакаты с кроваво-красными надписями: «Свободу акулам», «Мучители мегов», «Деньги + эксплуатация = жестокость». Узнав автомобиль Джонаса, пикетчики начинают забрасывать ее яйцами и осыпать оскорблениями. После чего протестующие облепляют машину, угрожая ее перевернуть.

Худая латиноамериканка лет сорока, в красной футболке с нарисованными на ней лежащими на пирсе мертвыми акулами без плавников, прижимается не стянутой бюстгалтером грудью к окну

рядом с Дэвидом и, пересыпая свою речь матерными ругательствами, выкрикивает обличительную тираду об истреблении популяции акул.

– Что не так с этими людьми? Институт не истребляет акул. Мы их защищаем!

– Единственное, что мне известно, так это то, что я точно опоздаю из-за этих придурков. – Даниэлла, перегнувшись, нажимает на кнопку гудка, тем самым привлекая внимание команды охранников.

Вооружившись тазерами, охранники выскакивают из будки и разгоняют толпу.

Джонас опускает стекло, чтобы пообщаться с начальником охраны:

– Мне казалось, этим болванам было велено держаться подальше от главного входа.

– Так и есть, сэр. Копы дважды здесь были. Выписали повестки в суд. И даже увезли с собой парочку зачинщиков. Но они просто внесли залог и через пару часов вернулись. Местные телевизионщики уже приезжали. Думаю, это только подзадорило бузотеров. Может, стоит напустить на них Ангела, а?

– А какая телестанция? Надеюсь, не Пятый канал?

Джонас перебивает дочь:

– Только не стоит орудовать тазерами. По крайней мере, не на глазах у съемочной группы.

Подмигнув охраннику, Джонас закрывает окно и въезжает на служебную парковку, огороженную цепями.

Несмотря на присутствие пикетчиков, общественная парковка уже забита машинами зрителей, приехавшими на вечернее шоу.

Дани бежит вперед к воротам на нижний ярус, чтобы подготовиться к передаче, Дэвид же следует за отцом к входу в административное здание. Лифт поднимает их на третий этаж, где расположен кабинет Терри Тейлор.

Мать Дэвида разговаривает по телефону, сидя за письменным столом. Она с улыбкой машет сыну рукой, давая понять, что через минуту закончит.

Джонас, похлопывая сына по спине, подталкивает его к панорамному окну. Поднимает венецианские жалюзи, открыв вид на лагуну и окружающую ее арену, где трибуны уже заполнены зрителями всех возрастов. На Тихий океан опускаются сумерки, окутывая западный горизонт пурпурно-золотистой дымкой. И с последними

лучами заходящего солнца постепенно оживают установленные по периметру стадиона световые башни, их яркие лучи освещают открытые всем ветрам лазурные воды основного бассейна – искусственного озера длиной три четверти мили и глубиной восемьдесят футов, раскинувшегося на север и на юг вдоль океанского побережья. Этот рукотворный водоем соединяется с Тихим океаном каналом, вход в который прорыт в центральной части западной границы лагуны. Канал, укрепленный с обеих сторон бетонными подпорными стенками, словно наклонный съезд с автомагистрали, пересекает побережье, после чего уходит на глубину тысяча футов в Тихий океан, где заканчивается в пятидесяти ярдах от края каньона Монтерей. И только пара гигантских подводных ворот из сверхпрочной стали не дает звезде аттракциона лагуны Танаки уплыть в открытый океан.

Дэвид обшаривает глазами главный бассейн. Лагуна пуста, ее основной обитатель предпочитает глубокие воды канала, куда поступает океанская вода. Повернув голову, Дэвид обращает взгляд на северный край лагуны и обнаруживает новые трибуны, пока еще на стадии возведения.

Пять лет назад северные трибуны демонтировали для расширения лагуны, и в результате был построен новый суперсовременный аквариум с соленой водой объемом 60 миллионов галлонов. Прозванный «Загоном для мег», прямоугольный бассейн с примыкающим к нему санитарным бассейном стал домом для пятерых маленьких мегов женского пола. Сконструированный как отдельный ареал обитания, загон этот соединен с лагуной двадцатифутовым подводным бетонным туннелем, ворота с обоих концов которого крепко заперты, чтобы защитить детенышей от их агрессивной родительницы.

Рядом с «Загоном для мег» установлен подъемный кран для спуска на воду «Медузы» – сервисного подводного аппарата со сферическим акриловым корпусом диаметром двадцать два фута и толщиной четыре дюйма, слишком широким, чтобы Ангел или ее детеныши могли захватить его зубами.

Двумя этажами ниже уровня «Загона для мег» расположена самая большая обзорная галерея в мире с усиленным бетонными контрфорсами толщиной семь футов панорамным окном высотой

тридцать два фута, шириной восемьдесят пять футов, с прозрачным акриловым стеклом толщиной четыре фута. Галерея «Загона для мег» очень быстро стала самым популярным аттракционом института Танаки, потеснив даже «Логово Ангела».

«Загон для мег» не только имел свой санитарный бассейн, но и мог быть разделен пополам с помощью установленного на рельсах выдвигающегося барьера из титановых цепей в резиновой оплетке, предназначенного для того, чтобы при необходимости отделить одного или двух детенышей от остальных. Причем с каждым днем такая необходимость ощущалась все более и более остро.

Вскочившие с мест 15 596 человек в едином порыве приветствуют появление троих одетых в оранжевые комбинезоны служащих, которые подкатили к стальной А-раме, установленной в южном конце главного бассейна, освежеванную бычью тушу без головы. Тедди Бадо, морской биолог французско-португальского происхождения, инструктирует приглашенных для кормления гостей, как готовить еду для Ангела. В жировые отложения говяжьего бока весом 225 фунтов помещены мешочки с витаминами и минеральными добавками. С помощью растворимых пластиковых завязок Тедди и его добровольные помощники привязывают висящую на А-раме стальную цепь толщиной четыре дюйма к ребрам быка, а когда арену наполняют звуки барабанов вуду, транслируемые также через подводные динамики, обмазывают тушу свежей кровью.

Ведущая Даниэлла Тейлор, приблизившись к южному краю бассейна с самыми дорогими местами для зрителей, машет толпе. Ее подиум расположен возле А-рамы, причем достаточно близко для того, чтобы чувствовать тошнотворный запах свежего мяса, приготовленного для приманки звезды шоу.

– Дамы и господа, мальчики и девочки... добро пожаловать в Океанографический институт Танаки!

В самой глубокой части ведущего в океан канала зависла двадцатисемилетняя самка мег по прозвищу Ангел. Ампулы Лоренцини на ее рыле чутко реагируют на электрические разряды от пористых стальных ворот. Свою белоснежную шкуру акулы-альбиноса

хищница унаследовала от предков, обитавших во мраке Марианской впадины последнюю четверть миллиона лет.

Через отверстия в стальных воротах размером с баскетбольный мяч в ноздри и открытую пасть Ангела попадает устойчивый поток океанской воды, что позволяет ей дышать, не затрачивая на этот процесс дополнительной энергии. Итак, каждую минуту через тело мегги проходит более тысячи галлонов морской воды, обеспечивая кислородом жабры, а также предоставляя возможность сенсорным клеткам получить картину окружающей среды за пределами его царства. Ангел ощущает вкус мочи китов, тянущейся за проплывающим в трех милях от канала стадом горбачей, и реверберации от движения их мышц. Она слышит назойливый вой моторок и шум судов со зрителями, наблюдающими за китами; чувствует чуть дальше к югу электрические сигналы от бьющихся сердец: это семья из Нью-Джерси бредет по мелководью неподалеку от живописного Кармела.

А затем, словно волна белого шума, какофония низкой барабанной дробы заглушает сенсорный оркестр в мозгу Ангела, заставляя сжиматься сверхчувствительные нервные клетки боковой линии. Оторванный от привычного занятия мегга еще несколько раз бьется треугольной мордой о ворота, после чего разворачивается в сторону лагуны, чтобы выплеснуть свое раздражение.

Западную трибуну накрывает дружный крик восторга, постепенно распространяющийся по всей лагуне, когда спокойствие вод главного бассейна неожиданно нарушает величественно накатывающая волна высотой шесть футов, поднятая скрытым под поверхностью гигантским животным.

Порыв холодного тихоокеанского ветра проносится по открытой арене. Зрители, зябко ежась, поднимают воротники. Родители поспешно застегивают детям куртки, закутывая своих чад в сувенирные одеяла, и с нетерпением ждут появления звезды аттракциона. Для некоторых эстетов уже один только факт, что они являются свидетелями того, как *Sarcharodon megalodon* кружит по дну бассейна, служит оправданием неподъемной цены входного билета. Что ни говори, но перед ними был настоящий доисторический монстр,

которого все считали вымершим, – гигантская белая акула, царившая в Мировом океане на протяжении последних 30 миллионов лет.

Ведь если перевести стрелки часов истории назад всего лишь на 100 тысяч лет, то можно было бы обнаружить прародителей Ангела, преследующих китов у этого самого побережья. Почему исчезли эти высшие хищники, до сих пор остается тайной. Впрочем, так же как и такой парадокс эволюции, что им удалось выжить в глубоководной впадине. Миллионам людей, видевших Ангела, присутствие этой огромной самки в современном мире кажется самым настоящим чудом. Однако, по мнению некоторых местных жителей и ученых, самка мегалодона и ее пять взрослеющих детенышей являются свидетельством потенциального возрождения опасных видов и для человечества было бы куда лучше, если бы они в свое время полностью вымерли.

Ангел продолжает кружить, описывая восьмерки, у дна лагуны. Достигнув северного края бассейна, она поворачивает на юг, навстречу оставленному ею кильватерному следу.

Внезапная приливная волна наполняет живительной силой жабры, на время заглушая раздражающую подводную акустику, стимулирующую рефлекторное восприятие причинно-следственных связей.

Голубые глаза Даниэллы Тейлор устремлены на надвигающиеся волны, высота которых по мере увеличения их скорости растет. Ангел пересекает лагуну и снова мчит на север. В результате такого сгонно-нагонного эффекта уровень воды в дальнем конце бассейна резко падает.

Здесь что-то не так. Она движется слишком быстро.

Дани в растерянности хватается за микрофон, не зная, что делать дальше:

– Дамы и господа! Ангел... Ангел Смерти Матери-Природы!

Говяжий бок наконец висит на цепи в южной части бассейна. С цепи капает кровь, падая с высоты тридцать футов на поверхность воды. Зрители нацеливают на бассейн видеокамеры и сотовые телефоны в ожидании удачного кадра. А тем временем Дэвид, замороженно наблюдающий за происходящим из окна маминого кабинета, чувствует неладное.

– Ее что-то испугало. Папа, волна! Она поднимается выше подпорной стенки.

– Господи боже мой! – Джонас хватается со стола жены уоки-токи. – Дани, уноси ноги оттуда! Уходи с платформы! Дани, ты меня слышишь? Дани!

Наушник Даниэллы Тейлор спрятан под воротником блузки, а потому девушка слышит лишь эхо приветственных воплей зрителей и сдавленных криков, когда мег начинает, точно бешеный бык, кружить по овальному бассейну. Ведь лагуна в сущности представляет собой гигантскую ванну, где вследствие стремительных перемещений самки возникает сильнейший сгонно-нагонный эффект со значительным подъемом уровня воды на одном конце бассейна и резким падением – на другом. И по мере накопления силы инерции высота каждой следующей волны экспоненциально увеличивается до тех пор, пока...

Дани спрыгивает со своего сиденья, расположенного под А-рамой, споткнувшись о бетонное основание, когда восемнадцатифутовая волна перекатывает через край бассейна, заслонив своим гребнем огни арены.

Все остальные звуки тонут в реве океана, неведомая сила сбивает Даниэллу Тейлор с ног, она падает спиной на затопленный настил, стукнувшись головой о бетонную ступеньку во втором ряду трибун. Волна, обрушившаяся на южную трибуну, вздымается до небес, обдавая зрителей двадцати первых рядов ледяной водой и пеной, после чего откатывается назад в лагуну, утащив за собой двух добровольных помощников ответственного за кормление Ангела смотрителя.

Оказавшись под водой, Энди Мерч, штатный фотограф журнала «Шарк дайвер», впивается ногтями в бетонную подпорную стенку и, каким-то чудом уцепившись левой рукой за крашенный шлакоблок, отчаянно сопротивляется неистовому течению, норовящему утащить свою жертву в лагуну. Но когда вода начинает спадать, Энди сшибает свалившийся на него сверху второй добровольный помощник – двадцатиоднолетний Джейсон Фрэнсис, член футбольной команды Университета Южной Калифорнии.

Зрители с замиранием сердца видят, что буквально через секунду оба парня выныривают в южном конце «Логова Ангела».

Услышав, как Джонас что-то кричит дочери в уоки-токи, Джеймс Макрейдс выскакивает из своего офиса, пристроенного к новому «Загону для мегга». И становится свидетелем творящегося на трибунах хаоса.

В воде барахтаются два человека в оранжевых комбинезонах служащих лагуны.

Промокшие до нитки зрители нижних рядов буквально по головам карабкаются наверх, пытаясь забраться повыше.

А тем временем в главном бассейне Ангел уже успела нагнать волну высотой с двухэтажный дом, способную легко перебросить взбесившуюся акулу через пятифутовую подпорную стенку и настил длиной двадцать футов, отделяющий лагуну от «Загона для мегга».

Мак с замиранием сердца смотрит, как акула-альбинос всплывает за долю секунды до того, как волна ударяется о подпорную стенку и водяной вал катится прямо в «Загон для мегга».

Вбежав в кладовую с оборудованием, Мак рывком сдирает с крюка спасательный круг и веревку...

А тем временем в дальнем конце арены со стороны восточного прохода появляется Джонас. Он бредет по щиколотку в воде, озираясь в поисках дочери.

Тремя этажами выше его жена руководит поисками, отдавая команды в уоки-токи:

– Джонас, я ее вижу! Она в секторе D! Где-то в передних рядах!

Джонас бросается к Дани, подхватывает ее бесчувственное тело на руки и поднимает глаза, отчаянно цепляясь ногами за алюминиевую скамью перед ним, когда следующая волна – еще выше, чем предыдущая, – разбивается о подпорную стенку лагуны. Зажав дочери нос, Джонас делает ей искусственное дыхание рот в рот, но обрушившийся на трибуну очередной водяной вал накрывает отца и дочь с головой.

Джонас, закрыв глаза, из последних сил сопротивляется волне, грозящей лишить его убежища и увлечь их за собой.

Но вот наконец волна отступает, на трибуны льется мягкий вечерний свет.

Джонасу удается встать на ноги. Дани дышит, но из раны в голове идет кровь. Джонас кричит в рацию, требуя вызвать «скорую помощь»,

после чего поспешно уносит дочь с южного конца арены, чтобы успеть до обрушения очередной волны.

Терри бросает уоки-токи и набирает по телефону 911.

Дэвид хватается за рацию и переходит на другую частоту:

– Доктор Стелзер, это Дэвид! Ангел впала в неистовство! Срочно выключите акустику!

Выйдя из кладовой со спасательным кругом и мотком буксирного троса длиной сто футов, Мак начинает обшаривать взглядом лагуну в поисках двух пропавших мужчин.

Джейсон и Энди барахтаются где-то посреди бассейна, пытаются пробиться через бурные воды к восточной стене бассейна. Внезапно уровень воды падает с восьмидесяти футов до сорока пяти. Тем временем в северном конце бассейна Ангел разрезает поверхность, пытается поймать тридцатифутовую волну, бегущую в сторону «Загона для меча».

Волна перекачивается через северную подпорную стенку прямо в бассейн для детенышей, после чего отступает, выбросив Ангела прямо на настил. Застигнутая врасплох пятидесятитонная акула бьется, совсем как угорь, на затопленном настиле, но в результате все-таки умудряется соскользнуть обратно в бассейн.

Ошалевшая акула, мотая головой, пропускает через пасть воду, чтобы восстановить дыхание, и в этот самый момент реверберации в ее мозгу внезапно стихают.

Хищница успокаивается. Она закладывает вираж, затем еще один, постепенно восстанавливая сенсорную систему, которая неожиданно улавливает сердцебиение двух живых существ, проникших в ее владения.

Мак бежит по восточной подпорной стене, пытается добраться до попавших в беду мужчин.

Между тем над водой появляется похожий на парус белый спинной плавник – это мегалодон направляется в южный конец бассейна.

Боже мой, она их обнаружила!

Энди и Джейсон, заметив угрожающий белый плавник, начинают отчаянно выгребать поближе к Маку, который бросает им спасательный круг, вытравливая трос на шестьдесят футов.

Джейсон первым подплывает к спасательному кругу и цепляется за него мертвой хваткой. Мак начинает вытягивать Джейсона, после чего направляет спасательный круг в сторону Энди.

Энди плывет вслед за Джейсоном к тросу, но внезапно набежавшая волна относит беднягу прочь.

Мак принимается выбирать трос. Ему на помощь бросается обслуживающий персонал лагуны. Совместными усилиями они вытягивают Джейсона наверх и тащат к себе, словно насаженную на крючок наживку.

Ангел, скользящая под поверхностью воды, ложится на правый бок, все ее первобытные инстинкты нацелены на убегающего от нее нарушителя спокойствия. Акула открывает пасть, обнажив розовые десны и несколько рядов семидюймовых зубов.

Странное ощущение пронизывает Джейсона, когда его тело внезапно становится легче. Продолжая цепляться за спасательный круг, Джейсон подпрыгивает на волнах, но вот наконец команда спасателей перекидывает его на тросе через подпорную стенку, и он приземляется на мокрый настил, а тем временем притаившаяся в воде акула дожевывает нижнюю часть тела несчастного парня.

Находящийся в шоке Джейсон с улыбкой облегчения на губах смотрит на Мака:

– Черт, а ведь еще немножко – и... – Лицо умирающего Джейсона покрывается смертельной бледностью, кровь мощным потоком струится из обрубка изуродованного тела, заливая настил.

Между тем гребень ослабевающей волны перекидывает Энди Мерча через подпорную стенку – прямо в четвертый ряд южной трибуны. Едва живой, Энди продолжает судорожно цепляться обеими руками за алюминиевое сиденье до тех пор, пока волна не откатывается назад, а над головой не появляется сумеречное небо.

Ангел зависает у дна лагуны. От легкой закуски, остатки которой застряли в зубах, у хищницы только еще больше разыгрывается аппетит. Вернувшись в южную часть лагуны, она резко всплывает. Эмоционально заряженные зрители дружно ахают, когда над водой, словно из воздуха, материализуются голова и верхняя часть туловища монстра. Верхняя челюсть меча медленно открывается, вытягивается вперед, демонстрируя остолбеневшей публике линию десен, красных от крови Джейсона Фрэнсиса, убийственные треугольные зубы

защелкиваются, словно капкан, на раскачивающемся над водой говяжьим боке. Арену оглашают вопли ужаса, когда мег, мотая назад-вперед гигантской головой, пытается сорвать с цепи мясо.

А-рама резко выпрямляется. Хищница падает боком в воду, обдавая уже и так изрядно промокших зрителей фонтаном брызг.

Толпа замирает. Редкие аплодисменты моментально стихают, когда присутствующие осознают всю чудовищность действия, свидетелями которого они неожиданно для себя стали.

**ПРИХОДИТЕ ПОСМОТРЕТЬ НА АНГЕЛА –
АНГЕЛА СМЕРТИ.
ДВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ДЕНЬ.
ВЫ НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ О ПОТРАЧЕННЫХ ДЕНЬГАХ!**

Глава 2

Общественная больница полуострова Монтерей

Монтерей, Калифорния

Вечер субботы

Терри Тейлор сидит в одиночестве в личном кабинете администратора больницы, подальше от приемного покоя, умоляющих глаз посетителей и плазменных экранов телевизоров с бесконечным пережевыванием в новостях событий сегодняшнего вечера. И хотя дочь покойного Масао Танаки – его единственный оставшийся в живых ребенок – должна была скоро отпраздновать пятидесятилетие, на вид ей можно дать не больше сорока: длинные черные как смоль волосы почти не тронуты сединой, а кожа вокруг миндалевидных глаз по-прежнему гладкая. Но если внешне она выглядит еще вполне молодо, то душа ее успела состариться раньше времени. Бесконечный стресс сказался на нервной системе женщины, ее правая рука и нога периодически подрагивают. Терри уже побывала на приеме у невролога, который, выписав ей счет на кругленькую сумму, заявил, что, возможно, это начальная стадия болезни Паркинсона, а возможно, что-то еще, но он будет пристально следить.

Доктора... Что они могут знать? Большинство из них просто «практикуют» медицину, ставят привычные диагнозы и назначают лечение, основываясь скорее на размере медицинской страховки, а не на истинных потребностях пациента. Но это именно то, что может предложить вам медицинская система, которая регулируется индустрией, ориентированной исключительно на получение дохода, и субсидируется фармацевтическими компаниями, для которых бесплатно свозить своих сотрудников в Канкун – все равно что угостить их леденцом на палочке. «Вот, миссис Тейлор, принимайте эти таблетки дважды в день в течение трех недель, а мы посмотрим, как они на вас действуют. Спазмы внизу живота? Выпадение волос?

Двоится в глазах? Нет проблем. Тогда мы будем пробовать другие лекарства, пока не будет улучшения. Повреждена печень? Нет проблем. Можно сделать пересадку печени...»

Она изгоняет из головы «персону», которую психиатр окрестил Сердитой Энни, и та уступает место Деловой Мэри.

Позвони своему издателю... Пусть опубликует официальное заявление. Нет, лучше я сделаю заявление лично. Посмотрю им в глаза... дам понять, что у меня нет слов, чтобы выразить свое сочувствие их горю.

Но это ничего не изменит. В конце концов они все равно придут по нашу душу. Позвонить адвокатам. Удостовериться, что все отказы от претензий стоили затраченных средств... Господи, как такое могло случиться?! Бедный мальчик. Он ведь был старшекурсником... Ровесником Дэвида. А ведь на его месте мог оказаться Дэвид... Это мог быть... Ди Джей.

Терри вспомнила о погибшем брате, и у нее начала дрожать правая нога.

Ди Джей... Сколько лет его уже нет с нами? Двадцать четыре года? Как такое может быть?

Перед мысленным взором Терри в очередной раз встает жуткая картина страшной смерти студента колледжа. *Неужели Ди Джей именно так погиб в Марианской впадине? В пасти самца меча?*

Терри чувствует, как к горлу подкатывает желчь.

Прекрати! Немедленно прекрати! Если ты сейчас разнюнишься, это вряд ли поможет делу... Нет, такое невозможно было предвидеть... совсем как автомобильную аварию... или удар молнии. Но дерьмо случается. И тут бесполезно искать логическое объяснение. Сосредоточься на списке первоочередных дел, прежде чем безумие обрушится на тебя, словно волна цунами. Продемонстрируй людям свое горе. А потом отойди в сторонку, и пусть адвокаты расхлебывают последствия... Созови в понедельник экстренное собрание персонала... Переложь на них ответственность за вопросы безопасности... Проследи за их реакцией...

– Миссис Тейлор?

...и подготовь их к худшему. И если тебе кажется, что борцы за права животных настоящие беспредельщики, то это еще цветочки. Ягодки будут впереди.

– Миссис Тейлор? У вас все хорошо?

Очнувшись, Терри поднимает глаза на врача, который придерживает ее трясущуюся правую руку.

– У меня? Все отлично. А моя дочь... Что с ней? Вы закончили диагностику?

– Она отдыхает. Базиллярные травмы черепа встречаются крайне редко. В основном у автогонщиков при авариях на большой скорости. Именно так в свое время погиб Дейл Эрнхардт. Но, так или иначе, магнитно-резонансная томография не выявила наличие сгустков крови в мозгу Дани. Однако у нее обнаружены серьезные ушибы грудной клетки. На всякий случай мы оставим ее в отделении интенсивной терапии. Ну а сейчас вы можете ее навестить. Ваш муж уже ждет вас.

Проследовав за врачом в отделение, Терри подходит к одному из восьми модулей интенсивной терапии, отделенному синей занавеской от остальных. Джонас сидит у кровати Дани. Израненное тело девушки обвешано мониторами, в вену вставлена капельница.

Джонас нежно обнимает жену:

– Ты в порядке? Прости. Дурацкий вопрос.

– Не делай никаких официальных заявлений. Предоставь это специалистам.

– Я и не думал об институте. Терри, Дани могла погибнуть... и Дэвид...

– Джонас, не сейчас.

– Нет, именно сейчас! Наш сын уже в четырнадцать лет начал уговаривать нас дать ему разрешение на работу с этими монстрами. И только представь... В понедельник он войдет в зону поражения. Я думаю, мы с тобой должны немедленно это пресечь, пока не...

– Тсс! Довольно! Хватит спорить. Ради Дани.

Джонас смотрит на часы:

– Уже поздно. Дани в надежных руках. Нам пора домой.

– Ступай. Я остаюсь.

– Тогда и я тоже.

– Нет. Тебе нужно найти Дэвида. Я отправила его присмотреть за Маком. Триш сказала, на него плохо подействовала смерть мальчика. Она боится, что он снова запыет.

Бархатное ночное небо раскинулось сверкающим шатром над безбрежным Тихим океаном, волны беззвучно катятся одна за другой, с глухим рокотом разбиваясь о пустынный берег. Арена тоже опустела, если не считать четырех вооруженных охранников и двух одиноких фигур в верхнем ряду западной трибуны.

Мак положил голову на прохладную алюминиевую скамью, позволив пульсирующему океану успокаивать натянутые как струна нервы.

– Ладно, малыш, я сдаюсь. То, что я видел во Вьетнаме, было во сто крат хуже, но на войне у тебя и мозги работают по-другому. Но картина гибели этого мальчика будет теперь преследовать меня до конца жизни.

Дэвид кивает:

– «Бар и гриль Турка» еще открыт. Хочешь пропустить по стаканчику?

– Ты меня проверяешь?

– Типа того.

– Малыш, не советую играть в умственные игры со своим крестным отцом. Если бы я действительно хотел надраться, то был бы уже в дымину пьяным. – Мак устало вытирает глаза. – Это Триш тебя за мной послала?

– Нет.

– Лжец из тебя никудышный.

– Ладно. Но она действительно очень волновалась.

По арене эхом разносится глухой металлический гул.

– Передай моей жене, что я уже позвонил своему куратору и в конце недели поеду на собрание анонимных алкоголиков.

– Может, лучше скажешь ей сам?

– Скажу. Всему свое время.

– Ты ее боишься?

– Да, черт возьми! Триш – хорошая женщина, но стоит мне хоть раз нарушить обещание, и она меня бросит и глазом не моргнет. А я не могу этого допустить.

– Ты так сильно ее любишь?

– Не-а. Просто привык к трехразовому питанию и чистому исподнему.

Дэвид улыбается, но тотчас же настораживается, когда до него доносится звук очередного удара, а затем – громкий всплеск.

– Ангел? – Дэвид резко выпрямляется и, опершись на перила, начинает вглядываться в стены канала, которые тянутся на сто ярдов вперед, чтобы исчезнуть в черных водах Тихого океана.

Где-то там вдалеке под темной поверхностью притаилась страшная сила природы, стремящаяся вырваться из заточения.

Однако Дэвид находится слишком далеко от входа в канал, чтобы видеть мягкое биолюминесцентное свечение Ангела.

За новыми всплесками следует череда тяжелых реверберирующих ударов.

Мак поспешно поднимается с места:

– Это уже из «Загона для меча». Пошли скорей.

Дэвид спускается вслед за Маком с трибуны, и они идут по бетонной перемычке к «Загону для меча», представляющему собой открытый бассейн глубиной в три этажа с подводным панорамным окном из главной галереи.

Здесь их пятеро – все самки, – имена им выбрали зрители путем интернет-голосования, устроенного через шесть недель после того, как детеныши появились на свет. Трех самочек, длина каждой более двадцати пяти футов, а вес около пяти тонн, назвали Анжеликой, Мэри Кейт и Эшли, причем последние два имени были присвоены двум одинаковым акулятам, которые отказывались от еды в первый месяц жизни, в честь знаменитых сестер-близняшек Олсен, ставших актрисами. Близняшки Олсен, верные спортивному духу, приняли участие в церемонии присвоения имен и даже покормили названных в их честь детенышей, хотя и с безопасного расстояния.

Оставшиеся две самки как будто принадлежали к другому помету. Длиной более сорока шести футов и весом двадцать одна тонна каждая, они оказались вдвое крупнее своих сестер и куда более злобными.

Элизабет, или сокращенно Лиззи, была, как и ее мать, альбиносом. И публика, в значительной степени под влиянием европейских блогеров, проголосовала за то, чтобы назвать ее в честь Элизабет (Елизаветы) Батори, самой страшной серийной убийцы в истории Словакии. В 1610 году печально известной Кровавой графине было предъявлено обвинение в пытках и убийствах сотен людей,

преимущественно молодых девушек. И молодая белая самка мегалодона своей жестокостью была вполне под стать Кровавой графине, в честь которой ее и называли, но несколько уступала своей еще более свирепой двойняшке Белль.

Белль, которую персонал называл Белой – Повелительницей Тьмы, оказалась единственным детенышем в помете, имеющим пигментацию. Ее голова была совершенно белой, но спина (от спинного плавника до верхней доли хвоста) – свинцово-серой, что придавало акуле весьма странный, даже зловещий вид. Названная в честь Белль Ганнесс, печально известной Черной вдовы, которая в 1908 году убила четырнадцать женихов, молодая самка мега отличалась такой свирепостью, что перед кормлением ее нередко приходилось изолировать от сестер. Одним словом, Лиззи была мозгом их тандема, а Белль – грубой мышечной силой.

Время кормления еще не наступило, а в загоне уже началось настоящее светопреставление.

Доктор Джонатан Стелзер, директор по вопросам морской биологии Океанографического института Танаки, стоя у железной ограды вокруг освещенного аквариума с лазурной водой, отчаянно выкрикивает приказы рабочим, которые безуспешно пытаются отсечь титановым барьером Мэри Кейт и Эшли. Испуганные акулята в панике кружат возле стенки бассейна. На противоположной стороне бассейна пилот Стивен Моретти залезает в «Медузу» – сделанный из акрила подводный аппарат сферической формы, принайтовленный к стреле подъемного крана. Стивен Моретти задраивает люк, натягивает на лоб свою счастливую бирюзовую бейсболку и поднимает вверх большие пальцы.

Буквально секунду спустя подводный аппарат уже раскачивается на тросе над бассейном, после чего спускается на воду.

Мак поспешно направляется к доктору Стелзеру:

– Джон? Какого черта...

– Сестренки! – Стелзер показывает на дальний конец бассейна, где трехфутовые спинные плавники цвета слоновой кости хаотично разрезают поверхность воды, а за ними неотступно следует более крупный спинной плавник. – Лиззи схватила Анжелику за грудной плавник и не отпускает.

Дэвид видит в воде черную тень, которая стрелой проносится мимо них наперерез двум белым акулам:

– Белль. Похоже, она атакует.

Свинцово-серый плавник посылает вверх фонтан воды – это Белль нападает на попавшую в западню Анжелику.

Моретти, уже погрузившийся на большую глубину, становится свидетелем подводной атаки. Лиззи сжимает в зубах правый грудной плавник Анжелики, удерживая ее на месте. Укус не смертельный, но из раны ручьем льется кровь, и это еще сильнее возбуждает Белль. Она проплывает под «Медузой» и впивается в незащищенный левый бок Анжелики, вспарывая толстую белую кожу острыми молодыми зубами.

Моретти бросается за Белль, активировав электрошокер для хищников, представляющий собой шесть торчащих под разными углами из корпуса «Медузы» стальных заостренных штырей, через которые пропущено электричество напряжением 5000 вольт, чего более чем достаточно, чтобы отогнать агрессивных сестренок. Прицелившись в анальный плавник Белль, Моретти отгоняет агрессора.

Разодранный бок Анжелики заволокло кровавой дымкой. Опустив подводный аппарат чуть ниже раненой самки, Моретти пытается достать шокером Лиззи, а тем временем мостовой подъемный кран катится по рельсам, проложенным в бетонной отмошке вдоль всего «Загона для меча». Толстая грузовая сеть уже висит наготове на стреле крана в пятидесяти футах от поверхности воды.

После нескольких попыток Моретти в конце концов удается отпугнуть Лиззи. Призрачно-белая хищница неохотно разжимает челюсти...

И в это самое время Белль атакует «Медузу», но лишь затем, чтобы получить чувствительный удар током. После чего Белль начинает кружить возле восточной перегородки бассейна, пристроившись за своей сестрой-двойняшкой.

Моретти отдает команду в микрофон своей гарнитуры:

– Анжелика свободна. Опускайте сеть!

И вот наконец сеть опущена. Выдвинув манипуляторы, Моретти устанавливает механическую руку над раненой акулой. Анжелика панически мечется туда-сюда, ее правый грудной плавник окутан кровавыми облаками. Маневрируя вдоль левого бока Анжелики,

Моретти выключает электрошокер, чтобы случайно не задеть раненого меча. Затем он смотрит на экран сонара и обнаруживает, что обе агрессорши собираются взять Анжелику в клещи с тыла! Развернувшись в кресле пилота, Моретти видит идущих в лобовую атаку сестреноч, голова каждой из них размером с «Медузу». Моретти поспешно активирует заостренные штыри, ампулы Лоренцини акул мгновенно обнаруживают электрические импульсы. Обе хищницы буквально в последнюю секунду отплывают от «Медузы», закружив подводный аппарат в своем кильватерном следе.

Моретти с силой вжимает в пол ножные педали и с помощью носового движителя выравнивает судно. *Умная рыбка*. Вытерев вспотевший лоб, пилот разворачивает кресло, чтобы проверить, как там Анжелика. Анжелика уже висит вниз головой в грузовой сети. Активировав оба манипулятора, Моретти затягивает сеть вокруг брюха акулы. Раненая хищница рефлекторно бьет хвостом по воде и выгибает спину, словно собираясь уплыть прочь, но в результате еще больше запутывается в сети.

– Джон, она попалась. Проверь потом ее брюхо. По-моему, Белль ее здорово потрепала.

Лебедки вытаскивают из воды грузовую сеть с уловом весом почти пять тонн. Анжелика появляется над водой, ее израненное туловище длиной двадцать пять футов дергается и извивается, как змея.

Доктор Стелзер пробирается к санитарному бассейну – круглому мелкому водоему, используемому для экстренной медицинской помощи. Ветеринар Фрэн Риццито, уроженка Нью-Йорка, уже набирает иглами длиной десять дюймов в шесть шприцов мощный анестетик – трикаин метансульфонат, который должен успокоить рыбу и снять болевой синдром. После чего Фрэн вставляет последний шприц в рабочую часть пятнадцатифутового шеста-удлинителя.

– Шесть шприцов по пять тысяч миллиграммов анестетика в каждом. Этого вполне хватит, чтобы усыпить ее и спокойно осмотреть раны.

Анжелика бьется в грузовой сети в тридцати футах от поверхности «Загона для меча». Фрэн в страховочном снаряжении лезет по крутым ступеням на правой опоре подъемного крана, и каждый новый рывок попавшего в сеть мегалодона грозит отправить Фрэн прямо в аквариум.

Чтобы не рисковать, она пристегивает спасательный ремень к проушине одного из болтов стальной стрелы крана.

Доктор Стелзер протягивает Фрэн первый шест. Вытянувшись вперед, Фрэн втыкает шприц в бок меча, чуть пониже жаберных щелей, впрыснув лекарство прямо в кровеносную систему раненого животного. После чего передает шест доктору Стелзеру, чтобы тот сменил шприц.

А тем временем на противоположной стороне бассейна служители с помощью лебедки и подъемного крана уже вытягивают из воды «Медузу».

Еще две инъекции – Анжелика затихает. Фрэн поворачивается к доктору Стелзеру:

– Ну все, она готова. Предлагаю, прежде чем делать очередной укол, дождаться результатов рентгена.

Дэвид присоединяется к доктору Стелзеру, стоящему рядом с Маком:

– Из-за чего весь сыр-бор? Они подрались из-за еды?

– Нужно посмотреть видеозапись. Хотя мы их еще не кормили. Сестренки внезапно накинулись на Анжелику без всякого...

Фрэн дико вопит.

Дружно обернувшись на крик, трое мужчин видят, как Белль выпрыгивает из аквариума, ее разинутые челюсти вытягиваются вперед и защелкиваются на незащищенном брюхе Анжелики! Несколько леденящих душу мгновений двадцатитонный монстр просто висит вертикально над водой, вцепившись зубами в живот дергающейся в грузовой сети полуусыпленной жертвы, кровь из смертельной раны льется прямо в пасть хищницы.

Острые как бритва заостренные концы темных зубов Белль протыкают толстую шкуру Анжелики, разрывая внутренние органы, после чего убийца падает обратно в лазурные воды бассейна, а внутренности Анжелики вываливаются из десятифутовой зияющей раны в животе, словно из разбитой палкой пиньяты.

Глава 3

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Понедельник

Выйдя из лифта на третьем этаже административного крыла института, Дэвид сталкивается с офис-менеджером – миниатюрной голубоглазой блондинкой слегка за сорок.

Патриция Макрейдс тепло обнимает парня:

– Спасибо, что присмотрел за Маком.

– Нет проблем. Мак начал присматривать за мной еще тогда, как я ползал в памперсах. – (При упоминании памперсов Триш вдруг заливается слезами и краснеет.) – Эй! У тебя все в порядке?

Триш застенчиво улыбается:

– Только не говори Маку.

– Ты о чем?

– Я беременна.

– Матерь Божья!

– Тсс!

– От Мака? Ты что, шутишь? Я просто... Черт, ты должна заснять на видео тот торжественный момент, когда ему скажешь! А кто-нибудь еще в курсе?

– Нет. Я только сегодня утром это выяснила.

– Триш, это круто! А когда ты собираешься ему сказать?

– Сегодня вечером. – Она смотрит на закрытую двустворчатую дверь конференц-зала. – Ладно, тебе, пожалуй, стоит зайти туда, пока они еще не начали. И никому ни слова о том, что я тебе сказала.

– Клянусь! – Осторожно обняв Триш, Дэвид входит в конференц-зал.

В конференц-зале за огромным столом красного дерева сидят главы отделов и ведущие работники Океанографического института Танаки. К ним присоединились Томас Кьюбит, старший партнер адвокатской конторы «Кьюбит энд Кьюбит», и Кайла Сикала, специалист по связям с общественностью Института Танаки. Дэвид находит свободное место неподалеку от оставленного для Терри Тейлор стула во главе стола.

Джонас стучит обручальным кольцом по стакану с водой, призывая собравшихся к тишине:

– Итак, давайте начнем. Но сперва обновленная информация. Терри сейчас с Дани. Доктор говорит, что Дани идет на поправку. И буквально через несколько дней вернется домой. – (Раздаются редкие аплодисменты.) – К сожалению, на этом хорошие новости кончаются. А теперь плохие новости. Настолько плохие, что даже не знаю, с чего начать. Как вы все знаете, Джейсон Фрэнсис – один из победителей конкурса «Покорми Ангела» – трагически погиб во время вечернего субботнего шоу. Кайла?

Кайла Сикала берет в руки страницы пресс-релиза:

– Мы размещаем в местных газетах объявления на целую полосу с выражением наших соболезнований семье погибшего. Терри попросила у юриста Фрэнсисов о встрече с семьей погибшего юноши. Я уже получила предложения от четырех ведущих телекомпаний обсудить инцидент во время утренних шоу...

– ...которые вы вежливо отклоните. – Ирландский католик Томас Кьюбит, сорокасемилетний юрист из Филадельфии, проверяет записи в блокноте. – Категорически исключить любое общение со средствами массовой информации. Любые заявления только после моего одобрения. Семья Фрэнсис, не тратя времени даром, уже прибегла к услугам крупной юридической конторы из Сан-Франциско, поэтому не стоит давать им лишних козырей. Они потребуют показаний под присягой не только от Тейлоров, но и от Мака, Теда Бадо, доктора Стелзера и... А кто такой Энди Мерч?

– Второй победитель конкурса, – отвечает Джонас. – Тот, что спасся. Том, насколько уязвима наша позиция?

– У нас есть подписанный отказ от претензий, но у них – пятнадцать тысяч свидетелей, чего вполне достаточно, чтобы начать дело по обвинению в преступной халатности. Итак, наш общий план

действий: держаться подальше от представителей массмедиа, пока мы как можно быстрее не урегулируем дело в досудебном порядке. Одновременно вам надлежит закрыть заведение с целью проведения мероприятий, направленных на то, чтобы избежать возможности повторения подобных несчастных случаев.

– Все верно. Несчастный случай... Это был несчастный случай. – Не в силах сдержать эмоции, морской биолог Тед Бадо занимает оборонительную позицию. – Джонас, я всегда кормил Ангела одинаковым способом. День за днем в течение последних четырех лет. Тут нет моей вины. Но еще ни разу не случилось ничего подобного.

– Тед, успокойся...

– А что я должен сказать всем этим крючкотворам? Они наверняка попытаются обвинить меня в смерти парня.

– Никто тебя не обвиняет. Мистер Кьюбит с сотрудниками подготовят тебя к даче показаний и все время будут рядом с тобой. Мы одна семья. И должны держаться вместе.

– А что мы ответим журналистам, когда они спросят нас об Анжелике? – С места поднимается Вирджил Кармен, помощник директора по вопросам зоотехники. – Скажем, что «Загон для мегга» слишком мал для пяти подрастающих детенышей? Что мы уже несколько месяцев предупреждали вас, что те две сестрички становятся все более агрессивными?

Джонас внезапно чувствует, что комната начинает сжиматься вокруг него, стискивая грудь:

– Вирджил, а что бы ты сделал на моем месте? Продал бы одного из детенышей в другой океанариум, который будет даже меньше, чем наш «Загон для мегга»? Или нам следовало выпустить Анжелику в лагуну, как предлагали нам некоторые придурочные блогеры? Чтобы Ангел могла немножко поиграть в кошки-мышки на камеры. Полагаю, мы всегда можем уступить радикалам из ПЕТА, позволив им выпустить трех детенышей в Морской заповедник залива Монтерей. Это наверняка сработает. А еще лучше – взять и освободить наших сестренок! Чтобы жизнь медом не казалась. И вообще, Вирджил, твои предупреждения касались в основном денег. И собственно, никто не собирается с тобой спорить. Но у нас пока не было подходящего варианта... Как, впрочем, и сейчас. Хотя я над этим работаю. А если

кто-нибудь из газетчиков начнет задавать тебе неудобные вопросы, переводит стрелки на меня. Понятно?

Выпустивший пар Вирджил молча кивает.

В разговор вступает Том Кьюбит:

– При всем моем уважении к покойной рыбе, нас сейчас в первую очередь должна беспокоить семья погибшего человека и зрители, которые, надеюсь, продолжат держать наш бизнес на плаву.

– Ну, за это пока можно не волноваться, – говорит Кристофер Экарт, директор по продажам и маркетингу. – После субботнего шоу наши телефоны буквально разрываются. Да и на наш сайт не пробиться. Все хотят посетить шоу. Даже если мы поднимем цены на шестьдесят процентов, билеты все равно останутся лишь на самой верхотуре.

– Наша основная забота – это безопасность, – замечает Джонас. – Может, возвести плексигласовое ограждение вокруг основного бассейна? И закрыть нижний? Что можно сделать, чтобы Ангел снова не впала в неистовство?

– Это барабаны. – (Все взгляды тотчас же обратились на скромно сидевшего в сторонке Дэвида.) – Ее раздражает подводная акустика. Она вернулась в лагуну не для того, чтобы ее покормили, а для того, чтобы показать вам, кто здесь хозяин.

Присутствующие начинают бурно обсуждать заявление Дэвида, причем мнения расходятся. Джонас снова стучит кольцом по стакану, призывая к тишине:

– Дэвид, Ангел приучена реагировать на акустику. Я лично ее дрессировал. Если мы не сможем регулировать время кормления, она предпочтет оставаться под водой в канале и у нас не будет шоу.

– Тогда используйте другие стимулы. Попробуйте ее переобучить.

Тедди Бадо решительно качает головой:

– Она по-своему слишком уперта. И слишком старая, чтобы научиться чему-то новому.

– Чепуха! – парирует Дэвид. – Позапрошлым летом я работал в Гейнсвилле с одним парнем, специализировавшимся на поведении акул. Он сказал мне, что военно-морской флот рекрутировал его обучать акул тайно следовать за вражескими кораблями. Ангел гораздо сообразительнее всех тех акул, с которыми он работал, и у нее большие способности.

– Согласен, – кивает Джонас. – Позвони ему. Я приглашаю его на работу.

– В этом нет никакой необходимости. Он научил меня всему, что нужно знать. Я могу установить световую решетку на воротах в канал и...

– Нет. Предоставь это специалистам.

– Он никогда не имел дела с Ангелом и ее детенышами. А вот я с ними работал.

– Бросать говяжий бок в бассейн – и рядом не стояло с тем, чем, по идее, будет заниматься твой друг.

– А что, по-твоему, я делал в Университете Флориды? Ухаживал за тюленями? Я худо-бедно морской биолог...

– Пока еще нет! – (Конференц-зал затихает, персонал института, оказавшийся свидетелем столкновения двух сильных личностей, явно чувствует себя неловко.) – Дэвид, даже и не проси! Как-никак главный здесь пока еще я. Позвони ему.

– Отлично! – Дэвид поднимается, чтобы уйти. – А знаешь что? Возможно, Тед прав. Возможно, Ангел слишком старая и вряд ли захочет учиться чему-то новому. Но ведь на ней свет клином не сошелся.

Дэвид в ярости покидает конференц-зал, но в дверях сталкивается с Садией Клеффнер, помощницей Джонаса.

– Джонас, извини, что помешала, но прибыли твои гости. Мак повел их вниз, в главную галерею.

Особенностью внушительной галереи «Загона для мега» являются подводные панорамные окна высотой в три этажа по всей ширине аквариума. Зрители могут прогуляться по галерее или посидеть на одном из мягких стульев – их здесь две тысячи, – совсем как в театре, расставленных рядами вокруг подземной арены, где содержатся прожорливые отпрыски Ангела.

Делегация из Дубая насчитывает десять человек: это четверо бизнесменов в традиционных белых дишдахах до щиколоток и куфиях; человек в сером костюме и рубашке с галстуком под цвет его аккуратно подстриженной бородки; четверо вооруженных охранников в черных костюмах и, наконец, видеооператор с дорогой инновационной камерой со штативом. Мужчины стоят перед панорамным окном в бассейн

емкостью 60 миллионов галлонов воды и, обмениваясь восклицаниями на арабском, показывают пальцем на Лиззи и Белль – каждая из сестер размером с двухэтажный автобус, – проплывающих мимо акрилового стекла толщиной четыре фута.

Перехватив Джонаса, Мак отводит его в сторонку:

– Что ты знаешь о Дубае?

– Входит в состав Объединенных Арабских Эмиратов. И там полно нефти. А что еще я должен знать?

– Ну, основные сведения тебе сейчас точно не помешали бы.

– Ладно. Выкладывай.

– Во-первых, в отличие от других жадных ближневосточных придурков, шейхи Объединенных Арабских Эмиратов активно вкладывают доходы от нефти в инфраструктуру своей страны. Дубай – самый крупный эмират – современный мегаполис, тратящий миллиарды на создание процветающей индустрии развлечений.

– Мак, это я и без тебя прекрасно знаю. Лучше скажи мне, кто есть кто.

– Видишь вон того приземистого араба в белой пижаме рядом с парнем в костюме?

Джонас смотрит через плечо Мака на дородного мужчину с густой черной бородой, сросшимися бровями и темно-кариими холодными, как у акулы, глазами.

– Ты имеешь виду парня с носом, как у Джо Торре?

– Точно. Его зовут Фейсал бин Рашиди. Он двоюродный брат наследного принца. Сказочный миллиардер и тоже принц. Говорят, всю эту поездку затеял именно бин Рашиди. Парень повыше – Абдулла как-то там. Он исполнительный директор «Эмаар пропертиз», инвестиционной компании, которая в партнерстве с правительством Дубая собирается строить самую высокую башню в мире, самый дорогой отель, самую большую марину...

– Короче, дубайский Дональд Трамп. Я понял.

– Вон тот чисто выбритый чувак – вроде бы ученый, а еще один, яйцеголовый, Ибрахим какой-то там, руководит большим аквариумом в отеле Абдуллы.

– А как насчет парня в сером костюме?

– Насчет него ничего не знаю. Он пока не сказал ни слова. Возможно, глава службы безопасности.

– Они уже выбрали себе подходящую рыбку?

– Еще нет, но Бела устроила настоящее шоу. Эшли подплыла чуть ближе к титановому ограждению, и Повелительница Тьмы начала таранить ворота. Парочка этих охранников явно решила, что на них вот-вот обрушится гнев Аллаха. Один из них реально потянулся за своим «глоком». И еще одно: бин Рашиди хочет увидеть «Морских дьяволов». Он ясно дал мне понять, что подводные аппараты входят в пакетное соглашение.

– Ну а они-то ему зачем?

– Он не сказал, и я не стал спрашивать. Пошли, представлю тебя нашим новым друзьям. Но даже не проси меня повторить их имена.

Мак подводит Джонаса к четырем бизнесменам в дишдашах. Мужчины, не сводя глаз с аквариума, о чем-то перешептываются.

– Джентльмены, это Джонас Тейлор – генеральный директор Океанографического института Танаки и ведущий терапевт наших мегалодонов.

Джонас бросает на друга испепеляющий взгляд.

Расплывшись в широкой улыбке, Фейсал бин Рашиди хлопает в ладоши:

– Невероятно! Просто невероятно! Конечно, я смотрел передачу о них по телевизору, но видеть прямо перед собой столь великолепных созданий... Невероятно! А самая большая... Когда мы сможем на нее посмотреть, с вашего позволения?

– Быть может, позже. Если, конечно, нам удастся заманить ее обратно в лагуну. Она предпочитает оставаться в канале.

Один из бизнесменов выступает вперед, чтобы подать Джонасу руку:

– Доктор Тейлор, меня зовут Ибрахим аль-Хашими. Я исполнительный директор океанариума в «Дубай-молл». Скажите, пожалуйста, а вы уверены, что эти животные не смогут прорваться сюда через стекло?

– Ну, мистер... э-э-э... Ибрахим, стекло сделано из многослойного акрила с микрофиброй, несущей заряд статического электричества. И хотя заряд этот недостаточно сильный, чтобы поразить акулу, он создает электрическое поле, которое раздражает расположенные под рылом сенсорные клетки животного, что предостерегает его от непосредственного контакта со стеклом. Если вы собираетесь

приобрести одного из детенышей для вашего океанариума, нам придется оборудовать ваш бассейн...

– Доктор Тейлор, в этом нет никакой необходимости. «Дубай-молл» располагает всем, что требуется.

– Ну... тогда ладно. Быть может...

– ...быть может, у вас найдется более спокойное место, где мы могли бы обсудить наши дела? – перебивает Джонаса Фейсал бин Рашиди.

Джонас с Маком сидят за столом для переговоров напротив пяти дубайских бизнесменов, охранники остались снаружи кабинета, видеооператор – вместе с ними.

Фейсал бин Рашиди начинает говорить:

– Доктор Тейлор, я не знаю, сколько арабских стран вы посетили и что вы думаете о Ближнем Востоке, но смею вас заверить, Дубай – это исключение из общего правила. Из семи эмиратов, входящих в состав Объединенных Арабских Эмиратов, Дубай стоит на первом месте по численности населения и на втором – по занимаемой площади. Под руководством покойного шейха Зайда доходы от продажи нефти в Объединенных Арабских Эмиратах были вложены в экономику и человеческий капитал, и мы все очень тяжело работали, чтобы превратить нашу страну в центр торговли по западному образцу. Более того, у нас имеются амбициозные планы сделать Дубай курортом мирового уровня. У нас самый крупный в мире причал для яхт, единственный в своем роде семизвездочный отель, лучшие развлекательные заведения. Мы спонсируем турниры по гольфу, проводим экономические форумы, а также такие крупные мероприятия, как Всемирный кубок Дубая по скачкам и турнир по гольфу «Дезерт классик». И несмотря на все это, многие представители западного мира даже не рассматривают возможность отдыха в нашей стране из-за предрассудков по поводу Ближнего Востока в целом и терроризма в частности.

– И тем не менее это не помешало «Халлибертон» перенести к вам свою штаб-квартиру, – говорит Джонас.

Мак тотчас же пинает его под столом.

Улыбка бин Рашиди становится ледяной.

– Благодарю за подтверждение моих слов.

– Прошу прощения. И вы совершенно правы. Только нечто уникальное может заставить меня облететь половину земного шара, чтобы взглянуть на это. А вот высота ваших зданий меня совершенно не волнует.

– Тут я совершенно с вами согласен. Должен признать, что мало кто поедет из Северной или Южной Америки в Дубай посмотреть на мегалодона, если они без труда могут увидеть его в вашем заведении в Калифорнии... несмотря на риск быть заживо съеденными.

Мак поморщился:

– Джонас, подтяни трусы. Похоже, тебя отымели.

Джонас пропускает мимо ушей шутку друга:

– Вас понял. Тогда какова цель вашего визита?

Бин Рашиди кивает Ибрахиму аль-Хашими. Директор океанариума тотчас же вручает ему несколько буклетов:

– Вы правы. Мы действительно приехали сюда, чтобы договориться о покупке двух молодых мегалодонов для нашего океанариума.

Бин Рашиди протягивает Джонасу красочные буклеты на мелованной бумаге с картами и перечнем аттракционов, способных потягаться с Всемирным центром отдыха Уолта Диснея.

– Дубайленд: серия инновационных проектов, направленных на то, чтобы сделать Дубай туристической, рекреационной и развлекательной столицей региона. Первая фаза, завершившаяся несколько лет назад, включает водные парки и «американские горки», тематические парки, такие как «Глобал виллидж» и «Мир космоса и науки», контактные зоопарки, сафари – одним словом, развлечения на любой вкус и воображение. В рамках начавшейся недавно второй фазы будет создан самый передовой тематический водный парк с потрясающими воображение огромными аквариумами, включая бассейны на восемьдесят миллионов галлонов воды, по вместимости превышающие объемы вашего «Загона для мегалодона». Монорельсовая дорога, пересекающая парк, соединит его с десятком первоклассных отелей и ресторанов, в то время как высокоскоростные поезда доставят посетителей в новый международный аэропорт Дубая, и наоборот. Но туристов со всего мира будет привлекать даже не сам по себе развлекательный комплекс, а в первую очередь то, чем мы планируем заселить большие бассейны. Именно это сделает наш курорт настоящей

Меккой для любителей острых ощущений не только из нашего региона, но и со всего мира.

Аль-Хашими вручает бин Рашиди большой конверт из манильской бумаги. Бин Рашиди достает оттуда десяток набросков, выкладывая их один за другим на стол:

– Кронозавр – плотоядное животное, с которым, насколько мне известно, вы уже встречались в Марианской впадине пару десятилетий назад. Талассомедон – плиозавр с двадцатифутовой шеей. Шонизавр – вид ихтиозавра длиной семьдесят футов от похожей на дельфинью морды до кончика хвоста. Дунклеостей – панцирная доисторическая рыба с костными пластинами вместо зубов, способными крушить титан. Мозазавр – пятидесятифутовый, похожий на крокодила океанский хищник, господствовавший в морях мелового периода. И, наконец, царь морей лиоплевродон – самое крупное и свирепое животное, когда-либо населявшее планету, пожалуй за исключением мегалодона. В нашем списке пожеланий есть и другие монстры, но именно эти хищники соберут больше всего зрителей.

Мак расплывается в широкой улыбке:

– Черт, если это список пожеланий, как насчет Кинг-Конга или лох-несского чудовища? Если, конечно, речь не идет о спецэффектах...

Джонас смотрит на наброски, и кровь холодеет в его жилах. Он узнает почерк автора рисунков. Ихтиолог, сделавший благодаря блестящему таланту прорывное открытие. Соперник, считавший, что Джонас опозорил сообщество палеонтологов. Человек, чье раздутое эго сослужило ему плохую службу, погубив его. Доктор Майкл Марен. Он умер пять лет назад, когда разработанный им для Джонаса и Мака план отмщения погубил самого строившего козни злодея.

Джонас вспоминает свой последний разговор с Мареном пять лет назад на борту яхты «Целакант», состоявшийся до того, как Джонаса безжалостно швырнули в Филиппинское море в качестве наживки для мегалодона, известного как Аль Капоне.

– Тейлор, Марианская впадина – это ерунда. Настоящее древнее морское святилище расположено вдоль Филиппинской плиты. Это золотое дно для палеобиолога. По крайней мере четыре больших подводных каньона снабжают его питательными веществами, создавая ареал, способный поддерживать примитивные формы жизни

начиная с того момента, как более ста миллионов лет назад в море вернулись первые рептилии.

Я обнаружил виды, считавшиеся давным-давно вымершими, а также наличие животных, о существовании которых мы и не подозревали, и всех их Мать-Природа наделила способностью адаптироваться к экстремальному давлению воды на больших глубинах. Доисторические морские губки, обладающие потенциальной способностью благодаря иммунной системе излечивать рак. Беззубые рыбы с костяным панцирем. Неизвестные лучепёрые виды. Ихтиозавры и плиозавры с жабрами, гигантские морские черепахи с зубами, способными разорвать небольшой грузовик. Этот подводный лабиринт – самый настоящий затерянный мир, который ждет, чтобы его открыли, причем хозяин этих ювенильных вод – *Carcharodon megalodon*.

– Мои поздравления, Марен, ты сделал потрясающее открытие. Но зачем было выманывать мегу на поверхность?

– Самца? Я наткнулся на него пять лет назад. Он был в ужасном состоянии, практически издыхал, проиграв территориальный спор другому мегалодону. Мы опускали на глубину девятнадцать тысяч футов напичканные лекарством туши морских львов и скармливали их мегу. Постепенно поднимая приманку, месяцев через семь мы сумели выманить Аль Капоне наверх.

– Аль Капоне?

– Моя помощница Элисон назвала его так из-за шрамов на рыле. Похоже, это имя ему подошло. Со временем нам удалось оснастить мегу устройствами самонаведения. Как видишь, он поживает очень даже неплохо. По моим прикидкам, со времени нашей первой встречи он набрал не меньше десяти тонн.

– А я? Почему я здесь?

– Потому что я тебя презираю. Тейлор, ты не ученый и никогда им не был. И тем не менее долгие годы ты, изображая из себя ученого мужа, читал дурацкие лекции об этих великолепных хищниках, о том, что они полностью не вымерли и, возможно, обитают в Марианской впадине. Скажи-ка мне, профессор Тейлор, когда ты стал сенсацией на одну ночь, послужила ли твоя нежданная слава чему-нибудь стоящему, кроме удовлетворения собственного эго? А эти твои раскрученные шоу в лагуне Танаки! Скажи, ты потратил хоть один процент от

сборов на благо науки, флагом которой ты так гордо размахивал все эти годы? Исследование глубоководных впадин – дело весьма затратное, но впадины нуждаются в исследовании, поскольку здесь существуют жизненные формы, содержащие в себе лекарства от многих болезней... И это все открытия, которые только и ждут своего часа. У тебя были все возможности, мировая известность, ты мог возглавить процесс, а вместо этого ты все разрушил. Побег Ангела и ее возвращение во впадину отпугнули потенциальных инвесторов... крупнейшие университеты, фармацевтические компании, ученых вроде меня, которые были готовы начать серьезные исследования доселе неизведанного подводного мира.

– Выходит, ты вызвал дьявола из его адской бездны исключительно для того, чтобы получить деньги?

– Аль Капоне вовсе не дьявол. На самом деле мегалодон, как выяснилось, еще не самая злобная рыба из существующих. Много лет назад мой первый дрон натолкнулся на настоящее глубоководное чудовище – существо длиной сто двадцать футов и весом более ста тонн. Челюсти монстра оказались такого размера, что он был способен целиком заглотить взрослого мегалодона. Он разрушил мой дрон и целых восемь лет ускользал от меня. Но он где-то здесь, внизу, возможно, последний в своем роде, и когда я получу соответствующее финансирование и оборудование, то непременно его найду.

– Уверяю вас, Макрейдс, это не творение аниматоров и не киношные компьютерные монстры. Животные, которых мы отобрали для своего океанариума, уцелели. И они до сих пор существуют.

– Прошу прощения, мы отойдем на секундочку. – Джонас, взяв Мака под руку, выводит его из кабинета под пристальными взглядами охранников. – Мак, это работа Марена. Стопроцентно.

– Марена? Господи... И тем не менее, как ни крути, вся история от этого не становится более реальной. Институт потратил два года на обследование Филиппинского моря. Но экспедиция абсолютно ничего не обнаружила, разве что нарвалась пару раз на Аль Капоне.

– Может, мы не в том месте искали?

– А арабы каким-то чудом нашли то самое?

– наброски точно сделал Марен. Значит, они каким-то образом обнаружили результаты его исследований.

– Но нет никаких доказательств. Что касается Марена, этот хвостун был жалким психопатом со словесным поносом и жаждой мести.

– Он сумел пометить Аль Капоне.

– А ты пометил мать Ангела. Что не сделало тебя Джонасом Солком^[3]. Когда речь заходит о Марене, у меня шерсть на загривке встает дыбом от предчувствия опасности. Значит, так: продаем им сестренку, оплачиваем их парковку и отказываемся от всех идиотских предложений, какие бы карты они ни вытащили из рукава своих пижам.

– Согласен.

Они возвращаются в кабинет Джонаса к гостям из Дубая.

– Господа, после рождения детенышей Ангела институт проводил непрерывные поиски водных объектов, способных вместить взрослого мегалодона. Если ваш океанариум действительно удовлетворяет всем требованиям, причем на бумаге все выглядит довольно впечатляюще, тогда можно начинать соответствующие приготовления.

Карие глаза бин Рашиди превращаются в щелочки, но на губах по-прежнему играет улыбка.

– Неужели человек, обнаруживший наличие не одного, а двух доисторических хищников в Марианской впадине, отказывается верить в существование других вымерших видов?

Джонас пожимает плечами:

– Океан большой. Причем исследовано менее одного процента его глубин. Если эти создания действительно существуют, надеюсь, вы их найдете.

Открыв второй конверт из манильской бумаги, бин Рашиди вынимает оттуда семь цветных фотографий:

– Скажите, доктор Тейлор, вы узнаете именно этот вид рыб?

Двоюродный брат наследного принца выкладывает фотографии одиннадцать на четырнадцать дюймов, на которых запечатлена огромная лучепёрая рыба. Снимки были сделаны под разными углами на неизвестном побережье, рыба явно давным-давно подохла. Ее темно-серая плоть испещрена следами укусов других хищников, нижняя часть тела отсутствует.

Мак хватается последнее фото:

– Черт! Интересно, а что вы, ребята, использовали в качестве наживки? Слона?

– Мак, это не плотоядная рыба. Хотите верьте, хотите нет, но перед вами фильтратор. Альфред Лидс обнаружил окаменелые останки этой рыбы еще в девятнадцатом веке. И назвал его рыбой Лидса.

– Ее правильное название лидсихтис, – уточняет аль-Хашими. – Если бы нижняя часть тела осталась нетронутой, то длина этой не достигшей зрелости особи составила бы семьдесят футов. Длина зрелых особей достигает девяноста футов. Это самая крупная рыба из всех, когда-либо обитавших на планете во время позднего юрского периода более ста пятидесяти миллионов лет тому назад.

Глава 4

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Дэвид Тейлор сидит с прижатым к уху телефоном за письменным столом в кабинете матери. Дэвид вот уже десять минут впустую держит трубку, и от нервного напряжения его кровяное давление буквально зашкаливает. Из панорамного окна видна опустевшая арена и лагуна, куда Тедди Бадо с помощниками опускают на А-раме окровавленный говяжий бок. На всех служащих страховочные пояса, которые с помощью стального троса пристегнуты к поддерживающей южную трибуну бетонной опоре.

Следующие восемь минут Бадо со своей командой попеременно макают шмат мяса в воду и вытягивают его, но без особого успеха. Дорогая гостья к обеду так и не появилась. Дэвид уже собрался было отключиться и присоединиться к Бадо, но тут в трубке послышался знакомый голос:

- Рикардо Росалес. Вы мой адвокат?
- Адвокат? Нет, старик, это Дэвид... Дэвид Тейлор.
- Дэвид? Как поживаешь, чувак? Как ты меня нашел?
- Позвонил Сандре. Она дала мне этот номер. Кстати, а ты сейчас где?
- Чувак, я на губе. По обвинению в применении физического насилия.
- Физического насилия? Да не может быть! Блин, а что случилось?
- Я с парочкой морпехов был в баре. И какой-то парень то и дело наезжал на одну девчонку. Я сказал ему, чтобы он кончал это дело. А он завелся и со всей дури ей вмазал. Сломал бедняге челюсть. Тогда мы с дружками хорошенько его отметелили.
- Класс! Так тебе за это должны дать медаль.
- Не в этот раз, братан. Девчонка оказалась проституткой. А парень, что ее третировал, – любимым племянником заместителя

начальника военно-юридического управления. И вот теперь дядя копает под меня. Роемся в моем досье, шьет мне дело, чтобы отдать под трибунал.

– Твою мать, чувак!

– Да хрен с ними! Мой адвокат этим уже занимается. Пусть меня увольняют. Если бы на ее месте была моя дочь, я бы хотел, чтобы ее кто-нибудь защитил. И мне наплевать, как она зарабатывает на жизнь!

– Кстати, а как там твоя дочь? Алекс, так?

– Александра Франсиска Еска Росалес. И она классная. А что там у тебя стряслось? Почему ты звонишь?

– Институт хочет нанять тебя в качестве тренера Ангела. Нам нужно научить ее реагировать на другие пищевые рефлекссы.

– Ух ты! Жаль, что не могу помочь тебе, амиго! Но меня сейчас официально закрыли. Ну а кроме того, для такого монстра, как Ангел, вам требуется самый лучший, а это как раз тот парень, что меня обучал. Его фамилия Николс. Доктор Brent Николс. Получил степень по морской биологии и экологии в Государственном университете Джексонвилл, закончил докторантуру по молекулярным системам и эволюции в Университете Южной Флориды. Мы познакомились несколько лет назад в Морской лаборатории острова Дофин в Мобиле, Алабама. Этот парень реально помешан на акулах. Канал «Дискавери» постоянно снимает его в своих специальных программах. Я попрошу Сандру отправить тебе имейлом его контактную информацию.

– Спасибо, чувак. И не дай им себя уволить. Военно-морской флот тридцать лет назад проделал точно такую же штуку с моим отцом. Но он в конце концов доказал их неправоту.

Томас Кьюбит дочитывает исправленную версию конфиденциального договора с океанариумом Дубая, которая его наконец-то удовлетворяет. После чего отдает на подпись один экземпляр Джонасу, а другой – Маку.

– Спасибо, Том. Хорошо, что ты оказался рядом.

– Главное, чтобы вы ничего не подписывали, предварительно не получив у меня одобрения... Особенно текст мелким шрифтом на арабском. – Кьюбит игриво хлопает Джонаса по груди и уходит.

Мак протягивает подписанный им договор Джонасу:

– Ну вот и все, приятель. Теперь мы имеем официальное право вляпаться в любое дерьмо, которое нам подбросят твои новые друзья.

Мак с Джонасом возвращаются к столу для переговоров, на котором люди бин Рашиди уже разложили карты Филиппинского моря. Между тем мужчина в сером костюме безучастно держится в стороне.

Бин Рашиди представляет Джонасу с Макком еще одного члена своей команды – чисто выбритого мужчину в дишдаше, который до сих пор не проронил ни слова:

– Господа, это доктор Ахмад аль-Мазани, заведующий кафедрой геологических наук Университета Объединенных Арабских Эмиратов. Восемнадцать месяцев назад доктора аль-Мазани попросили оценить результаты исследований, которые представила нам бывшая помощница покойного Майкла Марена мисс Элисон Петруччи. Данные этих исследований – наследство доктора Марена – включают неизвестные ранее гравитационные и батиметрические карты Филиппинского моря, а также компьютерный журнал и записи сонаров, полученные от дистанционно управляемых аппаратов. По объему систематизированных результатов исследований доктор Марен явно переплюнул Дарвина с его «Происхождением видов». Одним словом, этот человек был гением...

– Этот жирный хрен был убийцей, ответственным за смерть по крайней мере шестерых человек, – не выдержав, перебивает его Мак. – Он и родную мать не пожалел бы ради того, чтобы его фото появилось на обложке «Нэшнл джиографик». Если бы не Джонас, Марен убил бы еще больше невинных людей, и это сошло бы ему с рук.

Но бин Рашиди понимающе кивает:

– Когда наш океанариум откроется, семьи погибших получают от нас щедрую компенсацию. Итак, я могу продолжить?

– Да делайте что хотите! Это шоу Джея Ти, – вздыхает Мак. – А я здесь просто для мебели.

Бин Рашиди подает знак доктору аль-Мазани, который показывает спутниковую карту Филиппинского моря:

– Филиппинское море образовалось в результате крайне необычных тектонических процессов. Как видно из этой карты, Филиппинское море окружено с четырех сторон вулканическими островами, что является свидетельством наличия зон субдукции океанических плит. Это остров Тайвань и Филиппинские острова на

западе, Японские – на севере, Марианские – на востоке и остров Палау на юге.

Геолог разворачивает вторую карту – батиметрическую карту Филиппинской плиты и окружающей литосферы. Джонас сразу замечает подпись внизу: М. Марен.

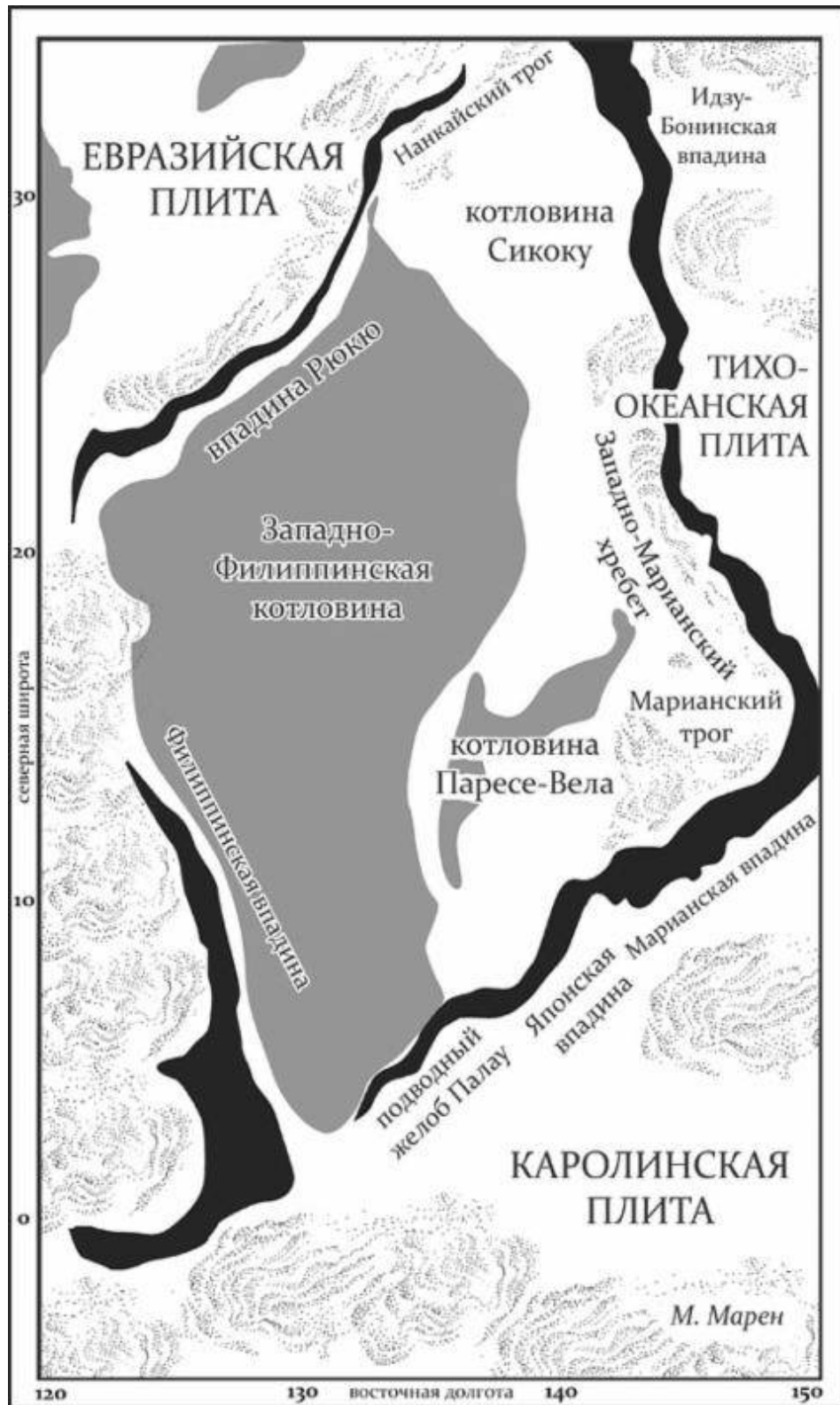
– Теперь мы можем лучше понять, что представляет собой Филиппинская плита: окраинная океаническая плита, полностью окруженная зонами субдукции и шестью различными тектоническими плитами. На востоке мы имеем массивную Тихоокеанскую плиту, ныряющую в Марианскую впадину, а на юге Индо-Австралийскую плиту. На западе лежит Евразийская плита, на севере – три более мелкие плиты: Северо-Американская, Охотская и Амурская. Северная оконечность Филиппинской плиты заканчивается полуостровом Идзу: там расположена гора Фудзи, где встречаются Евразийская, Филиппинская и Охотская плиты. И в результате субдукции в каждой из этих зон образовалась глубоководная впадина – самое глубокое место на планете. Доктор Тейлор, конечно, хорошо знает Марианскую впадину, длина которой составляет тысячу пятьсот пятьдесят миль, однако Филиппинская впадина по глубине практически не уступает Марианской, и простирается она более чем на семьсот миль до восточной части Филиппинских островов. Завершают эту котловину в форме бриллианта такие впадины, как Японская, Рюкю и Идзу-Бонинская, и каждая является сейсмически активной, поскольку все они располагаются в самых древних океанских ложах планеты. Однако доктор Марен сфокусировался не на впадинах, окружающих Филиппинскую плиту, а на необычных контурах и аномалиях самого бассейна. На карте отчетливо видно, что морское ложе разделено на четыре котловины. Двигаясь от Марианской впадины с востока на запад, мы видим Марианский трог – узкий бассейн, ведущий к Западно-Марианскому хребту, после чего морское дно резко расширяется. На севере находится котловина Сикоку, на юге – Паресе-Вела, а дальше на запад – обширная Западно-Филиппинская котловина. В течение сотен миллионов лет морское ложе к западу медленно съедалось Евразийской плитой по мере ее расширения на восток поверх Тихоокеанской плиты. И тем не менее бассейн, который мы сейчас видим, в сущности, является не настоящим морским дном, а некоей геологической аномалией.

От выброса адреналина у Джонаса моментально учащается сердцебиение.

– Первые догадки относительно того, что действительно лежит под Филиппинской плитой, возникли у доктора Марена после изучения данных всесторонних исследований котловин Сикоку и Паресе-Вела, проведенных еще в тысяча девятьсот семьдесят девятом году. Двое геологов, доктор Мрозовски и доктор Хайес, обнаружили неровности океанической коры и магнитные аномалии на востоке этих бассейнов. И уже позднее исследователи из Сиднейского университета доложили о наличии аномалий в основании котловины Паресе-Вела, сложенной осадочными породами.

– А что за аномалии? – интересуется Джонас.

– Несоответствия геологическому возрасту. Причем весьма существенные. Если северная часть восточной котловины, Сикоку образовалась менее тридцати миллионов лет назад, то возраст базальтовых пород, извлеченных из котловины Паресе-Вела, судя по их геохимическим характеристикам, сто пятьдесят миллионов лет, что соответствует раннему меловому периоду. И это наводит нас на мысль, что дно Паресе-Вела на самом деле в действительности является частью шельфа древнего моря, возникшего двести семьдесят пять миллионов лет назад, когда две континентальные плиты разъехались, а магма образовала кору, постепенно распространившуюся на восток, где на глубине примерно семь тысяч футов столкнулась с Западно-Марианским хребтом. Хочу напомнить, что это пока лишь рабочая теория, подкрепленная, однако, большим массивом данных доктора Марена. Но здесь гораздо более важным является именно то, что доктор Марен обнаружил под бассейном... обширное древнее море, которое в течение сотен миллионов лет было изолировано от Тихого океана.

– Эй! Не так быстро. – Мак разглядывает батиметрическую карту. – Допустим на минутку, что я пятиклассник. – Насколько я понимаю, вы хотите сказать, что вот это океанское ложе, – он показывает на котловину Паресе-Вела, – не настоящее ложе, а всего-навсего шельф: потолок из вулканических пород, расположенный в тысячах футов над истинным океанским дном. А под этим шельфом находится древнее море, изолированное от Тихого океана, где, насколько я понимаю, по мнению Марена, сохранилась жизнь. С какого периода? Вы сказали, датируемого парой миллионов лет?

– Возможно, даже девонским периодом.

– Значит, девонским? – Мак смотрит на Джонаса. – Ну а если точнее, сколько это лет, мистер Пибоди?

– Около трехсот двадцати миллионов лет.

– О... Всего-навсего?

Доктор аль-Хашими улыбается:

– Правда потрясающе? Затерянный мир, где сохранились самые опасные живые существа из всех, когда-либо существовавших.

Мак пожимает плечами:

– Я простой работяга, приятель. Шельф и древнее море... допустим, в это я еще могу как-то поверить. Но другие монстры? Я хочу сказать, да, Джонас действительно обнаружил популяцию мегалодонов, обитающих в Марианской впадине...

– А также подвид кронозавров, – перебивает бин Рашиди.

Джонас наклоняется над батиметрической картой:

– Мегалодоны исчезли десять – сто тысяч лет назад. Кронозавры... Я всегда считал сам факт, что они выжили, скорее случайностью, капризом природы, впрочем, так же как и в случае целакантов. Но эти виды?

– Возьмем основные переменные, – говорит аль-Хашими. – Выживание на протяжении геологических эр – это вопрос адаптации и удачно сложившиеся обстоятельства. Ведь после девонской эры имело место массовое исчезновение похожих видов морских и наземных животных. Поэтому единственным условием для того, чтобы какой-либо вид мог избежать вымирания за столь колоссальный временной период, является наличие изолированного ареала с постоянно возобновляемой пищевой цепочкой. Данная конкретная область, которую доктор Марен назвал Панталассой, находится под

геологическим потолком площадью пять тысяч квадратных миль, который изолирует и защищает ее обитателей от внезапных изменений окружающей среды в результате вулканической активности, падения астероидов, ледниковых периодов. Если целакант сумел пережить все эти катаклизмы в изолированных глубоких водах у африканского побережья, тогда...

– Целакант – рыба, – парирует Джонас. – Половина животных из вашего списка – некогда существовавшие морские рептилии, которым для дыхания необходим воздух. Одно дело – жить в море, и совсем другое – обитать под его поверхностью. И при удачном стечении обстоятельств на определенном этапе эволюции у этих животных должны появиться жабры....

– Совсем как у тех кронозавров, которые напали на вас в Марианской впадине, – перебивает Джонаса Ибрахим аль-Хашими. – Первые наземные животные некогда были рыбами, как целакант, поэтому то, что за последние несколько сотен миллионов лет они смогли вернуть себе жабры, вряд ли можно назвать большим скачком вверх по эволюционной лестнице.

– Ну а как там внизу с запасами пищи? – интересуется Мак.

– Район находится в зоне вулканической активности, – отвечает доктор аль-Хашими. – Мы полагаем, что на дне имеются обширные поля гидротермальных источников, и хемосинтезирующие организмы являются отличной базой для поддержания обильной пищевой цепи.

– Кроме того, имеются свидетельства наличия там высокого уровня метана, – вступает в разговор доктор аль-Мазани. – Судя по записям доктора Марена, в западных районах Панталассы на площади более тысячи квадратных миль имеет место холодное просачивание.

Суровый взгляд бин Рашиди тотчас же заставляет геолога умерить свои восторги.

– Холодные просачивания? – Джонас осмысливает новую информацию. – Да, это меняет дело. В процессе холодного просачивания метан и сероводород поступают более медленно и в дозированных объемах, чем с выбросами гидротермальных источников. Мы обнаружили существующие за счет холодных просачиваний сообщества абиссальных организмов, в которых прокариоты – хемоавтотрофные бактерии – перерабатывают значительное количество

химической энергии. А каков объем запасов метана, обнаруженных доктором Мареном?

Геолог смотрит на бин Рашиди в поисках поддержки.

Двоюродный брат наследного принца уходит от прямого ответа:

– Невозможно сказать. Однако записи данных сонаров, которые оставил доктор Марен, свидетельствуют о существовании разнообразной жизни в самых различных местах под котловиной Паресе-Вела. В связи с чем доктор Марен даже выдвинул предположение о том, какие именно животные могут там обитать.

Мак снова смотрит на карту:

– Если этот подводный потолок, по вашим словам, наглухо запечатан, тогда каким образом дистанционно управляемые аппараты вашего гениального Марена сумели проникнуть в это древнее море?

– Он обнаружил дыру в бассейне... Вот здесь. – Геолог показывает на красный кружок в юго-западной части бассейна. – Это входное отверстие стало для Марена оперативной базой... И для нас тоже.

– Благодарю вас, доктор аль-Мазани. Достаточно. – Бин Рашиди в очередной раз берет на себя роль модератора. – Принимая во внимание открытия доктора Марена, а также факт обнаружения в свое время мертвого лидсихтиса, наследный принц от своих щедрот выделяет миллиард долларов в фонд нового курорта в Дубае, а также океанариума, который необходимо обеспечить экземплярами этих уникальных доисторических животных. Доктор Тейлор, помимо покупки двух молодых мегалодонов, наследный принц поручил мне пригласить на работу вас и всех ваших сотрудников. Мы также хотели бы купить дюжину ваших новых подводных аппаратов «Морской дьявол», которые мы собираемся использовать для приманки и отлова животных, обитающих в этом древнем море. Доктор Тейлор, ваш богатый опыт полевых работ будет для нас просто бесценен. Вы и ваши помощники получите достойное вознаграждение за оказанные вами услуги.

Джонас и Мак переглядываются... и, не сговариваясь, начинают истерически хохотать.

Лицо бин Рашиди моментально каменеет.

Мак вытирает мокрые от слез глаза:

– О, детка! Похоже, игра стоила свеч!

Джонас наконец откашливается:

– Прошу прощения, но после всего, что мы пережили, во всем Дубае вряд ли хватит нефти, чтобы убедить нас вернуться в эту адскую дыру и тем более согласиться на участие в предприятии, к которому в свое время имел отношение Майкл Марен.

– Господа, пять миллионов долларов каждому. Обдумайте как следует мое предложение.

– Сделка закрыта. Хорошенького понемножку. – Мак пытается сдержать улыбку. – Я вам вот что скажу. Прибавьте в качестве бонуса ВИП-ложу в «Пасифик-Белл-Парк», а также мирный договор между Израилем и ХАМАС, и тогда мы, быть может, отправимся в Филиппинское море.

– Мак, довольно.

– Я предоставляю вам шанс, который выпадает лишь раз в жизни, а вы надо мной смеетесь?! – Бин Рашиди делает знак сопровождающим. Четверо мужчин в дишдашах дружно встают, собираясь уходить.

Но тут араб в сером костюме тихо говорит что-то по-арабски бин Рашиди.

Бин Рашиди вспоминает о хороших манерах:

– Доктор Тейлор... мой коллега хотел бы потолковать с вами... наедине. Мы были бы вам очень признательны.

– Конечно. И еще раз примите мои извинения.

Четверо арабов в дишдашах покидают комнату. Джонас кивает Маку, тот провожает гостей в коридор и закрывает за собой дверь.

Джонас поворачивается к мужчине в сером костюме:

– Ваше высочество, для меня большая честь.

Наследный принц улыбается одними глазами:

– Выходит, вы знали?

– Я узнал вас по фотографиям. – Джонас достает из ящика письменного стола толстую папку и показывает несколько официальных снимков наследного принца:

– Прежде чем начинать переговоры, я всегда стараюсь узнать, с кем придется иметь дело. Этому много лет назад научил меня Масао.

– Мудрый человек. Итак? Изложите мне, как бизнесмен бизнесмену, ваши соображения по поводу нашего маленького дельца. Это можно реализовать или я впустую трачу время и деньги?

– Можно ли это реализовать? Если животные, которых, как утверждает Марен, он обнаружил, действительно существуют, то тогда

да, нет ничего невозможного. Но меня смущает одно: с чего вдруг вам понадобилась моя помощь?

– Двадцать пять лет назад именно вы поймали мать Ангела с помощью простой сети и гарпуна. А значит, вам и карты в руки. Кому еще я могу доверить возглавить экспедицию?

– Для начала любому, кто моложе меня. Как вы, наверное, успели заметить, меня вряд ли можно назвать мужчиной в самом расцвете сил. И я уже сполна оттрубил свой срок в аду, гоняясь за монстрами. Ну а кроме того, мы оба прекрасно знаем, что вам нужны отнюдь не животные. Вам нужен метан. – (Глаза принца моментально темнеют.) – Да, и об этом я тоже знаю. – Джонас откидывается на спинку кресла. – Бассейн Филиппинского моря богат газовыми гидратами. Согласно оценкам, только в Нанкайском трюге запасы газогидратов превышают двадцать семь триллионов кубических метров. Японцы уже проводят глубоководное бурение с целью точного нахождения залежей газогидратов методом отражения от дна. И скорее всего, Марен подкупил кого-то из чиновников, чтобы получить данные об осадочных породах. Без обид, ваше высочество, но это я уже проходил. Двадцать лет назад Бенедикт Сингер украл у Масао этот институт с целью получить доступ к запасам марганца в Марианской впадине. Насколько я понимаю, участие моих сотрудников в вашей экспедиции позволит вам, как в свое время Сингеру, втереться к нам в доверие и проникнуть в институт через заднюю дверь. Черт, если вам это так необходимо, дерзайте! Ведь миру определенно нужно слезть с иглы ископаемого топлива. Однако единственное, что я могу для вас сделать, – это продать двух детенышей Ангела и несколько подводных аппаратов, поскольку наша семья категорически отказывается участвовать в вашем маленьком метановом предприятии. Мое решение окончательное и обсуждению не подлежит.

– Что ж, благодарю за откровенность. Но вы неправы насчет океанариума. И хотя финансирование экспедиции действительно получено под газогидраты, океанариум имеет для нас неменьшую ценность. Моя первоочередная задача – привлечение туристов в нашу страну, и новый курорт с необычными водными аттракционами будет в немалой степени этому способствовать. Основные бассейны практически готовы, и, пока мы тут разговариваем, два переоборудованных нефтяных танкера уже направляются в

Филиппинское море, чтобы найти этих животных и поймать столько, сколько получится. И что уж такого плохого в том, чтобы руководить работами с борта флагманского судна? Вы ведь ничем не рискуете.

– Ваше высочество, повторяю еще раз. Мой ответ «нет». Что касается продажи детенышей меча...

– Мистер бин Рашиди обговорит условия передачи двух выживших детенышей.

– Мэри Кейт и Эшли? Правда? Я был уверен, что вы желаете приобрести сестренку.

– Они, без сомнения, наиболее яркие представители данного вида, но дурной нрав делает их слишком непредсказуемыми. Доктор Тейлор, я, возможно, и рискованный человек, но однозначно не азартный игрок. Вы дали мне ответ, и я должен уважать ваше желание. И все же мне очень хотелось бы перед отъездом увидеть Ангела. Ну и конечно, ваши чудесные подводные аппараты.

– Я попрошу сына показать вам аппараты. Ваше высочество, что касается Ангела, то, к сожалению, она тоже отличается крайней непредсказуемостью. Но мы сделаем все, что в наших силах, чтобы выманить ее из канала.

– Буду чрезвычайно признателен.

Глава 5

Штаб-квартира R. A. W.

Сан-Франциско, Калифорния

Вторник

Организация официально зарегистрирована в трехэтажном доме, из окон которого открывается вид на залив Сан-Франциско. Полы бамбуковые, в комнатах естественное освещение благодаря панорамным окнам и стеклоблокам. Наполненное светом и воздухом открытое пространство привлекает местных художников, которые приходят сюда, когда могут себе это позволить.

Тридцатидвухлетняя Джессика Джин Томпсон кормит двух своих собак Дейзи и Дьюка, а тем временем ее кот Соьер, требуя внимания, мурлычет в углу. Взяв в одну руку кружку кофе, а в другую – кота, Джессика поднимается в лофт на третьем этаже – штаб-квартиру ее организации «Верните животных в дикую природу». Девушка опускается в эргономичное кресло, после чего затягивает рыжевато-каштановые волосы в тугий пучок, демонстрируя фиолетовые пряди по бокам, и устремляет глаза на экран ноутбука с уже загруженным видео.

Кадры, полученные с помощью крота, которым ее соратница по общему делу обзавелась в Океанографическом институте Танаки, снят подводными камерами в «Загоне для мег». На пленке то в фокусе, то нет запечатлен какой-то бледный объект, разрезающий воду на глубине. Джессика прокручивает видеозапись вперед и нажимает на паузу, увидев какое-то темное пятно в кадре. *Не слишком-то информативно, трудно сказать, что там на самом деле происходит.* Она снова прокручивает запись вперед и нажимает на «Пуск», когда камера поворачивается в сторону поверхности воды. На прыгающих кадрах, отснятых ночью ручной видеокамерой, отчетливо виден раненый мегалодон, которого поднимают из бассейна в грузовой сети. Целую минуту мег остается подвешенным на стреле крана и мало-помалу

перестает биться в сети, после того как женщина-тренер начинает тыкать в него шестом.

Жестокие ублюдки! Отхлебнув кофе, Джесс едва не поперхнулась, когда уже другой мег, со свинцово-серой спиной, появляется откуда-то снизу и впивается отвратительными, тошнотворными челюстями в незащищенный живот своей ближайшей родственницы! Джессика с замиранием сердца смотрит широко открытыми глазами, как двадцатитонный монстр, повиснув в воздухе, вырывает зазубренными клыками увесистый шмат мяса из живота более мелкого меча. Внутренности водопадом сыплются вниз из зияющей раны. От отвратительного зрелища у зоозащитницы начинаются рвотные позывы.

Она тянется к сотовому телефону и, не в силах оторвать глаз от экрана компьютера, быстро набирает номер:

– Сара, ты это видела?

– Четыре раза посмотрела. – Соучредитель R. A. W. Сара Томс, бывший инструктор по бортовым системам наблюдения ВВС США, относится к числу тех женщин, что на ходу подметки рвут. – Маккормик сейчас редактирует запись, чтобы сократить ее до трех минут. Я зайду на наш сайт примерно к полудню по восточному времени. У меня так и чешутся руки ввязаться в драку. Последний раз такое было, когда Майкл Вик^[4] решил купить себе свору собак. Глубокая Глотка хорошо поработал, да?

– Он отлично справился. А как насчет «Пропавших парней»?

– Пока еще рано выходить с ними на связь. И если честно, сегодня нам их протесты без надобности. С помощью этого видео мы попадем в главную лигу. Утренние шоу, вечерние новости... это мы.

– А как насчет последних кадров? Тех, где у меча выпадают внутренности? Не слишком кроваважно для прайм-тайма?

– Возможно, но они так или иначе покажут это по телевизору, особенно когда миллионы человек начнут загружать видео с нашего сайта. Джесс, займись пожертвованиями и предоставь мне сыграть Рембо. Не хочу, чтобы ПЕТА украли нашу славу... или наших спонсоров.

– Сара, это твое детище. Вот сама с ним и разбирайся.

Телефон замолкает.

Джессика еще раз прокручивает запись с жестоким нападением на запутавшегося в сетях меча, и на ее губах играет довольная улыбка. *Уже к сегодняшнему вечеру наша история станет номером один на телеканалах. К завтрашнему утру мы прославимся на весь мир. Господи, как долго я ждала этого дня!..*

Очнувшись от сладостных мыслей, Джессика спихивает мяукающего Соьера с письменного стола, чтобы не заслонял экран.

Океанографический институт Танаки

Джонас Тейлор следует за доктором Джонатаном Стелзером в раздевалку для персонала. Ведущий морской биолог института Танаки натягивает защитный оранжевый комбинезон, резиновые сапоги в тон, резиновый передник и толстые двойные резиновые перчатки.

– Дэвид, аутопсия – важный этап для общего развития любого морского биолога. Своевременное распознавание угрозы распространения заболевания в аквариуме может предупредить эпидемию, способную уничтожить всю экосистему. Заболеваемость и смертность необходимо исследовать.

– Кто бы спорил. Но Анжелика ведь умерла вовсе не от какой-то там болезни.

– Не имеет значения. Ее гибель дает нам редкий шанс исследовать работу внутренних органов хищников, о которых мы практически ничего не знаем.

Дэвид тоже натягивает тяжелые резиновые сапоги.

– Но разве можно сделать точные заключения, если большая часть внутренностей Анжелики вывалилась наружу?

– И тем не менее многие внутренние органы остались на месте. Да и вообще, знание приходит с опытом, а нам в ходе нашей работы отнюдь не часто выпадает такая возможность. Ну как, готов?

– Да, сэр. – Дэвид закрывает лицо щитком и выходит вслед за доктором Стелзером из раздевалки прямо... в холодильную камеру.

Мертвая самка мегалодона лежит брюхом вверх на левом боку, чтобы остатки внутренностей не вывалились из рваной раны размером с джакузи. Плотные пластиковые листы покрывают бетонный пол, яркие переносные светильники освещают тушу меча. Инструменты для

вскрытия и стопки чистых полотенец разложены на трех больших столах, установленных ближе к голове мертвого меча. «Хирургическое» оборудование включает: разнообразные бензопилы, ручные пилы, вакуумные отсосы, охотничьи ножи, мачете, хирургические грабли, крюки с ручками. На четвертом столе, представляющем собой портативную лабораторию, лежат мензурки, пробирки, наборы для забора крови и дюжина стерилизованных пластиковых пакетов. Тут же стоят два аккумуляторных погрузчика фирмы «Тойота», их стальные вилы обернуты пластиком.

Команда участвующих во вскрытии, все в одинаковой защитной одежде, находится в полной боевой готовности. Директор по вопросам зоотехники Стивен Моретти с помощью металлического крюка с ручкой поднимает верхнюю губу и десны Ангела, позволив ветеринару Фрэн Риццутто сделать несколько снимков передних зубов. Помощник Моретти Вирджил Кармен подсвечивает ацетиленовым фонарем места разрывов в изуродованной брюшной полости мертвого меча.

Окинув взглядом свою команду, доктор Стелзер подходит к маркерной доске:

– Джентльмены – и Фрэнни, – присоединяйтесь, пожалуйста. – Доктор Стелзер берет синий маркер и схематично рисует на доске мертвого мегалодона. – Моретти, я хочу, чтобы вы с Вирджилом начали с черепа. Вынете правый глаз Анжелики и положите в формалин, после чего займетесь верхней и нижней челюстью. Вам нужно будет сделать разрез здесь, – он обращается к диаграмме, – чтобы извлечь челюсти и получить доступ к жаберным дугам. Каждый зуб, включая загнутые во внутреннюю часть десен, должен быть вынут, пронумерован, измерен и сфотографирован, поскольку они стоят целое состояние. И ради бога, никаких вредных иллюзий, у нас здесь везде камеры слежения. Фрэн, вы с Дэвидом поможете мне взять образцы тканей основных органов. Сердце, печень, кишки, яичники... по крайней мере, все, что от них осталось. И запомните, токсикологические пробы должны быть сразу же заморожены и убраны. Все, что покажется вам аномальным, необходимо задокументировать, вырезать, положить в формалин и промаркировать. Обращайте внимание на повреждения. Работаем два часа, потом двадцать минут перерыва, после чего продолжаем. Вопросы есть? Нет? Тогда приступим.

Разбившись на две группы, участники вскрытия направляются к столам с инструментами. Стивен Моретти охотничьим ножом извлекает глаз Анжелики, его помощник наполняет пластиковый контейнер формалином – дезинфицирующей жидкостью, которая позволит сохранить орган зрения.

Доктор Стелзер показывает на шестидюймовую бензопилу:

– Дэвид, сегодня это будет твоим инструментом. Фрэн, бери мачете и ручную пилу.

Взяв хирургические грабли, доктор показывает на внушительный след от укуса на брюхе Анжелики:

– Бела хорошо над ней поработала. У нас нет желудка, селезенки и большей части кишечника. После того как Моретти и Вирджил удалят жабры, мы доберемся до сердца. Итак, сейчас наша основная цель – яичники. Дэвид, очень аккуратно. Я хочу, чтобы ты разрезал шкуру от края укуса до анального плавника. Фрэн, пока он будет работать бензопилой, мы с помощью пилы и мачете снимем шкуру, чтобы обнажить внутренние органы.

Положив бензопилу на пол, Дэвид запускает мотор. Стараясь не задевать внушительные грудные плавники Анжелики, Дэвид продвигается к краю рваного следа от укуса. Острое полотно пилы, плюясь кровью и ошметками алебастровой шкуры, врезается в отвратительную рану.

Доктор Стелзер вставляет зубья своей пилы в разрез на коже толщиной четыре дюйма, отодвигая верхний лоскут, а тем временем Фрэн рубит соединительную ткань мачете. Дэвид продолжает усердно пилить кожу и останавливается через пять минут, когда доходит до анального плавника – треугольного кусочка плоти, скрывающего клоаку.

– Достаточно. Пока что остановись, – командует доктор Стелзер. – А теперь вот здесь сделай поперечный надрез. – Доктор проводит воображаемую крестообразную линию в подбрюшье меча.

Дэвид делает надрез. Фрэн и доктор Стелзер с помощью своих инструментов оттягивают десятифутовые лоскуты шкуры, обнажая яичники и яйцеводы самки.

Невыносимый запах буквально сшибает с ног.

Доктор Стелзер пилой вскрывает яичники, содержащие сотни прозрачных яиц размером с теннисный мяч. Фрэн протягивает Стелзеру

пластиковый черпак и открывает пакет для образцов. Стелзер один за другим вынимает двадцать яиц и запечатывает пакет.

– Фрэн, отложи это пока в сторону. Позже посмотрим. Ну а теперь давай-ка проверим, как дела у наших парней.

Моретти и Вирджил уже успели извлечь глаз Анжелики и, отделив сетчатку, положить в формалин. После чего, вооружившись бензопилами, они начинают вырезать шестифутовые челюсти меча. Примерно через час Моретти с помощью тросов, привязанных к одному из погрузчиков, вытаскивает челюсти из пасти животного.

Дэвид выходит из раздевалки уже на закате. У него жутко болят мышцы плеч, спины, поясницы и рук, и хотя он два раза принял душ, от него несет формальдегидом. Порывистый ветер приятно холодит лицо и треплет длинные каштановые волосы.

Поверхность воды бетонной чаши покрыта белыми барашками, но нет ни малейшего намека на присутствие его обитателя весом пятьдесят одна тонна и длиной семьдесят четыре фута.

Посмотрев налево, Дэвид видит в южной части арены возле А-рамы Тедди Бадо с помощниками, которые спускают в воду подвешенный на цепи кусок сырой говядины.

Дэвид вприпрыжку подбегает к Бадо:

– Ну как успехи?

Тед бросает на Дэвида сердитый взгляд:

– Мы уже сорок пять минут мучаемся. И все впустую. Гости твоего отца начинают терять терпение.

И действительно, в центре западной трибуны сидит делегация из Дубая.

– Погоди-ка. У меня идея. – Дэвид направляется в кладовую с оборудованием.

Металлическая дверь не заперта, он входит.

Стены просторной прямоугольной комнаты заставлены полками с плавсредствами, баграми, стальными цепями и различными подводными осветительными приборами. Дэвид быстро находит нужную вещь: металлический прибор размером с кокосовый орех.

Дэвид активирует прибор. Ничего.

Он проверяет батарейки, заменяет их на восемь новых и снова пробует.

Тампер начинает вибрировать, словно огромное искусственное сердце.

Оставив кладовую, Дэвид возвращается к А-раме:

– Тед, вытаскивай тушу из воды. Я хочу кое-что попробовать.

Тед делает знак двум помощникам, которые, оперативно вытащив намочивший говяжий бок, кладут его на настил.

Карманным ножом Дэвид делает глубокий надрез в жирном мясе и засовывает туда тампер, предварительно включив его на максимум.

– Ну вот, попробуйте так. Только не надо, чтобы мясо бултыхалось туда-сюда. Пусть себе плавает по поверхности.

Помощники поднимают говяжий бок над подпорной стенкой и опускают в лагуну. Мясо, вибрируя в воде, плывет чуть ниже поверхности.

Проходит несколько минут.

Внезапно поднявшийся ветер свистит в пустых трибунах.

– Al Abyad! Al Abyad! – Один из арабов в дишдаше вскакивает с места, показывая на вход в канал, где появляется величественная десятифутовая волна. Акула-убийца предпочитает держаться на глубине.

Тед Бадю с помощниками инстинктивно пятятся, когда гигантская рыбина приближается к вибрирующей приманке.

Дэвид стоит как вкопанный. Он уже, наверное, не меньше тысячи раз видел, как кормят Ангела. И хорошо знает все ее повадки, нутром чувствуя смену настроения хищницы. *Она голодна, но не торопится. Сперва она сделает круг, чтобы удостовериться. Возможно, откусит небольшой кусок, потом сделает еще один круг... после чего уйдет на глубину и поднимется вертикально вверх...*

Испещренный шрамами алебастровый спинной плавник разрезает поверхность лагуны, точно перископ. Ангел медленно всплывает. Резкий взмах хвостового плавника – и гигантские челюсти вцепляются в говяжий бок, тащат его в сторону, нагоняя перекатывающиеся через подпорную стенку громадные волны.

Гости из Дубая вскакивают на ноги, оператор лихорадочно снимает происходящее. Несколько минут мужчины застывшими глазами смотрят на воду, но акула по-прежнему скрывается под водой, и это временное затишье позволяет им успокоить трепещущие сердца. *Неужели это*

все? Неужели они так долго и терпеливо ждали, чтобы остаться с носом?

Волны бьются о подпорную стенку. Где-то неподалеку металлическая скоба ударяется о голый флагшток, глухо лязгая в унисон с завыванием ветра. Где-то вдалеке ярится и бушует Тихий океан. На Монтерей с запада надвигается штормовой фронт.

Нет никаких предупреждающих знаков, нет выдающего присутствие акулы плавника, нет бурного пенного следа. Смерть просто-напросто поднимается из изумрудных глубин лагуны, словно возносясь к небесам. Треугольная голова размером с мусоровоз разевает бездонную пасть, обнажая частокол треугольных зубов. Белая богиня величественно возникает из лагуны. Туша, а вместе с ней несколько сотен галлонов морской воды перемальваются и проглатываются в один присест лязгающими челюстями, во все стороны летит розовая пена.

Хвост в форме полумесяца со свистом хлещет воздух. Широкая бочкообразная спина изгибается. Опровергая законы гравитации, самый страшный и беспощадный охотник из всех, когда-либо обитавших на нашей планете, зависает на долю секунды над бассейном, пятидесятитонная туша затеняет противоположный конец арены, но тут законы физики вновь начинают работать, и монстр плюхается обратно в воду, где его засасывает им же образованная бездонная воронка.

Рев обрушивающейся с высоты четырехэтажного дома воды эхом разносится по пустой арене. Гости из Дубая замирают в священном ужасе с открытыми ртами, тщетно пытаясь осмыслить то, что предстало перед их глазами.

И только Фейсал бин Рашиди не в силах отвести зачарованный взгляд от Дэвида Тейлора, у которого на лице не дрогнул ни один мускул. Чудо-ребенок Джонаса Тейлора стоит как ни в чем не бывало в трех футах от бушующего моря, демонстрируя абсолютное бесстрашие.

Глава 6

KGO-TV

Сан-Франциско, Калифорния

Среда

Пример начинает закрашивать черные круги под глазами Терри Тейлор, и та невольно зажмуривается. Прямо над ней нависает специалист по связям с общественностью Кайла Сикала, которая организовала утреннее интервью в прямом эфире с целью представить точку зрения Океанографического института Танаки в ответ на шквал публичной критики, спровоцированной организацией «Верните животных в дикую природу» – радикальным крылом ПЕТА.

В примерную входит продюсер телестанции:

– Терри? Кейт Отон. Я буду координировать ваше выступление. Вам когда-нибудь приходилось давать интервью с помощью спутниковой связи?

– Нет.

– Возможно, вы будете немного дезориентированы. Итак, вы будете смотреть в камеру, а один из ведущих программы «Доброе утро, Америка» будет говорить с вами через наушник. Он будет вас видеть, а вы его нет. – Продюсер проверяет свои записи. – Я вижу, что интервью будет брать Фрэнк Янгблад.

– Фрэнк очень прямолинейный, но справедливый. – Кайла поправляет макияж Терри. – Сотри помаду. Она тебе не нужна, да и вообще, сейчас это неправильный сигнал для зрителей.

В дверях показывается стажерка:

– Миссис Тейлор уже ждут в студии.

Кайла с улыбкой поднимает большие пальцы:

– Ты отлично справишься!

В студии холодно, яркие огни слепят глаза, объективы камер слегка пугают. На заднике изображена небесная линия Сан-Франциско.

Звукооператор прикрепляет микрофон к воротнику блузки Терри, после чего инструктирует убрать провод под блузку. Закрепив у Терри на спине радиопередатчик, он вручает ей наушник.

Она заправляет наушник за ухо, и до ее слуха доносятся переговоры между продюсерами в Нью-Йорке:

– Привет, Терри. Вы меня слышите?

– Да. – Терри устремляет взгляд на большую студийную камеру, над объективом которой в качестве референсной отметки приклеен желтый смайлик.

– Терри, это Фрэнк Янгблад. Спасибо, что согласились принять участие в нашем шоу. Как себя чувствует ваша дочь?

– Хорошо. Уже гораздо лучше.

– Отлично. Приготовьтесь. Мы начинаем.

Терри садится на стул с мягкой обивкой и пытается отдышаться, учащенный пульс постепенно приходит в норму.

– Тридцать секунд. – Над камерой начинает моргать красная лампочка, в наушнике слышатся звуки музыкальной заставки...

– ...И возвращаемся обратно в студию. Последние четыре года Океанографический институт Танаки с его океанариумом по популярности соперничал с Всемирным центром отдыха Уолта Диснея, привлекая десятки миллионов зрителей, жаждущих посетить морскую арену и посмотреть на Ангела – Ангела Смерти. В прошлую субботу посетители стали свидетелями жуткого зрелища, когда двух добровольных помощников смыло в лагуну и одного из них – студента Университета Южной Калифорнии – сожрал семидесятичетырехфутовый мегалодон. Менее чем двадцать четыре часа спустя в аквариуме, известном как «Загон для мег», произошел очередной несчастный случай. Один из детенышей Ангела напал на своего более мелкого собрата и убил его. Итак, сегодня утром с нами на связи директор Океанографического института Танаки Терри Танака-Тейлор, которая сейчас находится в студии нашей телекомпании в Сан-Франциско. Терри, очень приятно, что вы с нами.

– Доброе утро. – От яркого света у Терри начинают слезиться глаза, и она усилием воли заставляет себя сосредоточиться на желтом смайлике.

– Давайте начнем с субботнего инцидента. Забитые трибуны, посетители всех возрастов... Что вы можете сказать пятнадцати

тысячам зрителей, которые стали свидетелями такой ужасной смерти?

– Ну что тут можно сказать?! Это был трагический несчастный случай. К сожалению, подобные вещи редко, но все же случаются. Ведь и в океанариуме, и в зоопарке, и в цирке мы имеем дело с дикими животными. Много лет назад Рой Хорн был изувечен одним из своих белых тигров. Иногда, несмотря на все принятые меры предосторожности, случается непредвиденное. Мысленно мы вместе с семьей погибшего молодого человека, и мы молимся за них.

– Судя по сделанным кадрам, все могло быть гораздо хуже. Огромные волны обрушивались на трибуны, прямо на перепуганных зрителей. Родители прижимали к себе детей. Возникла паника. Несколько человек, включая вашу дочь, пришлось госпитализировать.

– Да, нам всем тогда пришлось очень нелегко.

– И что вы теперь будете делать?

– Мы уже предприняли определенные действия, направленные на защиту мест для зрителей. На очереди ряд мер предосторожности в том, что касается режима кормления. Безопасность всегда стояла на первом месте в списке приоритетов нашего института. Так было и так будет.

– А как насчет безопасности ваших животных? Члены организации «Верните животных в дикую природу» обвиняют вас в том, что вы держите слишком много мегов в «Загоне для мег», причем условия там отнюдь не безопасны, и ситуация будет только ухудшаться.

– «Загон для мег» построен до того, как Ангел вывела потомство. Мы ожидали, что в помете будет максимум два детеныша, но никак не пять. Смерть Анжелики – это просто неудачное стечение обстоятельств. Я не считаю ее гибель несчастным случаем, поскольку все эти животные – хищники, а в условиях дикой природы хищники постоянно нападают на соперников. Отец этих детенышей был убит Ангелом сразу после процесса осеменения. Группа радикалов, уже два года преследующих меня, мою семью и персонал института, куда больше озабочена получением пожертвований, нежели безопасностью животных, которых нельзя выпустить в дикую природу из-за слишком свирепого нрава.

– А можно ли расширить «Загон для мег»?

– Нет. Мы несколько раз обращались с петицией к губернатору, но получили отказ. Однако мой муж ведет переговоры с другим

океанариумом по поводу отправки туда двоих из четверых оставшихся детенышей.

– Неужели? И куда же вы их отправляете?

– Я не могу вам сказать... По крайней мере, до завершения сделки.

– Вы отдаете себе отчет в том, что есть группы людей, включая семьи погибших после встречи с вашими мегами, которые требуют полного истребления данного вида? И что вы можете им ответить?

– Мегалодоны – дикие животные. В отличие от людей, они убивают лишь для того, чтобы прокормиться, и люди обычно не входят в их рацион питания. Изучая этих животных, мы можем существенно пополнить наш научный багаж, научиться защищать всех акул и неприкосновенность океанских пищевых цепей. Тогда как убийство Ангела или ее детенышей станет не чем иным, как актом слепой мести. Наша семья впервые встретила с этими удивительными животными двадцать пять лет назад. Мой младший брат Ди Джей умер после нападения мегалодона. Он был примерно одних лет с парнем, погибшим в эту субботу. Тогда я горела желанием выследить и убить мегу, но мой отец мне не разрешил. Отец понимал, что это неправильно и что мой брат, будь он жив, никогда не согласился бы на такой антигуманный акт.

– Итак... если посмотреть под этим углом, то получается, вы полностью разделяете взгляды членов организации «Верните животных в дикую природу».

– Нет. Это экстремистская группировка. Для ее лидеров забота о правах животных – всего лишь предлог для привлечения общественного внимания и денежных потоков. А все, кто работает в океанариуме, выполняют просветительскую миссию. Мы занимаемся защитой наших животных, а не причинением им вреда.

– И тем не менее они оказались правы относительно того, что «Загон для мегу» слишком мал?

– Фрэнк, иногда животные погибают в неволе. Много лет назад, несмотря на все меры предосторожности, одна из китовых акул в океанариуме Джорджии подхватила инфекцию и погибла. Это вызвало протесты и обвинения в негуманных условиях содержания. Между тем китовых акул сотнями истребляют на Тайване и в других азиатских странах. И никого почему-то это не волнует. Косатки и морские львы вымирают в результате глобального потепления. Однако средства

массовой информации сей факт игнорируют, предпочитая освещать гибель одной китовой акулы или одного мегалодона. И чем материал сенсационнее, тем лучше для них. На самом деле океанариумы способствуют пониманию и изучению этих морских существ с целью защиты их от истребления человеком. И в наших силах предотвратить исчезновение редких видов.

– Не хотите ли вы этим сказать, что собираетесь разводить мегалодонов?

Терри улыбается:

– Боже мой! Конечно нет. Впрочем, даже если мы и хотели бы, то все детеныши Ангела – исключительно самки.

– И в заключение, что вы можете сказать как человек, лишившийся брата по вине этих хищников, семье погибшего молодого человека?

Терри делает паузу:

– Я хочу сказать, что иногда с самыми замечательными людьми случаются плохие вещи. Смерть от рака, гибель на войне или во время теракта... Наверное, нет в мире такой семьи, которая не столкнулась с трагическими потерями. Ваша боль разрывает мне сердце. Я, как никто другой, знаю, что чувство утраты останется с вами навеки. Но со временем вы научитесь с этим жить.

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Темно-коричневый верх, белое подбрюшье, длина девять футов плюс девятифутовый хвост. Размах крыльев восемнадцать футов.

Наследный принц следует за Дэвидом Тейлором в сухой док, расположенный в конце бетонного пирса за южными трибунами. Двухместный подводный аппарат, подвешенный над поверхностью океана с помощью двух гидравлических манипуляторов, напоминает манту, или гигантского морского дьявола *Manta birostris*.

Принц стучит костяшками пальцев по обшивке корпуса:

– Это металл?

– Многослойный акрил, – отвечает Дэвид. – Обеспечивает положительную плавучесть. Внутри еще один корпус: сферическая

спасательная капсула, способная выдержать давление воды девятнадцать тысяч фунтов на квадратный дюйм. Схожая технология использовалась в старых «Эбис глайдерах», но они больше напоминали торпеду. «Морские дьяволы» спроектированы гидродинамически обтекаемыми. – Дэвид встает на колени возле хвостового оперения аппарата. – Два гребных винта. Бесшумные и быстрые. В потоке аппарат может развивать скорость до сорока узлов или делать «бочку», вращаясь вокруг продольной оси на триста шестьдесят градусов. От пилотирования этих аппаратов кайфа больше, чем от секса.

– А вам уже приходилось его пилотировать?

– Много раз. Я даже тренировал парней из ВМС. Благодаря демонстрационной записи моего пилотирования мы заключили контракт с Пентагоном. Видели бы вы, как они лизали задницу моему отцу! Черт, ему понравилось! Конечно, их версия подводного аппарата будет мощнее и больше, к тому же напичкана всякими там гаджетами и оружием, но зато наша самая быстрая. Хотите попробовать?

У наследного принца глаза лезут на лоб.

– Прокатиться? Пожалуй. Но разве можно брать аппарат без разрешения?

– Отец просил меня показать вам подводный аппарат. А самый лучший способ увидеть все собственными глазами – это тест-драйв. – Дэвид показывает на четырех охранников принца. – Вашим головорезам придется остаться тут.

Принц что-то говорит своим людям, которые явно не выглядят довольными.

– Они интересуются, не слишком ли это опасно.

– Не-а. Я тихонечко. – Дэвид открывает похожий на крышку бензобака лючок в левом крыле подводного аппарата.

Внутри находятся поворотный переключатель и два световых индикатора – зеленый и красный. Прямо сейчас горит зеленый. Дэвид поворачивает рукоятку на девяносто градусов по часовой стрелке. Загорается красный индикатор: это активируется наружный люк сферической спасательной капсулы, которая частично поднимается из верхней части подводного аппарата, прямо за двумя наружными прожекторами в форме глаза. Темный акриловый верх с тихим шипением открывается, обеспечивая доступ в кабину пилота. В кабине

имеются два низких кожаных кресла, перед каждым находятся два джойстика и приборная панель с радио и сонаром.

– Управление в основном осуществляется с помощью ног, – объясняет Дэвид, залезая в кабину. – Левая и правая педали управляют соответственно левым и правым двигателями. Чтобы свернуть налево, нужно нажать правую педаль, которая включает правый гребной винт. Итак, здесь все работает ровно наоборот. Джойстики контролируют угол наклона и отклонение от курса. Чтобы поднять нос судна, потяните джойстики на себя, а чтобы совершить погружение – от себя.

Наследный принц с помощью своих охранников забирается в кабину, которая в сущности является лексановой сферой, встроенной в корпус подводного аппарата, и садится на место второго пилота по правому борту.

– Скажите, а мы оба должны пилотировать судно? – интересуется принц.

– Нет, только один. Панель управления левого борта является основной. Итак, вы готовы?

У наследного принца перехватывает дыхание.

– Да.

Дэвид тянется к приборной доске, где находится переключатель, идентичный тому, что расположен на внешнем крыле. Поворачивает его на четверть оборота против часовой стрелки и закрывает люк, круговым движением утапливая его на полдюйма в титановый обод по диаметру спасательной капсулы. Люк с громким щелчком встает на место, красный свет на панели управления меняется на зеленый, сигнализируя о полной герметизации кабины.

Дэвид открывает обитый кожей отсек, расположенный между двумя креслами. Внутри находится небольшой пульт управления. Дэвид нажимает на кнопку «Спуск», запуская манипуляторы сухого дока, которые опускают подводный аппарат в Тихий океан.

Наследный принц, рост которого составляет около пяти футов десяти дюймов, пытается хоть что-то разглядеть через тонированную крышку люка.

– Протяните руку. Сбоку от вашего кресла есть клавиши, с помощью которых можно регулировать наклон кресла. В перчаточном отделении лежат бумажные пакеты на случай, если они вам понадобятся.

– А они мне понадобятся?

Дэвид лукаво улыбается:

– Пристегнитесь.

Он нажимает на пульте дистанционного управления кнопку «Пуск», высвобождая «Морского дьявола» из захватов манипуляторов. О подводный аппарат с плоскими крыльями ударяется набежавшая волна. Осторожно нажимая обеими ногами на педали, Дэвид направляет подводное судно вперед. «Морской дьявол» легко скользит между бетонными сваями и, ускорившись, оказывается в величественной синеве подводного мира.

– Фантастика! – Наследный принц не в силах скрыть свой восторг.

– Это что. То ли еще будет!

Дэвид толкает вперед джойстики, направляя подводный аппарат к морскому дну. За считанные секунды показатели глубины изменяются с тридцати пяти до восьмидесяти футов. Судно зависает над песчаной равниной, которая внезапно резко уходит вниз, прямо в темную бездну.

Дэвид нажимает на переключатель, активирующий ночное видение: режим, превращающий акриловую поверхность сферы в экран прибора ночного видения. Наследный принц, рефлекторно ухватившись за ручки кресла, во все глаза смотрит на серо-зеленое трехмерное ущелье с изрезанными краями и каменистыми выступами, напоминающими гигантские пальцы:

– Потрясающе! А что это такое?

– Подводный каньон Монтерей. Здесь глубина чуть более мили, но дальше каньон расширяется и уходит вниз на двенадцать тысяч футов. Его стены представляют собой отвесные скалы. Здесь очень коварные течения, поэтому нам следует соблюдать осторожность.

«Морской дьявол» несется между скалами по ущелью. Глубиномер показывает уже более 700 футов.

Наследный принц покрывается холодным потом и ловит открытым ртом воздух:

– Не надо. Я, пожалуй, предпочел бы вернуться на мелководье.

Бросив взгляд на позеленевшее лицо гостя, Дэвид меняет температурный режим в кабине, направляет на принца струю холодного воздуха, после чего, потянув на себя джойстики, поднимается на глубину 130 футов.

– Ну как, вы в порядке?

– Уже лучше. Я и не подозревал, что страдаю клаустрофобией.

– Такое случается буквально с каждым. Я как-то взял с собой покататься пилота реактивного истребителя. Но как только мы нырнули в каньон, у парня прямо-таки башню снесло. Похоже, он понял, что у него нет под рукой парашюта, чтобы катапультироваться, если что-то пойдет не так.

– Пожалуйста... От всех этих разговоров не становится легче.

– Ладно-ладно. Через минуту мы вернемся на мелководье. Я только хочу показать вам одну реально крутую вещь.

Подводный аппарат зависает над краем ущелья, которое змеится на север, а затем, чуть сужаясь, поворачивает обратно на восток.

– Кстати, ваше высочество, возвращаясь к лагуне... А что, интересно, кричали ваши люди при появлении Ангела?

– Al Abyad. Белая. Животные-альбиносы занимают особое место в нашей культуре.

– Полагаю, вы получили огромное удовольствие, увидев Ангела так близко от себя?

– Мне понравилось. Она словно воплощение смерти... Видение, будоражащее душу.

– Так оно и есть. Вы совершенно правы. – Дэвид сбрасывает скорость, и теперь подводный аппарат буквально ползет, как улитка. За хвостом судна перекачиваются тихоокеанские волны, над головой семидесятифутовый слой воды. А впереди в сизом тумане виднеется нечто массивное. Они подплывают поближе, и принц с замиранием сердца видит перед собой створки стальных ворот. – Я просто подумал, что вам, возможно, захочется посмотреть на Al Abyad вблизи.

Наследный принц вцепляется побелевшими пальцами в сиденье:

– Нет! Вы сейчас же поднимете нас наверх!

– Расслабьтесь, ваше высочество. Я постоянно будоражу таким образом свою душу.

«Морской дьявол» приближается к воротам на пятьдесят футов, в поле зрения оказываются отверстия в металле величиной с баскетбольный мяч, из которых исходит мягкое белое сияние. Внезапно море словно просыпается от громopodobного удара в металлические ворота. Бабах! Звук этот отдается в костях пилота и пассажира подводного аппарата. Белый монстр по ту сторону заграждения напоминает о своем присутствии.

Лицо принца покрывается испариной. Он отчаянно ловит ртом воздух, тело бьет неконтролируемая дрожь.

– Я велел вам поскорее вывозить меня отсюда! Живо! Это приказ!

– Приказ? Может, прикажете подать вам картофель фри? Это Америка...

Бабах! Бах! Бах!

Наследный принц лезет в перчаточное отделение за бумажным пакетом. Открыв пакет, принц начинает в него дышать, чтобы справиться с гипервентиляцией.

– Ладно-ладно! Постарайтесь не блевануть. – Дэвид с плохо скрытой озорной улыбкой направляет «Морского дьявола» прямо на створки ворот...

Бабах! Бабах!

...но в последнюю секунду делает крутой вираж, повернув на юг. Выровняв аппарат, Дэвид резко направляет его к поверхности океана. Море над головой превращается в синее небо, «Морской дьявол» на скорости тридцать узлов прыгает по волнам. Через пятнадцать секунд, когда слева появляется пирс, Дэвид убирает ноги с педалей и сбавляет ход.

Дэвид осторожно проводит аппарат между бетонными сваями, затем берет пульт дистанционного управления и нажимает на кнопку «Захват», приводя в действие захваты манипуляторов.

И уже минуту спустя подводный аппарат извлечен из воды.

Дэвид поворачивается к гостю, пытаясь оправдаться:

– Если честно, старина, вам не угрожала никакая опасность. Ангел не может выбраться наружу. А даже если бы и смогла, ей за нами не угнаться. Ну что, мир?

Люк резко открывается. Наследный принц, отшвырнув в сторону бумажный мешок, вылезает наружу и что-то отрывисто говорит своим охранникам.

Дэвид поднимает голову и видит наставленные на него дула четырех пистолетов.

Один из охранников, здоровяк весом более 280 фунтов, хватает Дэвида за шиворот, вытаскивает из кабины и швыряет на пирс, заставив встать на колени. Капитан, начальник охраны, отстраняет громилу, делает несколько выстрелов в воздух и буквально тычет дулом своего «глока» в левый глаз Дэвида.

У Дэвида екает сердце. В глубине души он понимает, что охранник не нажмет на курок, но ведь это наследный принц, член королевской семьи и союзник США, обладающий дипломатическим иммунитетом. *Какую дурацкую фразу изрекает в таких случаях Мак? И на старуху бывает проруха.*

Тем временем наследный принц отдает новый приказ. Капитан убирает пистолет в кобуру и выводит свою команду из сухого дока, оставив принца наедине с Дэвидом.

– Ты устроил себе развлечение, да? И я тоже. Теперь мы квиты. Ну что, Дэвид, мир?

Дэвид с трудом встает на трясущихся ногах:

– Да, старина... мир.

– Отлично! Потому что у тебя много талантов, а у меня много желаний. Твой отец что-нибудь говорил о нашем новом развлекательном комплексе в Дубае?

– Только то, что вы собираетесь приобрести Мэри Кейт и Эшли.

– Все верно. Наше заведение должно иметь все самое лучшее. Там должны работать ведущие морские биологи и специалисты по животным. Но твой опыт работы с Ангелом делает тебя на голову выше всех остальных. Дэвид, я предлагаю тебе работу. Я хочу, чтобы ты вернулся со мной в Дубай, проинспектировал наш океанариум и проследил за акклиматизацией двух мегов в новой среде обитания. Мы позаботимся обо всех твоих расходах, включая жилье и перелет.

– Но почему я? Доктор Стелзер – прекрасный эксперт. Впрочем, как и Фрэн Риццито или мой отец. Ведь я еще даже не окончил Флоридский университет.

– Ученая степень – это всего-навсего клочок бумажки. А у тебя есть практические знания и уровень компетентности, которые достигаются лишь долгими годами общения с этими животными. Я вкладываю немалые деньги в весьма рискованную сделку, поскольку теряю все, если рыбы погибнут в новых условиях обитания.

– А на какой период времени вам понадобятся мои услуги? Мне нужно вернуться на занятия двадцать седьмого августа.

– На все лето. Более того, ты всегда сможешь остаться, если тебе понравятся наши предложения.

– Значит, на все лето? А о какой сумме идет речь?

– Пятьдесят тысяч за наблюдение за двумя мегами до начала занятий в университете. Плюс двадцать пять тысяч за обучение команды гидронавтов пилотированию небольшого флота «Морских дьяволов». Сколько у вас в наличии этих аппаратов? Дюжина?

– Только четыре штуки. Причем один сейчас в мастерской на ремонте. А вы уверены, что отец согласится продать вам подводные аппараты?

– Мы включим их в цену сделки по приобретению двух молодых мегов.

– С чего вдруг вам понадобились подводные аппараты?

– А с того, что я их хочу. Ну что? Семьдесят пять тысяч долларов за лето развлечений в Дубае. Каков твой ответ?

– По рукам, если я смогу уехать не позднее двадцать четвертого августа. – Дэвид обменивается с принцем рукопожатием.

Мысленно представляя себя за рулем нового спортивного автомобиля, Дэвид судорожно прикидывает, как бы получше преподнести эту новость отцу.

Глава 7

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Отставной пилот ВВС США Джерри Л. Бобо Второй стоит перед системами жизнеобеспечения для перевозки мегалодонов, чувствуя себя карликом на фоне двух прямоугольных контейнеров на погрузочной платформе лагуны.

– Мак, назови точный размер груза.

– Высота тридцать один фут, длина шестьдесят два фута, ширина пятнадцать футов, включая моторизированные тележки, на которые мы поставим их для доставки в багажный отсек.

– А там что, потом будет вода?

– И еще накачанный успокоительными мегалодон. В каждом контейнере. Мы подумывали о том, чтобы заставить арабов взять в лизинг один из «Дримлифтеров» – улучшенную грузовую модель «Боинга-747-400», которую они используют для транспортировки частей «Боинга-787».

– «Дримлифтеры» достаточно вместительны, однако у них грузовой отсек негерметичный. Если вы не хотите, чтобы ваши монстры прибыли в пункт назначения в дохлом виде, нужно брать «Локхид С-5 Гэлэкси».

– Думаешь, Пентагон нам позволит?

– Нам нет. А вот наследному принцу вполне могут. – Джерри обходит вокруг контейнера. – Я не спец по акулам, но как, по-твоему, ваши рыбки будут дышать в стальных ящиках в течение двенадцати – пятнадцати часов полета?

– Во-первых, эти штуковины не стальные. Они из акрила. Толщиной шесть дюймов. В контейнерах не должно быть никакого металла. Металл плохо влияет на сенсорную систему меча. А что касается дыхания, то эти контейнеры оборудованы системами противотока, аналогичными тем, что используются для тренировки

олимпийских пловцов. Что-то вроде подводной бегущей дорожки. Мег должен плыть, чтобы дышать. Это позволяет им плыть в одной позе.

– Ты сказал, рыбы будут накачаны лекарством?

– Да, кислородом и трикаин метансульфонатом. Они акклиматизируются к системам жизнеобеспечения для перевозки мегалодонов за несколько дней до транспортировки. Мы подсчитали общий вес двух контейнеров. Двести семьдесят пять тысяч фунтов.

– Сколько гостей на вашей самолетной вечеринке?

– Семь. Четверо морских биологов и трое инженеров.

– С таким грузом... – Джерри Бодо быстро прикидывает в уме, – получается семь тысяч морских миль. Если лететь из Сан-Франциско до Международного аэропорта Дубай, нам не хватит топлива примерно на семьсот миль полета. Похоже, придется дозаправиться в Лондоне.

– Дополнительная остановка, – хмурится Мак, – для нас это жуткий напряг. Таможенники будут говниться. Каждому, маму их так, приспичит посмотреть, что мы везем. Плюс все это дополнительный стресс для Мэри Кейт и Эшли.

– Что ж, полагаю, мы сможем дозаправиться прямо в полете. Но это встанет тебе в кругленькую сумму.

– Мне это ни черта не будет стоить. Все расходы берет на себя наследный принц.

– Папа, в чем твоя проблема? – Дэвид в сердцах встает из-за стола для переговоров. – Это шикарная возможность. Почему ты хочешь все мне испортить?

Джонас устало растирает напрягшиеся мышцы шеи:

– Дэвид, мне отнюдь не хочется портить тебе жизнь, но я очень за тебя волнуюсь. Твоя мама за тебя волнуется. На то мы и родители, чтобы переживать за детей. Держать этих монстров в заточении, позволять тебе и Дани работать с ними – это все равно что играть с огнем. А вся эта дубайская авантюра... Она мне не нравится.

– Семьдесят пять тонн за то, чтобы присмотреть за парой детеньшей и натренировать кучку пилотов глубоководных аппаратов, – по-твоему, это ерунда? Да ладно тебе, папа! Ведь я этим и занимаюсь. Только бесплатно.

– Если бы ты стал заниматься в Дубае лишь подготовкой пилотов, я бы тебе и слова не сказал. Но если тут что-то еще...

– Что еще? Скажи мне, чего ты боишься.

Джонас лихорадочно соображает, стоит ли открывать Дэвиду правду. *Если рассказать об открытии Марена, Дэвид только еще больше раззадорится. Нет, его невозможно остановить.*

– Папа...

– Ладно. Я продам наследному принцу «Морских дьяволов», как и договаривались. Но только при одном условии. Ты должен обещать мне, что проведешь лето в Дубае.

– А куда еще я могу поехать?

– Дэвид, мне не хочется вдаваться в детали, но наследный принц приехал к нам в том числе и для того, чтобы уговорить меня помочь им отловить редкие виды глубоководных животных для их океанариума.

– А какие именно виды? – От изумления у Дэвида глаза лезут на лоб. – Погоди-ка. Я знаю. Они хотят, чтобы ты помог им поймать кронозавра. Ведь так? Папа, можешь не волноваться. Я ни за какие коврижки не спущусь в Марианскую впадину, тем более учитывая, что вам с мамой пришлось пережить. Ни за что.

– Тогда обещай мне, что останешься в Дубае.

– Обещаю.

– И будешь соблюдать осторожность, работая с детенышами, да?

– Папа...

– Дэвид, я волнуюсь. Тебе присущи задиристость и бахвальство, которые не могут не повлечь за собой ошибки. В свое время я все это уже проходил, и твоя мама тоже. В какой-то мере это стало причиной гибели твоего дяди Ди Джей. Если с тобой что-то случится... ну...

– Папа, я не Ди Джей. Я вовсе не собираюсь что-то доказывать миру. Я морской биолог, и мне нравится то, чем я занимаюсь. Пожалуйста, хоть раз в жизни разреши мне заняться своим делом.

Джонас смотрит на сына, чувствуя прилив необычайной гордости за него. *А ведь, казалось, еще только вчера я держал на руках своего новорожденного сына. Тренировал его команду, когда он был в младшей лиге. Учил его нырять с аквалангом. Пилотировать подводный аппарат. Господи, как незаметно промелькнули все эти годы!*

– Папа?..

– Лучше сходи проверь, в порядке ли твой паспорт. Принц отбывает завтра утром.

Дэвид победно сжимает кулаки и выскакивает из кабинета, наспех обняв Джонаса, который уже ломает голову, как лучше преподнести все это Терри.

Такси сворачивает на Масао-Танака-вей, с трудом прокладывая путь через толпу манифестантов. Одинокий пассажир, растянувшийся на заднем сиденье, удивленно качает головой. *Каждый день миллионы людей умирают от голода или ВИЧ, а эти придурки из штанов выпрыгивают, потому что одна большая акула была убита акулой побольше.*

Такси паркуется параллельно центральному входу. Brent Николс (рост шесть футов три дюйма, вес 290 фунтов), с трудом выпрямившись, ждет, пока шофер не выгрузит из багажника два металлических чемодана на колесиках. После чего расплачивается с шофером, сжимает в широких ладонях ручки чемоданов и решительно направляется к ближайшим стеклянным дверям, на которых висит табличка «ЗАКРЫТО НА РЕМОНТ».

К Николсу подходит охранник:

– Мы закрыты, здоровяк. Ты что, читать не умеешь?

– Умею, причем куда лучше, чем ты, дружок. Твое уоки-токи работает?

– Ага.

– Тогда, сделай одолжение, сообщи мистеру Дэвиду Тейлору, что прибыл новый дрессировщик акул.

– Рикардо сказал мне, что ты был лучшим. – Дэвид Тейлор ведет морского биолога по коридору в главную галерею.

– Был? Я и *есть* лучший, малыш. А то, что у меня пивное брюшко, еще ни о чем не говорит. В воде я как тюлень. Ну, может, морской слон. – Доктор Николс смахивает пот с рыжеватой бородки. – По характеру я ученый, привыкший работать в полевых условиях. И замечаю абсолютно все. После того как я получил степень магистра, Морская лаборатория в Мобиле пригласила меня приучить своих морских животных к определенным часам кормления. Используя световые вспышки, мы сумели научить лимонных акул собираться в определенной зоне бассейна, обеспечив им таким образом правильный

режим кормления. Поразительно, но акулы научились правильно выполнять задание в десять раз быстрее котов или кроликов.

– И после этого вас пригласили работать на Пентагон, да?

– Если точнее, на Агентство перспективных исследований Министерства обороны США. Они мерзкие франкенштейны, разрабатывающие системы вооружений будущего. Какая-то канцелярская крыса решила, что из акул получатся классные шпионы. Конечно, использование животных в военных целях старо как мир. Военно-морские силы уже много лет используют дельфинов и морских львов для патрулирования гаваней и обнаружения морских мин. Но в том, что касается уловок и шпионажа, акулы куда перспективнее морских млекопитающих.

– И все же не такие умные.

– Неправда, дружок, неправда. Если судить по соотношению между размером мозга и массой тела, то акулы не уступают млекопитающим.

– Значит, масса тела, да? Скажите, доктор Николс, что вы думаете об этих умницах?

Дэвид распахивает двустворчатую металлическую дверь в главную галерею, открывая вид на бассейн, поверхность которого в строгом боевом порядке рассекают две акулы: Лиззи вверху, а Белль немного ниже и чуть позади своей сестрицы-альбиноски.

– Боже правый...

– Альбиноску зовут Элизабет. Ну а темная – это Белль. В санитарном загоне есть еще две альбиноски помельче. Мы готовим их к транспортировке в другой океанариум.

– И вы рассчитываете, что я буду дрессировать таких монстров?!

– Черт, конечно нет! Это всего лишь детеныши. Мы хотим, чтобы вы дрессировали их мамашу.

Глава 8

Международный аэропорт Сан-Франциско

Сан-Франциско, Калифорния

Личный аэробус «Боинг-747» проходит в ангаре предполетную подготовку для рейса в Дубай. Дэвид, прислонившись к капоту отцовского «лексуса», наблюдает за тем, как Мак инструктирует четырех членов экипажа относительно погрузки трех огромных ящиков с «Морскими дьяволами» в грузовой отсек самолета.

Терри категорически отказалась от поездки в аэропорт, поскольку уже использовала последнюю попытку пробудить в сыне чувство вины, когда тот укладывал вещи.

– Дэвид, ну зачем тебе ехать? Все, чем ты будешь заниматься в Дубае, ты можешь спокойно делать и здесь.

– Мама, это всего лишь на лето.

– Нет. По-моему, ты рассчитываешь на большее. По-моему, ты считаешь это удачной возможностью выйти наконец из тени своего отца.

– Ты глубоко заблуждаешься.

– Твой отец... много лет позволял этому существу определять правила игры. И твой дедушка Масао угодил в ту же ловушку. Дэвид, не повторяй их ошибок!

– Мама, все нормально.

Она молча сидела на краешке кровати, длинные, черные как смоль волосы падали на лицо.

– Мама, в чем дело?

– Я не знаю.

– Ты ведь не собираешься сорвать мне поездку из-за этой старой истории с «плохой кармой», да? Сколько можно кормить нас с Дани этим дерьмом?!

На секунду Дэвиду показалось, будто мать рассмеялась, но тут до него дошло, что она плачет.

И это окончательно вывело его из себя.

Ведь мама оставалась верна себе. Она вызывала в воображении своих азиатских предвестников беды всякий раз, когда домочадцы выходили за пределы ее зоны комфорта. Дэвид знал, что мать во многом была права, как, впрочем, и то, что независимо от своих достижений в лабораторных или в полевых условиях, пока он работает в Институте Танаки, люди будут видеть в нем лишь сынишку Джонаса Тейлора. Дубай давал Дэвиду возможность начать с нуля и показать все, на что он способен.

В конце концов мать сдалась, поскольку поняла, что перед дальней дорогой сыну необходим заряд положительной энергии.

Но если что-то действительно случится, то его отцу мало не покажется.

– Вот, возьми. – Джонас протягивает сыну толстый конверт.

– Папа, все нормально. У меня полно денег. К тому же мне оплачивают все расходы.

– Не торгуйся. Просто сделай одолжение своему старику и возьми это.

– Спасибо. – Дэвид обнимает отца. – Позвоню тебе из Дубая. Проверь электронную почту. Я загружу фотки океанариума.

– Желаю хорошо провести время. И не забывай о нашем уговоре.

– Знаю-знаю. Прости за маму. Похоже, сегодня вечером тебе ничего не обломится.

Джонас улыбается:

– Ладно, тащи свою задницу в самолет.

Дэвид поднимается на борт самолета, арабская стюардесса провожает его вниз по винтовой лестнице на нижний уровень:

– Его высочество занимает верхний уровень, но вам здесь тоже будет комфортно. Может, желаете чего-нибудь выпить и поесть?

– Нет, спасибо. Все хорошо.

В передней части салона расположены шесть рядов кресел, за ними – конференц-стол красного дерева, несколько индивидуальных рабочих мест, туалеты, обеденная зона и в самом дальнем конце – домашний кинотеатр с пятидесятидвухдюймовым экраном и кресла для отдыха.

– Очень хорошо.

– Все супер, братан! Единственное, чего нам не хватает, так это телок. – Кожаное кресло разворачивается, явив на свет бритоголового широкоплечего парня лет тридцати с мефистофельской бородкой. На парне шорты с накладными карманами и футболка с эмблемой «Чикаго кабс», на мускулистых предплечьях наколоты Человек-Паук, орел – эмблема морпехов, флаг США, талисман Университета штата Аризона, а вокруг шеи – девиз «Не боюсь боли». – Значит, Джонас Младший. А я Джейсон Монтгомери. Но можешь звать меня Монти. Друзья зовут меня именно так, – не переводя дух, выпаливает Монти. – Итак, чувак, каково это работать с монстрами? Небось круто, да? А ночные кошмары не мучают?

– Иногда. И вообще я не Джонас Младший, а Дэвид. Дэвид Тейлор.

– Эй, Дэвид Тейлор, а ты знал, что кока-кола изначально была зеленой?

– Не понял?

– Я бы не стал ее пить. Эй... а у тебя есть собаки? Я где-то вычитал, что на собаку средних размеров уходит шесть тысяч пятьсот долларов в год. Конечно, двух мелких собак можно приравнять к одной среднего размера. Как думаешь?

– Я думаю, тебе лучше воздержаться от кофеина или кокса. Я серьезно, чувак. Ты что, под кайфом?

– Под кайфом? Да никогда. Только не я. Мамой клянусь, я не употребляю наркоту! Ну, если честно, я действительно балуюсь наркотой, но только совсем другой... А все эти дозы герыча, дорожки кокса...

– Чувак, да ты больной на всю голову.

– Да, так точно. Спасибо, Зигмунд. Я чокнутый. Хотя и не уродился таким. Служил санинструктором в разведбате морской пехоты. Подорвался на гранате в Багдаде. Мне полностью разворотило правое плечо. Забавно, но этого в рекрутском DVD нам почему-то не показали. Потом врачи меня подлатали, но мозгоправы нашли посттравматический синдром и биполярное расстройство. Двойное наслаждение, двойной вкус, так? Короче, все отлично.

– А что ты здесь делаешь?

– Я здесь, чтобы поучиться у тебя, братан. Когда-то я был чертовски хорошим пилотом.

– Пилотировал подводные аппараты?

– Вертолеты. До того, как у меня мозги съехали набекрень. Муж моей тетки... работает с парнем, который знает парня, делающего бизнес с одной компанией в Дубае. В общем, ты понимаешь. Короче, в два часа ночи мне позвонили и велели паковать вещи. Какого черта, да?! Если пройду отбор, то на ближайшие десять лет я в полном порядке, если нет – останусь на инвалидности.

– Какой такой отбор? Ты о чем?

– Шесть пилотов подводных аппаратов.

Тем временем в салон входят еще двое мужчин. Высокий, атлетически сложенный смуглолицый парень с военной стрижкой и коренастый канадец, похожий на рестлера.

– Шон Дагман, ВМС США.

Обменявшись рукопожатием с высоким парнем, Дэвид поворачивается к Монти:

– Прости, я чего-то не догоняю. Ты вроде сказал, что набрали шесть пилотов глубоководных аппаратов?

– Я слышал, приглашено четырнадцать кандидатов на шесть вакансий плюс еще двое дублеров. Каждый из нас получит десять штук, чтобы пройти у тебя обучение, ну а если справится, то еще сотню штук плюс бонусы.

– Справится? А какая именно поставлена задача?

– Никто не знает. – Канадец протягивает широкую ладонь, устремив на Дэвида пронизывающий взгляд холодных серо-голубых, совсем как у Ангела, глаз. – Уго Бутен, Канадская береговая охрана. Без обид, приятель, но для пилота подводных аппаратов, а тем более для инструктора ты что-то больно молодо выглядишь.

Монти хлопает Дэвида по спине:

– Эй, французик, прояви уважение. Это сынишка Джонаса Тейлора. самого Джонаса Тейлора. Спорим, наш парнишка еще с пеленок плавал на подводных аппаратах. Черт, ему наверняка сподручнее держать джойстик, чем собственный болт!

– Да неужели? Тебе действительно сподручнее держать джойстик?

Повернувшись, мужчины обнаруживают за конференц-столом потрясающую голубоглазую брюнетку лет двадцати пяти, чем-то неуловимо напоминающую молодую Стефани Пауэрс. На девушке белые шорты, демонстрирующие мускулистые икры спринтера, и темно-синяя толстовка с капюшоном, на которой под эмблемой

океанариума Скриппсовского океанографического института вышито имя: К. Сифурт. Ее обутые во вьетнамки длинные ноги покоятся на полированной деревянной столешнице.

Монти, прищурившись, пытается прочесть имя на толстовке:

– К. Зейф... Зерф?

– Произносится «Си-фурт». Кайли Сифурт.

– Никогда еще не встречал женщину – пилота подводного аппарата. По крайней мере, такую красотку, – ухмыляется Монти.

– Что ж, на то, возможно, есть свои причины, обсос.

Шон Дагман обходит вокруг конференц-стола, устремив на девушку ястребиный взор:

– Калифорнийский университет. Сан-Диего, да?

– Хорошая память.

– Мы встречались в океанариуме Ла-Холья. Ты проходила интернатуру в Скриппсовском институте. Нам удалось... познакомиться поближе?

– Милый, если ты спрашиваешь, значит тебе не повезло.

Монти раздражается смехом Санта-Клауса:

– Хо-хо-хо! Я влюбился.

– Я здесь, чтобы пройти отбор, и пленных не беру. И прежде чем вы начнете строить предположения на основании моих X-хромосом, я хочу сообщить, что последние два лета работала в «Хокс оушн технолоджиз», помогая им тестировать подводные аппараты «Дип ровер». Так что мне тоже вполне сподручно держать джойстик.

– Кто бы сомневался, – бормочет Монти.

В салон входит стюардесса:

– Командир воздушного судна получил разрешение на взлет. Во время взлета и посадки прошу вас занять места в одном из первых шести рядов. Когда самолет будет в воздухе, пилот даст сигнал, что можно свободно перемещаться по салону.

Пройдя вперед, Кайли занимает кресло у окна в левом ряду. Шон показывает на место у прохода рядом с собой, но Кайли отмахивается:

– Ты упустил свой шанс, морячок.

– Спокойней, девчушка. Прежде чем ты начнешь меня распинать, тебе не мешало бы знать, что я вошел в тройку лучших пилотов подводных аппаратов ВМС. Если ты действительно собираешься пройти отбор, то я могу дать тебе парочку наводок.

– В таких случаях я предпочитаю обращаться прямо к инструктору. – Кайли поворачивается к Дэвиду, похлопав по соседнему сиденью: – Присоединишься ко мне?

У Дэвида учащается пульс. Сев возле Кайли, он, словно невзначай, закрывает рот ладонью, чтобы восстановить дыхание.

– Меня зовут Дэвид.

– Да, я знаю.

Монти устраивается у окна за спиной Кайли, после чего просовывает голову между Дэвидом и девушкой, протягивая ей бумажный пакет:

– Небось подташнивает? Лично меня – да.

У Дэвида от возмущения краснеют уши.

– Веди себя прилично, или не пройдешь даже программы ориентации.

– Ой как страшно! – Монти тотчас же откидывается на спинку кресла, устремив взгляд в окно.

Лицо Кайли расплывается в широкой улыбке, подчеркивающей высокие скулы.

– А ты свое дело туго знаешь. Мне нравится. Стоит хоть раз дать слабину, и они начнут вытирать о тебя ноги.

– Ты судишь по собственному опыту?

– Черт, да! Сколько я себя помню, мои родители... горбатились по две смены в «Уолмарте», чтобы отложить деньги мне на колледж. А я? Я хотела вступить в ряды вооруженных сил и с удовольствием пошла бы в ВМС, если бы офицер на призывном пункте дал мне хоть искру надежды, что в один прекрасный день я смогу пилотировать подводные аппараты. «Подводные аппараты – это не женское дело», – сказал он. Нет, ты можешь в это поверить?! Сообщество чертовых выпускников закрытых учебных заведений! Слава богу, что сотрудники Грэма Хокса так не думают.

– А как ты получила приглашение на эту работу? Мне казалось, арабы не сторонники женской эмансипации.

– Какая-то крупная шишка – Фейсал бин Рашиди – связался с одним инженером из «Хокс» с просьбой найти лучшего из свободных на данный момент пилотов. Я была не лучшей, но зато свободной. И мне отнюдь не помешало, что я тогда проходила интернатуру в океанариуме Скриппсовского института.

– Так ты тоже без понятия, для чего все это затевается?

– Мне сказали, спонсором выступает фирма, строящая новый океанариум в Дубае. Подозреваю, нам придется отлавливать для них морских животных, что очень и очень круто. Разве нет?

– А то!

– Почему ты на меня так смотришь? – улыбается Кайли.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать четыре. А тебе?

– Примерно столько же.

– Врунишка! Спорим, тебе нет даже двадцати одного года!

– А вот и есть! Стукнет в следующем месяце.

Кайли берет Дэвида за руку:

– Дэвид, ты мне нужен. Я хочу, чтобы ты сделал меня лучшим пилотом чертовых подводных аппаратов в группе. Жизнь была и пинала меня, но я из тех, кто может дать ей сдачи. И мне очень важно получить эту работу. Поэтому я хочу, чтобы ты сделал мне одолжение.

– Конечно. Что угодно.

– Не влюбляйся в меня. – Она инстинктивно сжимает руку Дэвида, когда самолет резко ускоряется на взлетной полосе и взмывает в воздух, оставляя позади Сан-Франциско. Взяв курс на запад, самолет делает крен над океаном, затем летит на юг мимо Монтерея вдоль береговой линии, после чего поворачивает на восток. – Прости. Ужасно боюсь летать. Но зато в воде я как дома.

– На какую максимальную глубину ты погружалась?

– В подводном аппарате? На тысячу двести футов. Дважды.

Монти снова просовывает голову между спинками их кресел:

– Ух ты! Это действительно очень глубоко. Но спорим, арабы хотят, чтобы мы погрузились еще глубже. Я прав, Младший?

– Не могу знать.

– Не можешь знать? – Монти наставляет на Дэвида указательный палец. – Бип, бип, бип, бип...

– Что ты творишь?

– Это мой детектор брехни. Твой старик несколько раз спускался в Марианскую впадину. А ее максимальная глубина тридцать шесть тысяч футов. А ты, Младший, на какую глубину спускался? Я имею в виду, на подводном аппарате?

– Примерно на двенадцать тысяч.

– Ну, двенадцать тысяч так двенадцать тысяч. Хорошо летим и, главное, долго, а?

– Кайли, не обращай на него внимания. Дело отнюдь не в глубине погружения, а в умении контролировать голову, держать в узде свой страх. Во время своего первого ночного погружения я дико распсиховался, и это на глубине всего двести футов. Самое главное в пилотировании подводных аппаратов – оставаться собранным. Именно то, чему тебе не мешало бы поучиться, Монти.

– Хороший совет, препод. Думаю, мы сможем увидеть, как ты остаешься собранным. Можно? – Он выдергивает выбившийся волосок с макушки Дэвида.

– Ой! Какого хрена?!

– Говорят, у умных людей в волосах содержится больше меди и цинка, чем у нас, неудачников. Я к вам потом присоединюсь. – Монти откидывает на максимум спинку кресла и закрывает глаза.

Глава 9

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Со своего места на северной трибуне Бренту Николсу все отлично видно: два белоснежных детеныша теперь занимают мелкий санитарный бассейн, их более крупные сестрицы кружат по «Загону для мег», а периодически возникающие клочья пены и грохот стали в рукотворном канале выдавать местоположение темпераментной мамы всех четырех сестер.

В течение последних двух часов команда морских биологов и специалистов по уходу за мегами проводит мониторинг основных показателей состояния организма Мэри Кейт и Эшли, которых еще утром перевели в санитарный бассейн глубиной всего лишь пятнадцать футов. Сам бассейн величиной с бейсбольное поле разделен на две секции, куда гипотетически можно втиснуть двух мегов. В условиях тесного пространства паре двадцатипятифутовых акул приходится плыть против искусственного течения, что является очередным этапом подготовки к пятнадцатичасовому перелету в Дубай. Чтобы уменьшить стресс, возникающий из-за пространственных ограничений, в воду бассейна добавили умеренную дозу трикаин метансульфоната. По расчетам, продолжительность сегодняшней сессии должна была составлять три часа, после чего детенышей следовало переместить в их половину «Загона для мег».

Однако Белль с Лиззи смешали все планы.

Брент Николс, привыкший работать в полевых условиях, провел сотни часов в воде, наблюдая за акулами, включая тупорылых акул, характеризующихся высоким уровнем тестостерона. Но даже эти акулы-убийцы рядом не стояли с более крупными и на редкость злыми детенышами мег, известными как сестренки.

Спустя несколько секунд после того, как второго детеныша вынули из бассейна, Белль, сестренка с темно-серой спиной, принялась

атаковать барьер, разделяющий «Загон для меча» на две половины. Абсолютно бесстрашно, не боясь покалечиться, Белль бросалась на барьер с такой едва сдерживаемой яростью, какой Бренту Николсу еще не доводилось наблюдать в дикой природе. После пятнадцати минут мощных ударов покрытый резиной титановый барьер начал отрываться от прочной рамы, в результате обслуживающий персонал поспешно поднял ограждение из воды, чтобы не лишиться его окончательно.

Однако, несмотря на всю свирепость Белль, доктора Николса больше напугала не она, а ее сестра-альбиноска Лиззи. Каждый раз, когда Белль прекращала атаковать барьер, Лиззи наносила по нему один-единственный раскатистый удар, словно подначивая сестру на дальнейшие действия. После нескольких часов наблюдений за этим действием доктор Николс пришел к выводу, что именно Лиззи хотела, чтобы убрали барьер. Более того, умная хищница отлично понимала, как заставить свою brutальную сестрицу выполнить поставленную задачу.

Между двумя сестрами имеется полное понимание, обеспечивающее налаженную взаимопомощь, – написал в журнале доктор Николс. – Альбиноска является зачинщицей, а темный меч – исполнителем и наемным убийцей. Даже когда они плывут в боевом порядке, Лиззи находится наверху, а Белль – внизу, в кильватерном следе своей сестры.

Оторвавшись от записей, доктор Николс видит направляющегося к нему Джонаса Тейлора.

– Ну как? Что-нибудь выяснили?

– Достаточно, чтобы исписать два блокнота. Но это лишь вершина айсберга. Жаль, что Ангел так и осталась в канале. Но я уже сделал потрясающие выводы относительно детенышей из двух пометов.

– Двух пометов? Простите, док, но они родились одновременно, и все из одного помета.

– Тейлор, может, они и родились одновременно, но самка явно была оплодотворена двумя разными самцами, и в результате детеныши у нее из двух разных пометов.

Джонас чувствует, как кровь стынет в жилах:

– Разными самцами? Боже мой, да сколько же еще этих монстров может таиться в океанских глубинах? Если только Аль Капоне...

– Аль Капоне?

– Еще один самец, который встретился мне на пути примерно в то же время, когда Ангел вернулась в лагуну с тем большим самцом. Два самца были отпрысками Ангела из ее первого помета. Образец ДНК, взятый у Аль Капоне несколько лет назад, совпал с ДНК его убитого брата.

– Давайте уточним. Если это не Аль Капоне, значит был еще один взрослый самец. Детеныш, погибший на прошлой неделе, Анжелика... Ваш биолог сделал вскрытие?

– Да.

– Отлично. Мы сравним ДНК Анжелики с ДНК двух самцов из первого помета Ангела. Если образцы совпадут, то отцом детеныша был Аль Капоне. Если нет, значит где-то там есть еще один взрослый самец. Мне понадобятся образцы тканей одной из сестричек. – В ответ доктор Николс слышит протяжный стон Джонаса. – А в чем проблема?

– Вы когда-нибудь пробовали удалять зуб у находящегося в сознании аллигатора? Так вот, это будет нечто подобное.

Откинув со лба пряди темных волос, Вирджил Кармен балансирует на ограждении «Загона для мег», на талии у него флюоресцирующий оранжевый страховочный пояс, в руке – стальная труба. Тем временем Моретти возит по поверхности воды семидесятипятифунтовым куском говядины в надежде выманить наверх одну из сестричек.

Однако Лиззи с Белль осторожничают, продолжая кружить на глубине тридцать футов.

Отчаявшись, Моретти поворачивается к Джонасу:

– Так не пойдет, Джей Ти. Их на мякине не проведешь. Если тебе действительно приспичило получить образец ткани, мне понадобится «Медуза».

Вирджил ввинчивает восьмифутовую трубу диаметром два дюйма в технологическое отверстие на обшивке «Медузы». Четырехдюймовый заостренный полый конец трубы предназначен для того, чтобы, проткнув шкуру мег, срезать тонкий кусок ткани и одновременно прижечь рану. *Подводная камера работает... Если я смогу получить четкий снимок того, как Моретти колет одну из сестричек копьём...*

Сара будет счастлива. И тогда, быть может, она пристроит меня в R. A. W. Все лучше, чем прозябать здесь.

Несколько раз проверив работу устройства, Вирджил сигналил своему боссу, который уже находится внутри акриловой сферы.

В ответ Моретти показывает большой палец, поправляет гарнитуру, надетую поверх счастливой бирюзовой бейсболки, и говорит в рацию:

– Крис, все готово.

Возле «Медузы», на одной из четырех расположенных по краям «Загона для мег» прямоугольных площадок, сделанных из армированного бетона, на выносных опорах стоит 70-тонный пневмоколесный гидравлический подъемный кран компании «Линк-белт». Предназначенный для подъема тяжелых грузов, кран оснащен трехсекционной 109-футовой телескопической стрелой с десятью тросами, каждый грузоподъемностью 14 000 фунтов. Стрела и кабина оператора крана монтируются на поворотной платформе, позволяющей перемещать груз налево или направо, а также вверх или вниз.

– Вас понял. Держись, Моретти. – Крановщик Кристофер Бэрд вводит в бортовой компьютер запрограммированный вес «Медузы» (7800 фунтов) и максимальную высоту, на которую он поднимет подводный аппарат (17 футов), а также угол подъема и радиус поворота стрелы. Система разработана так, чтобы предупредить оператора в случае превышения параметров груза.

Ранее утром Бэрд задействовал три из десяти барабанов с особо прочным тросом длиной шестьдесят пять футов, чтобы переправить Мэри Кейт и Эшли из «Загона для мег» в санитарный бассейн, с некоторым запасом, чтобы избежать излишней нагрузки на вал. Для «Медузы» Бэрд уменьшил число тросов до двух, поскольку запаса в 28 000 фунтов более чем достаточно, чтобы опустить подводный аппарат в «Загон для мег» и поднять его оттуда.

Бэрд, бывший капрал в Южном исправительном учреждении штата в Спрингфилде, Вермонт, решил сменить работу четыре года назад, не выдержав стресса от ежедневного общения с «патологическими убийцами». Хотя сейчас Бэрд частенько задает себе вопрос, а не попал ли он, случайно, из огня да в полымя.

– Пристегнись, Моретти. Пора окунуться.

В кабине два джойстика, слева и справа от сиденья Бэрда. Один отвечает за поступательные движения, другой – за вращательные. Ножные педали позволяют выдвигать и втягивать с помощью гидравлики секции стрелы крана. Бэрд, орудуя правым джойстиком, включает гидравлику. «Медуза» отрывается от бетонного покрытия, взмыв над «Загоном для мег». И вот уже несколько секунд спустя акриловая сфера оказывается в воде, два барабана разматываются, подводный аппарат опускается на дно бассейна.

Почувствовав беспорядок на своей территории, Лиззи отправляется на разведку.

Активировав электрошокер, Моретти обшаривает «Загон для мег». Оба мег плывут бок о бок вдоль дальней стены бассейна, держась на безопасном расстоянии от шести стальных копий, торчащих под разными углами из корпуса подводного аппарата.

Проходит пятнадцать минут. Никаких изменений.

Это безумие... Они в пять раз быстрее «Медузы» и в миллион раз проворнее. Я могу торчать здесь хоть целую неделю – и все без толку.

– «Медуза» вызывает базу. Вирджил, они играют со мной в кошки-мышки. Попробую обесточить электрошокеры. Может, удастся их подманить.

– Вас понял, «Медуза». Будь осторожен.

Зная, что сенсорная система мегалодона способна улавливать электрическое поле, создаваемое электрошокерами, Моретти отключает напряжение. Несмотря на некоторое увеличение рисков, непосредственной опасности для подводного аппарата не должно было возникнуть, поскольку его сферический корпус, слишком большой для челюстей акулы, создавал надежную защиту.

Моретти тянется к «ружью», смонтированному у панели управления, вставляет указательный палец в спусковой механизм пробоотборника и ждет.

И словно не желая обманывать его ожидания, первой появляется Бела. Она плывет прямо на подводный аппарат, но в последний момент увертывается от острия, грозящего проткнуть ее шкуру.

Все еще осторожничаем, да? Моретти бросает взгляд на сонар, проверяя дислокацию Лиззи, которая упорно продолжает медленно кружить на периферии бассейна.

Между тем Бела начинает возбужденно выписывать восьмерки, явно готовясь ко второй атаке. Воинственно выгнув спину, монстр устремляется к подводному аппарату.

Усиленно маневрируя, Моретти наносит акуле безобидный удар по касательной и, когда та проплывает мимо, спускает курок. Кончик копья выстреливает на несколько футов из пружинного механизма и, ударив мега в левый бок, поднимает в воде облачко крови.

– Попал!

Белль с силой хлещет по «Медузе» хвостовым плавником, и в этот самый момент в тылу подводного аппарата появляется белое сияние. От мощного толчка в корпус «Медуза» стремительно летит вперед. Пилот отчаянно пытается восстановить контроль над подводным аппаратом, но, повернув кресло на 180 градусов, с ужасом видит Лиззи. Разинув на восемь футов вытянутые вперед челюсти, акула-альбинос толкает ими акриловую сферу, за которой тянутся два стремительно разматывающихся троса, к окну в дальнем конце бассейна.

Надрывно скрежещет металл: это тросы, раскрутившись на шестьдесят пять футов, стопорятся. В результате резкой остановки происходит короткое замыкание, и из электрошокера вылетает снап искр. Обзорное окно аквариума из четырехфутового акрила виднеется где-то в двадцати футах впереди... а Лиззи между тем продолжает упрямо толкать подводный аппарат вперед!

Моретти, стараясь сдержать сердцебиение, хватается за джойстик:

– База, она пытается протаранить моей подлодкой окно аквариума! И мне никак не удастся освободиться.

А тем временем там, наверху, Кристофер Бэрд уже на грани паники. Экран его компьютера мигает красным, кабина трясется, словно оказавшись в эпицентре землетрясения силой семь баллов. Левый аутригер – выносная трехфутовая гидравлическая опора шасси – вот-вот не выдержит. Если это случится, то кран непременно рухнет в «Загон для мега».

– Кран вызывает базу. Я теряю...

С душераздирающим металлическим скрежетом ближайшая к бассейну опора гнется, после чего с оглушительным грохотом подламывается, – и бабах!.. – шасси подъемного крана, поднятые над

бетонной подушкой с помощью пары аутригеров, с силой ударяются о землю.

– Проклятье! – Бэрд падает на бок, кабина кренится на тридцать градусов, а в шести футах внизу уже синееет вода «Загона для меча».

Бабах!

Бэрд прикусывает язык, когда рушится оставшаяся опора. Шасси крана опускаются на все восемь колес, сминая ведущий мост и раздаточную коробку, которая использовалась для управления тросами и стрелой. Бэрд рефлекторно вжимает обе ступни в педали, управляющие стрелой крана, однако натянувшиеся тросы продолжают дюйм за дюймом увлекать лишившийся тормозов тяжелый кран, похожий на полураскрытый складной нож, к краю бассейна.

Джонас первым подбегает к Бэрду, который, расстегнув ремень безопасности, собирается покинуть кабину.

– Ты куда собрался?

– Куда угодно, лишь бы подальше отсюда!

– А как же «Медуза»?

– Что я могу сделать?! Мы потеряли опоры. Нужно освободить колеса, чтобы восстановить управление стрелой.

– Неужели нет никакой возможности извлечь «Медузу»?

Кран снова кренится, передний бампер правым боком врежется в защитное ограждение бассейна. Переднюю правую шину отделяет от воды всего лишь двухфутовая бетонная отмостка. Бэрд спрыгивает с крана и мчится к кабине водителя. Рывком открыв дверь, он извлекает из-под водительского сиденья двухфунтовый топор:

– У нас тридцать секунд, чтобы перерубить тросы, прежде чем твои рыбки утащат кран в воду!

Джонас бежит за Бэрдом к задней части стрелы крана, где находятся десять барабанов с тросами. Бэрд начинает рубить топором два стальных троса которые тащат кран...

И в этот момент кран снова делает рывок вперед, с пронзительным лязгом защитное ограждение вырывается из креплений, и правое переднее колесо соскальзывает с бетонного края прямо в воду, опуская кран на передний мост. Бэрд продолжает рубить неподатливые тросы, но только до тех пор, пока не вздыбилась задняя часть крана.

– Теперь ты как-нибудь сам! – Вручив Джонасу топор, Бэрд спрыгивает с накренившегося автокрана.

Когда передний бампер черпает морскую воду, мимо проплывает гигантская черная тень. Спинной плавник Белль так близко, что Джонас может достать его топором.

Джонас продолжает остервенело рубить тросы, пытаясь помешать семидесятитонному автокрану опрокинуться через край бассейна. В своем воспаленном воображении Джонас уже видит, как кран пробивает поверхность воды и падает вниз, словно с крыши трехэтажного дома, бьется в бетонное дно аквариума, затем пролетает через акриловое обзорное окно, затапливая галерею 60 миллионами галлонов морской воды.

В отчаянии Джонас снова и снова рубит тросы, кран угрожающе скрежещет, нависая над поверхностью воды.

– Джонас! Шевелись!

Джонас поднимает глаза и видит чей-то силуэт.

Мак включает бензопилу и, дождавшись, когда его лучший друг уйдет с дороги, начинает лихорадочно пилить стальные тросы. Несколько секунд – и дело сделано.

Напряжение ослабло, приподнятая задняя часть грузовика с грохотом опускается на бетонный настил, освобождая «Медузу», которую, словно ядро, толкает вперед девятнадцатитонный мегалодон.

Стивен Моретти издает громкий крик и закрывает глаза, когда акриловая сфера врезается в окно аквариума. В четырехдюймовом корпусе подводного аппарата появляется тонкая трещина, в которую секунду спустя начинает потихоньку проникать холодная морская вода.

Пилот открывает глаза и с ужасом видит над головой две огромные тени...

Это сестренки кружат вокруг раненой жертвы, терпеливо дожидаясь своего часа.

Глава 10

Центральный международный аэропорт Дубайленд

Дубай, Объединенные Арабские Эмираты

Расположенный на юге Дубая всего в двадцати четырех милях от международного аэропорта Дубай, международный аэропорт Джебел-Али является аэрополисом – самым крупным и амбициозным проектом аэропорта в истории. Возведенный вокруг шести основных взлетно-посадочных полос комплекс стоимостью 82 миллиарда долларов вмещает в себя отели и торговые центры, шестнадцать грузовых терминалов, более 100 000 парковочных мест и высокоскоростную железную дорогу, способную перевозить в год до 120 миллионов пассажиров в пункты назначения в пределах Объединенных Арабских Эмиратов.

Дэвид Тейлор откидывается на спинку кресла, когда «Боинг-747» вырывается по одной из взлетно-посадочных полос к частному ангару, зарезервированному для королевской семьи. Для двадцатилетнего студента-старшекурсника двенадцатичасовой перелет был похож на вдохновляющее, но изнурительное первое свидание. Поначалу они с Кайли часа четыре болтали без остановки: Дэвид вознамерился произвести впечатление на девушку, а ей хотелось узнать о его семье, опыте работы с мегами и особенно о погружениях отца Дэвида в Марианскую впадину. На последний вопрос Дэвид отвечал крайне расплывчато. Деяния Бенедикта Сингера в Марианской впадине так и не стали достоянием общественности, как и информация о кронозаврах, обитающих в изолированной точке этого желоба. В связи с чем Дэвид предпочел сменить тему, переведя разговор на свой опыт пилотирования «Морских дьяволов». Последняя тема собрала толпу слушателей, и Кайли, извинившись, отправилась отдать должное шведскому столу. После этого Дэвид еще минут пять кое-как поддерживал разговор, после чего замолчал и замкнулся в себе.

Он был сражен наповал, но пытался плыть против течения. Кайли, ясное дело, принадлежала к высшей лиге. Аспирантка с опытом работы, да к тому же еще и умопомрачительная красотка, способная заполучить абсолютно любого парня. Более того, ее интерес к Дэвиду был чисто профессиональным.

Но Дэвида это сейчас волновало меньше всего.

«Боинг-747» замедляет бег и останавливается. Стюардесса просит пассажиров подождать, пока наследный принц не покинет борт самолета. Десять минут спустя вся группа поднимается наверх и спускается с трапа. На взлетно-посадочной полосе их уже ждут два лимузина: один – с развевающимся королевским флагом, другой – нагруженный их багажом.

К группе присоединяется Фейсал бин Рашиди:

– Итак? Надеюсь, вы получили удовольствие от полета? Как вы скоро убедитесь, Дубай – это место, где учитывают малейшие пожелания гостей. Вас разместят в пятизвездочном отеле в новом тематическом парке. Обслуживание номеров двадцать четыре часа в сутки, заказывайте все, что вашей душе угодно. Остальные члены группы подъедут уже к завтрашнему утру, и мы сразу начнем подготовку. Дэвид будет обучать вас пилотированию «Морских дьяволов», но вам придется освоить еще кое-какие вещи с другими инструкторами. Ну а кроме того, Дэвид нам понадобится для присмотра за Афрой и Захрой, когда их доставят сюда.

– А кто такие Афра и Захра?

– Детеньши вашего мега. Ты же не думаешь, что мы будем звать их Мэри Кейт и Эшли?

– Нет. Конечно нет. Мне никогда не нравились эти имена. Их для прикола выбирали интернет-голосованием.

– Первоначальная подготовка займет две недели. После чего из двадцати трех приглашенных кандидатов будет отобрано восемь человек, которые и войдут в команду. Дэвид останется в океанариуме до конца лета, остальные же продолжат выполнение поставленной задачи.

– А в чем, собственно, состоит эта задача? – спрашивает Шон Дагман.

– В том, чтобы отловить для океанариума определенные виды водной фауны.

– Да, но какие конкретно виды?

– Вот завоюете себе место в команде, тогда и узнаете. Желая приятно провести вечер, но все же постарайтесь хорошенько отдохнуть. Вводный курс обучения начнется завтра утром.

Водитель распахивает дверь лимузина с королевским флагом. Бин Рашиди садится в салон, и автомобиль уезжает.

– Полагаю, сейчас мы предоставлены самим себе. – Уго залезает на заднее сиденье второй машины, Шон и Монти следуют его примеру.

Дэвид придерживает дверь для Кайли.

– Спасибо, но давай ты первый. Я предпочитаю сидеть у окна, – мотает головой девушка.

– Как скажешь. – Дэвид садится впритирку к Монти, оставляя Кайли побольше свободного места.

Монти, не теряя времени даром, кладет покрытую наколками руку на бедро Дэвида:

– Младший, а почему ты не открыл передо мной дверь? Я начинаю ревновать.

– Заткнись!

– Уго, а ты ревнуешь? А как насчет тебя, Шон?

– Мне без разницы, если в конце с каждым из нас обойдутся по справедливости.

– Вот этого-то я и боюсь... добраться до конца. Вверх по старой грунтовой дороге. И напрямик в жопу. Эй, Кайли, а ты знаешь, что первой парой, которую показали вместе в постели по телику в прайм-тайм, были Фред и Вилма Флинстоун? А ты никогда не задумывалась, почему они поют: «Гей, гей, гей, давай веселей!» Как думаешь, Фред – трансвестит?

– Думаю, тебе пора принять препарат лития.

Лимузин сворачивает на частную дорогу, минует пропускной пункт и едет дальше по одной из центральных улиц в окаймлении канарских финиковых пальм прямо к аэровокзалу из мерцающего дымчатого стекла. Лимузин останавливается, чтобы взять еще одного пассажира: рыжеватую блондинку лет сорока, одетую в строгий костюм

цвета слоновой кости. Сев на переднее сиденье, блондинка опускает стеклянную перегородку, отделяющую салон лимузина от водителя:

– Привет, я Кэри Кроссман. Я буду вашей сопровождающей в Дубае. Давайте посмотрим... Вы, очевидно, Кайли, а вы, должно быть, Дэвид... Татуированный – это Монти, Шон – наш морячок... И погодите-ка, только не подсказывайте... Хью? Нет, Уго! Ну как я справилась?

Монти аплодирует:

– Лучше, чем дрессированный тюлень!

Следующие полтора часа посвящены знакомству с Дубаем. Кэри показывает им достопримечательности, начиная от крытого горнолыжного центра и кончая высоченными офисными зданиями и роскошными отелями – сооружениями из цветного стекла в гигантских изогнутых стальных рамах, тянущихся к безбрежным голубым небесам, – с гранитными мостовыми перед входом и отделанными белым мрамором холлами.

Лимузин следует на восток по Джумейра-роуд, слева за окном переливаются лазурные воды Персидского залива. Кэри машет рукой вперед:

– Впереди вы видите наш самый известный отель «Бурдж аль-Араб», название которого переводится как «Арабская башня». «Бурдж аль-Араб», второе по высоте здание в Дубае, принято считать первым в мире семизвездочным отелем. Он расположен на искусственном острове из песка, насыпанного на двести тридцать бетонных свай длиной сорок метров. По замыслу архитекторов, отель своими очертаниями должен был напоминать парус дау – арабского судна с латинскими парусами. Два крыла, взмывающие вверх буквой «V», образуют огромную мачту, тогда как пространство между ними – это атриум на несколько этажей. Когда у нас будет больше времени, я с удовольствием покажу вам отель. Это действительно нужно видеть.

Лимузин продолжает ехать вдоль береговой линии мимо искусственных островов, уложенных, словно гигантская мозаичная плитка, прямо к яхтенной пристани Дубай-Марины.

– Дубай-Марина – это наша версия Французской Ривьеры. Комплекс разработан «Эмаар пропертиз» – той самой фирмой, которая занимается строительством нашего океанариума. После завершения

проекта будет возведено несколько сот высотных зданий, а также десяток небоскребов.

– Вот это напор! – восклицает Монти. – Встреча капитализма с Римской империей на ниве туризма.

Кэри выдавливает фальшивую улыбку:

– Мистер Монтгомери, Объединенные Арабские Эмираты – прогрессивная страна, правители которой заботятся о...

– Правители, которые заботятся... но без понятия, что такое демократия, и которых вряд ли можно назвать союзниками. А скажи-ка мне, Кэри Кроссман, помогают ли эти грандиозные здания и шикарные поля для гольфа забыть о том факте, что ты лишь случайный гость у шайки шовинистов-автократов, которые во всем угождают нуворишам, но держат под колпаком собственный народ? Ну а тебе самой когда-нибудь приходило в голову, что ты, женщина, получила такую вкусную работенку, скорее всего, благодаря мужу – нефтяному топ-менеджеру, который играет в поло с каким-то там представителем королевского племени?

Улыбка Кэри тотчас же меркнет.

Дэвид резко поворачивается к Монти:

– Чувак, в чем твоя проблема?

– А в том, Младший, как легко баррели нефти берут верх над правами человека и с какой готовностью мы закрываем глаза, пока нас ублажают.

– О чем ты говоришь?

– Я говорю о тех контейнерах в доках, мимо которых мы только что проезжали, тех, что предназначены для Исламской Республики Иран. Прикинь, для Белого дома это нормально – посылать меня и моих корешей четыре раза за пять лет в Ирак, чтобы исламистские радикалы вышибали нам мозги, но, когда дело доходит до денег, они готовы подписывать с Объединенными Арабскими Эмиратами соглашения о безопасности портов – с этим проплаченным ими же адвокатом дьявола.

– Правительство Дубая вовсе не такое, – парирует Кэри, тотчас же растерявшая весь свой энтузиазм.

Монти выразительно поднимает брови:

– Кто бы сомневался. И ты это отлично знаешь, потому что они ставят смайлики на твои зарплатные чеки. Разве нет?

– Если у тебя такие проблемы, что ты вообще тут делаешь?

– Оказался между молотом и наковальней, Кэри Кроссман. Видишь ли, мое правительство щедро субсидирует нефтяной бизнес твоего муженька, но отказывается оплачивать медицинские расходы ветеранов войны. По их стандартам, меня можно было признать годным, хотя я и непригоден к работе. Отличная поддержка боевого духа в войсках, да? Жаль, что я не могу работать на «Братьев Паркер»! А ты в курсе, что они напечатали больше денег для монополии, чем министерство финансов США?

– Кэри, не обращай на него внимания, – советует Шон. – Наш татуированный друг по-любому через несколько недель отправится домой.

– А вот это не тебе решать! – взрывается Дэвид. Он жадно глотает холодный воздух, идущий от кондиционера, слишком долгое путешествие начинает сказываться на его нервах. – У нас был тяжелый день. Может, закончим на этом экскурсию? Лично я хочу поскорее оказаться в отеле, чтобы немного поспать.

Кайли и все остальные согласно кивают.

Покинув побережье, лимузин направляется на юг и проезжает мимо дворца Забиль – резиденции правящей династии Аль-Мактум. Въехав в Дубайленд, лимузин проезжает через комплекс Дубай-Спорт-Сити, раскинувшийся на площади 50 миллионов квадратных футов. Четыре стадиона еще только строятся, так же как и «Дюны» – поле для гольфа на восемнадцать лунок, спроектированное знаменитым гольфистом Эрни Элсом.

Десять минут спустя лимузин сворачивает на шестиполосную скоростную автостраду в окаймлении пальм и «юрских» озер и останавливается перед величественным входом нового океанариума. Это своего рода город в городе, хотя и на стадии строительства. Подъемный кран ставит на место сборную секцию монорельса. Экскаваторы выравнивают площадки перед центром для посетителей. На периферии комплекса расположены соединенные монорельсом двенадцать отелей высотой более пятидесяти этажей. Временные указатели на арабском и английском помогают найти дорогу к основным аттракционам, отелям и роскошному комплексу апартаментов для гольфистов под названием «Монстерс коув».

В самом центре парка развлечений находится океанариум – сооружение из стали и стекла, словно сделанное по проекту Фрэнка Ллойда Райта. Океанариум окружен дюжиной позолоченных «акульих плавников» высотой двести футов, расположенных совсем как цифры на циферблате часов, причем каждый «плавник», в свою очередь, указывает на один из отелей, высящихся на заднем плане.

Кайли выразительно смотрит на Дэвида, потрясенного не меньше девушки.

Монти восторженно присвистывает:

– Снимаю перед арабами шляпу... Они нас реально уели!

Кэри пропускает его замечание мимо ушей:

– Кроме океанариума и отелей, здесь имеются три монорельса, двадцать два пятизвездочных ресторана, жилой комплекс, международная школа, медицинское учреждение международного класса, фешенебельный загородный клуб и торговый центр с морской тематикой. Открытие состоится через тринадцать месяцев, причем к этому времени все будет полностью готово.

Лимузин продолжает путь по вымощенной кирпичом извилистой дороге, ведущей к шестидесятиэтажному отелю «Хаятт». Атриум отеля высотой пять этажей по форме напоминает костистые челюсти дунклеостея. Между клыками гигантской доисторической хищной рыбы проложен монорельс, тянущийся вдоль фасада здания.

Кэри вручает всем пятерым конверты с ключами от номеров:

– Каждый из вас будет размещен в сюте на тридцать шестом этаже. Служащие отеля отнесут туда ваши вещи. Фитнес-центр на третьем уровне, открытый бассейн и теннисный корт – на втором. Монорельс – на пятом уровне. Общий сбор завтра в десять утра на станции. Автомобиль отвезет вас в океанариум, где будет проходить вводный курс обучения.

Дэвид с компанией вылезает из лимузина, на них обрушивается волна сухого жаркого воздуха пустыни.

Они входят в отель, температура внутри на сорок градусов ниже, чем снаружи. Холл отеля поражает великолепием, этажи с номерами расположены вокруг открытого атриума под крышей из цветного стекла. Тропические растения, пальмы и водопады – и все это на фоне фресок с изображением доисторического океана. На табло синими неоновыми буквами написано: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В

ДЕВОНСКИЙ ПЕРИОД... ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ХАЯТТА». Прямо над головой, на высоте сто футов, на пятом этаже расположен крытый переход из прозрачного акрила, проложенный через воссозданный скелет гигантского дунклеостея. Конец воздушного моста заканчивается в бронированной голове доисторического монстра, из которой имеется выход на станцию монорельса, проложенного вдоль фасада отеля.

Один из стеклянных лифтов по периметру атриума со свистом поднимает их на тридцать шестой этаж. Дэвид достает электронный ключ своего номера: 3605. И, повернув голову налево, обнаруживает, что Кайли открывает дверь соседнего номера.

– Увидимся утром, – весело машет рукой Кайли.

– Ага. Хотя, может, мы с тобой... – начинает Дэвид и растерянно умолкает, когда Кайли захлопывает дверь номера.

Дэвиду приходится несколько раз провести ключом, прежде чем на замке загорается зеленый свет и дверь открывается.

– Ух ты! – У Дэвида буквально захватывает дух.

Огромный номер с мраморными полами и роскошной мебелью. Из панорамных окон от пола до потолка открывается потрясающий вид на Дубай и золотое закатное небо над Персидским заливом. Перед полукруглым секционным кожаным диваном – плазменный телевизор с экраном шестьдесят пять дюймов. В обеденной зоне – небольшой конференц-стол и стулья в тон. Кухня оснащена встроенным холодильником.

За двустворчатыми дверьми, с мраморной площадкой перед ними, спальня. Ванная, отделанная мраморным ониксом, с двойным душем, гидромассажной ванной и балконом, выходящим на Персидский залив.

Скинув туфли, Дэвид хватает меню обслуживания номеров и ложится на двуспальную кровать.

Пожалуй, я все же смогу заставить себя привыкнуть к этому...

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Когда воды становится уже по пояс, Стивен Моретти расстегивает ремень безопасности командирского кресла. Стивена колотит от холода. Запустив пальцы в кудрявую каштановую шевелюру, он начинает выдергивать пряди волос, чтобы привести себя в чувство и постараться не сойти с ума.

«Медуза» застряла на дне «Загона для мег» на глубине семидесяти футов. Рация сдохла, акриловая сфера набирает воду со скоростью дюйм в минуту... Перспектива утонуть, конечно, не может не пугать, но в данный момент Моретти боится совсем другого.

Подняв глаза, он видит под поверхностью зловещий силуэт мег, явно настроенного на то, чтобы помешать пилоту покинуть «Медузу».

Какого черта парни возятся там наверху?! Они ведь должны знать, что «Медуза» обесточена!

Моретти смотрит на струйку воды, упорно просачивающуюся сквозь трещину в корпусе. Дышать становится все труднее, мысли начинают путаться. Моретти заставляет себя сосредоточиться на своей жене Мэри и на свете его очей, их прекрасной дочери Энни. Перед его мысленным взором пролетают воспоминания: поездки с Энни в Новую Англию для осмотра окаменелостей... рыбалка с семьей и друзьями в Кейп-Код... *Лови и отпусай... Лови и отпусай... Энни, нет смысла их оставлять. Просто сматывай удочку и потом отпусай их.*

Моретти поворачивает голову, его внимание привлекает какое-то движение. Это Бела – Повелительница Тьмы кружит у самого дна, ее змеиные движения становятся более резкими, спина выгибается, после чего акула делает рывок вперед и атакует «Медузу».

Бабах!

Сорокафутовый детеныш мег врезается в акриловую сферу, словно спортивный автомобиль в «фольксваген-жук». В результате столкновения Белль ломает два нижних зуба, а Моретти вылетает из кресла и падает лицом вниз прямо на панель управления. «Медуза» беспомощно катится по дну бассейна и снова останавливается. У Моретти из ноздрей течет кровь, он сломал себе нос о панель управления. Капельки крови растворяются в воде в районе грудины.

Над головой промелькнула тень Лиззи.

Моретти бьет дрожь, разум отчаянно борется, балансируя на грани безумия. *Пять минут, максимум десять. Представь себе самое худшее, представь себе, что им не удастся вовремя до тебя*

добраться... Какие у тебя варианты? Открыть люк... дождаться, когда Бела сделает очередной заход, после чего пулей рвануть на поверхность. Десять секунд подъема, еще пять, чтобы подплыть к краю бассейна...

Моретти вглядывается в кружащий над головой белый силуэт. *Полюбуйтесь на нее. Она меня ждет... будто знает, что есть только один выход. Ну что, рыбка, думаешь, ты самая умная? Да пошла ты, сука поганая! Я лучше здесь сдохну, чем позволю себя сожрать!*

Его члены конвульсивно дергаются от страха, когда воды становится по горло.

Джонас Тейлор дрожащими руками застегивает громоздкий пахнущий костюм – пористый мокрый гидрокостюм с вшитой в него сетью капиллярных трубок. Вирджил протягивает Джонасу бутылочку красной краски с путресцином – разработанным ВМС США химическим составом с резким запахом наподобие запаха гниющей рыбы. Надо лишь дернуть за шнур – и путресцин выступит наружу из всех пор гидрокостюма.

Поднятая стальная стрела подъемного крана поворачивается в нужном направлении и теперь вновь нависает над «Загоном для меча» и обесточенной «Медузой». Возле лестницы подъемного крана Фрэн Риццито разматывает трос катушки портативной гидравлической лебедки.

Вирджил пристегивает свободный конец троса к брезентовой страховочной обвязке Джонаса:

– Док, кроме шуток, это самая дурная затея, которую я когда-либо видел.

– Ну тогда у тебя еще не все потеряно. – Джонас пытается вставить помпу гидрокостюма в открытую бутылку с путресцином. – Ну что, Мак готов?

– Он там.

И действительно, на другой стороне бассейна к стреле еще одного автокрана подвешен на тросах «Морской дьявол». Тед Бадо и его команда только что заменили правый поврежденный винт.

– Мы готовы, – сообщает Тед, связавшийся по рации с Вирджилом.

Вирджил закрепляет на талии Джонаса грузовой пояс весом восемьдесят фунтов, а Фрэн протягивает маленький баллон с воздухом,

подсоединенный к маске со встроенным радиопередатчиком.

– Хорошо, дорогуша, перед тобой задачка не для среднего ума. Белль каждые сорок секунд делает круг возле «Медузы». Но проблема не в ней, а в Лиззи. Она отказывается покидать поверхность бассейна. Воздуха у Стивена осталось всего на несколько минут, поэтому нам надо торопиться. Когда ты пойдешь к тому месту, откуда будешь прыгать, то увидишь блок, специально прикрепленный под стрелой крана. Я пойду с тобой, чтобы пропустить трос через этот блок. И как только Мак отвлечет внимание сестренки, ты сразу прыгнешь. Доктор Стелзер сейчас в галерее. Он будет с тобой на связи. Без стандартного баллона с воздухом и с грузовым поясом ты максимум за пять секунд, как якорь, упадешь на дно. Тебе нужно будет найти свободный конец одного из двух тросов подъемного крана. Когда его обнаружишь, сразу же сообщи наверх, затем активируй вонючий гидрокостюм, сбрось грузовой пояс, а я мигом вытащу тебя из воды, ты и оглянуться не успеешь. Оставляю тебе сто тридцать футов длины троса. Пятьдесят – чтобы спуститься на дно, семьдесят – чтобы добраться до «Медузы», ну и еще десять – так, на всякий пожарный.

– А этого хватит?

– Доверься мне, дорогуша. Когда окажешься в бассейне, еще сто раз пожалеешь, что трос такой длинный. Я серьезно, Джей Ти. У тебя только одна попытка. Что бы ни случилось, не бросай трос.

– Вас понял.

Джонас поднимается по лестнице к стреле крана, Фрэн подталкивает Джонаса сзади. Его мышцы словно налились свинцом, тело дрожит от переизбытка адреналина, ледящего душу страха и дополнительных сотен фунтов снаряжения. Надев маску с маленьким баллоном воздуха, Джонас говорит в передатчик:

– Джон, как меня слышишь?

– Громко и отчетливо, – отвечает доктор Стелзер, расположившийся в главной галерее тремя этажами ниже. – Сообщи, когда выйдешь на позицию.

Джонас забирается на верхушку пятидесятифутового крана и осторожно ступает на стальную стрелу шириной четыре фута, стараясь не смотреть вниз на белого монстра, нарезающего круги на поверхности воды. *Не спеши, прыгни, не дай Лиззи тебя увидеть.* Вдох – выдох, вдох – выдох, маска запотевает, затем снова становится

прозрачной, запотевают... становится прозрачной, нервы натянуты как струна, руки-ноги дрожат. Еще тридцать футов – и вот он уже в нужной точке, отмеченной наклеенной крест-накрест серой липкой лентой.

Он садится на край стрелы, позволив Фрэн отцепить трос от страховочной обвязки. Лежа на животе Фрэн пропускает трос через блок, затем снова прикрепляет свободный конец к страховке.

– Все в порядке, Джей Ти. Можешь приступать. Только запомни, ни в коем случае не бросай трос.

Джонас провожает Фрэн взглядом, после чего говорит в передатчик:

– Джон, я готов. Мак, как меня слышишь?

– Слышу хорошо, Сумасшедший Профессор.

– Мак... мне до него еще расти и расти. При первом же намеке на неприятности живо убирай «Морского дьявола» из бассейна.

– Сперва скажи, что ты понимаешь под неприятностями. Лично для меня неприятности – это неожиданный запор... Что в данный конкретный момент мне явно не грозит.

– Если у тебя есть хоть какие-то сомнения...

– Я как-нибудь сам разберусь, Кочис^[5]. Лучше следи за собой. И постарайся вернуться назад с тросом Моретти.

Мак сидит, пристегнувшись, в кабине «Морского дьявола», подвешенного в десяти футах от края восточной стены «Загона для меча». Обшаривая глазами бассейн, Мак пытается отыскать свинцово-серую спину Белль. И обнаруживает, что она уходит на глубину, направляясь к северной части бассейна.

Мак запускает двигатель подводного аппарата и сигнализирует Бэрду, который, вернувшись в кабину подъемного крана, теперь осуществляет спуск «Морского дьявола» в «Загон для меча». Подводный аппарат аккуратно освобождается от строп, шлепается днищем на воду, двигатели начинают работать.

Лиззи моментально фиксирует появление нового возмущения. Альбиноска покидает свой пост над затонувшей «Медузой» и отправляется на разведку.

– Джонас, пора! Прыгай!

Господи, спаси и сохрани! Обеими руками приладив маску к лицу, Джонас делает шаг вперед и спрыгивает со стальной стрелы крана...

...пролетает пятьдесят головокругительных футов...

...и входит солдатиком в воду. Пронзая ядовитую морскую синеву, Джонас свинцовой гирей идет ко дну на такой бешеной скорости, что у него от страха душа уходит в пятки, а барабанные перепонки, словно попав в тиски, готовы вот-вот лопнуть. Но лицо плотно закрыто маской, и ему даже не зажать нос, чтобы уменьшить давление на уши.

Джонас ударяется ногами о твердую поверхность поврежденной обшивки «Медузы». От внезапного столкновения у него подворачивается лодыжка, в результате колени врезаются в грудь, дыхание перехватывает. Перевернувшись вверх тормашками, он скользит на ягодицах по акриловой сфере и кулем падает на дно бассейна.

Вжав обе педали в пол, Мак крепко держит во вспотевших ладонях джойстики, направляя «Морского дьявола» ко дну бассейна... и тут подводный аппарат внезапно подрезает Белль. Акула открывает пасть, готовясь к роковому укусу...

...но промахивается. Мак отпускает правую педаль и с помощью джойстиков закладывает правый вираж, ловко увернувшись от Белль. И в этот самый момент прямо у него над головой появляется расплывчатое белое пятно: это вторая сестричка предприняла атаку сверху.

Мак кладет аппарат на левый борт, «Морской дьявол» скребет брюхом дно бассейна, но затем выравнивается и на скорости двадцать узлов вихрем пролетает мимо разинутых челюстей Лиззи.

Моретти барахтается в воде, отчаянно ловя ртом последние шесть дюймов воздуха. Почувствовав удар по корпусу судна, Моретти делает вдох, ныряет в воду, прижимается лицом к стеклу и видит, как его друг и работодатель пытается подняться на ноги, чтобы встать на дно. *Мать Божья... какого черта он здесь забыл?!*

Синий мир кружится перед глазами, когда Джонас пытается дышать в маску, он едва держится на ватных ногах, сопротивляясь натиску бурного искусственного течения. *Двадцать секунд... Ну давай же, кретин! На хрена ты это делаешь?! Хватайся за трос и убирайся отсюда ко всем чертям!*

– Джонас, это Джон! Ты меня слышишь?

– Угу.

Джонас поворачивается и видит доктора Стелзера, который смотрит на него из окна галереи. Субтильная фигура биолога за четырехфутовым акриловым стеклом кажется гигантской.

– У твоего левого колена... трос!

Джонас смотрит вниз. Видит трос. Неуклюже тянется за ним. Перед глазами огненные круги... И промахивается.

– Боже мой, нет!

Панические нотки в голосе биолога действуют на Джонаса, как электрический разряд. Титаническим усилием воли Джонас заставляет себя сосредоточиться. И вот похожий на змею трос уже крепко зажат в правом кулаке...

Внезапно прямо перед Джонасом в акриловом стекле появляется отражение хищницы-альбиноски.

– Нет! Тащите меня наверх!

Джонас пытается снять левой рукой грузовой пояс, а Фрэн тем временем переключает правой рукой лебедку на реверс. Катушка начинает наматывать трос, поднимая Джонса со дна, где осталась лежать «Медуза»...

...прямо навстречу атакующей его белой бестии! Лиззи поворачивает голову, ее вытянутые вперед челюсти широко открываются, чтобы в один присест заглотать жертву...

...но тут Джонас резко дергает за шнур пахучего гидрокостюма, что инициирует пятьсот крошечных взрывов путресцина, обволакивающего тело Джонаса красной дымкой.

Лиззи резко меняет направление, запах смерти отпугивает хищницу.

Крепко сжимая стальной трос, Джонас, словно реактивный снаряд, летит к поверхности...

...мимо «Морского дьявола», выписывающего восьмерки, чтобы спастись от Белль, которая с маниакальным упорством пытается достать рылом хвостовое оперение, но не может поймать верткий подводный аппарат, направляющийся прямо к южной стене бассейна.

– Проклятье! – Мак с силой жмет на педали и тянет на себя джойстики.

Подводный аппарат резко всплывает на поверхность, выныривает из бассейна, переваливается через четырехфутовое ограждение «Загона

для меча», с шумом проскакивает по двенадцатифутовой бетонной отмостке и тяжело приземляется на брусчатку, да так, что у Мака крошатся задние зубы. Подводный аппарат продолжает скакать и вертеться еще восемь футов... после чего перелетает крылом вперед через край северной подпорной стенки лагуны и плюхается в голубые тихоокеанские воды – прямо в «Логово Ангела».

Внезапно оказавшись в воздухе, Джонас чувствует себя марионеткой на веревочке. Он с такой силой врежется спиной в блок подъемного крана, что от удара едва не теряет сознание. Секунду, растянувшуюся на целую вечность, Джонас, притиснутый к стальной стреле крана, беспомощно болтается над «Загоном для меча», зажав в правом кулаке свисающий трос от «Медузы».

Джонас смотрит затуманенными глазами, как сестренки кружат у поверхности бассейна, их широкие спины образуют нечто вроде оживших уродливых символов инь и ян, но только до тех пор, пока темная спина неожиданно не исчезает в толще воды. Перед мысленным взором Джонаса внезапно возникает картина жуткой гибели Анжелики, и это действует на него как ушат холодной воды.

– Фрэн, спусти меня вниз! погоди! Не вниз! Просто вытрави несколько футов троса... только несколько футов!

Фрэн опускает дрожащие пальцы на панель управления лебедки. *Просто легкое нажатие. Нажать и переключить.* Она нажимает на кнопку «Вперед», затем – на «Стоп», вытравив шестнадцать футов троса.

И в этот самый момент из бассейна выпрыгивает Белль, по вытянутым вперед челюстям стекает морская вода. Фрэн оперативно переключает лебедку на реверс. Джонас, снова прижатый к стреле, мертвой хваткой вцепляется в нее руками и ногами. А в восьми футах от него Белль в бессильной злобе хватается зубами холодный воздух залива Монтерей, после чего шлепается всей своей двадцатитонной тушей обратно в аквариум, чудом не задев полудюймовый стальной трос, по-прежнему свисающий с руки Джонаса.

Фрэн опрометью кидается к Джонасу по раскачивающейся стреле. Срезает рыбацким ножом страховочную обвязку и помогает Джонасу встать на ноги. И уже вдвоем они быстрым шагом идут назад по стреле, волоча за собой трос.

Мак открывает глаза, силясь понять, что к чему. *Я по-прежнему в воде? Какого хрена?!* Прозрачная лазурь вод «Загона для меча» сменилась темной синевой Тихого океана. *Господи Иисусе... из огня да в полымя...*

Стряхнув с себя наваждение, Мак с силой нажимает на педали, аппарат начинает кружиться волчком.

– Блин, чертов винт накрылся!

Блип... блип... блип... блип...

Мак смотрит на бортовой сонар, сердце начинает тревожно биться в унисон с высокочастотными звуковыми сигналами. Что-то огромное выплывает из канала в лагуну, направляясь прямо к подводному аппарату.

Ангел...

С трудом оторвав от скамьи свое грузное тело, Brent Nicols поспешно идет от «Загона для меча» к западным трибунам рядом с каналом. И внезапно прирастает к месту, чувствуя слабость в ногах, при виде поднимающегося из водных глубин гигантского древнего хищника, от одного размера которого голова идет кругом. Спина Ангела шириной с трехполосную автомагистраль. Белая шкура люминесцирует и, точно айсберг, озаряет водный мир вокруг. В отличие от своих не в меру резвых детенышей, взрослый мегалодон скользит медленно и плавно, как подобает подлинной владычице здешних мест. Акула лениво разрезает волны возвышающимся над водой хвостовым плавником, оставляя за собой буруны.

Над водой поднимается треугольная голова с тупым коническим рылом, и у доктора Николса перехватывает дыхание. Из ощеренной пасти обрушивается пенистый водопад, мощный хвост хлещет по поверхности, поднимая шестифутовые волны, которые перекатываются через северную подпорную стенку, так что доктор Николс оказывается в луже воды.

А затем доктор Николс видит это: плоский коричневый объект, являющийся, скорее всего, подводным аппаратом Мака. Подводное судно описывает странные круги, словно раненая рыба. Хаотичные движения привлекают внимания монстра.

Учуяв посторонний объект, Ангел направляется на разведку. Она медленно кружит возле подводного аппарата, затем внезапно поворачивает голову набок, хватая челюстями воду, словно в рефлекторной попытке попробовать на зуб раненую жертву.

С поврежденным правым винтом у «Морского дьявола» нет никакой возможности для маневра. Увернувшись от зубов Ангела, подводный аппарат катится вниз мимо трепещущих жаберных щелей меча и оказывается под огромным грудным плавником, простирающимся над кабиной судна, точно крыло авиалайнера. Акула яростно хлещет по воде хвостовым плавником. «Морской дьявол» лишь чудом избегает удара.

Пытаясь выжать максимум скорости из поврежденного аппарата, Мак направляет его в сторону дна, а оттуда – к входу в канал. Двенадцать узлов... пятнадцать... *А нужно не меньше тридцати, чтобы проскочить через колючую проволоку над воротами в канал. Одна надежда на высокий прилив!*

Характер течения внезапно меняется, значит Ангел бросилась в погоню. *Только не оглядывайся. Сосредоточься на гидродинамике. Следи за уровнем крыльев, при этом жми на левую педаль... задействуй правый джойстик...*

«Морской дьявол» на скорости двадцать узлов покидает лагуну и входит в канал. У Мака уже закипают мозги, руки и ноги напряжены в отчаянной попытке выровнять судно, рыскающее под напором встречного течения из отверстий в воротах.

Двадцать два узла.

Нужно чуток прибавить. Рискнуть и выжать максимальную скорость. Погрузиться еще глубже... по крайней мере на сорок футов, а иначе можно напороться на проволоку.

И вот впереди уже маячат расплывчатые очертания ворот. Мак лихорадочно обдумывает маневр, определяет скорость и расстояние, прикидывает, когда лучше начать быстрый подъем.

Не сейчас... не сейчас... Пора!

Мак задействует уцелевший винт, изо всех сил тянет на себя джойстик, выжимает двадцать шесть узлов, резко направляя подводный аппарат вверх.

«Морской дьявол» взлетает в воздух, перескакивает через восьмифутовые кольца колючей проволоки, натянутой над воротами в

канал, и плюхается в открытый океан, перекатываясь, как бочка.

Ангел буквально дышит Маку в спину. Мощный взмах хвостового плавника – и акула выпрыгивает из воды, проехавшись брюхом по колючей проволоке. Толстые спирали растягиваются и обвиваются вокруг грудного плавника Ангела, пригвоздив ее живот к верхней части подводных ворот. В какой-то душераздирающий момент голова и жабры акулы остаются над водой, верхняя часть тела дергается, пытаюсь обрести равновесие.

Вынырнув на поверхность, Мак наблюдает за происходящим, сердце бешено бьется, левая нога напряженно застывает над педалью газа.

– Падай назад, черт бы тебя побрал! Кончай трепыхаться и просто падай назад.

Ангел отчаянно хватается пастью воздух, начиная паниковать. Она извивается и крутится, взбивает хвостом воду в канале, но, несмотря на все старания, у попавшей в ловушку семидесятичетырехфутовой доисторической акулы не хватает сил для решающего рывка к свободе. Ведь у акул нет задней передачи!

Волна застаёт Мака врасплох. Едва не перевернув подводный аппарат, она подхватывает его и тянет назад, прямо к насаженному на проволоку монстру. Тогда Мак с силой вжимает педаль и, прибавив скорость, направляет подводное судно снова в открытое море.

Тем временем накативший вал обрушивается на Ангела, поднимает ее вверх и перекидывает через стальные ворота в канал, возвращая обратно в родные пенаты.

Затопленную «Медузу» медленно поднимают со дна, единственный трос автокрана с трудом справляется с грузом. Акриловую сферу опускают на бетонную площадку, из трещины в корпусе струится вода. Бросившись первым к поврежденному судну, Вирджил пытается отжать задвижку верхнего люка ломиком. К нему на помощь бросаются остальные члены команды.

Где-то на прибрежном шоссе тишину ночи пронзает сирена кареты «скорой помощи».

А в открытом море беременная самка горбача продолжает свой путь на юг, не подозревая о том, что судьба и несколько счастливых дюймов спасли жизнь ей и ее еще не родившемуся детенышу.

Однако судьба не всегда бывает столь благосклонна. А счастливых дюймов не хватает на всех.

Джонас Тейлор, завернувшись в шерстяное одеяло, молча наблюдает с высоты пустой трибуны, как его служащие вынимают безжизненное тело Стивена Моретти из водяной могилы.

Глава 11

Дубайленд

Дубай, Объединенные Арабские Эмираты

Дэвид Тейлор, лежа в кровати, смотрит на электронные часы: 4:46.

Несмотря на потрясающий вид из окна, пятизвездочное обслуживание номеров, двуспальную кровать и пуховые подушки в избыточном количестве, Дэвид практически не сомкнул глаз. Ему потребовалось несколько часов, чтобы заснуть, поскольку в его отяжелевшей после утомительного перелета голове шел нескончаемый мысленный диалог. В результате он забылся беспокойным сном лишь после десяти вечера, а буквально через час проснулся от сильной одышки, так как воздух оказался непривычно сухим. Выпив несколько бутылок воды, Дэвид вернулся в постель, но уже час спустя его разбудили естественные потребности организма. В результате Дэвид промаялся так до самого утра.

4:47.

– Нет, это просто какой-то дурдом! Мне не уснуть. Мое тело все еще живет по калифорнийскому времени.

Дэвид откидывает одеяло, вскакивает с постели и начинает рыться в чемодане в поисках спортивной одежды. Обнаружив в корзинке со снеками протеиновый батончик, Дэвид съедает его в один присест, запив апельсиновым соком, кладет в карман электронный ключ, выходит из номера и направляется к лифтам.

Он спускается на лифте на третий уровень, где целый этаж занимает фитнес-клуб. В тренажерном зале никого нет. Что вполне устраивает Дэвида. Он осматривает силовые тренажеры, мысленно прикидывает план тренировки и начинает пятнадцатиминутный разогрев на велотренажере.

Дэвид лежит под углом тридцать градусов на наклонной скамье, заканчивая третий круг жимов гантелей, когда в поле его зрения внезапно появляется Кайли.

– Доброе утро, чемпион. Тебе помочь?

– Нет. Сам справлюсь.

Дэвид продолжает «жать железо», по лицу стекают струйки пота, руки дрожат. Он переводит взгляд с обтянутых спандексом бедер девушки на ее обнаженную талию, накачанный брюшной пресс и упругую грудь в спортивном бюстгальтере в тон спортивным штанам. Кайли отвечает Дэвиду улыбкой. Не выдержав, он кидает гантели на резиновый мат и садится.

Кайли бросает ему чистое полотенце из лежащей рядом стопки:

– Ну как спалось?

– Не могу сказать, чтобы хорошо. В моем номере явно не помешал бы увлажнитель воздуха или типа того.

– Я тоже промучилась от бессонницы. Тебе нужно было прийти ко мне.

– Ты серьезно?

– Абсолютно. Могли бы посмотреть вместе какой-нибудь фильм. Я привезла из дому кучу DVD.

– Значит, DVD. Ладно. – Дэвид наблюдает за тем, как она растягивает подколенные сухожилия. – Похоже, ты часто ходишь в спортзал.

– Я тренируюсь для триатлона. В прошлом году я четыре раза участвовала в соревнованиях. Мой лучший результат – три часа семь минут. Но моя цель – два пятьдесят.

– Класс! Лично я вряд ли добрался бы до финиша.

– Конечно добрался бы. Ты в отличной форме. – Кайли выбирает одну из трех беговых дорожек и начинает бег. – Сразу почувствуешь себя лучше... Главное, найти подходящий темп. Самой большой глупостью в моей жизни было то, что я не намазала кожу кремом. Судороги в икрах – ничто по сравнению с натертостями... Я даже ободрала соски.

– Ну да. Представляю, как тебе было погано.

– Итак? А ты сам-то для чего тренируешься?

– Я? Для футбола. Играл в университете. За ресивера. Мы дважды выигрывали чемпионат штата. А еще бегал на короткие дистанции. Сто и двести метров. Меня даже приглашал тренер из Флориды. Говорил, у меня хорошие шансы.

– Круто!

Дэвид еще секунду-другую смотрит, как Кайли бежит по дорожке, после чего переходит к упражнениям по разработке мышц спины, не сводя глаз с отражения Кайли в зеркале. *Футбол... хороший заход... идиот! Тренировки начинаются через три недели, а у тебя даже нет сборника тактических схем, впрочем, как и каких-либо шансов. И когда ты в последний раз бежал на короткую дистанцию?*

Разработав бицепсы, Дэвид переходит к концентрированному сгибанию рук с гантелью, прикидывая, стоит ли делать упражнения для ног. *Нет... лучше оставлю это на завтра.* Дэвид оглядывается на Кайли, которая продолжает интенсивный бег, и подумывает о том, чтобы пробежать хотя бы милю, но ему никогда не нравились беговые дорожки, поскольку он предпочитал пробежки на открытом воздухе.

– Я, пожалуй, пробегусь по улице. Встретимся позже.

– Мне осталось двадцать минут. Ну а после пойду в бассейн. Зайди за мной туда. Мы можем вместе позавтракать.

– Ладно, это было бы здорово. – Дэвид вытирается полотенцем, машет Кайли и направляется к выходу, по дороге едва не врезавшись в стенку.

Когда Дэвид выходит из отеля, солнце еще только-только встает. Вопреки ожиданиям Дэвида, на улице довольно прохладно, так как сухой воздух пустыни еще не успел прогреться. *Спринт или пробежка на две мили? К черту спринт! Я же не собираюсь больше играть в футбол.* Дэвид начинает с растяжки квадрицепсов и задних мышц бедра, после чего бежит легкой трусцой по ведущей к океанариуму пешеходной дорожке мимо небольшого парка и стройплощадок. Ночная смена только что закончилась, и работяги из дневной смены сидят попивают кофе. Численность населения Дубая чуть больше миллиона человек, причем более восьмидесяти процентов из них – это трудовые мигранты, в основном из стран Азии, которые и заняты на строительных работах.

Дорожка выходит на авеню D – пешеходную улицу в окаймлении недавно посаженных канарских финиковых пальм и бетонных блоков с деревянными рамами, которые со временем должны преобразоваться в торговые киоски. Пешеходная улица выходит на круглую площадь, на которой будут располагаться рестораны, кафе и открытый рынок. Далее

виднеется гигантское искусственное озеро, окруженное двенадцатью огромными акульими плавниками.

А в центре озера находится океанариум.

Прямо над озером – шесть футуристических арочных мостиков из акрилового стекла и стали, которые соединяют круглую аллею с океанариумом. Сам водный комплекс в чем-то напоминает Изумрудный город страны Оз. Это пирамидальное сооружение из непрозрачного зеленого стекла, рамные конструкции которого образуют треугольники, соединяющиеся под разными углами. Дэвид уже весь мокрый от пота, колени болят от бега по бетону, а содержание глюкозы в крови резко упало. И все же он решает, прежде чем возвращаться в отель, воспользоваться случаем и осмотреть сооружение. Дэвид взбегаёт вверх по мостику, переходит на шаг, чтобы полюбоваться архитектурными деталями океанариума, и наконец оказывается на другом берегу озера перед трехэтажным павильоном.

В павильоне три входа для посетителей, но все закрыты. Дэвид уже собирается вернуться назад, но тут неожиданно замечает автотягач с прицепом.

Тягач медленно движется вверх по подъездной дороге, идущей от улицы, что на сорок футов ниже уровня павильона. Восемнадцатиколесный седельный тягач тащит установленную и прикрепленную цепями к платформе железнодорожную цистерну – контейнер длиной шестьдесят футов, шириной тридцать и высотой пятнадцать футов. Тягач сопровождает эскорт из служащих парка на гольф-карах, техников в белых лабораторных халатах и нескольких вооруженных военных полицейских на переднем сиденье тягача.

Неожиданно что-то настораживает полицейских. Они выскакивают из кабины и наставляют оружие на контейнер. Тягач останавливается, техники тотчас же начинают проверять платформу. Из вентиляционных отверстий на крыше цистерны льется вода. Цистерна начинает раскачиваться из стороны в сторону! Дэвид слышит глухой звук тяжелых ударов, словно кто-то стучит изнутри по металлу.

Они перевозят какое-то живое существо... и очень крупное!

К контейнеру подбегает низенькая блондинка лет пятидесяти, за ней следует высокий тридцатилетний мужчина. Наверняка ассистент. Осмотрев контейнер, ассистент вставляет в вентиляционное отверстие

шланг и берет пробу воды. Блондинка оперативно делает анализ пробы, а стук тем временем усиливается.

Женщина о чем-то совещается со своим долговязым ассистентом, после чего подходит к передней части контейнера, где стоят желтые алюминиевые баллоны высотой семь футов, открывает вентиль одного из них, ждет полминуты и закрывает вентиль.

Через несколько секунд шум прекращается.

Блондинка что-то говорит в уоки-токи, автоприцеп трогается с места, проезжает мимо океанариума и исчезает из виду.

Дэвид перелезает через перила ограды павильона и скользит вниз по крутому травянистому склону прямо к разгрузочной зоне. Стараясь не привлекать к себе внимания, Дэвид выглядывает из-за бетонной колонны.

Женщина отдает приказы техникам в белых халатах, которые лихорадочно отвязывают контейнер от платформы. Мостовой кран для подъема крупногабаритных контейнеров, двигаясь по потолочным рельсам погрузочно-разгрузочного дока, занимает нужную позицию. Рабочие закрепляют захваты подъемного крана на контейнере, после чего медленно снимают его с платформы и опускают на рельсы, встроенные в бетонный фундамент.

Алюминиевые двери поднимаются, из комплекса выезжает маленький локомотив. Лязгает автосцепка, и некоторое время спустя контейнер исчезает за алюминиевыми дверьми.

К тому времени, как Дэвид возвращается в отель, утреннее солнце, поднявшееся над горизонтом, уже принесло с собой ощущение вернувшегося сухого зноя. Дэвиду хочется залезть под душ, но вместо этого он направляется к бассейну.

Кайли в одиночестве плывет вдоль дорожки. Служащие, лениво расставляющие шезлонги вокруг бассейна, с вождлением поглядывают на девушку, явно восхищаясь ее физической формой. Дэвид стаскивает пропотевшие кроссовки и прыгает в бассейн прямо футболке, шортах и носках. Прохладная вода тотчас же возвращает его к жизни. Он полощет рот, стягивает футболку и носки, выжимает и швыряет на ближайший шезлонг. *Отлично... со стиркой вопрос решен.*

– Эй! – Кайли подплывает к Дэvidу и снимает очки. На девушке красный сплошной купальник «Спидо». – Я уже тебя заждаюсь. Не

слишком-то приятно вылезать из бассейна под масляными взглядами всех этих работяг. У меня от них мурашки по коже. Ну как пробежка?

– Хорошо.

– И где был?

– Да так, особенно нигде.

– Врунишка. Ты был у океанариума, да? И так? Какой он из себя?

– Классный! Очень красивый... По крайней мере, снаружи.

Собственно, пока там и смотреть-то особо не на что.

Кайли сверлит Дэвида взглядом, читая по его лицу, как по открытой книге:

– Тогда почему ты так странно себя ведешь? Ты что-то видел?

– Видел – что?

– Это ты мне скажи!

Дэвид оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, что их не подслушивают:

– Они перевезли в океанариум огромный ящик. Там внутри что-то было. Я слышал, как оно колотило по стенкам.

– Ух ты! А что, по-твоему, это могло быть?

– Без понятия. Может, кит? Как бы то ни было, оно было очень большим. Напугало охрану до мокрых штанов.

– Круто! Может, чуть позже попробуем посмотреть, что там такое?

– Может быть. Кайли, только никому ни слова. Пусть это останется между нами.

– Идет. – Она придвигается поближе, гладит его по груди, проводит пальцем по бледному шестидюймовому шраму с левой стороны; шрам, выделяющийся на фоне загорелой кожи, тянется до дельтовидной мышцы. – Очень сексуально. А как ты его заработал?

– В старших классах. Мэри Алейна Эдвардс. Она разбила мне сердце, а потом вырвала из груди, совсем как жрец майя, совершающий жертвоприношение своим богам.

– Интересный образ.

– Чистая правда. Она предупреждала, чтобы я не смел в нее влюбляться, но я ничего не мог с собой поделать.

Кайли, наклонившись, нежно целует его в губы:

– Дэвид, больше всего я ценю свободу. И не хочу, чтобы меня хоть что-то связывало.

– Связывало? Я тоже не хочу. Никогда не был особым любителем садомазо.

– Заткнись! – Кайли обнимает его за шею и снова целует, на сей раз уже страстно...

И ни один из них даже не подозревает, что шестью этажами выше кто-то внимательно за ними наблюдает.

Глава 12

«Корона и якорь»

Монтерей, Калифорния

Британский паб расположен в сердце деловой части старого Монтерея, неподалеку от Каннери-Роу. Полы здесь из красного дерева, подпорки и стены в тон украшены артефактами со старинных парусников. Это одно из тех мест, куда ныряешь, чтобы укрыться от непогоды, и где потом застреваешь на несколько часов за одной или тремя кружками пива с новыми друзьями.

А в час дня – это отличное убежище.

Сорокалетний Патрик Данкан был примерным отцом, воспитывавшим в одиночку своих дочерей подросткового возраста с того самого дня, как его бывшая жена ушла от него, отдав предпочтение однополой любви. Опустошенный двенадцатью годами семейных ссор, Патрик, финансовый аналитик в крупной фирме, взял недельный отпуск и уехал в Монтерей.

Итак, сидя в баре, Патрик уже два часа беседует с Вики Линн Лоэр – преподавательницей морской биологии в средней школе Джексонвилла, Флорида. Вики, помешанная, по ее собственному признанию, на акулах, неделю назад совершила паломничество в Монтерей, чтобы посмотреть на Ангела и ее детенышей. Но поскольку Океанографический институт Танаки закрыли на неопределенное время, Вики часами бродила по Тихоокеанскому побережью, воскрешая в душе старую любовь к этому океану. В принципе она не привыкла приводить к себе домой мужчин, с которыми познакомилась в баре, но Патрик – очень хороший слушатель, а жизнь так коротка.

Мысли о бренности всего земного терзают и седовласого джентльмена, сидящего в одиночестве в угловой кабинке. Он не притронулся к супу из моллюсков, хотя с самого утра у него во рту не было и маковой росинки. Он не заслуживает хлеба насущного. Он не заслуживает компании других людей. Он не заслуживает жалости.

Шесть часов назад прямо у него на глазах умер близкий друг. Смерть его была настолько ужасной, насколько и бессмысленной. Но самое страшное, что винить в этом было некого, кроме самого себя. *Какая, на хрен, необходимость была в образцах ДНК?! И разве тебе так уж нужно было знать генетическую историю помета этих монстров? Можно подумать, эта информация стала бы новым словом в морской биологии...*

Что я скажу его жене и дочери? Как посмотрю им в глаза? Мэри, прими мои соболезнования. Я знаю, что сегодня разрушил твою семью, но если тебе от этого легче, то я разрушил и свою жизнь тоже.

А как насчет моих жены и дочери? Как я объясню им свои действия? Терри уже много лет уговаривает меня продать институт... Ведь она на грани нервного срыва. Да и вообще, они заслуживают лучшего мужа и отца, чем такого, который будет прыгать в «Загон для меча», словно живая наживка. А как насчет Мака? Я заставил его рисковать жизнью. Как я теперь посмотрю в глаза ему или его жене?

Джонас глядит на свое отражение в стекле фотографии в рамке. Седые волосы. Сгорбленная спина...

«Роллинг стоунз» были правы: до чего противно стареть. Хотя к ним это не относится. Может, мне стоит продать институт и взять в руки гитару...

Джонас бросает взгляд на другую кабинку, где сидят завсегдатаи заведения: Максин Дэвис и Лили Баррис. Максин уже перевалило за девяносто, Лили – за восемьдесят. Активные пожилые дамы, живущие в доме на колесах. Счастливые. Довольные. Спокойные как танк.

Еще бы... Ведь они вроде сегодня никого не убили.

В бар входит Мак. Подходит к бармену, семидесятилетнему Дону Рютенику, который смотрит по первому спортивному каналу лучшие моменты игры «Кливленд индианс» – «Детройт тайгерс». Бармен не удосуживается оторвать глаза от экрана:

– Он в угловой кабинке. Только зря занимает место и тратит мое время. Через десять минут выгоню его взащей. Суп из моллюсков будешь?

– Налей его в плоску вместе с ржавым бритвенным лезвием.

Мак кивает парочке за барной стойкой и направляется к кабинке Джонаса:

– Эй, ты слышал анекдот о парне, который страдал дислексией и случайно наступил на бюстгальтер? – Не дождавшись ответа, Мак садится напротив Джонаса. – Ну и что дальше, Ивел?

Джонас поднимает глаза:

– Как ты меня назвал?

– Ивел Книвел^[6]. Пожалуй, твоим следующим трюком будет прыгнуть в «Загон для меча» на мотоцикле, обвесившись свиными сардельками.

– Мак, не сейчас.

– Джонас, мне тоже очень жаль Стивена. Он был хорошим парнем, и нам будет его не хватать. Я также знаю, что невозможно найти подходящих слов, чтобы ты перестал посыпать свою седую голову пеплом и перестал себя грызть, но на сей раз тут не было твоей вины.

– С чего ты взял?

– Во-первых, Моретти понимал, что идет на риск, с самого первого дня, когда подписался на работу в твоём маленьком зоопарке. Ему хорошо платили, и он туго знал свое дело. И при всем при том он любил свою работу. Во-вторых, у тебя не было выбора. Даже если бы мы не перерубили трос подъемного крана, Моретти так или иначе застрял бы в бассейне с Белль и Лиззи. В-третьих, Стивен мог покинуть «Медузу» в любой момент, но не стал рисковать. А вот ты, наоборот, прыгнул в бассейн, чтобы спасти его. И это, мать твою за ногу, было самым тупым, самым дурацким поступком с тех пор, как некий безмозглый кретин прищпандорил к рукам пару крыльев и сиганул со скалы, поверив, что может летать!

– Ну, если я на втором месте, то ты у нас точно на третьем. Ведь я велел тебе выметаться из воды, если дело примет плохой оборот. Вот уж не думал, что ты окажешься настолько глупым, чтобы приземлиться в лагуне Ангела.

– Эй! Не одному тебе ловить кайф. А я что, рыжий?!

Джонас усмехается:

– Два старых придурка, да?

– Верно подметил, амиго... Хотя в последнее время я стал чуток поживее.

– И улыбаешься чаще. Похоже, это новое слабительное хорошо на тебя действует. Ну так в чем дело?

– Очевидно, в моей спермограмме. – Мак улыбается от уха до уха. – Триш беременна.

У Джонаса моментально светлеет лицо.

– Ух ты! Не может быть! А когда ты узнал?

– Недавно. Если по-честному, я вроде как в шоке.

– Черт, это лучшие новости, которые я слышал за последние годы! – Джонас сжимает друга в медвежьих объятиях.

Тем временем к столику подходит Дон Рютеник с миской домашнего супа из моллюсков:

– Эй, хорошенького понемножку. Педерастам в мой бар вход воспрещен. – Он ставит миску с супом перед Маком. – Только ешь побыстрее. Мы закрываемся.

– А ты положил, как я просил, ржавые бритвенные лезвия?

– С лезвиями напряженка. Я приправил крысиным ядом. – Бармен окунает указательный палец в миску Джонаса. – Ну вот, зазря перевел целую миску отличного супа. Что с тобой стряслось?

– Я бы сказал тебе. Но ведь ты закрываешься. Кстати, можешь поздравить Мака. Он скоро станет папой.

Рютеник смотрит на Мака с лукавой ухмылкой:

– А ты уверен, что ребенок не от парня из почтовой службы экспресс-доставки?

– Может, дело в твоём супе? А вдруг он помог мне притормозить процесс старения?

– Если верить моей жене, то это вряд ли. – Рютеник забирает миску Джонаса и шаркает с ней на кухню.

Джонас хлопает Мака по руке:

– Придурок! Какого хрена ты сегодня рисковал своей жизнью, если у тебя на подходе ребенок?!

– У тебя тоже есть дети! А ты зачем туда полез?

– Это мое дело.

– По моим последним данным, у меня двадцать пять процентов.

– Я совсем другое имел в виду. И ты это прекрасно знаешь. Теперь тебе нужно быть более осторожным, ты уже не желторотый птенец.

– Чья бы корова мычала, старый пердун! Ты ходячая реклама гериатрического общества... Сам едва ковыляешь, колени ни к черту, на кладбище прогулы ставят, а все туда же... прыгаешь в бассейн с

акулами, точно ты герой фильма «Крепкий орешек». Посмотри правде в лицо. По сравнению с тобой я просто племенной жеребец.

– Ладно, сдаюсь. Мы оба придурки.

– Согласен. Но если ты грешным делом планируешь уйти на покой, даже и не надейся, что я последую твоему примеру.

– Отлично!

– Хорошо! А теперь давай поговорим о деле. У нас серьезные проблемы, причем одна из них – в том, что наша кинозвезда стала стесняться камер. И что теперь?

Джонас смотрит на друга:

– Закроем вход в канал из лагуны.

Мак уже собирается ответить, но тут к ним снова подходит Дон Рютеник с миской дымящегося супа для Джонаса:

– Разогрел в микроволновке. Бесплатно. Дамы, мы через пять минут закрываемся.

Дождавшись, когда бармен уйдет, Мак продолжает разговор:

– Запечатать лагуну потребует от нас чертовски сложных инженерных решений. Более того, нельзя забывать, что отверстия в воротах канала позволяют использовать океан как систему фильтрации. В противном случае нам придется добавить еще фильтров и систем озонирования... Одним словом, понадобится все то, что мы используем для очистки воды в «Загоне для мег».

– Я знаю.

– Ладно. Допустим, ты решишь запечатать ворота. Тогда как ты планируешь производить ремонтные работы, если Ангел по-прежнему будет в лагуне?

– Закажем сборный барьер. Когда он будет установлен, осушим канал и укрепим стену. Само собой, Ангела придется накачать релаксантами. У меня есть кое-какие идеи, как это сделать. Но сперва я хочу посоветоваться с доктором Николсом. Кстати, ты его видел?

– Укротителя акул? Ага. Он взял образец ДНК, который Стивен сумел раздобыть у Белль, и исчез.

– Скорее всего, он в лаборатории. – Джонас достает сотовый телефон, включает его и набирает номер.

– Лаборатория. Стелзер.

– Джон, это Джонас. Почему ты до сих пор там?

– Джонас, где тебя черти носят? Мы весь вечер пытаемся до тебя дозвониться. Ладно, не бери в голову. Просто приезжай в лабораторию. Доктор Николс обнаружил нечто из ряда вон выходящее.

Глава 13

Дубайленд

Дубай, Объединенные Арабские Эмираты

Высушив волосы феном, Дэвид Тейлор заглядывает в спальню проверить время: 9:34.

От радостного возбуждения у Дэвида учащается сердцебиение, мысли постоянно возвращаются к утренней сцене. Кайли прильнула к нему всем телом, их прикосновения становились все более провоцирующими, страсти накалялись, но кругом было слишком много глаз. Собрав вещи, они поднялись в стеклянном лифте на свой этаж и тут обнаружили, что на часах уже 9:10, а общий сбор назначен на десять утра.

– Мне нужно принять душ. Зайди за мной без четверти десять, и мы вместе спустимся на лифте. – Кайли сопроводила свои слова долгим страстным поцелуем.

Дэвид по-прежнему чувствует вкус ее губ.

Он выходит из ванной, снова смотрит на часы в спальне: 9:37. *Что лучше надеть?*

Вывернув содержимое чемодана на кровать, Дэвид начинает рыться в грудe измятой одежды. *Джинсы? Слишком жарко, и они слишком тесные, чтобы было удобно сидеть в узкой кабине «Морского дьявола». Нет, пожалуй, стоит надеть либо спортивный костюм, либо шорты карго и мешковатую футболку.*

Дэвид останавливает свой выбор на шортах. Полностью одевшись за полминуты, он начинает завязывать влажные кроссовки, но тут кто-то стучит в дверь.

Это Кайли. На ней тоже шорты и блузка поверх футболки, волосы по-прежнему мокрые. Кайли вталкивает Дэвида обратно в комнату, прижимается к нему всем телом, целует горячими губами:

– Прости, я не слишком рано?

– Люблю все делать заранее. – Дэвид залезает рукой ей под блузку, пытаюсь задрать футболку.

– Не сейчас, – останавливает его Кайли. – Быть может, сегодня вечером... Если будешь себя хорошо вести.

– Я всегда веду себя хорошо.

Дэвид поправляет шорты, берет ключ от номера и проходит вслед за Кайли к лифту. Они спускаются на пятый уровень, держась за руки.

Лифт останавливается прямо у акрилового моста, простирающегося над атриумом. Прозрачный переход проложен сквозь внутреннюю часть воссозданного в увеличенном виде скелета дунклеостея. Оказавшись на мосту, Дэвид и Кайли смотрят сквозь тазовый пояс монструозной рыбы на холл отеля пятью этажами ниже.

Кайли замирает у жаберных щелей, глядя на кости маленьких грудных плавников:

– Повтори, как называется эта рыба? Я никогда не была крупным специалистом по палеозойской эре.

– Произносится как «дунк-ле-о-стей». Эта доисторическая рыба, относящаяся к классу плакодермов, или пластинокожих рыб, была кошмаром девонских морей. На макете ее размер существенно увеличен. На самом деле ее длина составляла примерно тридцать футов, но при этом она отличалась исключительной свирепостью. Вместо зубов у нее имелись костные пластины, обладающие огромной разрушительной силой. Принято считать, что сила ее укуса была больше, чем у тираннозавра или меча.

Дэвид с Кайли прошли через бронированные шею и голову дунклеостея и, выйдя через рот, оказались перед стеклянной автоматической дверью на платформу монорельса.

На платформе уже ждали, разбившись на небольшие группы, остальные кандидаты в гидронавты – в общей сложности двадцать один человек. Все они в среднем лет на двадцать старше Дэвида, и все, за исключением одной женщины лет пятидесяти с хвостиком, мужчины с военной стрижкой – подтянутые и накачанные.

– Они словно из одного военторга, – бормочет Кайли.

Один из мужчин – с виду лет сорока, рост примерно шесть футов два дюйма – отделяется от своей группы, чтобы представиться:

– Ты сынишка Тейлора, так? Брайан Сьютс, капитан в отставке, Центр боевого применения военно-морских сил. Очень рад видеть тебя

здесь. – Он поворачивается к Кайли: – А ты, должно быть, Сифурт. Твой опыт работы с Грэмом Хоксом наверняка даст тебе преимущество перед другими рекрутами, половина из которых вообще никогда не садилась в подводный аппарат.

Кайли окидывает его внимательным взглядом:

– А ты что, пилот подводного аппарата?

– Старший инструктор.

Дэвид чувствует, как кровь отливает от лица:

– Значит, ты отвечаешь за подготовку. А мне казалось, что я...

– Ты будешь мне помогать. Твоя основная обязанность – заботиться о своих двух акулах. Ты же не рассчитывал, что бин Рашиди назначит ответственным за такую важную миссию двадцатилетнего пацана?

– Нет... Я просто думал...

– ...что твое умение пилотировать «Морских дьяволов» дает тебе право считаться инструктором? Конечно дает, если бы речь шла о курорте на Багамах. Малыш, там бы ты нырял для удовольствия. Ты когда-нибудь маневрировал при скорости течения тридцать узлов? Или пытался найти выход среди плавающих в радиусе трех миль обломков в условиях нулевой видимости?

– Нет, но я наверняка справился бы.

– Не сомневаюсь, что справился бы. Но только после соответствующей подготовки. Однако принц вовсе не потому велел бин Рашиди пригласить тебя на работу. Ты в первую очередь смотритель рыб и только во вторую – пилот. Понятно?

– Я что, должен отдать тебе честь?

Капитан Сьютс натянуто ухмыляется:

– Сифурт, можешь оставить нас на секундочку? – Он ждет, пока Кайли не отойдет в сторону. – Послушай, крутыш, до ВМС я был ПсО – работал в группе психологических операций. Восемнадцать месяцев изучал арабский методом полного погружения. В Ираке я более сорока раз проводил операции по оцеплению и прочесыванию местности. Жил среди арабов, курдов и езидов – относительно малоизвестного народа, который обосновался на Ближнем Востоке еще даже раньше, чем арабы. И мои отношения с местными жителями означали, что я был в курсе планов повстанцев еще до их реализации. После ранения я заработал нашивки, добывая информацию у солдат противника для

военной разведки... И туго знал свое дело. Ты, как я понимаю, всего-навсего студент колледжа на летних каникулах, по окончании которых получишь достойное вознаграждение и вернешься во Флориду доучиваться на последнем курсе. Ну а я? Я здесь, чтобы выполнить задачу, поставленную передо мной бин Рашиди – человеком, который слов на ветер не бросает. Впрочем, как и я. Так что будь хорошим мальчиком и придерживайся наших правил, поскольку в противном случае я раздавлю тебя, как букашку. Понятно?

У Дэвида от волнения вспотели подмышки.

– Понятно.

Вдалеке виднеется белый с синей полосой монорельс.

Брайан Сьютс смотрит в свой блокнот:

– Не хватает одного человека... Монтгомери. Джейсон. Он в номере три тысячи шестьсот двенадцатом. Сходи за ним.

– Есть, сэр.

Вернувшись по переходу через скелет дунклеостея к лифту, Дэвид поднимается на тридцать шестой этаж. И, мысленно проклиная все на свете, громко стучит в дверь номера 3612:

– Монти, пошли! Монти, ты там?

Через пару секунд Монти открывает дверь. Он во вчерашней одежде, взгляд отсутствующий.

– Чувак, ты чего? Ты что, хочешь пропустить первый день тренинга? – (Монти идет к дивану и садится.) – Эй, ты меня слышишь? Монорельс ждет.

Монти смотрит на Дэвида пустым взглядом:

– Ты меня удивляешь. Ведь я считал тебя просто пустым богатым мальчишкой.

– В общем-то, это не моя идея. Один отставной флотский дуболом послал меня за тобой. Правда, выглядишь ты дерьмово. Ты хоть немножко поспал?

– Поспал? Не знаю. Не могу вспомнить. – Монти ложится. – Похоже, мой доктор был прав... Я думал, что смогу держать все под контролем.

– Держать – что? Мы ведь даже не начали.

– А я принимал литий? Не могу вспомнить...

– Литий... А зачем тебе...

– Младший, ты когда-нибудь играл в футбол?

– Ну да.

– А у тебя когда-нибудь звенело в голове?

– Сотрясение мозга? Конечно... было разок.

– Умножь это на сто, и ты поймешь, что такое самодельное взрывное устройство. Черепно-мозговая травма – это такая штука, которая имеет далеко идущие последствия. Она не излечивается, она просто медленно толкает тебя в пропасть. Деменция, потеря памяти... самоубийство. Бывают дни, когда ты просто не можешь заставить себя встать с постели. Сегодня один из таких дней. Езжайте без меня.

– А ты хоть что-нибудь ел?

– Что?

– Я спросил, ел ли ты что-нибудь.

Монти тупо смотрит на закрывающиеся панорамные окна тяжелые шторы:

– Ел? Не помню.

Дэвид открывает мини-холодильник:

– Ты вообще ни к чему здесь не притронулся и не сменил одежду. Учитывая разницу во времени и уровень сахара в крови, ты, похоже, дошел до точки. На, выпей это. – (Монти залпом выпивает апельсиновый сок.) – Ну как, полегчало?

– Немного. Ты явно сможешь стать кому-нибудь хорошей женой.

– Заткнись! – Дэвид сует пригоршню питательных снежков в карман куртки Монти, берет еще одну коробку апельсинового сока и подталкивает Монти к двери.

– Ты только зря тратишь время. Мне ни за что не получить квалификации. Черт, мне еще крупно повезет, если я сумею пройти через тренинг.

– Ты ветеран войны. Предоставь это мне. Я помогу тебе пройти через тренинг.

– Спасибо, братан.

– Только не садись возле меня в монорельсе. От тебя воняет.

Монти выходит вслед за Дэвидом из номера и садится в лифт, на ходу закидывая в рот пригоршню орехов с изюмом.

– Эй, рере рудалось рела рочью рахнуть ту рипочку?

– Сперва прожуй, а уж потом говори.

– Прости. Я спрашиваю: тебе удалось вчера ночью трахнуть ту цыпочку?

– Нет.

– Не бздо. Ты ее трахнешь.

Монорельс ждет на станции. Проводник-араб стоит в дверях, препятствуя их автоматическому закрытию и дальнейшему движению монорельса.

Брайан Сьютс с блокнотом в руках ждет опоздавших рядом с проводником:

– Джей Монтгомери, учти: это твое первое и последнее предупреждение. Еще раз опоздаешь на тренинг – и отправишься напрямик домой.

– Так точно, сэр.

Капитан награждает Дэвида с Монти злобным взглядом.

Двери с шипением закрываются, эстакадный монорельс, разработанный фирмой «Хитачи», бесшумно движется по колее со скоростью примерно семьдесят миль в час. Устроившись на свободном месте подальше от остальных, Монти вываливает из карманов снэки на соседнее сиденье.

Дэвид, не в силах справиться с задетым самолюбием, проходит мимо свободного места рядом с Кайли и садится возле окна в следующем ряду.

Монорельс пролетает стрелой мимо еще двух станций в отелях, но по мере приближения к аквариуму постепенно замедляет ход. Буквально через секунду поезд уже на станции, двери с шипением открываются.

У выхода группу встречает египтянин лет тридцати с небольшим. На нем спортивный пиджак с галстуком, волосы цвета воронова крыла зализаны назад, над правой бровью – шрам.

– Добро пожаловать! Меня зовут Магед Вади Рамсес Харун. Понимаю, что вам это сложно запомнить, поэтому зовите меня просто Магед. Я заместитель директора океанариума. Сегодня утром я проведу вас, так сказать, за кулисы нашего заведения. После чего капитан Сьютс начнет тренировки по спуску на подводных аппаратах. Будьте добры, следуйте за мной.

Магед проводит их внутрь через автоматические входные двери, мимо постов охраны и проверки билетов в главный вестибюль – самый центр изумрудной пирамиды. Отсюда вниз на два этажа уходит открытый трехполосный спиральный пандус, сама же стальная

пирамида с внутренними конструкциями из алюминия имеет семь этажей.

– Это световой зал пятого этажа – Храм богов. Для посетителей будут открыты три основных уровня. Третий уровень – Зал королевы – функционирует как нижний этаж и принимает посетителей, идущих пешком через парк. Четвертый уровень, прямо под нами, – это Зал короля. Здесь расположены сувенирные киоски и ресторанный дворик. Уровень, на котором мы находимся, а именно пятый, принимает гостей отеля, пользующихся нашим монорельсом. С трех этих уровней посетители могут пройти в любую из двенадцати основных галерей.

Входы в основные галереи – по три с каждой стороны – расположены во всех четырех стенах пирамиды. Заместитель директора ведет будущих акванавтов мимо трех галерей у восточной стены, обозначенных как Т-1, Т-3 и Т-5, после чего проходит в туннель в южной стене, обозначенный как Т-4. Вход настолько широкий, что здесь может спокойно проехать автобус, потолок и стены отделаны искусственным камнем из стекловолокна. Миновав несколько пустых аквариумов шириной двенадцать футов и высотой десять футов, Магед останавливается у последнего. Черно-фиолетовая подсветка создает полное ощущение, что вы оказались на дне Марианской впадины. Потоки высокоминерализованной воды, смешанной с сажей, струятся из приземистых кратеров, сложенных из вулканических пород, на которых колышутся колонии шестифутовых призрачно-белых трубчатых червей с кроваво-красными кончиками.

– Это *Lamellibrachia luymesii* – многощетинковые черви из группы погонофор. Единственный вид, способный жить в неволе. «Черные курильщики», собственно, не являются гидротермальными источниками. Здесь происходит просачивание метана с холодной водой, аналогичное тому, что имеет место в западной части Тихого океана и у восточного побережья Новой Зеландии. Холодные просачивания способствуют выбросам метана и сероводорода, которые являются отличной питательной средой для хемотрófных бактерий. Бактерии, в свою очередь, служат пищей для крупных сообществ микроорганизмов, известных как экстремофилы. Бактерии, мы называем их прокариотами, перерабатывают метан и сульфиды путем хемосинтеза, выделяя при этом химическую энергию, которой, в свою очередь, питаются организмы более высокого уровня, такие как

многощетинковые черви. В отличие от гидротермальных источников, выбрасывающих горячую насыщенную минералами воду в океанских глубинах, холодные просачивания гораздо более устойчивы, поскольку в последнем случае скорость поступления метана и насыщенной водородом воды значительно ниже. Что существенно увеличивает продолжительность жизни обитающих здесь организмов. Мы считаем, что многощетинковые черви, такие как эти, живут более двухсот пятидесяти лет.

Дэвид смотрит на колонию погонофор, замороженный их медленным танцем в завихряющемся потоке.

– Эй... – Кайли берет Дэвида под руку. – Что с тобой такое?

– Ничего.

– Да брось! Забудь о Капитане Ежике.

Они догоняют ушедшую вперед группу. Туннель выходит в огромную галерею с панорамным окном размером с «Загон для мегга».

Безграничный синий мир внизу населен десятками гигантских медуз, каждая длиной более семи футов и толщиной с борца сумо. Похожие на прищельцев, эти люминесцентно-белые с красной каймой и ярко-белыми щупальцами огромные существа плавают в бассейне, словно чудовищные комки парафина в лава-лампе размером с дом.

– Мы называем это нашей дзен-галереей, – с гордостью в голосе заявляет Магед. – Перед вами медуза Echizen kurage, более известная как медуза Номура. Вес каждой из них превышает четыреста пятьдесят фунтов. При всем при том, что любоваться ими очень приятно, они создают ужасные неудобства японским рыбакам, поскольку забивают сети. Их щупальца достаточно болезненно жалят, хотя для людей это не опасно.

Позволив своей группе насладиться зрелищем, Магед ведет ее по извивающемуся туннелю к колоссальному аквариуму, который занимает третий, четвертый и пятый уровни, а также два верхних. За панорамными окнами аквариума на расстоянии десяти футов друг от друга расположены небольшие восьмиугольные устройства размером с мужской кулак. Сам аквариум, достаточно большой, чтобы вместить синего кита, кажется пустым. И тем не менее его размеры не могут не потрясать воображение.

– Перед вами аквариум Т-4, один из двенадцати океанических ареалов, которые мы воссоздали в этом комплексе. Панели из

акрилового стекла состоят из шести слоев, которые были химически прошиты и подверглись тепловой обработке при температуре сто восемьдесят пять градусов Фаренгейта. Причем весь процесс обработки занял больше одного месяца. Бассейн вмещает восемьдесят миллионов галлонов воды, что на двадцать миллионов галлонов больше, чем в «Загоне для мег» в Океанографическом институте Танаки, которому до сих пор не было равных в мире.

Дэвид показывает на одно из восьмиугольных устройств:

– Прошу прощения, скажите, а что это такое?

– Часть системы жизнеобеспечения.

– А для чего оно предназначено?

Египтянин улыбается:

– Точно не могу вам сказать. Ну а теперь, если мы продолжим нашу экскурсию, я покажу вам, как функционируют эти ареалы.

Магед направляется к двери Т-4 с табличкой «Посторонним вход воспрещен» и вставляет в электронный замок идентификационную карточку. Гидравлическая дверь с шипением отворяется, открывая проход во внутренний коридор. Повернув направо, группа под предводительством Магеда идет по основному проходу с трубами системы фильтрации воды под высоким потолком. Поднявшись вверх по лестнице еще на три этажа, курсанты оказываются на восьмом уровне. После чего проходят еще через один ряд запертых дверей под номером Т-4 и оказываются на арене величиной со спортзал вокруг водоема размером с небольшое озеро.

Лучи ультрафиолетового излучения направлены на участки бассейна, где уже укоренились колонии кораллов. По всей ширине бассейна тянутся рельсы, по которым ходит порталный кран, аналогичный крану «Загона для мег». Группа поднимается вслед за Магедом на стальной мост высотой десять футов.

Дэвид смотрит вниз на кристально-прозрачные воды и обнаруживает панорамное окно галереи, мысленно отметив, что нагромождение камней умышленно расположено так, чтобы скрыть вход от взглядов посетителей.

– Совершенно другой вид, да? – спрашивает Магед. – Каждый аквариум функционирует как сложный плавательный бассейн с морской водой. Вода в наших аквариумах из Персидского залива, но предварительно очищенная от всех примесей, включая соль. Процесс

очистки начинается на опреснительной установке в Персидском заливе, где происходит фильтрация соленой воды. После чего пресная вода перекачивается по трубам в искусственное озеро, окружающее комплекс. Озеро является резервуаром и водосборным бассейном. Прежде чем пресная вода поступает в любой из наших аквариумов, она обрабатывается и доводится до нужной кондиции.

Первый этап – пенное фракционирование с целью удаления из воды органических компонентов типа нефти и белка. Затем песчаные фильтры удаляют взвешенные частицы, создавая оптимальную среду для роста бактерий, предназначенных для переработки продуктов жизнедеятельности морских животных. Теплообменники регулируют температуру воды, а фильтры для денитрификации удаляют из воды нитраты за счет естественных процессов. И опять же, поскольку дефекация животных происходит прямо в воде, вода должна фильтроваться двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю.

После этого вода проходит через камеру озонирования для дезинфекции и обесцвечивания, в то время как вертикальный деаэратор удаляет избыток растворенных газов. Теперь, когда вода прошла необходимую обработку, мы снова добавляем в нее соли и минеральные вещества с помощью специальной соли для бассейнов «instant ocean». И опять же содержание минеральных веществ и соленость в каждом бассейне регулируются исходя из условий естественного местообитания животного. Если вы посмотрите вниз, то увидите ряд крупных решеток, установленных по всему дну бассейна. Помимо систем для фильтрации, химического баланса и очистки воды, мы установили в каждом бассейне систему течений. Ведь в океане, естественно, имеют место постоянные или переменные потоки воды – океанские течения. И мы обнаружили, что водные животные предпочитают плыть или по течению, или против него. Мы специально организовали систему течений так, чтобы животные проплывали мимо нашей обзорной галереи, что, безусловно, добавляет зрелищности. Вопросы имеются? Нет? Тогда следуйте за мной, я покажу вам наши системы очистки воды и искусственных течений.

Магед ведет группу от бассейна к камерам очистки.

Хлопнув Дэвида по плечу, Монти показывает ему на дальний конец бассейна, где находится гигантский рулон стальной сетки. Сетка, лежащая вдоль сточных желобов в настиле вокруг бассейна, может

быть раскатана наподобие покрытия бейсбольного поля, чтобы в раскатанном виде полностью закрыть поверхность бассейна.

– Интересно, а для чего это им?

– Полагаю, чтобы служащие не упали в бассейн. Быть может, этот аквариум предназначен для одного из детенышей меча.

– Нет, их должны поместить в бассейны Т-2 и Т-10, – качает головой Монти.

– С чего ты взял? – раздраженно спрашивает Кайли.

– Правило большого пальца.

– Чего-чего?

– Ты что, никогда не слышала о правиле большого пальца? Так вот, в тысяча четырехсотых годах в Англии существовал закон, согласно которому мужчине запрещалось избивать жену палкой толще его большого пальца. Вот так появился закон большого пальца. Не знаю, распространяется ли закон на новых подружек, но...

– Но при чем, черт возьми, здесь бассейны для мегов?!

– Совершенно ни при чем, за исключением того, что мое собственное правило большого пальца состоит в том, чтобы не делать выводов, не имея прямых доказательств... А в данном случае прямое доказательство – вот эта диаграмма. – Монти разворачивает нарисованную от руки поэтажную карту аквариумов. Галереи Т-2 и Т-10 помечены надписями по-арабски. – Видишь? Эти слова переводятся как «белая сестра». Подозреваю, что Магед имел в виду твоих акул. Если только он не ждет на обед Хиллари Клинтон.

Дэвид выхватывает у Монти поэтажный план, спиной заслонив его от остальных членов группы, которые уже проходят в камеру очистки.

– Где ты его взял?

– На полу. Выпал из заднего кармана египетского директора, когда он наклонился завязать шнурок.

– Господи, Монти! Надеюсь, Капитан Дуболом не видел, как ты это свистнул.

– Пусть сам разбирается, – говорит Кайли. – Монти просто самый заурядный вор.

– Категорически не согласен. Во мне нет ничего заурядного.

– Тсс. Прекратите собачиться! – Дэвид быстро просматривает поэтажный план. – Здесь есть еще какая-то пометка. Галерея Т-1. Монти, можешь перевести?

Монти, прищурившись, вглядывается в арабскую вязь:
– Здесь написано... «плохая рыба».

Глава 14

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Джонас с Маком возвращаются в институт в начале третьего ночи.

Исследовательская лаборатория расположена в подвальном этаже крыла, где находится «Загон для меча». Это воздухонепроницаемая комната площадью три тысячи квадратных футов, не считая двухсотфутовой холодильной камеры. В лаборатории шесть рабочих станций, оснащенных алюминиевыми столами, ванны с пресной и соленой водой, высокоскоростные компьютеры, соединенные с дуплексными лазерными принтерами, плоттером и сканером. Еще один рабочий стол установлен по всей длине задней стены, столешница завалена пипетками и пробирками, чашками Петри, охлаждаемыми центрифугами, флюорометрами, измерителями кислотности, а также инвертированными и сложными микроскопами с камерами и призмами Номарского.

За столом у задней стены между доктором Стелзером и доктором Николсом сидит дородный белый мужчина с темно-каштановым волосами и аккуратно подстриженной бородкой. Глядя в микроскоп, мужчина что-то записывает в блокноте.

Когда Джонас с Маком входят в помещение лаборатории с сильно кондиционированным воздухом, доктор Николс встречает их словами:

– Джонас, мои искренние соболезнования по поводу гибели пилота подводного аппарата. Если бы я знал...

– Зачем ты меня звал?

– А затем, что мы обнаружили что-то очень важное... Нечто потрясающее и в то же время пугающее.

Мак показывает на мужчину с каштановой бородкой:

– А кто этот парень?

– Мой коллега. Доктор Джесси Браун. Доктор Браун – судмедэксперт. Надеюсь, ты не возражаешь, что я пригласил его сюда.

То, что мы обнаружили... это выше моего понимания. Пожалуй, доктор Браун вам все лучше объяснит. Ведь он специалист.

Джесси Браун, подняв глаза от микроскопа, протирает запотевшие стекла очков галстуком:

– Доктор Тейлор, слышал, у вас сегодня был тяжелый день. Надеюсь, я не испорчу вам настроение еще больше.

– Я дам вам знать, когда услышу, что вы хотите мне сказать.

– По просьбе доктора Николса последние шесть часов я занимался анализом образцов ДНК мегалодона, которого вы зовете Ангелом, а также ее убитого детеныша, старшей сестры детеныша и двух потенциальных отцов. Но прежде чем я расскажу о результатах, я хочу объяснить вам сам процесс. Для нас самое главное – это создать профиль ядерной ДНК. Будь то доисторическая акула или человек, все мы получаем половину ДНК от матери и половину от отца. Это происходит при зачатии и со временем не меняется, за исключением тех случаев, когда задействованы раковые клетки. И два индивидуума, если только они не идентичные братья или сестры, не могут иметь одинаковый профиль ДНК. У людей ДНК везде одинаковая: и в корнях волос, и в клетках кожного покрова, и в белых кровяных тельцах. Репродуктивные клетки также имеют одинаковый профиль ДНК. Мы не используем клетки крови, поскольку у них нет ядра. Замечу, что я не морской биолог и не специалист по мегалодонам, но осмелюсь предположить, что законы ДНК, применимые к людям и другим видам, также применимы и к вашим монстрам. При проведении судебной экспертизы мы определяем короткие tandemные повторы, или КТП, в ядерной ДНК. Короткие tandemные повторы – это повтор от двух до пяти нуклеотидов, непосредственно примыкающих друг к другу в последовательности ДНК. Например, – доктор Браун показывает на экран своего компьютера, – в этой последовательности из шестнадцати оснований «ТАГАТАГАТАГАТАГА» мы имеем четыре копии тетрамера «ТАГА», соединенных по типу «голова – хвост», что демонстрирует достаточную общность и делает их...

Джонас, зевая, перебивает доктора Брауна:

– Простите, но при всем моем уважении, сейчас уже поздно, и у меня мозги не работают.

– Ладно, тогда перехожу к главному. Поскольку нам необходимо определить конкретного мегалодона, зачавшего или погибшую самочку,

или ее более крупную сестру, мы очень строго подходим к определению границ достоверности. Девяносто девять и девять десятых процента – это минимальная величина, позволяющая нам считать, что самец, вероятно, является биологическим отцом. Если мы имеем девяносто девять и восемь десятых процента, значит самец определенно не является отцом.

– Вы меня пугаете, – заявляет Мак, растянувшись на алюминиевом столе. – Когда мне предъявили претензии в отцовстве ребенка от одной филиппинки в мою бытность на Гуаме, я определенно получил бы инфаркт, если бы мне сказали, что с вероятностью девяносто девять и восемьдесят девять сотых процента в жилах маленького Рафаэля Эрреры течет кровь Макрейдсов.

Доктор Браун улыбается:

– На первый взгляд совсем несущественная разница, но в мире ДНК – это день и ночь. В реальной жизни у нас совпадает ДНК с кучей разных организмов. Например, шестьдесят процентов – с микроорганизмами, девяносто восемь процентов – с шимпанзе. Согласно последним исследованиям, у нас сто пятьдесят четыре общих гена с мышами, собаками и – хотите верьте, хотите нет – со слоновой акулой. И только совсем маленький процент делает нас уникальными.

– Именно это я в свое время и сказал Консепсьон, но она и слушать ничего не хотела. Черт, у этой женщины было четырнадцать малышей!.. Она хотела выиграть в лотерею.

– Док, так как насчет мегов? – откашлявшись, спрашивает Джонас.

– Хорошо. Давайте начнем с ее более крупной сестры Белль. Мои тесты дают вероятность 99,9999 процента и даже выше, что отцом Белль действительно был большой самец. Что касается Анжелики, профиль ее ДНК на девяносто восемь и семь десятых процента соответствует профилю большого самца и мегга, которого вы зовете Аль Капоне. Одним словом, нет никакого совпадения. Ноль.

Джонас устало трет переносицу:

– А это означает, что где-то есть еще один самец.

– Нет, вовсе нет, – вмешивается в разговор доктор Николс. – Здесь начинается самое интересное и самое страшное. Скажи им, Джесси.

– Три детеныша – Анжелика, Мэри Кейт и Эшли – не были зачаты самцом меггалодона. Яйца Ангела были оплодотворены... Ангелом.

Джонасу становится нехорошо.

– Вы меня совсем запутали. Неужели вы сейчас сказали, что Ангел самостоятельно зачала трех детенышей... Что не было никакого отца?

– Именно так.

– Но это еще не все, Джей Ти, – добавляет доктор Стелзер. – Я проверил яйца, которые мы извлекли из Анжелики. Яйца детеныша также были оплодотворены.

Джонас бессильно падает на пустой стул, пытаясь осмыслить полученную информацию:

– Но как такое возможно? Я хочу сказать, что с самого детства ставил под сомнение теорию беспорочного зачатия Девы Марии. Ну и что теперь?

– Партеногенез в царстве зверей отнюдь не является беспрецедентным явлением, – говорит доктор Браун, в очередной раз протирая галстуком запотевшие очки. – Нам известно более пятисот различных видов животных, которые производят потомство путем самооплодотворения. Возьмем, к примеру, обыкновенного кузнечика. Каждое лето самки рожают точные копии их самих, причем без всякого секса. Еще один пример – хлыстохвостая ящерица, обнаруженная на юго-западе Соединенных Штатов Америки. Науке не известны самцы хлыстохвостой ящерицы, этот вид представлен исключительно самками, откладывающими яйца, из которых вылупляются самки, генетически идентичные своей матери.

– У акул также задокументировано несколько случаев партеногенеза, – добавляет доктор Николс. – Первый случай был зафиксирован несколько лет назад во Флоридском заливе, когда акула-молот родила без участия самца. Поначалу ученые решили, что кто-то подбросил детеныша в бассейн для прикола, однако после анализа ДНК ученые обнаружили, что детеныш – точная генетическая копия матери при полном отсутствии отцовских генов. Несколько лет спустя похожая вещь случилась с мальгашской ночной акулой. Человек способствовал резкому сокращению популяции океанских акул... Возможно, природа нашла способ нивелировать этот эффект.

– Да, но являются ли зачатые без отца детеныши более слабыми?

– Отнюдь нет. Но совершенно очевидно, что две сестры – Белль и Лиззи – гораздо крупнее остальных. Осмелюсь предположить, что в ближайшие годы сестры станут величиной с мать. Ведь, как ни крути, они генетический дубликат Ангела.

– Чудесно, – шепчет Джонас. – Только этого нам и не хватало.

– Ничего не понимаю, – говорит Мак. – То есть вы говорите, что самцы мег не при делах.

– Очень может быть. Забудьте на секунду тот факт, что секс доставляет удовольствие и остается, по крайней мере до настоящего времени, самым привычным способом размножения. Я бы сказал, более привычным, поскольку, само собой, имеются и другие методы оплодотворения самок, включая оплодотворение *in vitro*. А теперь примите тот факт, что секс и размножение – совершенно разные вещи. Согласно определению, секс – это две клетки, сливающиеся в одну, в то время как размножение – это одна клетка, делящаяся на две. Когда дело доходит до выживания видов, размножение важнее секса. Приведу вам пример. Возьмем мать Ангела, которую назовем Мама Мег, и погибшего детеныша – Деву Анжелику. Маме Мег, живущей в условиях острого пищевого дефицита Марианской впадины, приходится довольствоваться имеющимися скудными условиями и полагаться на имеющийся ряд ограничений метод зачатия потомства путем секса. Ее внучка Дева Анжелика, обитающая в ареале с изобилием пищи, размножается без секса, ее яйца заранее инсеминируются во время овуляции. Допустим, у Мамы Мег четыре детеныша: два самца и две самки. Следующее поколение, ее две самки, имеют такой же помет, опять же состоящий из двух самок и двух самцов. Между тем Дева Анжелика, не нуждающаяся в самцах, производит на свет четырех самок. И каждая из ее четырех дочерей, в свою очередь, рождает четырех дочерей. Таким образом, через два поколения Мама Мег становится прародительницей восьми новых детенышей: четырех самок и четырех самцов. С другой стороны, наша Дева Анжелика производит на свет одних самок, помет которых в общей сложности составляет двадцать детенышей. В следующем поколении эти двадцать самок могут потенциально произвести на свет еще восемьдесят детенышей женского пола, в результате чего общая численность мегов достигнет ста особей, тогда как Мама Мег, полагаясь по старинке на секс с самцами, может родить максимум тридцать два детеныша, если, конечно, предположить, что каждая из этих самок может, в свою очередь, спариться с подходящим партнером мужского рода. Джентльмены, давайте посмотрим правде в глаза. Когда речь идет о

выживании видов, самцы – это тупиковый продукт развития. Мы не только не способны рожать, но и потребляем кучу еды.

Мак хитро ухмыляется:

– Причем некоторые из них больше, чем другие. Ведь так, док?

– И давайте не будем забывать, – проигнорировав замечание Мака, добавляет доктор Стелзер, – что в случае *Sarcharodon megalodon* самки больше, свирепее и более доминантны, чем самцы. Ангел, в сущности, выследила и убила своего партнера, чтобы доминировать на своей территории.

– Может, она просто мстила ему, – говорит Мак, полушутя, полусерьезно. – Я смотрел видео оплодотворения. Ангелу несладко пришлось.

– В любом случае, – заявляет доктор Браун, – смысл в том, что секс явно является неэффективным методом репродукции. Учитывая, что численность мегалодонов уменьшается, а вид находится на грани вымирания, то не лишено смысла, что мегалодоны со временем эволюционируют и перейдут на партеногенез. Насколько мы понимаем, в данном случае триггерным механизмом, вероятно, стала необходимость вновь адаптироваться к условиям жизни в поверхностных водах.

Доктор Стелзер согласно кивает:

– Джонас, теперь ты понимаешь, почему мы так срочно тебя вызвали. Если Анжелика была беременна, не лишено вероятности, что два детеныша, которых ты только что продал в дубайский океанариум, тоже беременны или вскоре забеременеют. И пока мы говорим, они уже в пути.

Дэвид чувствует, как у него резко поднимается давление:

– Джон, какого хрена ты тут несешь? Детеньшей запланировано отправить не раньше следующей недели.

– Джонас, а что нам оставалось делать? Белль разрушила «Загон для мег», а санитарный бассейн слишком мал, чтобы оставлять там детеньшей еще на неделю. Поэтому Терри согласилась, что будет безопаснее отправить их прямо сейчас.

– Терри?

– Мы пытались с тобой связаться. А когда нам это не удалось...

– Ладно, вы все сделали правильно. – Джонас начинает напряженно соображать. *Дэвид в Дубае, если тебе нужно, чтобы он*

присмотрел за детенышами... – А как насчет Белль с Лиззи? Есть хоть какой-нибудь способ определить фертильность их яиц?

Мак качает головой:

– После сегодняшних событий сомневаюсь, что тебе захочется туда лезть. Мой тебе совет: рассчитывай на худшее, и тогда не придется разочаровываться.

Однако у доктора Стелзера было припасено кое-что еще.

– Поскольку мы рассматриваем самые неблагоприятные сценарии, следует отметить еще одну возможность. Существует высокая вероятность того, что Ангел тоже беременна. – (Джонас с Маком, не сговариваясь, протяжно стонут.) – Нет, нет! Об этом непременно стоит подумать. Она уже несколько недель ничего не ела. Она даже вывернула наружу еду, которую запихнул в нее Дэвид. Она странно себя ведет. И определенно набрала вес. И мы знаем, что она уже родила один раз без секса. Прошло четыре года. И я могу смело утверждать, что она вполне может быть беременна.

На секунду все замолкают не в силах осмыслить услышанное.

Наконец Джонас нарушает тишину, его правая рука заметно дрожит.

– Это безумие. Мы не можем позволить самому опасному хищнику в истории планеты вернуться. Согласны? – (Мак и трое ученых дружно кивают.) – Тогда ладно. Но если учесть, что эти чокнутые из ПЕТА следят за каждым нашим шагом, как нам остановить это безумие?

– У нас не так-то много вариантов, – говорит доктор Николс. – Вам придется или найти способ стерилизовать Ангела и ее детенышей... или убить их.

Глава 15

Дубайленд

Дубай, Объединенные Арабские Эмираты

Классная комната – это помещение, в котором двадцать три стула со столиками установлены на настиле вокруг аквариума Т-7. В пяти футах над водой на стреле маленького гидравлического крана подвешен один из «Морских дьяволов».

Курсанты, все в мокрых гидрокостюмах, собираются вокруг плоского подводного аппарата. Брайан Сьютс в спущенном до талии гидрокостюме, словно для демонстрации накачанного торса и боевых шрамов, знакомит присутствующих с техническими особенностями аппарата:

– Радиоантенна установлена в хвостовом оперении. Спаренные двигатели, каждый мощностью триста пятьдесят лошадиных сил. Внешний корпус акриловый. Спасательная капсула из лексана, способного выдержать давление больше, чем в Марианской впадине. В течение следующих шести дней каждый из вас отработает двадцать часов в качестве как основного, так и второго пилота. Кроме того, вы будете тренироваться у себя в комнате по пять часов в день на симуляторе. В конце этой недели интенсивного тренинга мы проведем серии полевых испытаний, в ходе которых и определятся финалисты. Шесть отобранных курсантов плюс двух запасных отправят на наши корабли в Тихом океане, где в течение нескольких месяцев и будут проводиться все операции. Вопросы есть?

Уго поднимает здоровущую руку, стянутую гидрокостюмом:

– Вы сказали, шесть дней. А мне говорили, что тренировки рассчитаны на полные две недели.

– Изменение планов. Поскольку у нас в наличии лишь три «Морских дьявола», я решил на неделю сократить занятия. Взамен я предоставлю нашим финалистам дополнительную неделю тренировок в открытом океане перед первым официальным погружением в рамках

миссии. – Капитан подает знак Дэвиду. – Это Дэвид Тейлор. Дэвид, возможно, провел больше часов на борту этих подводных аппаратов, чем кто-либо из ныне живущих. И хотя погружения ради удовольствия и рядом не стояли с тем, чему я буду вас обучать, я попросил Дэвида сделать небольшую демонстрацию основных достоинств этого подводного аппарата. – Брайан Сьютс нажимает на тумблер гидравлической лебедки, и подводный аппарат опускается на воду. После этого Брайан отводит Дэвида в сторону: – Только несколько трюков. Покажи «бочку», ну и, возможно, «восьмерку» или «двойку».

– Погружение чисто ради удовольствия. Вас понял.

Дэвид ступает на правое крыло, после чего залезает в открытый люк кабины пилота. Застегивает туго натянутый ремень безопасности и задраивает люк, бросив взгляд на перекинутый на высоте пятнадцать футов над центром бассейна мостик. *Погружение ради удовольствия, а? Отлично. Желаю вам получить море удовольствия, Капитан Придурок.*

Запустив сдвоенные винты подводного аппарата, Дэвид совершает погружение на небольшую глубину. Он опускается на сорок футов и постепенно увеличивает скорость, описывая круги против часовой стрелки по водной глади бассейна, чтобы привыкнуть к ограниченному пространству. Дэвид демонстрирует фигуру «бочка», после чего закладывает крутой вираж на девяносто градусов и пролетает мимо огромного окна, расположенного в северной оконечности аквариума. Сделав еще один поворот, он выплывает «восьмерку», после чего направляется к центру бассейна.

Брайан Сьютс включает рацию:

– Хорошая работа, Дэвид. Еще пару виражей под поверхностью, и можешь возвращаться домой.

Совершив быстрое погружение, Дэвид вжимает ноги в педали, «Морской дьявол» разрезает поверхность на скорости сорок узлов. Бросив взгляд на толпу курсантов, Дэвид в считанные секунды пролетает через весь бассейн. Приблизившись к аудитории, Дэвид опускает правое крыло, вжимает правую ногу в педаль, описывает букву «G» и одновременно совершает поворот на 180 градусов, окатывая фонтаном воды курсантов и их взбешенного инструктора. После чего отключает рацию. Погрузившись на семьдесят футов, Дэвид мчится вдоль дна на скорости тридцать узлов и совершает резкий

подъем. Сбрасывает скорость и закладывает крутой вираж вдоль дальнего конца бассейна, чувствуя, как от прилива адреналина в животе начинают порхать бабочки.

Ради удовольствия... поцелуй меня в зад.

Он выравнивает аппарат у дна бассейна и резко тянет на себя оба джойстика, посылая «Морского дьявола» вверх под углом в шестьдесят градусов. «Морской дьявол» выпрыгивает из воды, поднимается ввысь и без труда достигает подвешенного мостика, оказавшись в десяти футах от труб, протянутых по потолку аквариума.

Однако законы гравитации еще никто не отменял, и Дэвид, наклонившись вперед, пикирует с высоты двадцати трех футов прямо в воду.

Под бешеный стук сердца Дэвид выныривает на поверхность, на скорости десять узлов делает последний круг по периметру бассейна, чтобы прийти в себя, и подводит аппарат к стропам подъемного крана.

Люк открывается, Дэвид под гром аплодисментов вылезает из кабины пилота, игнорируя пылающий ненавистью взгляд Брайана Сьютса, стоящего с намокшим блокнотом в руках.

Дэвид лезет во внутренний карман гидрокостюма, достает долларовую купюру и небрежно вручает отставному капитану ВМС:

– Припаркуй аппарат в тени, ладно? Мы, подводники-любители, терпеть не можем садиться в перегретую кабину.

На противоположном конце аквариума в тени сидят два человека. Это Фейсал бин Рашиди и миниатюрная брюнетка лет тридцати. Уроженка Бостона пренебрегает косметикой и грызет ногти, причем даже не в силу привычки, а просто чтобы они были короткими.

– Итак, моя дорогая... что скажешь?

– Дерзкий и нахальный... совсем как его отец, – улыбается Элисон Петруччи, бывшая невеста и помощница Майкла Марена. – Идеально подходит.

Глава 16

Сан-Франциско, Калифорния

Вирджил Кармен ерзает на неудобных подушках лилового дивана со слишком высокими подлокотниками. И в довершение всего в лофте нет кондиционера, а кошка женщины с фиолетовыми волосами лезет к Вирджику на колени, топчась по его промежности, словно исполняя своеобразный кошачий лэп-данс.

Кармен встает, сбросив с коленей кошку, и присоединяется к двум женщинам за компьютером:

– Итак, Сара? Я хорошо поработал?

Соучредитель R. A. W. Сара Томс, светловолосая и зеленоглазая, могла легко сойти за классическую девчонку, живущую по соседству, если бы не военные татуировки, покрывающие руки и спину. Бывший инструктор по бортовым системам наблюдения Военно-воздушных сил США ставит на паузу видеозапись, сделанную вчера в «Загоне для мег»:

– Вирджил, это грандиозный материал... если бы наша организация снимала кино в жанре экшн. А где обещанная тобой жестокость?

– Ты что, издеваешься? Мой босс утонул!

– Она имеет в виду жестокость по отношению к животным. – Джессика Томпсон выключает компьютер. – Абсолютный бесполезняк. Да и вообще, это только подкрепляет доводы Тейлора в пользу опасности выпускать мегов в дикую природу.

– Согласна. – Сара, развернув кресло, в упор смотрит на Вирджила. – Я надеялась получить кадры с двумя детенышами, томящимися в «Луже для мег». Только такая жестокость поможет нам получить эфирное время.

Вирджил внезапно чувствует себя голым:

– Детеныши... Совсем забыл. Я собирался вам позвонить...

– Что случилось? Еще один несчастный случай?

– Детенышей «увезли».

Сара вцепляется в запястье Вирджила, на ее правой руке виден кельтский крест.

– Что значит увезли?

– Джонас продал их в другой океанариум.

– В другой океанариум? – Сара еще крепче сжимает запястье Вирджила. – Вирджил, в какой океанариум? В Сан-Диего, что ли?

– Без понятия. Они тихарились. Но на прошлой неделе у нас тут ошивалась компания арабов. Думаю, они-то и купили Мэри Кей с Эшли.

– Черт! – Джессика поворачивается к Саре. – И что мне прикажешь делать? Я уже подписала троих частных спонсоров – крупных спонсоров! И теперь все это коту под хвост!

Сара отпускает Вирджила:

– Не дергайся. Мы дадим задний ход и переориентируемся на Ангела.

Джессика качает головой:

– Ангел уж больно крупная и больно свирепая. Даже у самых радикальных зоозащитников не хватит духу требовать, чтобы ее отпустили на свободу.

– Тогда сосредоточимся на двух других сестричках. «Загон для мег» все-таки слишком мал для двух взрослых мегов. Давай попробуем освободить их сейчас, пока они еще детеныши и способны адаптироваться к условиям дикой природы.

– Вы хотите выпустить на волю Белу и Лиззи? – качает головой Вирджил. – Сомневаюсь, что вам понравится, когда они начнут рыскать на свободе.

– Эльса тоже была хищником, – парирует Джессика. – Они что, тоже должны были отказать ей в праве быть свободной?

– А это еще кто, на хрен, такая?!

– Возьми напрокат «Рожденную свободной». Ты обрыдаешься.

– Нет, отложим это на потом. У нас сейчас другие приоритеты. – Сара вынимает из сумочки конверт, протягивает Вирджилу, затем провожает его вниз. – Я тебе плачу. Но ты мой должник. Поройся в институтских архивах. Найди кадры того, как эти две сестрички бьются головой в стену бассейна, а также фотки, как они дерутся за еду... Короче, любые странности поведения, демонстрирующие, что сестрам реально тесно в «Загоне для мег».

– Угу... Это я могу. И когда это тебе будет нужно?

Сара открывает дверь:

– Мне это было нужно еще вчера.

Дубайленд

Дубай, Объединенные Арабские Эмираты

Дэвид открывает глаза. Он лежит на полукруглом кожаном диване в своем номере. Приняв сидячее положение, Дэвид смотрит в панорамное окно. Солнце уже зашло, далекий горизонт Персидского залива мерцает огнями ночных заведений. Настенные часы показывают 20:43.

Здорово я придавил. Кайли уже должна была вернуться с тренировки. Интересно, почему она не зашла?

Дэвид идет в туалет, чистит зубы, сует в карман ключ от номера и, выйдя в коридор, подходит к двери Кайли.

Ему приходится три раза постучать, прежде чем Кайли появляется на пороге. На Кайли мешковатые тренировочные штаны и футболка, от утреннего порыва бешеной страсти не осталось и следа.

– Привет. А когда ты вернулась?

Кайли отводит глаза:

– Несколько часов назад.

– Длинный день, да? Ты голодная? Я подумал, мы могли бы заказать обед в номер.

– Я уже поела.

– Ну... ладно. Составить тебе компанию? Можно взять напрокат какой-нибудь фильм.

– Нет, спасибо. Мне еще нужно сделать домашнее задание и...

– Кайли, я что-то сделал не так?

Ее голубые глаза сердито блестят.

– Зачем тебе понадобилось выделываться перед Брайаном?

Брайаном?

– Я вовсе не... Кайли, этот парень – придурок. Считает, что он пуп земли. Я знаю о «Морских дьяволах» больше, чем...

– Считает, что он пуп земли? Ну а как насчет тебя? Думаешь, мы все под впечатлением от твоего фортеля? Да, Дэвид, ты определенно пилотируешь подводные аппараты лучше большинства из нас. И все же программой отбора кандидатов руководит Брайан, а не ты!

– Меня наняли работать инструктором. А он уже с нашей первой встречи стал на меня наезжать.

– Хочешь уважения, постарайся его заслужить. Большинство стажеров бывшие военные. Ветераны боевых действий. Они не будут слушать какого-то нахального двадцатилетнего студента колледжа. Маневры, которые мы будем выполнять, глубины, на которых мы будем работать... это все очень опасные вещи. Быть может, не для тебя, но для нас... для меня – да.

– Ну и что нам с тобой теперь делать?

– Извини. Я ведь тебе уже говорила, что приехала в Дубай не в поисках любовных приключений. Мне нужна работа.

– Вот так, да? И это утро для тебя ничего не значит?

– Минутный порыв. Прости, если сбила тебя с толку. Думаю, нам лучше остаться друзьями. – С этими словами Кайли осторожно закрывает дверь, резко оборвав разговор.

Друзьями? Друзьями!

– Ладно! Может, посмотрим гонки на верблюдах... Перекусим вместе! – Дэвид пинает дверь и вихрем уносится прочь, чтобы дать выход эмоциям.

Открыв дверь номера, Дэвид швыряет ключ в стену и, как загнанный зверь, мечется по комнате, изрыгая проклятия. Как жаль, что невозможно повернуть время вспять и переиграть сегодняшний день!

– Тебе нужно было лишь держать рот на замке, и все было бы зашибись. Так нет, тебе захотелось выпендриться! Тебе приспичило его уделать!

Дэвид плюхается на кожаный диван и начинает молотить кулаками подушки, чтобы выпустить пар.

Ладно, кретин, ну и что теперь? Думаешь, Сьютс примет твои извинения? Маловероятно. Он сперва заставит тебя драить туалеты зубной щеткой и лишь потом допустит до тренировки. Нет, пусть лучше немного остынет. Детеныши прибывают утром. Это поможет. Сосредоточься на деле и держи свое эго в узде, и тогда, возможно, все само собой как-нибудь рассосется.

Возможно.

Дэвид берет меню службы обслуживания номеров, пролистывает, затем отшвыривает в сторону. От расстройства у него начисто пропал аппетит.

Сходи прогуляйся. Проветри голову.

Отыскав ключ, Дэвид кладет его в карман и выходит из номера. Нажимает на кнопку лифта, смотрит на дверь номера 3612.

После непродолжительной внутренней борьбы, проигнорировав подошедший лифт, Дэвид стучит в дверь. Через несколько секунд на пороге появляется Монти в армейском камуфляже и толстых белых носках.

– Младший? Ты что такой вздрюченный? Похоже, или кто-то разбил тебе сердце, или у тебя вдруг резко посинели яйца.

– Все сразу.

– Ха! Входи. Посмотришь, как я раздалбливаю и сжигаю очередной подводный аппарат.

Симулятор «Морского дьявола» установлен на персидском ковре перед большим плазменным экраном телевизора. Система, состоящая из двух педалей и двух джойстиков, прикреплена к откидывающейся графитовой раме и через блок управления подключена к телевизору.

Монти усаживается в хитроумное приспособление и нажимает на кнопку «Перезагрузка».

Потухший экран телевизора оживает, превращаясь в реальный океан. Небо голубое, океан спокойный.

– Это начальная установка. Я должен совершить погружение на глубину сто футов, не потеряв контроля, и спикировать на дно, точно пеликан.

Дэвид наблюдает за тем, как Монти начинает погружение под странным углом.

– Опустить правое крыло! А теперь тихонько дави на левую педаль. Левую!

– Я знаю, где лево и где право. Мне просто никак не приспособиться.

Подводный аппарат «бочкой» катится в бездну и врезается в коралловый риф.

Монти в отчаянии кладет голову на диван:

– Признай, я облажался. Это все равно что пытаться лизнуть свой локоть.

Дэвид сгибает руку в локте, пытаясь выполнить финт, но язык буквально на восемь дюймов не дотягивается до локтя.

– Жаль, что ты рано ушел и не видел меня в аквариуме. Каждому из нас было отведено десять минут на погружение в подводном аппарате. А я? Я камнем пошел на дно. Пришлось вмешаться капитану Храброе Сердце, а иначе я так и остался бы там лежать.

– Я тебе помогу.

– Сильно сомневаюсь.

– Давай, по крайней мере, попробуем. Мне все равно сегодня вечером нечем заняться.

– Похоже, она действительно тебя бортанула, а?

– Я сам виноват. Довыпендривался и в результате здорово налажал.

– Что есть, то есть. Подпрыгивал на крючке, словно сексуально озабоченный иглобрюх.

– Угу. А? Погоди-ка. О чем ты говоришь?

– Очнись, Младший. Он поймал тебя на удочку. Эти парни из ПСО – спецы по играм разума. Могу поклясться своими яйцами, они специально передвинули подъемный кран под мостик, чтобы у тебя появился соблазн допрыгнуть до него. Черт, я знал, что ты это сделаешь, как только ты запустил двигатели. А вот финт с чаевыми – на тебя явно снизошло вдохновение. Я чуть животик не надорвал.

– Он поймал меня на удочку? – Дэвид садится на кофейный столик, пытаясь навести порядок в голове. – Неужели я и правда такой дурак?

– «Дурак» – понятие относительное. Но для офицера из ПСО – ты словно открытая книга.

– Но зачем ловить меня на удочку? Чего им от меня нужно?

– Без понятия. И все же берегись. Они знают, что ты запал на эту девчонку. На месте бин Рашиди я специально завербовал бы ее для этой цели. Хотя кто осудит мужчину, готового клюнуть на такую приманку!

– А-а-а! Черт бы его побрал! – Дэвид хватает подушку и швыряет через всю комнату. – Неужели я такой скудоумный?!

– Думаю, нет. Просто она может из тебя веревки вить.

– Ну и что теперь? Что мне делать?

– Я бы посоветовал усиленную мастурбацию.

– Нет, я серьезно.

– Ты действительно ждешь от меня совета? Что бы там ни подсказывали тебе твои юношеские инстинкты, делай ровно наоборот. В следующий раз, когда бин Рашиди и компания будут тебя подталкивать, не пытайся на них наезжать. Рано или поздно это заставит их выложить карты на стол и прямо сказать, что им от тебя нужно.

– Значит, не пытаться на них наезжать, так? Вроде не лишено смысла. А как насчет Кайли?

– Я уже дал тебе хороший совет. Послушай, она не виновата. Быть может, она чертовски классный пилот. Кто знает? Скорее всего, она просто орудие в их руках. Не переживай. Эти заносчивые придурки всегда так действуют. У них больше денег, чем они могут потратить, и поэтому они развлекаются, строя из себя своего Аллаха.

– Да пошли они на хрен! Нам нужно отсюда сваливать.

– Хорошая идея. Вот ты и сваливай. А мне нужны деньги. Когда ты бедный инвалид, еда на столе становится важнее гордости. И прямо сейчас мне могут помочь лишь эти тренировочные курсы.

– Тогда я лучше научу твою бедную инвалидную задницу, как управлять подводным аппаратом. А ну-ка подсоби мне. – Дэвид снимает один край плазменного телевизора с поддерживающих его крюков.

Монти хватается за другой край:

– Что ты делаешь? Собираешься сдать в ломбард?

– Поставь на кофейный столик.

Они устанавливают телевизор в шестидюймовой раме прямо на столик. Дэвид переставляет симулятор так, чтобы стажер был прямо напротив большого экрана.

– Ну вот. Так картинка будет более реалистичной. Присаживайся. Монти садится на сиденье тренажера:

– Не понимаю, как это мне поможет.

– Просто смотри и учись.

Дэвид скидывает кроссовки, садится прямо за спиной у Монти и, вытянув длинные ноги, кладет их на кроссовки Монти, а руки – поверх сжимающих джойстики ладоней своего нового друга.

– Эй, ты чего...

– Мой отец именно так научил меня почувствовать подводный аппарат.

– Если хочешь знать мое мнение, это больше напоминает «Горбатую гору». Ты что, хочешь чпокнуть меня сзади? Учитывая твоё душевное состояние, от тебя всего можно...

– Заткнись и смотри внимательно. Расшнуруй кроссовки и обмотай шнурками мои ступни.

– Теперь ты меня реально пугаешь. – Монти расшнуровывает кроссовки и привязывает свои ноги к ногам Дэвида.

Дэвид запускает тренажер. На экране снова возникает поверхность океана, только на сей раз картинка занимает все поле зрения Монти.

– Эй! Теперь я реально почувствовал разницу.

– Позволь мне взять на себя управление джойстиком и педалями. Просто держи руки и ноги поверх моих, чтобы чувствовать, как я маневрирую аппаратом. Готов! Тогда поехали! – Дэвид совершает медленное погружение на мелководье, стараясь держать киль в горизонтальном положении. – Хорошо, левую педаль вниз, правую ногу вверх, джойстики в том же положении. Чувствуешь, крылья не разрезают воду, а ловят ее?

Монти ухмыляется, его руки и ноги дрожат от прилива адреналина.

– Вот теперь я чувствую аппарат. Он вроде птицы.

– А сейчас попробуем по-другому: управляем скоростью, пока крылья снова не поймут море. А если погружаться под более крутым углом, то нужно всегда следить за сонаром. Зеленый огонек – это мы, геология дна показана красным, живые организмы – синим. Сонар автоматически устанавливает расстояние с поправкой на видимость, но ты можешь перевести его в ручной режим и настроить, как считаешь нужным. И снова. Левую педаль вниз, правую ногу вверх. Понимаешь принцип действия? Здесь все дело в координации.

– Да, теперь я чувствую его.

– А теперь добавим скорость. Скорость придает крыльям вращающий момент, что позволяет делать крутые виражи. Готов? Мы поворачиваем и наклоняемся...

Изображение сменяется головокругительным поворотом на 180 градусов.

Покинув номер Монти только после полуночи, Дэвид останавливается под дверью номера Кайли, пытаясь решить для себя,

стоит ли дать ей пару практических советов.

Нет, пусть все идет, как идет. Утром она увидит, что Монти пилотирует подводный аппарат, как настоящий профи, и тогда сама станет умолять меня ей помочь. Просто закажи еду в номер, возьми напрокат пару фильмов, а потом ложись спать.

Дэвид подходит к своему номеру, открывает ключом дверь... и неожиданно видит бин Рашиди и Брайана Сьютса, которые сидят за конференц-столом.

Бин Рашиди улыбается Дэвиду:

– А вот и он, наш юный бунтарь. Хотя, как у пилота, у него явно большой потенциал. Как думаешь, капитан?

– Какой прок от мустангов, если их нельзя оседлать?! Он никогда не будет командным игроком. Пусть уезжает. Он мне не нужен.

Они что, пытаются поймать меня на удочку?

– Послушайте, утром я вел себя некрасиво. Я извиняюсь.

Брайан Сьютс поднимает бровь:

– Тейлор вдруг решил унижаться? Нет, я на такое не куплюсь.

– Я извинился. Чего еще вам от меня нужно?

– Ничего. Ты едешь домой.

У Дэвида тревожно екает сердце.

– Вы отпускаете меня домой? А как насчет мегов?

– Персонал с этим прекрасно справится.

– Дайте мне еще один шанс! Позвольте доказать вам, что я могу тренировать этих пилотов. Посмотрите хотя бы на Монти. Я весь вечер его натаскивал.

– Мне плевать на...

Бин Рашиди поворачивается к капитану и что-то быстро говорит ему по-арабски.

Брайан Сьютс явно возражает, но в конце концов сдается:

– Мистер бин Рашиди считает, что нам стоит дать тебе еще один шанс. Я с этим не согласен, но он здесь босс. Тащи сюда стажера Монтгомери. Чтобы через десять минут оба были внизу в холле.

– Вы хотите сказать, прямо сейчас? А куда мы едем?

– На месте и узнаешь.

Полуостров в Персидском заливе представляет собой полмиллиона акров выровненной земли без улиц или жилых зданий. Пока это всего

лишь несколько дюжин водных комплексов на начальном этапе строительства.

Десять минут езды по песчаным дорогам – и они на мосту.

После завершения через два года строительства эта конструкция превратится в восемь полос из бетона и стали, которые соединят Дубай с соседним эмиратом. Но на данный момент мост представляет собой лишь протяженную высотную конструкцию, остров опорных балок и арматуры, простирающихся от начальной точки в двух тысячах футов от кромки воды до бетонных пилонов, которые уходят на четверть мили в бурные воды Персидского залива.

Строительные бригады работают при свете мощных прожекторов. Башенные подъемные краны передвигают на место огромные балки. С барж, расположенных в полумиле от берега, забивают новые сваи в каменистое дно залива.

Офицер полиции останавливает лимузин бин Рашиди. Непродолжительные переговоры с водителем – и лимузин пропускают к береговой линии.

На крыше полицейского автомобиля мигают синие и красные огни. Возле внушительного пикапа припаркована карета «скорой помощи». В его открытом кузове лежит один из «Морских дьяволов».

Из лимузина выходит Брайан Сьютс, вслед за ним – Дэвид и Монти. Бин Рашиди остается в автомобиле. Капитан показывает на конец моста в полумиле от них:

– Сегодня вечером здесь утонул человек. Китаец лет сорока. У него были жена и дети. Они хотят получить тело.

– Черт!..

– Строительные работы взбаламутили воду, подняв донные отложения. Видимость практически нулевая. Течения самые бурные во всем регионе. Рабочий упал вниз вместе с заклепочным пистолетом и набором инструментов. А упал он с того места, где две полосы раздваиваются, там образовался небольшой пролом. Найдите тело, и мы пошлем вниз водолазов. – Заметив, что Дэвид с Монти переглянулись, Сьютс спрашивает: – Вас что-то смущает в этом задании?

– Все нет. – Монти нервно улыбается. – Меня просто удивляет, почему это обязательно нужно делать глухой ночью.

– Потому что солнце еще не взошло. – Глаза капитана злобно сверкают. – Рабочий упал в воду меньше двух часов назад.

– Понимаю. И в таком случае он будет не таким мертвым, чем через шесть часов, когда сможем хоть как-то его разглядеть. Что, конечно, в корне меняет дело.

– Стажер, вы будете работать на глубине менее двухсот футов, а не на семи тысячах футов, необходимых для выполнения задач океанариума. Что, конечно, в корне меняет дело. Если глубина двести футов настолько тебя пугает, предлагаю тебе выйти из игры прямо сейчас. Этим ты здорово сэкономишь мне время, поскольку не придется отчислять тебя позже.

– Капитан, мы согласны, – вмешивается в разговор Дэвид.

Десять минут спустя «Морской дьявол» уже качается на поверхности залива. Шесть рабочих, стоя по пояс в воде, удерживают подводный аппарат за крылья, чтобы его не унесло приливом. Дэвид с Монти, оба в мокрых гидрокостюмах, забираются в открытый люк кабины пилота и пристегивают ремни безопасности.

К ним подходит Брайан Сьютс:

– Тейлор, активируй радиомаяк на случай, если мы тебя потеряем.

– Есть, сэр.

Дэвид задраивает лексановый люк, герметично закрывающий спасательную капсулу. Поднимает большие пальцы и направляет подводный аппарат вперед, стараясь держаться у поверхности воды.

Монти хватается за панель управления, когда аппарат, подпрыгивая на волнах, выходит в открытое море и берет курс на незавершенный мост.

– Они проверяют тебя на вшивость. Ты ведь понимаешь, да?

– Понимаю. А ты что, нервничаешь?

– После четырех лет в Ираке? Я тебя умоляю. По сравнению с тем это Диснейленд.

Они достигают последнего пилона, ночной воздух дрожит от гула тяжелой техники. Дэвид совершает погружение, подводный аппарат обволакивает плотной коричневой пеленой, прожекторы высвечивают бурые хлопья водной взвеси.

– Блин, а он, оказывается, не шутил, когда говорил о нулевой видимости! Монти, надевай наушники и слушай сонар. Активируй его

и жди звукового сигнала, которым будет отмечено его столкновение с дном или с чем-то еще на нашем пути.

Монти резко переключает тумблер сонара, посылая наружу звуковые импульсы и принимая отраженные сигналы.

– Очень трудно что-либо разобрать. Звук такой, будто я сижу в бачке унитаза. Это оно?

Дэвид бросает взгляд на экран сонара:

– Это пилоны. Аппарат погружается под углом сорок градусов. Ты должен позиционировать объекты относительно желтой линии горизонта, иначе мы не сможем разобрать, где верх, а где низ. На какой мы сейчас глубине?

– Глубина... глубина... э-э-э... сто тридцать семь футов. Сто сорок...

Хрясь!

Дэвид пытается компенсировать внезапный удар в левый борт «Морского дьявола», правый борт задирается вверх.

– Я же велел тебе наблюдать за сонаром!

– А я что делаю?! Просто я не знаю, за чем, черт возьми, мне нужно наблюдать!

Дэвид выравнивает подводный аппарат. Прожекторы высвечивают бетономешалку, едва различимую на фоне темного дна.

– Похоже, приехали.

– Откуда ты знаешь?

– Бетономешалки не плавают. – Дэвид ведет аппарат параллельно мосту, стараясь держаться в двадцати футах от невидимых пилонов. – Вот дерьмо! Ни хрена не вижу.

– Забавно. Лично я только дерьмо и вижу. По-моему, все этодохлый номер. С таким же успехом мы можем искать Джимми Хоффу^[7]. По правде говоря, я думаю, что мы просто...

Левый борт резко вздымается, Дэвид с Монти повисают вниз головой: бурное течение, перевернув вверх дном «Морского дьявола», несет его прямо на невидимый лес свай моста. Бесконечный грязевой поток все глубже затягивает аппарат. Дэвид не знает, как реагировать, поскольку опасается увеличивать обороты, чтобы перевернуть аппарат на правый бок, прежде чем они уткнутся носом в илистое дно.

Но пока он думает, левое крыло «Морского дьявола» уже врезается в толстый слой ила, аппарат отбрасывает назад, он ударяется днищем о

какой-то неподвижный предмет и застревает, вклиненный течением в дно.

Несколько жутких мгновений Дэвид с Монти не могут прийти в себя. Они висят на ремнях боком, практически вниз головой, Дэвид – прямо под Монти.

Течение безжалостно раскачивает аппарат. Такое ощущение, будто его закрутило коричневой снежной бурей.

– Монти, ты в порядке?

– Не могу дышать. Сейчас сблую.

– Нет! Не смей блевать! – Дотянувшись до регулятора температуры, Дэвид направляет на Монти струю холодного воздуха. – Ну как, лучше?

– Нет. – Монти наклоняется вперед, и его рвет на панель сонара кусками тортильи и пережаренными бобами. Рвотные массы чудом пролетают мимо Дэвида.

– Фу! – Дэвид, задыхаясь от чудовищной вони, закрывает нос воротником гидрокостюма. – Что с тобой не так?

Монти сплевывает остатки непереваренной пищи:

– Я вишу вниз головой, погребенный заживо в подводном дерьме. Если ты срочно хоть что-то не сделаешь, я реально рехнусь.

Дэвид нажимает на педаль правой ногой, тянет на себя левый джойстик и раскачивает подводный аппарат, пытаясь выровнять его. Аппарат тотчас же впиливается в бетонную сваю.

– Что, черт возьми, это было?

– Свая. Не видно ни хрена! Не могу понять, где мы находимся. А твой треклятый обед засрал мне сонар.

Монти вытирает сонар прорезиненным рукавом:

– Вот. Возьми наушники и подними нас наверх.

– Не могу. Мы сейчас где-то под мостом. Сонар не отличит грязевой поток от свай.

– Тогда делай аварийный сброс, и спасательная капсула поднимет нас на поверхность.

– Не пойдет. Даже если я это и сделаю, нам должно очень крупно повезти, чтобы остаться в живых.

Монти начинает задыхаться:

– Дэвид, я никогда не страдал клаустрофобией, но сейчас мне реально не по себе. Сделай что-нибудь, или мне конец.

– Заткнись и не мешай думать!

Дэвид пытается рассмотреть, что там снаружи. Прожекторы высвечивают завихрения грязевых потоков, на глубиномере – стабильные 139 футов. Тогда Дэвид выключает огни, подводный аппарат погружается во тьму, и только оранжевые огоньки панели управления пронзают мрак.

Слышится тяжелое дыхание Монти. Клаустрофобия становится заразной, вонь в кабине пилота – удушающей. Дэвида одолевает непреодолимый соблазн открыть люк и уйти в небытие. Но тут его глаза привыкают к темноте, и в режиме ночного видения он уже различает нечто расплывчатое впереди.

Он очень осторожно нажимает на обе педали, ложится на правый борт, а тем временем течение продолжает подталкивать аппарат в левый борт. «Морской дьявол» начинает продвигаться вперед, проскальзывает между двумя опорами, и так ряд за рядом. Между тем течение усиливается, заставляя Дэвида корректировать угол наклона. *Следи за тем, чтобы нос смотрел вниз, не дай ему снова перевернуть тебя вверх тормашками.*

И вот он на свободе!

Дэвид вжимает обе ноги в педали, аккуратно поднимает «Морского дьявола» вверх по длинной дуге... и аппарат, днищем кверху, снова пропахивает слой ила.

Неожиданное столкновение вызывает у Дэвида приступ паники. Он пытается дышать, по спине ручьем течет пот. Дэвид рывком расстегивает молнию гидрокостюма, отчаянно пытаясь сохранить самообладание.

Придурок! Ты же поднимался брюхом вверх! И ни разу не проверил горизонт.

– Монти, чувак! Ты в порядке?

Джейсон Монтгомери, потеряв сознание, висит, подвешенный за ремни безопасности.

Ладно... Вспоминай, что тебе говорил папа, когда ты попал в трудную ситуацию... Остановись и подумай. Ты погребен вверх тормашками в слое ила. Если потянешь на себя джойстики, то еще больше увязнешь. Опустись их и...

Дэвид нажимает на правую педаль и резко опускает джойстики, переворачивая подводный аппарат. Еще раз смотрит на сонар, чтобы

проверить, где верх, где низ, выравнивается и медленно поднимает аппарат к поверхности.

И буквально секунду спустя наградой ему становятся россыпь звезд на ночном небосклоне и симфония строительных работ. Оглянувшись вокруг, Дэвид с удивлением замечает, что они оказались по другую сторону моста. Дэвид на большой скорости обходит мост кругом и мчится к берегу, предварительно пихнув Монти в бок:

– Ну ты как? Живой?

Монти, на седьмом небе от счастья, что они уже на поверхности, довольно кивает:

– У меня еще в жизни не было такого жуткого первого свидания. А ты нашел того китайца?

– Ага. Его доставит в Пекин ВАТ.

– ВАТ?

– Восточно-Австралийское течение. Шутка. Пусть его труп и дальше гниет на дне. Мне, в общем-то, наплевать.

Дэвид причаливает к берегу, открывает люк кабины пилота, резкие порывы прохладного ветра моментально возвращают их к жизни. Он с Монти вылезает наружу и смывает в воде следы рвоты. Между тем капитан Сьютс наблюдает за ними с берега, ничего не упуская из виду.

– Простите, капитан. Мы все посмотрели, но так и не нашли тела.

– Да не было никакого тела. Эта была проверка на умение пилотировать подводный аппарат в условиях нулевой видимости в сложных условиях. Я все это время отслеживал твой аппарат, и ты, крутыш, обосрался. Ты и твой протезе не смогли скоординировать свои действия, чтобы выбраться с глубины в сто футов. Если бы все это происходило во впадине, то вы оба уже были бы покойниками. Может, теперь ты наконец поймешь, что я подразумевал под пилотированием для удовольствия.

Он прав. Похоже, я настоящий придурок.

Дэвид уже смотрит на капитана с уважением:

– Я должен перед вами извиниться. Я запаниковал и потерял ориентацию. Такого больше не повторится, сэр.

Брайан Сьютс кивает:

– От вас воняет, как от мексиканского банкетного стола. Тащите свои задницы в пикап. Поедете в океанариум вместе с подводным аппаратом.

Дэвид с Монти понуро тащатся к пикапу, рабочие кладут «Морского дьявола» в кузов.

– Тейлор?

– Есть, сэр!

– Чтобы был на тренировке ровно в десять часов. И боже тебя упаси еще раз поднимать на меня хвост! Я сверну тебе шею и оторву, к чертям собачьим, башку.

Глава 17

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Джонас и Терри Тейлор, сидящие рядом за конференц-столом, внимательно смотрят, как невысокий молодой блондин достает из портфеля три папки из толстой манильской бумаги.

– Мистер и миссис Тейлор. Меня зовут Адам Вутен. Я андеррайтер, назначенный страховой компанией решить вопрос с этими неудовлетворенными претензиями.

– Уж больно вы молодой для такой работы, – замечает Джонас.

– Да, сэр. Но, так или иначе, страховая компания именно мне поручила выяснить, распространяются ли условия страхования жизни ваших работников на три случая с летальным исходом, произошедших в институте. Если мы посмотрим на первую претензию...

– Когда я говорил «молодой», я имел ввиду «неопытный», – уточняет Джонас. – Ставки чрезвычайно высоки. И я просто хочу убедиться, что ваша квалификация не ниже, чем у Эрла Фишла. Эрл продал нам полисы страхования жизни пять лет назад, и все это время он пристально наблюдал за нашим бизнесом. Если Эрл говорил, что мы защищены, значит мы действительно полностью защищены. Ужасно обидно, что ему пришлось вернуться в Оттаву. Он вроде бы решил основать компанию по онлайн-играм. Хороший человек этот Эрл. Я вовсе не утверждаю, что вы плохой. Только...

– При всем уважении к моему предшественнику, я должен сказать, что обязан оценить, не выходят ли риски, связанные с вашим предприятием, за рамки ответственности нашей страховой компании. Возможно, я кажусь вам слишком молодым, возможно, вы не согласитесь с моими выводами, но, уверяю вас, я буду твердо стоять на своем.

Джонас собирается возразить, но Терри хватает его за руку:

– Джонас, сперва дай человеку закончить, а уж потом будешь размазывать его по стенке. – Она улыбается. – Продолжайте, мистер Вутен.

– Мм, да. Благодарю. – Андеррайтер открывает первую папку. – Итак, что касается гибели мистера Моретти, по моему мнению, страховые претензии покрываются компенсационными выплатами в рамках полисов страхования жизни ваших сотрудников. – (Джонас кивает жене.) – Теперь насчет студента колледжа, которого... съели. Мистер Фрэнсис был волонтером, и он подписал документ об отказе от всех претензий на случай непредвиденной смерти или увечий. После внимательного рассмотрения я пришел к выводу, что смерть студента подпадает под условия страхования общей гражданской ответственности. Мы оплатим компенсацию семье, а также судебные издержки и защиту.

Джонас под столом сжимает руку жены:

– Ты проделал чертовски хорошую работу, сынок. И да, если когда-нибудь захочешь привести семью посмотреть наше шоу...

– Я еще не закончил. Страховая компания покроет убытки, но мы не станем возобновлять вашу страховку. О чем я и уведомляю вас за тридцать дней.

Терри выпускает руку мужа:

– Вы что, аннулируете нашу страховку? А вы знаете, сколько денег у нас ушло на страховые взносы за все эти годы? Если вы сейчас аннулируете страховку, мы не сможем ее возобновить.

Вутен убирает папки в портфель:

– Мне очень жаль.

– Вам жаль? Вы вышибаете нас из бизнеса и говорите, что вам жаль, да?

– Терри, не стоит так нервничать.

– До этого инцидента у нас не было ни одной страховой претензии. Даже за ожог от пролитого кофе. И при этом мы заплатили вам миллионы долларов...

– Мэм, я вам очень сочувствую, но эти животные слишком опасны, чтобы продлевать страховку на прежних условиях. Смерть мистера Моретти могла быть еще более страшной. Вы едва не потеряли автокран и крановщика. Если бы кран упал в аквариум, последствия

были бы катастрофическими. Ну и еще проблемы с Ангелом. Сомневаюсь, что ваши стальные ворота смогут ее удержать.

– Вы что, к тому же еще и инженер?

– Нет, мэм, но я попросил трех инженеров определить расчетные нагрузки. Если ваш монстр снова улизнет, это разрушит не только ваш, но и наш бизнес.

– Чепуха! Ваша компания такая же, как все чертовы страховщики. Вы спокойно заключаете договор перестрахования, а когда держатель страхового полиса хочет получить возмещение при наступлении страхового случая, вы тотчас же уходите в кусты. Поскольку все дело в норме прибыли.

– Нет, миссис Тейлор. Все дело в риске. Держать пятидесятитонного монстра, который жрет людей, в аквариуме, где находится пятнадцать тысяч потенциальных обедов, – это очень рискованный бизнес. А поскольку нет никаких реальных способов контролировать акулу...

– А если бы они были? – Джонас знаком велит жене сесть. – А что, если я скажу вам, что у меня работает группа ученых, которые в этот самый момент разрабатывают нейроимплантат, дающий нам возможность контролировать поведение Ангела.

– Нейроимплантат? – Адам Вутен замирает с папкой в руке. – Вы хотите сказать... он имплантируется в ее мозг?

– Прямо в точку.

– Ну... я не знаю. А он прошел испытания?

– Идеально. Тот же принцип действия, что и у устройства, разработанного в Пентагоне. Они уже много лет используют нейроимплантаты, чтобы превращать акул в шпионов-невидимок. Ряд электродов будет вживлен непосредственно в мозг Ангела. Посылая сигнал с компьютера, мы сможем стимулировать центральную часть обонятельного мозга, заставляя ее двигаться в любом нужном нам направлении. Более того, имплантат позволяет нам проводить мониторинг ее центральной и вегетативной нервной системы. Мы сможем узнать, когда Ангел возбуждена, и даже успокоить ее путем воздействия на гормоны сна.

Андеррайтер достает большой блокнот. Делает какие-то записи, достает карманный калькулятор:

– Если вы сможете доказать, что ваш прибор реально работает, я с удовольствием вас перестрахую, но по скорректированному тарифу.

Терри моментально мрачнеет:

– Насколько вы хотите увеличить страховые взносы?

– На двадцать процентов.

– Мелкий говнюк! Да я собственными руками скормлю тебя Ангелу!

– Терри, остынь. – Джонас улыбается страховому агенту, лицо которого покрылось смертельной бледностью. – Адам, если мы устраняем все риски, то зачем тогда увеличивать страховую премию?

– Страховые премии всегда увеличиваются после выплат по страховому случаю...

– Если только не уменьшены риски. Мы не только сократили популяцию опасного молодняка на шестьдесят процентов, но и нашли способ успокоить нашу большую девочку. А это, как ни крути, значительный прогресс. Что скажете?

– Ну... да.

– Джонас, да бог с ним! – говорит Терри. – Учитывая наши страховые премии, не сомневаюсь, любой из их конкурентов будет из кожи вон лезть, чтобы заполучить таких клиентов, как мы.

– Хорошо-хорошо. Никакого повышения страховой премии, если ваша машинка действительно работает.

– Операция назначена на конец недели. Когда мы будем готовы, я позову вас на демонстрацию. А пока страховка остается в прежнем размере. Договорились?

– Договорились. Но только на время. Я буду здесь, когда вы откроетесь. – Адам Вутен собирает свои вещи, торопливо жмет руку Джонасу и, старательно избегая пылающего взгляда Терри, поспешно выходит из переговорной.

Джонас поворачивается к жене:

– Неплохо прошло. Как по-твоему?

– По-моему, ты просто чокнутый. Вот именно. Как, спрашивается, ты собираешься имплантировать электронное устройство в мозг Ангела?

– Без понятия. Очень осторожно.

Доктор Николс заканчивает загружать в компьютер анимационный ролик, после чего разворачивает монитор экраном к Тейлорам, Маку,

Фрэн Риццуто и доктору Стелзеру:

– Ладно, я понимаю, все это похоже на фильм «Миссия невыполнима», но не забывайте, что я выполнил более десятка таких операций на акулах-молотах и акулах-няньках, а работать с такой крупной особью, как Ангел, на самом деле гораздо проще.

– Это твое «проще» едва не сожрало меня несколько дней назад. С нашим монстром всегда очень непросто.

– Я имел в виду практическую хирургию. Мозг акулы-молота толщиной в два пальца, а мозг Ангела – размером с человека. Когда мы сделаем разрезы, то на все остальное уйдет двадцать – максимум тридцать минут.

– И где именно будет проходить операция? – интересуется Терри.

– А вот здесь начинается самое интересное. Процедура будет выполняться дистанционно, прямо из лаборатории. Все, что нам нужно сделать, – это прикрепить подводный бокс, оснащенный хирургическим роботом «Да Винчи», к черепу Ангела. Вот, позвольте вам показать.

Доктор Николс печатает несколько команд, запуская анимационную программу.

На компьютере появляется графическое изображение вида на канал сверху. Ангел находится прямо перед стальными воротами в канал. А за воротами причалена лодка. Анимационные рабочие спускают шланги аквалангистам, подтаскивающим их к воротам.

– Шаг первый: мы усыпляем нашего пациента путем накачивания в отверстия в воротах с помощью протянутых из лодки шлангов больших доз трикаин метансульфоната. Ангел проглотит анестетик и начнет потихоньку засыпать, после чего опустится на дно канала. Там она упрется гигантскими грудными плавниками в стенки канала и останется в вертикальном положении. Затем аквалангисты вставят трубку в ее пасть, закачивая туда морскую воду с анестетиком, чтобы она могла дышать. – Доктор Николс делает паузу, чтобы анимация совпадала с его словами. – Шаг второй: собственно хирургическая операция. Размеры представленного здесь подводного бокса шесть на восемь футов. Это автономная хирургическая камера, которая будет спущена вниз и закреплена на голове Ангела. После того как из камеры откачают воду, мы с доктором Стелзером выполним операцию дистанционным способом с помощью робототехники. – Доктор Николс открывает картонную коробку и вынимает из защитной пенопластовой

упаковки в форме буквы «У» устройство размером со скрипку. Со всех сторон гибкого имплантата толщиной с тонкий диск торчат электроды. – Перед вами нейротрансмиттер. Это очень простое устройство: в сущности, всего лишь электроды и микропроцессоры, которые получают команды с ноутбука. Сигналы программы посылаются путем радиосигналов на антенну, которая будет установлена на спинном плавнике меча. Антенна передаст сигнал в мозг животного, возбуждая нужные сенсорные области. Если стимулировать правую сторону обонятельного мозга, Ангел повернет направо, ну а если стимулировать левую сторону – налево. Акулы не рассуждают. Они привыкли реагировать лишь на стимулирование сенсорных клеток. Это будет фантомным ощущением, но животное не поймет разницы.

Мак внимательно изучает устройство:

– Я понял. Вы хотите превратить Ангела в собаку Павлова.

– Более или менее. Однако новые разработки Агентства по перспективным исследовательским оборонным проектам уже идут гораздо дальше одного только воздействия на обонятельный мозг. Так, например, мы узнали, что акулы используют ампулы Лоренцини как компас, реагирующий на магнитное поле Земли. Не приходится сомневаться, что Ангел именно так нашла обратную дорогу в лагуну после многолетнего отсутствия. Если она снова сбежит, мы сможем использовать это устройство, чтобы вернуть ее в лагуну, причем она об этом даже и не узнает.

– Давайте вернемся к антенне, – говорит Джонас. – Насколько я понимаю, ее невозможно прикрепить дистанционным способом.

– Верно. Для этой работы потребуются два аквалангиста. – На лице доктора Николса появляется нервная улыбка. – Я надеялся, что вы и ваши друзья возьмете на себя это маленькое дельце, пока мы с доктором Стелзером будем проводить операцию.

Мак с шумом выдыхает воздух:

– Давайте расставим точки над «i». Пока вы с Джоном будете играть с джойстиком, попивая «пина коладу», мы с Джонасом должны нырнуть с аквалангом в канал, чтобы прикрутить транзмиттер к спинному плавнику сами знаете кого.

– На самом деле к заднему спинному плавнику. Передний спинной плавник слишком толстый. Его трудно проткнуть. Но не волнуйтесь,

Ангел будет находиться под действием наркоза. Это все равно что поменять колесо.

– Поменять колесо. Отлично! На скорости шестьдесят миль в час.

Дубайленд

Дубай, Объединенные Арабские Эмираты

Дэвид находится один в кабине пилота, затерянный в бескрайнем и бездонном черном море. Он вжимает обе педали в пол, но безуспешно. Тянет на себя джойстики – ничего. Беспомощный подводный аппарат продолжает дрейфовать на боку в непрерывном потоке, окружающая пустота сдавливает его в смертельных объятиях, стенки кабины пилота сжимаются, запас воздуха неумолимо кончается. Страх парализует внутренности, члены немеют. Становятся такими же немощными, как и подводный аппарат.

Дышать... Мне нечем дышать!

Ледяные пальцы смерти впиваются в его плоть, все глубже погружая в пропасть.

Спать... Только не спать. Заснешь – и больше никогда не проснешься...

Я так устал... Сопротивление бесполезно... Умереть, уснуть...

Нет!

Инстинкт самосохранения помогает преодолеть паралич, сила воли встряхивает тело, заставляя всего один палец согнуться, и эта малость уже обнадеживает. Итак, сгибай и разгибай палец, разгоняй кровь, попробуй подвигать кистью. Сожми ее, покрути запястьем, почувствуй боль. Боль отрезвляет. Боль – это жизнь. Ну а теперь рука. Ударь рукой о безжизненную ногу. Оживи конечность, продолжай бить, пока не почувствуешь настоящую боль... которая тебя разбудит.

Дэвид, просытайся. Просытайся и дыши.

– А-а-а-а-а!!!

Дэвид, лежавший лицом вниз, перекачивается с пуховой подушки, жадно хватая ртом воздух. Левая рука, которую он отлежал, онемела, правую покалывает, точно иголками. Еще несколько секунд Дэвид

лежит в постели. Жадно дыша, он просто смотрит в потолок, вконец измученный и обессиленный. И только тут до него доходит, что кто-то настойчиво стучит в дверь.

Скатившись с кровати, Дэвид проходит на дрожащих ногах в гостиную. Солнце еще только-только встало, а вот Дэвиду вставать было еще рано, тем более после прошлой ночи – длинной-длинной ночи, которая закончилась всего несколько часов назад. Ведь его голова коснулась подушки лишь после пяти утра, и тело, словно налитое свинцом, буквально утонуло в мягкой постели.

Стук повторяется. На сей раз более настойчиво.

– Хорошо-хорошо. Уже иду. – Джонас, не сдерживая раздражения, распахивает дверь.

В коридоре стоит высокий парень, тот самый, который на днях помогал перевозить гигантский контейнер. Парень одет в джинсы и белый лабораторный халат, на бочкообразной груди – надпись: «Сицилийский бык».

– Ты срочно нужен доктору Бекер. Одевайся и иди за мной.

– А кто это, на хрен, такой, этот твой доктор Бекер?!

– Барбара Бекер. Главный морской биолог. – Парень заталкивает Дэвида обратно в номер. – Натягивай свои шмотки. Нам нужно спешить.

– Зачем? Что за пожар?

– Прибыли детеныши. Мы держим их в бассейне. Они умирают.

У входа в отель их уже ждет машина. Долговязый ассистент забирается на заднее сиденье. Дэвид садится рядом. Едва он успевает захлопнуть дверь, как автомобиль резко срывается с места.

– А когда они прибыли?

– Двадцать минут назад. Биологи из твоего института еще на борту поняли, что тут что-то не так. Я Майкл Исон из Скриппса. Меня рекрутировала доктор Бекер. Кстати, ты в курсе, что твой отец здесь легендарная личность?

Дэвид открыл было рот, чтобы ответить, но тут автомобиль делает крутой поворот, после чего водитель ударяет по тормозам.

– Пошли! – Исон вылезает из автомобиля, Дэвид – следом за ним.

Они проходят мимо погрузо-разгрузочной площадки океанариума и дальше по крытому проходу, который ведет к закрытым на кодовый

замок воротам. Долговязый биолог прокатывает магнитную карточку-пропуск, толкает створку ворот, и они входят.

В подвальном этаже стоит протяжный гул гидравлических насосов, вдоль всего коридора тянутся трубы. Дэвид с Майклом спешат по широкому проходу мимо ниш в стене, обозначенных как Т-7, Т-5, Т-3 слева и Т-6, Т-4 –справа. И останавливаются у служебного лифта Т-2. Двери закрываются, лифт поднимается на седьмой этаж.

Двери открываются, и Дэвид видит перед собой бассейн вместимостью 80 миллионов галлонов. Доктор Бекер, немолодая дама с русыми волосами, руководит группой из шести человек, трое из которых работают в Океанографическом институте Танаки. Она жестом приглашает Дэвида подойти к краю бассейна:

– Я Барбара Бекер. Меги прибыли в шоковом состоянии. Вот эта проплыла до середины бассейна и затонула.

Дэвид вглядывается в кристально прозрачную воду. На дне, в семидесяти футах от поверхности, лежит детеныш меча, известная как Эшли. Команда аквалангистов пытается обвязать двадцатипятифутовую акулу брезентовыми стропами. Концы строп соединены с тросами, которые тянутся к самоходной лебедке, закрепленной на кольцевой колее под потолком.

Рация доктора Бекер внезапно оживает:

– Она готова. Запускайте лебедку.

Бекер дает отмашку помощнику, и тот оперативно включает самоходную установку. Лебедка, катясь по колее со скоростью двух узлов, начинает тянуть за собой на тросах пятитонного детеныша меча.

К Дэвиду подходит один из институтских ученых – устрашающего вида мужчина с бородой, заплетенной в косичку:

– Стив Акхерст. Мы работали вместе несколько лет назад.

– Я помню. Что случилось?

– Непруха. Вот что случилось. Белль и Лиззи вынудили нас транспортировать детенышей раньше времени. Они не успели акклиматизироваться к нахождению в условиях ограниченного пространства. Через шесть часов полета показатели жизненно важных функций Мэри Кейт резко упали, у Эшли это случилось на час позже. Мы вкололи им столько адреналина, что хватило бы запустить грузовик, но они двигались очень неровно. Мне пришлось залить Эшли воды в пасть, чтобы она продолжала дышать.

Барбара Бекер кричит в рацию:

– Ну что, она реагирует?

– Жабры шевелятся, но не самостоятельно. Жизненно важные функции не изменились. Пульс по-прежнему около двадцати ударов в минуту. Хвостовой плавник остается неподвижным. Она умирает.

– Увеличьте скорость до пяти узлов. – Доктор Бекер поворачивается к Дэвиду и Стиву Акхерсту. – Если у вас двоих имеются какие-нибудь блестящие идеи, то сейчас самое время ими поделиться.

– Нам больше нельзя кормить ее лекарствами, иначе у нее будет передоз, – говорит Акхерст. – Единственное, что мы можем сделать, – это поддерживать циркуляцию воды через жабры и молить Бога, чтобы она вышла из комы.

– Мистер Тейлор?

– Нужна шоковая терапия.

– Какая?

– Дефибрилляторы. Причем столько, сколько вы сможете найти. Переместим ее в медицинский бассейн, перевернем на спину, дадим наркоз. А затем применим шоковую терапию, пока не пройдет аритмия и не восстановится нормальный ритм сердца.

– Акхерст?

– Мы такого еще никогда не делали, но поскольку оба детеныша в шоковом состоянии, то стоит попробовать, по крайней мере на одной из них. Попытка не пытка.

Доктор Бекер вынимает из кармана сотовый телефон:

– Это Бекер. Свяжитесь с медицинским центром. Мне нужно столько дефибрилляторов, сколько поместится в карету «скорой помощи», а также чертовски хорошего техника. Жду вас на верхней палубе Т-2. Срочно!

Безжизненного пятитонного детеныша-альбиноса перетаскивают в медицинский бассейн, расположенный в дальнем конце аквариума. Шесть дайверов ныряют одновременно с мегом из бассейна, оперативно отсоединяют тросы от строп, после чего прикрепляют левые тросы к правой стороне страховочной обвязки.

– Давайте!

Трос натягивается, обвязка раскручивается, детеныш с оглушительным всплеском падает на спину и начинает опускаться животом вверх на дно двенадцатифутового бассейна, а тем временем аквалангисты и медицинский персонал суетятся вокруг нее, как бригада механиков вокруг гоночного автомобиля.

Из медицинского бассейна частично откачана вода, живот Эшли торчит над поверхностью.

Мягкий резиновый шланг осторожно вставлен в открытую пасть меча, пенная струя соленой воды попадает в глотку и выливается из жаберных щелей, давая возможность акуле дышать.

Шесть пар «утюгов» дефибрилляторов установлены на грудной полости Эшли прямо над грудными плавниками и придавлены грузовыми поясами. Провода от «утюгов» тянутся вдоль палубы к тележкам с батареями дефибрилляторов.

Мигель Максимилиано Франко, кардиолог из Аргентины, заканчивает зарядку приборов:

– Это нужно делать одновременно. Мне нужны еще два помощника.

Доктор Бекер поворачивается к Дэвиду:

– Вы с доктором Акхерстом будете ассистировать доктору Франко. Майкл, ты будешь следить за показателями жизнедеятельности меча. Всем остальным очистить бассейн. Проследите за тем, чтобы никто не стоял в воде.

Аквалангисты вылезают из медицинского бассейна на площадку вокруг него.

Доктор Франко вручает Дэвиду и доктору Акхерсту по выключателю от дефибриллятора, оставив один себе:

– Хорошо, господа. Теперь я скажу: «Один, два, три». На счет «три» вы включите дефибриллятор. Все отошли подальше?

– Включить на счет «три». Понятно.

– Аквалангистам отойти подальше. Персоналу отойти подальше. – Кардиолог смотрит на доктора Бекер, которая молча кивает. – Итак, поехали. Один... два... три!

Электрические разряды сотрясают тушу меча, они волнами расходятся по белому брюху, заставляя грудные плавники и хвост подпрыгивать.

– Есть сердцебиение. Черт! Я его потерял. Повторить еще раз по моему сигналу. Один... два... три!

Мегалодон конвульсивно дергается, его хвост рефлекторно изгибается вверх.

– Есть сердцебиение... Пульс сильнее, но по-прежнему нитевидный. Сто двадцать три... сто семнадцать... сто тринадцать. Ее необходимо перевернуть.

– Наполнить водой медицинский бассейн! – приказывает доктор Бекер.

Мощные насосы начинают накачивать воду, она начинает медленно подниматься, а вместе с ней и мегалодон. Аквалангисты ныряют обратно в бассейн, выстроившись вдоль левого бока беспомощного гиганта. Надев на мега страховочную обвязку, аквалангисты общими усилиями переворачивают его на брюхо. Эшли приветствует своих спасателей ударом о воду хвостового плавника.

– Девяноста три... девяноста четыре... Пульс стабильный. – Майкл Исон садится на край бассейна, поближе к серо-голубому глазу мега. – Глаза только что выкатились вперед. Похоже, она приходит в себя.

Дэвид показывает доктору Акхерсту растопыренную пятерню, затем поворачивается к медицинскому бассейну, и улыбка моментально сползает с его лица.

– Эй! Осторожно!

Возбужденная переизбытком адреналина, Эшли рывком поворачивает огромную голову, жуткие челюсти рефлекторно открываются и хватают ближайшую жертву – Майкла Исона, который цепенеет, словно олень на дороге в свете фар, крик застревает в горле, когда острые зубы мега впиваются в грудь, пробивая легкие. Грудная клетка разлетается на множество осколков, позвоночник крошится.

Изо рта погибшего биолога фонтаном бьет кровь, забрызгивая пустившихся в бегство аквалангистов.

Не выпуская из пасти обмякшую добычу, Эшли бьет хвостом, посылая во все стороны потоки воды. Это усилие помогает ей перевалиться через бортик мелкого медицинского бассейна прямо в главный аквариум.

Молодая охотница кружит под водой. Осваиваясь в своем новом доме, она не обращает внимания на отчаянные вопли зрителей,

собравшихся вокруг бассейна. Время от времени она трясет болтающееся в зубах окровавленное тело, совсем как собака – старое полотенце. Наконец она прокусывает насквозь податливую плоть, проглатывает торс Майкла Исона, руки и ноги отлетают в сторону.

Барбара Бекер падает на колени на мокрый настил, ее грудь содрогается в рыданиях. Ее сотрудники, также пребывающие в состоянии шока, стараются не трогать начальницу, пока один храбрец не подходит к ней с рацией в руках:

– Доктор Бекер, вы меня слышите? Это доктор Дживани из Т-10.

Она берет рацию, пытаясь вернуть самообладание:

– Говори, Карим.

– Простите, доктор Бекер. Мы все испробовали. Детеньш мегалодона... Он умер.

Глава 18

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Хмурое утро, небо затянуто свинцовыми тучами, температура воздуха всего пятьдесят шесть градусов по Фаренгейту. Вирджил Кармен, расположившись внутри открытой кабины на корме сорокадвухфутового водолазного бота, нервно косится на двух мужчин в мокрых гидрокостюмах, которые проверяют снаряжение.

Фрэн Риццутто стоит на мостике рядом с капитаном, рация на правом плече, сотовый телефон – в нагрудном кармане. Судно идет на юг вдоль берега со скоростью пятнадцать узлов, на востоке виднеется пустая арена, в поле зрения постепенно появляются прямоугольные очертания колючей проволоки.

– Спокойнее, капитан. Сбавьте ход. Не стоит возбуждать ее сверх необходимости.

По мере приближения к входу в канал капитан сбрасывает скорость до трех узлов.

Спаренный двигатель «Катерпиллер» мощностью 385 лошадиных сил выпускает синие струйки выхлопных газов. Волны швыряют судно вверх-вниз, подталкивая его к барьеру из спиралей колючей проволоки, расположенному менее чем в девяносто футах.

Капитан переключает двигатели на реверс, судно начинает пятиться кормой в сторону подводных ворот.

Глухой удар в районе колючей проволоки эхом разносится по воде – сигнал тревоги, поданный хвостовым плавником возбужденного животного.

У Вирджила екает сердце. По лицу текут струйки пота.

Шестьдесят футов... Пятьдесят. Господи, этого вполне достаточно!

– Бросайте якорь. – Голос Фрэн застает Вирджила врасплох.

Судно встает на якорь прямо за стальными воротами.

Двигатели смолкают. О стеклопластиковый корпус судна бьются волны. Глухой удар, похожий на раскат грома, отдается дрожью во всем теле.

Аквалангисты Эд Хендрикс и Карлос Салинас переглядываются. Эд Хендрикс нервно улыбается напарнику:

– Она дает нам понять, что мы здесь незваные гости.

– Надеюсь, она не любит мексиканскую кухню.

Фрэн спускается с мостика:

– Ну как, мальчики, готовы? Давайте проверим связь.

Водолазы натягивают закрывающие лицо маски:

– Проверка. Вы нас слышите?

Фрэн увеличивает громкость рации:

– Громко и отчетливо. Вирджил, включай насос.

К палубе болтами прикреплен гидравлический насос с восьмидюймовыми водозаборным и сливным шлангами, соединенный с ведром из-под цементной смеси объемом семьдесят пять фунтов. Надев респиратор, Вирджил высыпает в ведро пятидесятифунтовый пакет с трикаин метансульфонатом. Добавляет в порошкообразный анестетик воды и, перемешав раствор веслом, запускает помпу.

Аквалангисты прикрепляют баллоны с воздухом, застегивают компенсаторные жилеты, надевают грузовые пояса, после чего с ластами в руках спускаются на платформу для ныряния. Садятся на край платформы, надевают ласты. Разыгравшийся Тихий океан качает платформу из стороны в сторону.

Фрэн стравливает воздух из шланга, после чего передает его аквалангистам. Те поднимают большие пальцы и погружаются в воду, таща за собой рукав.

Эд Хендрикс, крупный и мускулистый мужчина, часто дыша, плывет к стальным воротам, находящимся в тридцати футах от него. Хендрикс – примерный семьянин, с женой и дочерью – ученицей выпускного класса средней школы. Он, очень опытный дайвер, в свое время нырявший среди больших белых акул у побережья Южной Африки, никогда не боялся воды... но лишь до сегодняшнего дня.

Выровнявшись на глубине шестидесяти футов, аквалангисты плывут к воротам, чувствуя, как усиливается сердцебиение по мере приближения к пористым створкам. В двадцати футах от себя Хендрикс видит сквозь отверстия в поросших водорослями стальных воротах

синеву Тихого океана, которая внезапно озаряется зловецим белым сиянием.

– Иисус, Мария и Иосиф! – восклицает Карлос, когда за массивным барьером возникает Ангел. Дайверы в ужасе замирают. – Эд... я не смогу это сделать!

– Успокойся.

– Не могу!

– Карлос, она чувствует твой учащенный пульс. Она чувствует все. Расслабься. Движения медленные и плавные. Передай мне шланг. Я сделаю всю грязную работу. Фрэнни, ты меня слышишь?

– Да, Эд.

– Подавай анестетик.

И вот через двадцать секунд шланг в руках Эда оживает, затвердевает, из его открытого конца начинает поступать молочно-белая субстанция.

Держа шланг под правой подмышкой и крепко сжимая его обеими руками, Эд подплывает к воротам. Он нацеливается на отверстия на уровне пасти Ангела.

Бабах!

Раскатистое гроыхание, кажется, пробирает до самых костей. Хендрикс еще сильнее работает ногами, мышцы наливаются свинцом, когда он подплывает к скользким от налипших водорослей створкам. Вентиляционные отверстия все разного размера: одни круглые, величиной с баскетбольный мяч, а другие – овальные, достаточно большие для того, чтобы туда мог протиснуть плечи взрослый мужчина.

Избегая самых крупных отверстий, Эд заглядывает в то, что поменьше...

...и в это самый момент белый призрак бьется в левую створку ворот, рыло размером с внедорожник расширяет шестидюймовую щель между створками.

Мощный удар, буквально вытряхивающий душу, приводит Хендрикса в шоковое состояние. Он в панике выпускает из рук шланг и плывет прочь, столкнувшись с Карлосом.

– Полегче, амиго!

– Проклятье! Она огромная.

Карлос начинает выбирать шланг, пока ему не удастся перехватить конец:

– Мы сделаем это вместе. Идет?

– Идет.

Подтащив шланг к воротам, они просовывают свободный конец в одно из отверстий.

Ангел, разъяренная появлением двух похожих на тюленей существ, тыкается рылом в створки. Загнанное в узкий канал животное мечется туда-обратно вдоль ворот, трется рылом о створки и неожиданно чувствует непривычный, едкий запах. Ее движения замедляются, челюсти обмякают, когда в открытую пасть поступает устойчивый поток химического вещества.

Удары становятся реже, затем прекращаются.

Ангел с прижатой к воротам пастью зависает на глубине шестидесяти футов. Ее хвостовой плавник вяло взбивает воду продолжительными сильными ударами.

Но вот хвост перестает двигаться, большая самка тонет.

Дайверы, постепенно меняя положение шланга, ныряют вслед за ней. Ангел приземляется на грудные плавники, голова остается прижатой к стальным створкам в восьмидесяти семи футах от поверхности, более легкий хвост изогнут под углом тридцать градусов.

– Она вырубилась! Приготовьтесь! – Отыскав ближайшее к нему овальное отверстие, Эд вглядывается в спящего гиганта.

Восстановив самообладание, он расстегивает компенсаторный жилет, просовывает его в отверстие, затем туда же идет баллон с воздухом.

Карлос подает Эду шланг через другое отверстие, тот выбирает шланг, затем плывет к бездонной пасти, напоминающей зазубренную расщелину в скале. Эд с замиранием сердца очень медленно, очень осторожно просовывает шланг в открытую пасть монстра, между двумя нижними боковыми зубами.

Хендрикс задерживается возле чудовища еще на сорок секунд, до тех пор, пока из жаберных щелей не начинает вытекать молочно-белая жидкость.

Оставив шланг, Эд останавливается на уровне глаза Ангела. Зрачок закатился в орбиту, видна только белая в красных прожилках склера. Слава богу!

– Наш монстр спит как ягненок! Эй, Фрэнни, передай Джонасу, что я требую прибавку к зарплате.

Джонас получает это сообщение в тот момент, когда они с Маком и шестью служащими океанариума с помощью лебедки спускают по временному плавучему пандусу у восточной подпорной стенки лагуны принадлежащий Дани скоростной катер длиной двадцать один фут и весом тысяча пятьсот фунтов. На носу катера находится подводный бокс из прозрачного акрила размером с два поставленных рядом гроба. Возле камеры на сиденье лежит сетчатая сумка для инструментов с компонентами передающей антенны меча.

В наушниках Джонаса слышится каркающий голос Фрэн:

– Джей Ти, пациент готов.

– Уже выдвигаемся.

Джонас с Маком, оба в мокрых гидрокостюмах и со снаряжением для дайвинга, залезают в быстроходный катер, выбранный за подвесной мотор с электронной системой впрыска топлива мощностью 250 лошадиных сил, способный развивать скорость до 70 миль в час.

Мак запускает мотор, катер мчится через лагуну прямо в канал, замедляя ход по мере приближения к барьеру из колючей проволоки. Затем Мак выключает мотор, позволяя катеру дрейфовать. Джонас с Маком пристально вглядываются в покоящийся на дне крупный объект.

– У нас проблема. Мы не можем бросить якорь и не можем позволить катеру дрейфовать, пока мы будем внизу, – заявляет Мак.

Джонас кивает:

– Ладно. Оставайся в лодке. Я сам справлюсь.

– Согласен.

– Согласен? В самом деле? И даже не будешь спорить?

– Эй, если ты сказал, что сам справишься, значит справишься. Кто я такой, чтобы ставить под сомнение твои способности?

Тем временем возле катера появляется аквалангист. Хендрикс кричит через коммуникационное устройство в маске:

– Живо спускайте вниз свою хирургическую чудо-машину, пока я не наложил в штаны!

Натянув маску и ласты, Джонас осторожно переваливается через борт катера. Мак протягивает Джонасу сумку с инструментами и, когда тот прикрепляет ее к поясу, спускает за борт акриловый бокс.

Бокс представляет собой конструкцию с открытым дном, нижняя часть стенок имеет манжеты из толстой гибкой резины и оснащена крепежными шурупами. Внутри бокса находятся три видеокамеры толщиной с карандаш, а также несколько манипуляторов, один из которых держит нейроимплантат. На одной из стенок закреплен гидравлический насос.

Из-за неравномерного распределения веса бокс, оказавшись в воде, тотчас же переворачивается. Джонас с Эдом оперативно его подхватывают и спускают на глубину шестьдесят семь футов, чтобы затем установить на массивном черепе спящего меча.

Изображения от трех видеокамер, установленных внутри бокса, возникают на экранах компьютеров в лаборатории Океанографического института Танаки, находящейся менее чем в миле от ворот в канал. Джонатан Стелзер следит за изображениями, а доктор Николс сидит за пультом управления хирургического робота «Да Винчи», обе его руки на рычагах управления манипуляторами. Наклонившись вперед, доктор Николс смотрит в очки трехмерной виртуальной реальности, позволяющие увеличивать или уменьшать изображение любой из трех видеокамер хирургического бокса.

– Господа, вы меня слышите? – В голосе Джонаса чувствуется явное напряжение.

– На черепе меча имеются две выпуклости. Это надбровные дуги. Установите камеру в мертвой точке между этими выпуклостями, ее передний конец должен находиться примерно в шести футах от кончика рыла.

– Вы сказали, в мертвой точке?

– Простите.

– Ладно. Мы уже на позиции.

– Отлично! Закрепляйте камеру.

Джонас с Эдом придавливают камеру так, чтобы резиновая манжета присосалась к толстой белой шкуре Ангела. Шурупы из биоразлагаемого пластика протыкают шкуру, на которой тут же появляются капельки крови, обеспечивая полную герметичность.

– А вы уверены, что она ничего не чувствует?

– Абсолютно. Мистер Хендрикс, начинайте осушать камеру. Джонас, делай свою работу.

Джонас, подняв большие пальцы, дает Хендриксу отмашку, после чего, проплыв мимо жаберных щелей и спинного плавника, спускается вдоль туловища акулы к ее огромному серповидному хвосту, находящемуся под углом к уровню дна.

Эд Хендрикс запускает гидравлический насос, и тот в считанные мгновения осушает акриловый бокс. И буквально через несколько секунд одна из хирургических «рук» оживает, из нее появляется десятидюймовая циркулярная пила, зубья которой делают тонкий продольный надрез в алебастровой шкуре, а тем временем другой хирургический инструмент, снабженный крошечной видеокамерой и подсветкой, промывает кровоточащую рану соленой водой. Циркулярная пила завершает шестидюймовый надрез и, отступив на шесть футов, начинает производить второй надрез параллельно первому.

Подгоняемый течением, Джонас опускается на двадцать футов и оказывается у мощного хвоста меча. Спинной задний плавник расположен перед мускулистым хвостом – равнобедренный треугольник плоти размером с ребенка. Оседлав Ангела, Джонас достает из сумки для инструментов антенну. Цилиндр длиной примерно три фута прикреплен к резиновой пластине размером восемь квадратных дюймов, с четырьмя пластиковыми шурупами. Джонас выуживает из сумки дрель «Филлипс» для подводных работ, пристегивает ее к грузовому поясу, затем прилаживает пластину к заднему спинному плавнику. Прижав головку дрели к первому шурупу, он включает агрегат.

Но шуруп вместо того, чтобы проткнуть шкуру, впивается в плотную мышцу. Серповидный хвост резко дергается от острой боли.

Джонас поспешно выключает дрель. Сердце, кажется, вот-вот выскочит из груди, и Джонас начинает опасаться, что оно сейчас остановится.

– Эй, доктор Николс... небольшая загвоздка.

– Джонас, я сейчас занят. Вы можете самостоятельно справиться с ситуацией?

– Ну да, конечно. Простите, что побеспокоил. Но Ангел реагирует на боль.

– Характер реакции?

– У нее дергается хвост. Шуруп прошел под кожу, когда я попытался завинтить его дрелью. Она что-то чувствует, и это ей явно не нравится. Предложения имеются?

– Оставьте дрель. Возьмите отвертку.

Джонас дрожащими руками роется в сумке для инструментов:

– У меня ее нет. Мак?

– Оставайся на месте. Я вижу твои пузырьки воздуха. Сейчас сброшу за борт.

Увидев, что гидравлический насос откачивает из ведра остатки похожего на меловой раствор анестетика, Вирджил Кармен достает с полки еще один пятидесятифунтовый пакет с трикаин метансульфонатом и с ужасом обнаруживает, что это последний.

– Эй, Фрэн! У меня закончились запасы анестетика.

Фрэн Риццуто слезает с мостика:

– Этого не может быть! Мы купили вдвое больше, чем было нужно. Как такое может быть, что у тебя закончился препарат?!

– Значит, это у *меня* закончился препарат?! – Разорвав последний пакет, Вирджил высыпает порошок в ведро. – А может быть, *кто-то* просто-напросто просчитался!

Фрэн осматривает полки, затем спускается вниз, таща за собой еще один пакет, на сей раз промаркированный «ХС».

– Хинидина сульфат? Фрэнни, ты что, совсем сдурела?! Когда она очнется, она нас тут всех в клочки разнесет! Если, конечно, очнется.

– Смешай с диазепамом.

– У меня его нет.

– Черт побери! – Повернувшись к Вирджику спиной, Фрэн кричит в рацию: – Доктор Николс, долго еще?

– Не мешайте мне, я провожу операцию! – Прижав лицо к видеокамере, Brent Nicols, дистанционно управляя циркулярной пилой, завершает поперечный разрез, соединяющий два первых. Включив роботизированные хирургические щипцы, он аккуратно приподнимает край кожи и отодвигает шестидюймовый лоскут в сторону рыла мегалодона. Доктор Стелзер, работающий со вторым зажимом, закручивает назад девяностофунтовый кусок кожи с мышцами длиной пятьдесят два дюйма. Доктор Николс убирает

скальпелем оставшуюся соединительную ткань, обнажив гладкий слой хрящей.

– Доктор Стелзер, закрепите кожный лоскут, пока я буду долбить череп.

На удаление двухдюймового слоя хрящей уходит еще несколько минут. Изменив угол камеры, доктор Николс промывает внутреннюю часть черепа, обнажив мозг.

– Великолепно...

В отличие от человеческого мозга, мозг меча длинный и тонкий, он лежит в полости черепа наподобие перевернутой буквы «У», ответвления тянутся к ноздрям и обонятельным луковицам, а также к лабиринту нервных клеток, расположенных в рыле.

Доктор Николс с благоговением смотрит на внутреннее строение черепа меча.

Стелзер возвращает его к действительности:

– У них кончается анестетик.

– Все верно.

Переключив тумблер, Николс манипулирует роботизированной «рукой» с нейроимплантатом, устанавливая его на месте соединения ответвлений буквы «У». Затем начинает один за другим подсоединять к различным участкам мозга восемнадцатидюймовые электроды толщиной с проволоку.

Фрэн Риццито и Вирджил Кармен смотрят на пустое ведро.

– Это плохо.

– Ежу понятно. Продолжай качать воду. – Фрэн включает рацию. – Джонас, долго еще?

– Фрэн, не останавливайся.

Течение относит в сторону берега прикрепленный к рыболовной леске пакет с отвертками. Джонас подплывает к нему, снимает с крючка, порезав в результате большой палец. Из открытой раны течет кровь. Зажав порез, Джонас плывет против течения, чтобы успеть закончить установку антенны на плавнике меча.

В наушнике слышится голос Мака:

– Джонас, ты нашел отвертки?

– Нашел. Но здорово порезался о твой чертов крючок.

– После поблагодаришь. Я только что разговаривал по рации с парнями, которые устанавливали радиометки на больших белых акулах в Нижней Калифорнии. Они советуют приложить пластину, а затем просверлить четыре отверстия четвертьдюймовым сверлом. Используй болты и гайки, что лежат в сумке для инструментов. Они говорят, это менее травматично, чем шурупы.

– Ладно. Спасибо.

Джонас лезет в сумку для инструментов. Достает сверло, вставляет в дрель. Устанавливает пластину, просверливает четвертьдюймовое отверстие во втором спинном плавнике, не сводя при этом глаз с хвоста Ангела.

Хвост остается неподвижным.

Облегченно вздохнув, Джонас поспешно просверливает еще две дырки, осторожно выворачивает шуруп, застрявший в плавнике, и высверливает новую дырку. Находит в сумке четыре десятидюймовых пластиковых болта и четыре подходящие гайки. Один за другим вставляет болты и уже рукой затягивает гайки с другой стороны плавника.

Брент Николс смахивает пот со лба и откидывается на спинку стула, любуясь своей тонкой работой:

– Все электроды подсоединены. Все, теперь будем закрывать. Жаль, что мы не можем сперва протестировать эту штуку. Мы всегда тестировали эти приборы на акулах-молотах и акулах-няньках.

– Брент, это вам не чертова акула-нянька! У нас ведь в воде дайверы.

– Хорошо-хорошо. Готовь зажим.

Орудую хирургическими щипцами, Николс помогает Стелзеру поставить на место и заклеить специальным клеем отрезанный фрагмент черепной коробки. Убедившись, что хрящ держится, морские биологи начинают ставить на место отодвинутый лоскут кожи. Доктор Николс приступает к кропотливой работе по наложению швов на разрез, а Джонатан Стелзер тем временем обкалывает рану антибиотиками и противовоспалительными препаратами.

Эд Хендрикс завис над прозрачным боксом. Забыв о страхе, он заворуженно следит за тем, как манипуляторы пришивают

кровотокающий лоскут кожи четырнадцатидюймовой титановой иглой, в качестве материала для швов взят тонкий кишечник погибшей Анжелики.

– Эд, долго еще?

– Фрэнни, без понятия. Они сейчас накладывают швы. Еще пять-шесть минут. Плюс еще две, чтобы затопить камеру и снять устройство. Карлос, что там у тебя слышно?

Пот, текущий ручьем по лицу Карлоса Салинаса, который продолжает держать шланг с соленой водой в вялых челюстях Ангела, уже образовал в маске небольшую лужицу.

– Блин, белое вещество перестало вытекать из ее жаберных щелей по крайней мере пятнадцать минут назад!

– Есть какие-нибудь признаки, что она очухивается?

– Откуда мне знать, черт возьми?!

– Проверь ее глаза.

– Ее глаза. Ага. – Оставив шланг между двумя нижними зубами, Карлос плывет вперед к левому глазу меча.

Серо-голубой зрачок выкатился обратно и теперь смотрит прямо на Карлоса!

Карлос хочет крикнуть и не может. Горло сжимает первобытный страх. Руки и ноги не слушаются, хотя мозг приказывает им шевелиться, и поживее.

Ангелу, с ее затуманенным зрением, кажется, что перед ней молодой морской слон. Она продолжает расслабленно глотать воду, пелена, окутавшая органы чувств, постепенно спадает, но еще недостаточно для того, чтобы проснулись вялые мышцы.

Осознание того факта, что он до сих пор жив, выводит Карлоса из ступора. Отчаянно работая ногами в ластах, он буквально за секунду проплывает мимо открытой пасти меча к стальным воротам. От поднятой волны шланг выпадает из челюстей меча.

Забыв снять жилет и грузовой пояс, Карлос пытается протиснуться сквозь овальное отверстие. Тяжело дыша в маску, он между прерывистыми вздохами кричит Эду Хендриксу:

– Она... проснулась! Уноси ноги... она...

– Что ты сказал? – Подняв голову, Хендрикс видит, как Карлос исчезает через покрытое илом отверстие.

Хендрикс моментально покидает свой пост и чуть ли не до разрыва сердца плывет как сумасшедший в сторону ворот.

Когда поток воды из шланга в пасть мегалодона прекращается, жабры перестают трепетать. В течение секунды монстр не дышит, и организм получает сигнал тревоги. Внутренняя температура мега неожиданно подскакивает, способствуя выбросу адреналина, в результате чего толстые красные мышечные волокна вдоль спины сокращаются, и Джонас, который едва успел закрутить последний болт, соскальзывает со своего насеста.

– Она проснулась! Карлос, Эд, живо убирайтесь отсюда!

Джонас плывет к поверхности, но мощный удар хвостового плавника неожиданно отбрасывает его в сторону.

Мегалодон пулей летит вперед, жадно глотая морскую воду, чтобы пропустить ее через жабры. А тем временем Эд Хендрикс еще только-только подплывает к воротам.

Хендрикс чувствует, что чудовище буквально дышит ему в спину. В панике он пытается пролезть вместе с баллоном с воздухом в одно из отверстий в створке ворот, к несчастью слишком узкое для него. Эд отчаянно извивается всем телом, благодаря облепившим дыру скользким водорослям ему удается протиснуть плечи и торс, но в этот самый момент Ангел врезается мордой в стальную створку, передние зубы сжимаются на нижней части баллона, прокусив Хендриксу обе ноги. Поврежденный баллон взрывается, выталкивая Хендрикса вперед, и вот он уже – в облаке кровавых пузырьков – оказывается по другую сторону барьера.

В сорока футах от поверхности воды барабанные перепонки Карлоса фиксируют сильное шумовое возмущение. Обернувшись, Карлос видит, как его друг, окутанный кровавой пеленой, идет ко дну. Чувство взаимовыручки пересиливает страх, и Карлос, выпустив воздух из компенсатора плавучести, ныряет за телом друга. Хватает его за руку, еще не совсем безжизненную, снова надувает жилет и пулей летит к поверхности.

Ангел мотает монструозной головой. От столкновения с железными воротами многочисленные ампулы Лоренцини на морде неприятно покалывает. На несколько секунд акула зависает у створок, в

ноздрях по-прежнему стоит едкий запах анестетика, при этом она даже не подозревает, что оторванные ноги Эда Хендрикса торчат из ее верхних зубов, точно сигары из человеческой плоти.

Запах крови, вытекающей из ампутированных конечностей, бьет в ноздри, точно сладкий сигарный дым. И этот запах возвращает мега к жизни. Сделав вираж, она покидает стальные ворота и направляется обратно к входу в канал: ее боковая линия регистрирует присутствие непрошеного гостя.

Нарезая на гоночной лодке плотные круги, Мак истошно орет в передатчик, встроенный в маску:

– Джонас, где тебя черти носят?! Джонас, отзовись!

– В сорока футах под тобой! Перестань передвигать чертову лодку с места на место!

– Мне приходится это делать! Бросай, на хрен, грузовой пояс и срочно поднимайся! Твоя девочка проснулась!

Джонас сбрасывает грузовой пояс и, отталкиваясь ногами, начинает подниматься к поверхности.

Ангел, похожая на белый дирижабль, возникает прямо у него за спиной.

– Мак, она прямо за мной! Похоже, мне ее не опередить! У меня так быстро не получается.

– И не надо! Хватайся за трос! – Мак бросает за борт буксировочный трос для водных лыж. – Скажешь когда!

Джонас пытается поймать прыгающую на волнах красную с белым деревянную рукоятку троса. Хватается за нее:

– Давай!

Мак дает полный газ, нос катера выпрыгивает из воды, катер вихрем устремляется вперед, Джонас, чувствуя, что вот-вот вывернет локтевой сустав, торпедой летит за ним.

Ангел, закатив глаза и на секунду ослепнув, хватается челюстями воду. Затем она обнаруживает лодку и, выровнявшись, бросается в погоню; мышцы, не отошедшие от действия анестетика, работают с трудом.

Джонас, пытаясь удержаться в кильватерном следе катера, идущего со скоростью тридцать узлов, перекачивается на спину, ноги в ластах болтаются в воздухе.

Мак оборачивается и, с облегчением увидев, что друг по-прежнему здесь, а мег по-прежнему у ворот в канал, сбрасывает скорость, чтобы не потерять Джонаса:

– Держись, приятель! Через секунду мы будем уже на суше.

Катер влетает в лагуну, разворачивается в сторону временного спуска и, перелетев через искусственный газон, прыгает по бетонной отмостке.

Джонас на скорости пятнадцать узлов пропахивает ягодицами спуск. Бросив трос, он сворачивается клубком и замирает перед киоском с закусками. Секунду-другую он просто лежит возле бассейна, радуясь блаженной сухости бетонного покрытия, и оценивает полученные травмы. *Ободранные локти... Чертовски болит колено... Неплохо.*

– Мак?

Мак сидит на носу лодки. Он переглядывается с Джонасом, и внезапно оба раздражаются истерическим смехом. Пьянящая радость оттого, что им удалось уцелеть, кружит голову.

– Джей Ти, пожалуй, пора завязывать с этим дерьмом.

– Согласен. Может, займемся продажей «Амвея»?

– Если честно, то я подумываю открыть стрип-клуб для людей пожилого возраста.

– Спецпредложение для ранних пташек. А что? Мне нравится.

– Джонас? Это Фрэн.

– Фрэн, мы в порядке...

– Нам срочно нужна «скорая помощь». А еще лучше вертолет! Эд лишился обеих ног. Он истекает кровью. Мы причалим через две минуты!

Джонас резко садится. Мимо ворот в канал на скорости проходит водолазный бот, белый плавник исчезает в набежавшей волне.

Я ненавижу тебя, Ангел!.. Я реально тебя ненавижу!

Глава 19

Морской заповедник Джебель-Али

Дубай, Объединенные Арабские Эмираты

Персидский залив

На черное море, подсвеченное оливково-зеленым стеклом ночного видения, надвигается тень.

– Вон там! – Кайли Сифурт показывает в сторону правого борта «Морского дьявола». – Подведи судно поближе, чтобы я могла закинуть сеть.

– Я ничего не вижу. – Шон Дагман, сидящий слева от Кайли за центральным пультом управления, нажимает ногой на левую педаль, заставляя аппарат совершать головокружительное вращение по часовой стрелке.

Почувствовав завихрение, 530-фунтовая зеленая морская черепаха бьет по воде передними лапами и исчезает в темноте.

Из радиации сквозь треск слышится голос Брайана Сьютса:

– Первый аппарат, двухминутная задержка. Ваш результат по-прежнему минус двадцать пять.

Кайли хватается за панель управления, когда Дагман, переусердствовав с правым пропеллером, переворачивает аппарат вверх дном:

– Шон, черт бы тебя побрал! Передай мне управление!

– Делай свою работу и не мешай мне делать мою.

Кайли вглядывается в экран сонара, прислушиваясь через наушники к звуковым сигналам. Всю последнюю неделю кандидаты в пилоты подводных аппаратов прочесывали ночью прибрежные воды Персидского залива, закидывая сети на морских черепахах. Каждая пойманная особь давала лишние баллы, а каждая упущенная возможность засчитывалась в минус. Сегодня был завершающий тур тренировок в открытом океане перед завтрашним отсеком, и Кайли,

которая находилась на позорном одиннадцатом месте, отставала на целых сорок баллов от кандидата, претендующего на последнее, восьмое, место в списке стажеров, отобранных для выполнения миссии.

Шон Дагман занимал, причем вполне заслуженно, семнадцатое место.

– Найди ее! Ложись на курс два-семь-ноль, глубина семьдесят футов.

Дагман направляет «Морского дьявола» резко вниз, осуществляя почти отвесное погружение. Подводный аппарат, отклонившись на двести футов к западу, оказывается на сто футов ниже черепахи.

– Ты промахнулся! Шон, берегись рифа! Давай наверх!

– Понял! Понял! – Бывший морской офицер тянет на себя оба джойстика и выравнивает подводный аппарат, чудом избежав столкновения с коралловым рифом.

Рация снова разражается треском:

– Вы двое, время вышло. Поднимайтесь на поверхность и причаливайте. И не вздумайте нырять возле иранского нефтеналивного танкера. Он запросто вдавит вас килем в дно. Сифурт?

– Есть, сэр. Все понятно. – Кайли, утонув в какофонии звуков от спаренных гребных винтов танкера, находит на сонаре движущийся строго на восток внушительный объект.

И вот уже несколько минут спустя аппарат тащат вверх по наклонному слипу 280-тонного рыболовецкого траулера «Дубайленд II». Палубные огни пронизывают ночное небо, на фоне которого появляются трое арабов-техников, закрепляющих «Морского дьявола» на самоходном шасси.

Люк кабины пилота открывается, по корпусу аппарата стекает морская вода. Кайли вылезает наружу, ее сидящий в обтяжку гидрокостюм отличается своим рисунком от гидрокостюмов других пилотов и членов экипажа. Девушка, буквально кипя от злости, пересекает основную палубу, проходит под канареечно-желтым кормовым порталом и акриловым резервуаром емкостью двадцать тысяч галлонов с девятью только что пойманными черепахами. Животных отвезут в океанариум, где будут экспонировать на открытом воздухе.

Кайли находит Брайана Сьютса на верхней палубе, куда он вышел из рулевой рубки.

– Сэр, я могу с вами поговорить?

– Сифурт, а это не может подождать? Я как раз выставяю баллы.

– Нет, сэр. Пожалуйста.

Сьютс замечает злобный блеск ее глаз.

– Даю две минуты.

– При всем моем уважении, сэр, поставленные мне оценки не репрезентативны. Они совершенно не отражают мои возможности. Меня постоянно ставят в пару с кем-нибудь из последней тройки стажеров, которые не способны отличить левый борт от правого. А во время последнего погружения мне только чудом удалось спастись. Я уж не говорю о баллах и оценках.

– Сифурт, пары подбираются случайным образом. И ты это знаешь.

– Да, сэр. Это делается с целью определить лучшие тридцать процентов класса. Пилотирование? О'кей, я согласна, что должна над этим поработать. Но когда дело доходит до места второго пилота и работы с сонаром, то здесь только у Питера Гейера балл выше, чем у меня. Если подходить индивидуально, то я по праву могу войти в первую пятерку, но в результате произвольного выбора пары я постоянно попадаю в связку с пилотом, который или вообще без понятия, что творит, или не терпит указаний от женщин. Это отражается на моей общей оценке.

– Быть может, ты права, но сегодня последняя ночь испытаний. И что, по-твоему, я должен делать?

– Дайте мне последний шанс пройти отбор. Последнее погружение с приличным пилотом.

– С кем, например? Все приличные стажеры уже набрали нужные баллы. И ни один из первой восьмерки не пойдет тебе навстречу, поскольку тем самым он рискует ухудшить свой результат.

Кайли обшаривает глазами палубу. Обнаруживает одиноко стоящего на носу возле брашпиля Дэвида.

– Поставьте меня в пару с Дэвидом. Разрешите мне доказать, на что я способна.

– Дэвид – инструктор.

– А я ваш лучший второй пилот. Разрешите мне это доказать.

Бывший специалист по психологическим операциям задумчиво смотрит на проходящий мимо иранский нефтеналивной танкер. Через минуту достает рацию:

– Мистер Беллин, а «Морские дьяволы» заряжены?

– Нет, сэр. Но у второго аппарата заряда хватит на двадцать минут.

Кайли, подняв брови, умоляюще смотрит на Сьютса.

– Ладно, бери Тейлора. И чтоб через четыре минуты вы уже были в воде!

– Есть, сэр!

– Ты целую неделю от меня нос воротила, а теперь хочешь, чтобы я пилотировал твой подводный аппарат?

– Дэвид, прости, если ввела тебя в заблуждение. Ты мне честно очень нравишься. Просто все слишком быстро закрутилось.

– М-да. Но мне сегодня как-то неохота. Может, завтра.

Кайли идет за ним по пятам:

– Тебе нужно, чтобы я тебя умоляла?

– Возможно.

– Тогда я тебя умоляю.

– Я что-то пока не проникся.

Кайли, заскрежетав зубами, сжимает кулаки:

– Чего ты от меня хочешь? Секса?

Дэвид поворачивается к ней лицом:

– Нет, Кайли. Я просто не хочу чувствовать себя всего лишь куском мяса. Если тебе нужна моя помощь, просто попроси. Как друг.

Кайли моментально оттаивает:

– Ты совершенно прав. Извини. Если я показалась тебе одной из этих пустышек, которые строят глазки, чтобы получить желаемое, тогда я дико извиняюсь. Ну а теперь, Дэвид, я прошу тебя как друга пилотировать мой подводный аппарат. Ну пожалуйста!

– Хорошо.

Кайли улыбается сквозь слезы:

– Спасибо большое.

– Ну а я, в свою очередь, как друг, говорю: если тебе все-таки нужен секс... – Дэвид замолкает, получив сильный тычок в плечо.

Задрав люк в кабине пилота, Дэвид пристегивает ремень безопасности:

– На сколько очков ты отстаешь?

– По моим прикидкам, нам нужно поймать двух черепах.

– Двух черепах за двадцать минут. Блин, надеюсь, ты купила приманку!

Кто-то из техников стучит по акриловому корпусу подводного аппарата. Дэвид показывает, что все в порядке. И «Морской дьявол» скользит по кормовому слипу в черное бархатное море.

Дэвид моментально отплывает от массивного траулера, чтобы Кайли могла получить четкий сигнал сонара.

– Курс?

– Мы упустили зеленую черепаху на глубине где-то в миле в сторону открытого моря. Курс ноль-ноль-шесть. Если ты сможешь выровняться на ста семидесяти футах, у меня будут более четкие сигналы. Только следи за течениями.

Дэвид направляет подводный аппарат в сторону дна и, продвигаясь вдоль пустынной береговой линии Дубая, за считанные секунды достигает заданной глубины. Морской заповедник Джебель-Али площадью пятьдесят квадратных миль уходит на несколько миль в открытое море. Он включает в себя изобильную экосистему коралловых рифов, здесь же гнездятся морские черепахи биссы и их более крупные, но вымирающие родственницы – зеленые морские черепахи.

Мимо проносится оливково-коричневый подводный мир. «Морской дьявол» идет споро и ровно. Дэвид косится на улыбающуюся Кайли:

– Ну что?

– Ничего.

– Ну давай! Выкладывай.

– Я просто думала, как здорово находиться в одной из этих штуквин, когда пилот реально понимает, что он делает. Только не вздумай выпендриваться! – Кайли плотнее прижимает наушники. – Что-то есть! Курс два-два-три, восемьдесят ярдов вперед, шестьдесят футов и подъем.

Дэвид сбрасывает скорость, выравнивает курс и поднимается под углом сорок пять градусов.

– С левой или с правой стороны?

– С левой. – Кайли наклоняется вперед, ее ладонь лежит на ручке «Сеть – левый борт».

– Восемьдесят футов... Семьдесят... А вот и наша красавица... большая, толстая и зеленая. Пригвозди ее!

Кайли тянет за ручку, выпуская серию оранжевых буев размером с мяч для игры в софтбол, сжатые буи моментально надуваются, опутывают сетью 670-фунтовую черепаху и поднимают ее на поверхность.

Дэвид обходит кругом земноводную рептилию, поднимающуюся помимо воли. Четырехфутовый панцирь черепахи скорее темно-коричневый, нежели зеленый, а значит, им удалось поймать уже взрослую особь.

Кайли хватает рацию:

– Второй вызывает базу. Примите на борт по моему курсу.

– Уже принимаем. Хорошая работа. У тебя еще девять минут.

Дэвид снова начинает погружение. Кайли прислушивается к сонару, интенсивное судходство загрязняет звуковые сигналы, отражающиеся от объектов в воде.

– Фу! Бесплезно. Ни хрена не слышно.

– Продолжай, продолжай. А где там дно?

– До дна двести восемьдесят футов.

– Здесь слишком глубоко. И слишком много судов. Давай попробуем на мелководье. – Дэвид вжимает обе ноги в пол, на скорости тридцать узлов разворачивая подводный аппарат к югу.

– Сто пятьдесят... Девяносто пять... Семьдесят пять футов... Дэвид, достаточно. Ты можешь заглушить двигатель и пустить аппарат в дрейф, чтобы я смогла хоть что-то услышать?

Дэвид выключает двигатель, подводный аппарат дрейфует в пятидесяти футах от поверхности. Восточное течение подхватывает крылья «Морского дьявола», ласково раскачивая его параллельно берегу.

Кайли снова устремляет взгляд в темноту, тишина успокаивает ее напряженные нервы. В последнюю неделю тренинга приходилось работать двадцать четыре часа в сутки, на пределе физических и умственных возможностей. Соревнование было жестоким, и Кайли еще никогда не чувствовала себя такой одинокой.

Она украдкой кладет левую ладонь на консоль, разделяющую кабину пилота, накрыв правую руку Дэвида:

– Ты классный пилот. Куда лучший, чем Сьютс. Лучше, чем любой из нас. Ты должен войти в восьмерку, отобранную для выполнения миссии.

– Не могу. Я вроде как обещал отцу вернуться в Гейнсвилл. Чтобы закончить универ.

– Ну ладно. Как бы там ни было, все равно спасибо.

Несколько минут проходит в молчании.

– Кайли, если у тебя ничего не получится в Дубае, скажи, ты хотела бы работать в Океанографическом институте Танаки?

– Твое предложение, конечно, весьма лестно. Но, положив руку на сердце, эти меги пугают меня до чертиков.

– Ну да, они потрясающие.

– Нет. Я совершенно серьезно говорю, что они до чертиков меня пугают. Я скорее соглашусь иметь дело с речными пиявками, чем с ними.

– Даю двухминутное предупреждение. – Из рации раздается голос Брайана Сьютса. – Между прочим, хороший улов, Сифурт. Почти семьсот фунтов. Жаль, что у вас практически не осталось времени.

Кайли выключает рацию:

– Да пошли они все! Я вернусь к Грэму Хоксу и работе в океанариуме. Вполне хватит на оплату счетов большей части года. А как насчет тебя? Я хочу сказать, когда ты получишь диплом.

– Еще не знаю. Я открыт для всего нового, кроме пиявок. – Дэвид включает двигатели подводного аппарата, продвигаясь вперед на скорости пять узлов и явно не спеша возвращаться на траулер. Стекло ночного видения дает отличный обзор мелководья. Дэвид включает наружные огни и внезапно засекает какое-то движение: вихрь песка за коралловым рифом.

– Кайли?

– Я слышала это! Почти как шепот. И совсем небольшое...

– Вон там! – Дэвид показывает на раковину в форме сердца, которая поднимается со дна, стараясь уплыть подальше от пронизывающего луча света.

Кайли хватается за рацию:

– Второй вызывает базу. Сколько осталось времени?

– Сорок секунд.

Дэвид, прибавив скорость, пускается в погоню за черепахой – самкой биссы массой свыше 150 фунтов. Черепаха куда проворнее, чем ее более крупная кузина, однако Дэвид за считанные секунды подводит «Морского дьявола» прямо под нее:

– Правая сеть готова? Стреляй!

Кайли тянет за ручку второй сети... но ничего не происходит. Девушка снова и снова тянет за ручку.

– Проклятье! Они не перезагрузились! – Кайли в отчаянии хлопает ладонями по панели управления.

– Держись. У меня идея.

Брайан Сьютс, который уже практически закончил выставлять стажерам баллы, слышит громкие аплодисменты команды и невольно отрывается от экрана своего «Блэкберри»:

– Будь я проклят!..

«Морской дьявол» кружит вокруг рыболовецкого трейлера на скорости десять узлов, 150-фунтовая бисса пришпилена к козырьку акриловой кабины пилота, словно затейливый капюшон на спасательной капсуле подводного аппарата.

Глава 20

Общественная больница полуострова Монтерей

Монтерей, Калифорния

Просто поразительно. Он потерял столько крови. Вы позвонили его жене?

Да. Они с дочерью вылетают сюда. А с Карлосом все будет в порядке?

Он в декомпрессионной камере. Его лечат от кессонной болезни и последствий шока.

Боль приводит Эда Хендрикса в чувство, поднимает над темной волной. Он пытается выплюнуть регулятор, но тот слишком плотно засел во рту и в горле. Не в силах избавиться от мешающего ему предмета, Эд в отчаянии стонет и мотает головой.

– Он очнулся. Мак, позови медсестру. Эд, это Джонас. Эд, открой глаза.

Лучик солнечного света пробивается сквозь плотные свинцовые тучи, когда Эд Хендрикс открывает глаза. Склонившаяся над ним Фрэн Риццутто облегченно улыбается:

– Слава богу!

Эд с трудом поворачивает голову налево и видит Джонаса.

– Ты в больнице. Только не разговаривай. Ты непременно поправишься.

Тем временем в палату входит врач:

– С возвращением, мистер Хендрикс. Меня зовут Даниэль Пернини. Я ваш лечащий врач. Вы потеряли много крови, у вас был болевой шок. Нам пришлось вставить вам в горло трубку, чтобы освободить дыхательные пути. В противном случае вас могло бы стошнить. – Доктор вынимает трубку. – Ну как теперь?

Вздрогнув, Хендрикс тяжело сглатывает.

Фрэн подносит к его губам стакан с водой:

– Пей, но только маленькими глоточками.

Эд благодарно кивает. Доктор проверяет показатели его жизнедеятельности:

– Как вы себя чувствуете?

– Очень болит.

– Горло?

– Ноги. Очень болят. Острая боль. Словно в кости вонзаются иголки. Ступни пульсируют.

Доктор поднимает глаза на Джонаса с Фрэн:

– Мы дадим вам какое-нибудь болеутоляющее.

– Док, мне что-то давит на ноги... Словно их сжимает в тисках. Словно их раздавили. И все же, ребята, я вам по гроб жизни обязан за то, что вы их спасли.

Доктор набирает в шприц морфин:

– Вы счастливчик, мистер Хендрикс. С учетом всех обстоятельств вы уже давно должны были быть мертвы. Но ваши друзья не сдались. И спасли вам жизнь. – Доктор вводит морфин в мешок для капельницы, поправляет трубки.

Эд Хендрикс снова плывет по волнам. Боль отступает. Джонас смотрит на закрытые глаза Эда Хендрикса и мучительно раздумывает над тем, как сказать этому бедняге, что у него уже давно нет ног, так как Ангел откусила их чуть ниже бедра.

Дубайленд

Дубай, Объединенные Арабские Эмираты

Для двадцати трех стажеров, претендующих на шесть мест и два запасных, день Д начинается с прощального бранча в буфете в Девонском зале на втором этаже отеля.

Брайан Сьютс ждет, пока все не рассядутся, после чего начинает речь:

– Мои поздравления. Мы заставили вас пройти через ад, и вы сумели выжить. Поэтому вы все получите по заслугам. И хотя набранные вами баллы имели решающее значение для окончательного отбора, определяющим фактором стала ваша способность сохранять

хладнокровие в критических ситуациях. Когда вы вернетесь после завтрака к себе в номер, каждого из вас будет ждать на кухонном столе конверт из манильской бумаги. Стажеры, прошедшие отбор, должны будут прийти в семь часов на ужин в ресторане «Древние моря» на верхнем этаже отеля. Кандидаты, не прошедшие отбор, получают авиабилеты домой, а также чек на десять тысяч долларов. Отъезд состоится завтра утром, так что в вашем распоряжении весь день, чтобы получить удовольствие от Дубая. Мистер бин Рашиди любезно заказал экскурсионный автобус для тех, кто захочет осмотреть местные достопримечательности. Если вы предпочтете остаться в отеле, то мы настоятельно просим не покидать его пределы из-за ведущихся кругом строительных работ. На этом все. Желаю хорошо провести время.

Стажеры один за другим или небольшими группами покидают обеденную зону и направляются к лифтам.

За столом остаются лишь Дэвид, Кайли и Монти. Официантка предлагает им кофе. Дэвид с Кайли отказываются, а вот Монти отправляется к буфетной стойке за добавкой.

– Черт, вот это аппетит!

– Он знает, что уезжает домой. Завидую его безмятежности.

Заметив, что девушке явно не по себе, Дэвид говорит:

– Кайли, пойдем.

– Все нормально. Я могу подождать.

– Нет, не можешь. Ступай и проверь, оставляют тебя или нет. Я не обижусь.

– Спасибо. – Кайли встает, собираясь уйти, но неожиданно ее лицо озаряет грустная улыбка. – Как бы там ни было, ты проведешь со мной сегодняшний день?

– Непременно.

Дэвид провожает ее глазами. И вот уже секунду спустя она, небрежно помахав рукой, покидает атриум на одном из стеклянных лифтов.

В жизни случаются поворотные моменты, когда тебе нужно принять судьбоносное решение или выбрать новый путь. Похоже, у Кайли сейчас именно такой момент.

К Дэвиду присоединяется Монти. У него на тарелке яичница, два стейка и гора картофельных оладий.

– Парень, который изобрел шведский стол, просто гребаный гений, – говорит Монти и, заметив, что Дэвид его не слушает, добавляет: – Последний день лагерных сборов, а? Думаешь, она прошла?

– Не знаю. У нее недостаточно баллов. Съютс отказался засчитывать последнюю черепаху. Сказал, что черепаха была поймана благодаря моему пилотированию, а не ее умению работать с сонаром.

– Пожарные лестницы, лазерные принтеры и бронежилеты!

– Ты о чем?

– Все это изобрели женщины. Ты бы положился на бронежилет, если бы знал, что его дизайнером была женщина?

– Без понятия. Хотя почему бы и нет? Главное, чтобы он прошел проверку качества.

– Твоя женщина прошла проверку качества. Теперь мы посмотрим, насколько предвзято судит наша отборочная комиссия. Ну а что до меня, то я вполне счастлив получить чек.

– Но это всего лишь десять штук. И что ты будешь делать дальше?

– Доем свой завтрак, возьму несколько фильмов...

– Я имел в виду послезавтра.

Монти, успевший запихнуть в рот здоровенную порцию яичницы с картофельными оладьями, отвечает, брызгая слюной:

– Будет день, будет пицца, Младший. Когда у тебя биполярное расстройство, то возможность сосредоточиться на текущем моменте – уже праздник. Я здесь, я в порядке, по крайней мере на текущий момент. Что совсем неплохо для парня, у которого мозги совсем как яичница-болтуня. Ступай поищи свою женщину. Ну а я, пожалуй, еще посижу.

Кайли ждет в коридоре, уныло прислонившись к двери номера Дэвида. У нее в руке нераспечатанный конверт из манильской бумаги.

– Почему ты до сих пор не открыла его?

– Если я сейчас вскрою конверт и выяснится, что меня каким-то чудом взяли, то, боюсь, мы сразу слишком быстро сблизимся и ты воспримешь это как плату за свою помощь. Ну а если меня не взяли, то разочарование испортит наш последний день. Поэтому я решила подождать.

– Хочешь, я вскрою конверт?

– Нет. Я хочу, чтобы ты занялся со мной любовью.

Взявшись за руки, они входят в номер, и Дэвид запирает дверь на засов.

Таузанд-Окс, Калифорния

В двенадцати милях от Тихоокеанского побережья перед горами Санта-Моника находится город Таузанд-Окс – распланированный населенный пункт, процветающий за счет обеспеченных жителей.

«Джип чероки» Сары Томс, следуя указаниям навигатора, петляет по тихим улочкам городка. Остановившись у тротуара, Сара читает адрес на почтовом ящике:

– Джесс, это здесь.

Джессика Джин Томпсон недоумевающе смотрит на скромный двухэтажный дом:

– Расскажи-ка мне еще раз о своем крутом спонсоре.

– Джозеф Майкл Парк. Владелец «ShockNetVideo.com.». Я показывала Парку пленку, снятую в «Загоне для меча». Ему понравилось. Он хочет сделать пожертвование на семизначную цифру, но только в том случае, если мы дадим ему эксклюзивные кадры съемки освобождения детеныша меча... с комментариями какой-нибудь знаменитости.

– Но Лана Вуд? Кто это такая? Впервые о ней слышу.

– Это младшая сестра Натали Вуд. И тоже актриса. На самом деле она в свое время была девушкой Бонда. Помнишь Пленти О’Тул из фильма «Бриллианты навсегда»? Лана, возможно, единственная женщина, чья фотография печаталась на развороте «Плейбоя», к тому же она еще и известный писатель. Ее книга занимает третье место в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс».

– Да брось, Сара! Сколько лет назад это было?! А как насчет Памелы Андерсон?

– Она не проявила интереса. Все знаменитости, поддерживающие ПЕТА, сразу уходят в кусты, узнав о том, что мы боремся за освобождение Лиззи и Белль. Лана – единственная известная личность из списка мистера Парка, которая хотя бы согласилась подумать о нашем предложении. И то при условии, что мы пожертвуем часть

полученных денег Американскому онкологическому обществу. Что-то связанное с ее дочерью...

– Отлично! Познакомимся с этой цыпочкой Бонда и вернемся в Сан-Франциско. Ты же знаешь, как я ненавижу весь этот Голливуд. – Джессика берет портативный DVD-плеер и выходит из джипа.

Теперь, когда ей перевалило за шестьдесят, Лана Вуд посвящала все свое время заботе о дочери и трех внуках, одновременно занимаясь сбором пожертвований для онкологических организаций. Секс-символ прошлых лет встречает зоозащитниц на пороге своего дома. На Лане Вуд джинсы и белая водолазка, с трудом вмещающая ее фирменные груди, принесшие ей славу в 1970–1980-х годах. На шее висит золотой православный крест.

– Значит, вы те самые активистки, о которых говорил мой агент. Давайте пройдем в сад.

Она ведет девушек через дом, где их встречает стая из семи собак и десяти кошек, на задний двор. Там возле бассейна сидит Эван, дочь Ланы, и смотрит, как плавает ее четырехлетний сын.

Эван, зеленоглазая, с темными волнистыми, как у матери, волосами, похожа на молодую Элизабет Тейлор и, несмотря на проблемы со здоровьем, выглядит грандиозно. И она явно не в восторге от вторжения двух зоозащитниц.

– Примите к сведению, что я велела матери не связываться с вашей организацией. Мы тоже очень любим животных, но считаем, что ПЕТА слишком далеко заходит. И мы не терпим любые проявления фанатизма.

– Мы не фанатики, – отвечает Сара. – Но считаем, что любое животное имеет право быть свободным. Океанографический институт Танаки получает миллионы долларов дохода, систематически истязая этих великолепных животных.

– А как именно их истязают? – спрашивает Лана.

Джессика включает DVD-плеер. На отредактированной последовательности кадров, сделанных внутри «Загона для мег», показаны Белль и Лиззи, оглушенные торчащими из акрилового подводного аппарата стальными электрическими стержнями.

– Мощность этих шокеров пять тысяч вольт. Вы можете себе представить, какую боль они испытывают?

– Зачем они это делают?

– Поддерживают агрессию в этих животных, – лжет Сара. – Вы бы заплатили шестьдесят – сто долларов, чтобы посмотреть, как два акуленка мирно плавают в аквариуме?

– Я бы заплатил! – Из бассейна, разбрызгивая воду, вылезает Макс, сынишка Эван.

Лана заворачивает его в полотенце:

– Мой внук обожает акул.

– Мы тоже любим акул, – говорит Сара. – Потому-то и хотим их спасти. Двое детенышей Ангела уже погибли из-за безжалостной политики Джонаса Тейлора и Института Танаки.

– А что будет, если отпустить на волю двух мегов? – интересуется Эван. – Это не опасно?

– Не особенно. Как наверняка известно вашему сыну, мегалодоны обычно не охотятся на людей. Мы слишком мелкие и тощие, чтобы входить в их рацион. Национальный морской заповедник залива Монтерей предоставит Лиззи и Белль защищенную окружающую среду, где они могли бы кормиться морскими слонами и китами.

– Как и предназначено природой, – добавляет Джессика.

– А как насчет того студента колледжа, которого... ну, вы знаете... – Лана зажимает внуку уши, – которого сожрали живьем?

– Лана, такие несчастные случаи всегда являются результатом глупой попытки одомашнить диких животных, причем исключительно из жадности. – Сара кивает на эмблему R. A. W. на плеере. – Возвращаем животных в дикую природу. Вот этим мы и занимаемся. И нам нужна ваша помощь.

– Что от нас требуется?

– Появление на публике, интервью. Мы хотим, чтобы вы стали лицом нашей организации. По типу того, как Памела Андерсон стала лицом нашей родственной организации ПЕТА.

– Мисс Томс, я не хочу, чтобы мое имя ассоциировалось с радикалами. Если я это сделаю, то вы должны согласиться сбавить градус агрессии. Больше никаких головорезов, пикетирующих Океанографический институт Танаки. И не надо закидывать служащих института яйцами. Дамы, у меня очень высокие моральные принципы. Или вы это принимаете, или наши пути расходятся.

– Мы это принимаем, – говорит Сара. – По правде говоря, на данный момент мы хотели бы несколько облагородить свой имидж. И

мы надеемся, что в тот день, когда нам удастся освободить этих замечательных животных, вы будете рядом с нами. – Сара смотрит на Джессику. – Что-нибудь хочешь добавить?

– Только один маленький вопрос, мисс Вуд. Когда вы играли в том кино о Бонде... Вы переспали с Шоном Коннери?

Дубайленд

Дубай, Объединенные Арабские Эмираты

Сверкающий луч солнца пронзает пурпурную вуаль облаков на горизонте, окутывая небеса меркнувшим оранжевым сиянием.

Дэвид любит закатом из постели. Сейчас Дэвид один, но он по-прежнему чувствует присутствие Кайли: чувствует ее запах на своей коже, ее вкус на своих губах, чувствует ее отсутствие, отзывающееся пустотой в сердце.

Первый половой акт оказался коротким, полным вожделения, после чего они просто остались лежать в постели, не размыкая объятий, их страсть неожиданно переросла в нечто более глубокое.

После этого они весь день занимались любовью.

Ну а потом Кайли свернулась клубком, прижавшись к его обнаженному телу, и они проспали до самого вечера. Но когда Дэвид проснулся, Кайли уже сидела в гостиной с открытым конвертом из манильской бумаги в руках.

– Ну?

Кайли, не в силах оправиться от шока, подняла глаза на Дэвида:

– Я сделала это. Я прошла отбор.

– Что ж... замечательно, – пробормотал Дэвид, внезапно почувствовав себя полностью опустошенным. – Ты в порядке? Ты явно не выглядишь очень взволнованной.

Кайли, смахнув слезинку, вымученно улыбается:

– Нет... все хорошо. Именно то, о чем я мечтала. Мне нужно в душ. У нас встреча через час.

– Миссия. Здесь сказано, куда тебя отправляют?

– Нет, только то, что мы выезжаем завтра утром в пять.

– И как долго тебя не будет?

– Не знаю. Может, полгода? Дэвид...

– Все нормально. Я рад за тебя.

– Когда я вернусь в Штаты, то непременно навещу тебя в Гейнсвилле.

– Угу. Было бы здорово. Я вот тут подумал... Мне осталось сдать всего двадцать зачетов, чтобы окончить университет. Осенью я могу приналечь на учебу и, возможно, выпуститься пораньше.

– А как насчет футбола?

– Забудь про футбол. Я предпочитаю остаться с тобой.

Они обнимают друг друга, словно в медленном танце, не в силах расстаться, отлично понимая, что в один волшебный миг их пути чудесным образом сошлись, ну а теперь чудо закончилось и судьба разводит их в разные стороны.

– Дэвид, поехали со мной. Хотя бы на лето. До начала учебных занятий. Я могу поговорить с капитаном Сьютсом. Он тотчас же примет тебя в команду.

– Не могу. Они наняли меня обучать персонал заботиться о меге.

– Она в отличном здравии. Как пилот, ты представляешь для них гораздо большую ценность.

– Все не так просто. Мой отец... Короче, я обещал ему, что не покину Дубай до начала учебного года. А что, если тебе остаться здесь со мной? Доктор Бекер потеряла сотрудника. Может, мне поговорить с ней, чтобы она тебя наняла? Ты ведь работала в океанариуме Скриппсовского института океанологии...

– Дэвид, я не могу. Как бы мне ни хотелось остаться с тобой, я не могу упустить такую замечательную возможность, как отлов редких видов для океанариума... Бесценный опыт... и деньги...

– Нет, я понимаю. И не хочу, чтобы ты все бросила ради меня.

Кайли нежно целует Дэвида в щеку:

– Это еще не конец. Пока ты будешь оканчивать университет, я продолжу делать свое дело. Ну а потом мы найдем способ быть вместе.

Солнце ныряет в Персидский залив, разрисовывая горизонт кровавыми мазками. Дэвид из постели наблюдает за тем, как сумерки сменяются очередной арабской ночью. Чувство одиночества становится едва ли не осязаемым, сердце гложет доселе незнакомая боль. За последние четыре года Дэвид назначал свидания как минимум дюжине

девушек, встречи с двумя из них переросли в серьезные отношения: один раз в средней школе, а второй – в колледже. Дэвид с легкостью оперировал словом «люблю», в основном потому, что от него именно этого и ждали. Конечно, он испытывал влечение к своим подружкам, но ничего подобного тому, что было сейчас. Эти чувства реально доставляли боль. Они сводили его с ума. Словно в его душе звучали все эти пошлые любовные мелодии, которые он всегда презирал, словно собственное тело загнало его в ловушку. Господи, и как теперь пережить оставшуюся часть вечера, уж не говоря о всем лете, в состоянии такого душевного раздрая?! Дэвиду казалось, что у него украли душу, и ему хотелось упиваться своей болью.

– Черт, завязывай с этим дерьмом! Скулишь, точно комнатная собачонка.

Дэвид смотрит на часы на прикроватном столике. 19:18.

Она сейчас на собрании. И скорее всего, раньше десяти не освободится, а возможно, вернется только к полуночи. Значит, еще четыре часа. Не стоит просто сидеть и ждать. Нужно иметь гордость.

Дэвид скатывается с постели и натягивает джинсы с футболкой, решив прогуляться до океанариума.

Ресторан «Древние моря» занимает весь сороковой этаж отеля. Пол круглого зала вращается против часовой стрелки, совершая один оборот в час и открывая посетителям панорамный вид на Дубайленд.

Кайли Сифурт облакачивается на перила и, потягивая диетическую содовую, задумчиво смотрит в панорамное окно. В парке темно, если не считать огней строительных кранов и подсветки двенадцати позолоченных акульих плавников вокруг океанариума.

И тут Кайли вдруг замечает одинокую фигуру на одном из мостов.

Дэвид...

Кайли видит, как Дэвид, перейдя через мост, оказывается на уровне третьего этажа океанариума. Пытается открыть одну дверь, другую... и вот наконец попадает внутрь.

Может, не стоило с ним сегодня встречаться... Боюсь, я этим только все испортила. Он еще такой молодой... И чем, по-твоему, это может закончиться? Ты ведь прекрасно понимаешь, что меньше всего тебе сейчас нужны лишние заморочки. Такого рода отношения

практически не имеют перспективы... Рано или поздно он оставит пустые надежды быть с тобой, или ты не захочешь быть с ним. Карьера прежде всего... Таковы условия сделки.

Повернувшись, Кайли обводит взглядом комнату, рассматривая семерых отобранных стажеров.

Шесть мужчин, еще одна женщина. Улыбайся, Кайли, ты совершила невозможное. Ты прошла отбор.

Тогда откуда такая пустота в душе?

С двумя бутылками холодного пива в руках к Кайли подходит Брайан Сьютс. Протягивает ей бутылку.

– Нет, спасибо, сэр.

– «Сэр» – это только во время тренировок. Зови меня Брайан. – Сьютс делает большой глоток пива. – Что случилось? Мне казалось, ты будешь светиться от счастья.

– Просто немного устала, сэр... хм... Брайан. Вы сегодня будете устраивать разбор полетов?

– Нет. Сегодня у нас скорее светское мероприятие. Я хочу, чтобы члены команды познакомились поближе. – Брайан вручает Кайли пиво и чокается с ней своей бутылкой. – Желаю всегда работать так, будто тебе не нужны деньги, любить так, будто тебе не бывает больно, танцевать так, будто тебя никто не видит, трахаться так, будто тебя снимают в кино, и пить, как настоящий ирландец. Будем.

Кайли улыбается:

– Будем! – И осушает бутылку.

– Ладно, а теперь, народ, присоединяйтесь ко мне и рассаживайтесь. Давайте, все, все! – приказывает Брайан и, когда члены команды усаживаются за банкетный стол, продолжает: – Завтра у нас знаменательный день, первый из многих. Понимаю, вы сейчас взволнованы, смущены, возможно, слегка напуганы. Хорошо. От страха никуда не деться. Но вы побороли страх, так как были хорошо подготовлены. Подготовка – это залог успеха и уверенности. Именно потому-то вас и отобрали: нам понравилась ваша отвага. Помню свой первый вечер, перед тем как отправиться на первое боевое задание. Мой командир, прожженный ветеран ВМС по имени Майкл Джон Селби, тогда здорово нас напоил. И сквозь алкогольный туман я услышал, как он произнес великие слова: «Когда паб уже закрывался, кто-то пролил на пол немного „Гиннеса“. Ночью из дырки в стене

вылез крошечный коричневый мышонок и замер в бледном лунном свете. Слизнул с пола пену от пива, сел на задние лапки. И потом всю ночь в пабе раздавался рев крошечного мышонка... вызывавшего на бой треклятую кошку!»

– Черт, да! – Стажеры поднимают бокалы и пьют.

Брайан залпом осушает бутылку:

– Кошка или кошки, там уж как сложится, ожидают нас в морских глубинах, и нашей задачей будет их оттуда выманить. Ошибаться нельзя. Это очень опасная работа, потому что в данном случае все мы будем мышками. Сделаете свое дело – и благополучно вернетесь домой с приличным куском сыра. Вы, наверное, хотите узнать, с каким именно? Если ваша команда окажется среди лучших, то это выйдет по миллиону долларов на рыло. А может, и больше.

Стажеры встречают речь капитана радостным улюлюканьем и улыбками. Кто-то поднимает растопыренную пятерню:

– Капитан, выманим треклятую кошку!

– А теперь немного остыньте. Как я уже говорил, это очень опасная работа. И ваша команда не единственная. Две другие команды уже пять месяцев занимаются отловом в открытом море. У них, пожалуй, побольше опыта, чем у вас, но зато и нет ничего, что может сравниться с нашими «Морскими дьяволами». Плюс у них нет такого инструктора, как ваш покорный слуга.

Все присутствующие, в том числе и Кайли, аплодируют и одобрительно свистят:

– Капитан, мы надерем им задницу!

– Легко! Тем более за миллион баксов.

– Это вам не детские игрушки! – Капитан Сьютс с силой хлопает ладонями по столу, и такая резкая смена настроения инструктора заставляет стажеров немного притихнуть. – Безбашенность приводит к ошибкам. Ошибешься хоть раз – и считай, что ты покойник. Мы уже потеряли троих пилотов, а они провели в подводном аппарате больше часов, чем вы все, вместе взятые. – (Восемь пар глаз напряженно впиваются в Брайана Сьютса.) – Верно. Три погибших пилота. Или, по-вашему, у мистера бин Рашиди столько денег, что он может выбрасывать их на ветер? Нет, ребятки! Эти денежки вы еще должны заработать. Каждый из вас должен показать высший класс, поскольку эти глубины не прощают ошибок, а у некоторых из этих кошек острые

когти. Хотя... – Брайан Сьютс хитро улыбается, – чем опаснее кошка, тем больше ваш бонус.

Кайли чувствует внезапную дрожь в поджилках. *Мег у них уже есть. Тогда что еще там может таиться?*

Брайан берет у официанта очередную бутылку пива, после чего показывает на мужчину, сидящего справа от него:

– Мистер Слабин, встаньте, пожалуйста. Расскажите немного о себе.

Из-за стола встает стройный темноволосый мужчина со шрамом, рассекающим левую бровь.

– Маркус Джозеф Слабин, Военно-морские силы США, в отставке. Я два года служил гидроакустиком на подлодке «Сивулф». Если эти кошки действительно водятся в тех глубинах, зуб даю, что я их найду. Ну а еще я классно подражаю Джерри Сайнфелду. – Он прочищает горло. – Ньюману...

Напряжение немного спадает. Стажеры облегченно смеются и аплодируют.

– Мистер Хок.

Встает невысокий поджарый человек с фигурой марафонца:

– Джефффри Артур Хок, но большинство знакомых зовут меня Священником. Я на самом деле был посвящен в духовный сан, но несколько лет назад у меня появились серьезные претензии к вере. Все эти разглагольствования об эволюции и так далее стали для меня уж больно радикальными. Как и Маркус, я тоже служил на борту подлодки. Подводная лодка «Вайоминг» класса «Огайо» с ядерными баллистическими ракетами на борту. Ну а последние пять лет я работал пожарным, у меня было более тысячи вызовов. Рискованность предприятия меня не пугает. На самом деле мне это даже нравится. Я женат, у меня пять дочерей, так что нетрудно понять, почему мне позарез нужны деньги.

– Пять дочек... Вам нужно дать медаль за отвагу. Мистер Шифман?

– Дэвид Сэмюэль Шифман. Друзья зовут меня Шиф. Университет Дьюка. Степень по морской биологии. Люблю новые впечатления. Побывал на шести континентах, жил в условиях дикой природы, лазил по горам, пилотировал частные миниподлодки, и это только начало. Я

продолжаю составлять список вещей, которые хотел бы успеть сделать при жизни. В списке четыре тысячи пунктов.

– Перечисли хотя бы несколько из них!

– Перечислить несколько из них? Извольте. – Шиф лезет в карман за телефоном «Блэкберри». – Я хотел отведать блюдо из какого-нибудь вымирающего животного. Так вот, на Каймановых островах я попробовал салат «Цезарь» с зеленой морской черепахой. По моим соображениям, большинство из этих вымирающих видов просуществуют очень недолго, поэтому я просто обязан рассказать своим будущим внукам, каковы они были на вкус. – (Кайли прикрывает рукой рот, пытаюсь сдержать пьяное хихиканье.) – А еще я хотел лизнуть что-нибудь, к чему прикасался Дональд Трамп. – (Взрыв смеха.) – В свою бытность первокурсником в Дьюке я увидел Дональда на баскетбольном матче Дьюк – Университет Северной Каролины. Когда в перерыве он встал, чтобы перекусить, я быстренько подбежал и лизнул его стул.

Еще более громкий взрыв смеха.

– Благодарю вас, мистер Шиф. Напомните мне, чтобы я держал подальше от вас выловленных животных. Не хочу, чтобы вы их лизали. Мистер Мейджерс.

С места встает, пожалуй, самый возрастной член команды, совершенно седой, на правой руке – татуировка танцующей хрюшки в матросском костюме. По прикидкам Кайли, ему лет шестьдесят – семьдесят.

– Рик Мейджерс. Бывший ловец лобстеров, бывший контрабандист, бывший муж, бывший курильщик, бывший наркоман. В настоящее время пилот подводных аппаратов, брехун, дрессировщик собак и грандиозный дедушка. Погодите-ка, я вам сейчас кое-что покажу. – Рик спускает штаны, показывая голую задницу с длинными шрамами на левой ягодице. – Первый шрам получил в тысяча девятьсот пятьдесят втором году, когда прямо перед носом моего пьяного «форда делюкс купе», идущего на скорости восемьдесят две мили в час, внезапно выпрыгнул пьяный мост. Ну а второй я получил от канадца в маске со скальпелем в одной руке и титановым бедром – в другой. Ублюдок орал: «Эй, Мейджерс! Я собираюсь засунуть это тебе в задницу!» И клянусь Богом, он таки это сделал! Но я, мать твою за ногу, научился с этим ходить!

Брайан Сьютс ждет, пока не стихнет взрыв смеха:

– Кайли! Может, ты тоже не откажешься показать нам свою задницу?

Девушка дико краснеет, поймав на себе взгляды присутствующих мужчин:

– Кайли Сифурт. Похоже, самая молодая в команде. Ну а дальше ничего интересного. Я родилась недоношенной. Вес два фунта. И с тех пор я всегда покоряла вершины. Я быстро учусь, но опыта у меня маловато. И я справлюсь с любой трудной работой.

– Спасибо, Кайли. Ну а теперь наша другая сестренка, мисс Юмел?

Из-за стола поднимается невысокая, крепко сбитая женщина лет тридцати с хвостиком:

– Дебби Юмел. И на самом деле я миссис. У меня счастливый брак и двое детей: Ноа и Мэнди. Я с девятнадцати лет в ВМС, и я чертовски хороший пилот. Посадите ко мне на сонар Кайли, и я покажу вам класс. И мы, дамы, вас, мужиков, на раз уделаем.

– У-у-у! – раздается в ответ восторженный рев.

– Мистер Гейер?

Мужчина лет тридцати с ангельским личиком, сидящий в инвалидной коляске, приветствует команду:

– Простите, что не встаю. Я Питер Гейер. С большинством из вас мы уже встречались во время тренинга. У меня степень в области морской биологии, полученная в Университете Западной Флориды. Мышечная дистрофия, возможно, повредила мое тело, но Господь Бог наделил меня таким слухом, что летучая мышь позавидует. Я учился на акустика для ВМС и был лучшим в своем выпуске. После чего служил на подлодке класса «Трайдент», правда лишь только до тех пор, пока мои ноги вконец не ослабли, чтобы передвигаться по судну. Если одна из этих «кошек» случайно окажется возле нашего подводного аппарата, я найду ее раньше, чем она найдет нас.

– Благодарю вас, мистер Гейер. В нашем классе мистер Гейер также оказался лучшим акустиком. И наконец, последний по счету, но не по значимости. Доктор Джотто, прошу.

С места поднимается низенький, плотный итальянский джентльмен:

– Антонио Джотто Младший. Я работал кардиологом, а также профессором на медицинском факультете Корнелльского университета,

основал первую медицинскую школу в Катаре. Именно там я познакомился с членами королевской семьи Дубая, включая мистера бин Рашиди. Вас наверняка удивляет, что я тут делаю. Мою семью это тоже удивляет. Считайте, что это кризис среднего возраста. Так или иначе, я здесь, и я горжусь быть членом вашей команды.

Брайан Сьютс ждет, пока не стихнут аплодисменты:

– А теперь я вас оставляю. Мне еще нужно уточнить кое-какие окончательные детали с нашим хозяином. Но персонал о вас позаботится. Монорельс отправляется в аэропорт в пять утра, так что советую особо не засиживаться. Завтра в это самое время вы уже будете на борту дубайского танкера, где вас ждет техническая группа. Ну и самое последнее... – Капитан Сьютс лезет в карман пиджака, достает восемь конвертов и передает их сидящим за столом. – Заполните эти бланки и не забудьте завтра утром взять их с собой. Желаю хорошо провести время.

Проводив глазами капитана, Кайли вскрывает конверт.

Это документ об отказе от ответственности, который должен быть отослан ее ближайшему родственнику.

Глава 21

Океанариум Дубая

Дубай, Объединенные Арабские Эмираты

Алые капли, легкие, как дождик, рассеиваются по поверхности, каждая молекула крови – точно сигнал тревоги, каждая красная клетка крови не менее яркая, чем звезда на бархатном небосклоне.

Мегалодон Захра кружит по бассейну, выгнув спину, опустив грудные плавники.

– Очень странное поведение. – Барбара Бекер пишет что-то в блокноте, ее лицо отражается синим пятном в толстом акриловом стекле бассейна.

– Это особенности территориального поведения. – Дэвид не сводит глаз с акулы-альбиноса размером со школьный автобус. – Всю свою сознательную жизнь она соперничала со своими четырьмя сестрами. Она не привыкла иметь в собственном распоряжении целый бассейн.

Где-то над головой слышится всплеск. Это запускают в воду дельфина. Свистящие звуки на высокой ноте с непривычки режут слух: испуганное млекопитающее осуществляет эхолокацию незнакомой окружающей среды. За раздвоенным плавником тянется кровавый след.

– Мы используем индо-тихоокеанских горбатых дельфинов. Они не такие проворные. – Доктор Бекер фиксирует скорость передвижения дельфина с секундомером.

– Сомневаюсь, что перекушенный плавник не причиняет ему боли.

– Ты что, меня осуждаешь?

– Это совершенно необязательно.

– Захра до сих пор находится под действием лекарств. Преследование добычи, тем более раненой, позволит увеличить метаболизм и, таким образом, быстрее восстановить силы. Это все равно что кормить домашнего удава. Прежде чем запустить мышь в аквариум к удаву, вам нужно ее покалечить, а иначе удав не сумеет ее поймать.

Пятитонная охотница отрывается от дна, поднимается, на минуту скрывшись в гигантском облаке кровавых пузырьков, и выпрыгивает на поверхность, после чего несколько секунд спустя падает на бок, недоеденные останки дельфина кружатся в кильватерном следе убийцы, оставляя за собой маслянистые лужицы цвета меди.

Доктор Бекер прекращает хронометраж:

– Ну вот, она явно делает успехи.

– Ага, но вы приучаете ее охотиться на живую добычу. Приходите в океанариум Дубая посмотреть, как Захра жрет ластоногих. Два шоу в день.

– С твоей помощью она в два счета вернется к обычной диете.

– Кстати, о помощи. Я хотел попросить вас включить кое-кого в ваш штат.

– Еще одного морского биолога?

– Скорее работягу. Его зовут Монти. Он был одним из кандидатов в пилоты, которые не прошли отбор.

В очередной раз проверив время на секундомере, доктор Бекер делает пометки:

– Дэвид, ты хороший тренер. Ты чувствуешь этих хищников. Если хочешь получить помощника, то сам его и натаскаешь. Но жить он будет в жилье для персонала, не в отеле.

– Круто!

Тем временем в галерее появляется Фейсал бин Рашиди.

– Сэр, я не ждала вас сегодня вечером, – говорит доктор Бекер.

– Ну как дела? Хорошо?

– Захра начала есть. Она практически оправилась от тяжелого перелета.

– Отлично! Вы не могли бы оставить нас на минутку? Я хочу переговорить с мистером Тейлором с глазу на глаз.

– Конечно. – Доктор Бекер направляется к служебному выходу.

Бин Рашиди обращает хищный взгляд своих темно-карих глаз на мегалодона, пожирающего останки дельфина, густая черная бородака подергивается в усмешке.

– Капитан Сьютс доложил мне, что после нашей короткой беседы вы прекрасно себя показали и что он вряд ли смог бы закончить подготовку стажеров без вашей помощи.

– Для меня это был очень полезный опыт.

– Тогда, возможно, я могу предложить вам другой. Завтра утром пилоты отправляются на выполнение задания. Если вы поедете с ними, то мы предложим вам щедрый бонус.

– Спасибо за предложение, но нет.

– Вы успеете вернуться в Штаты до начала занятий.

– Не в этом дело. Я обещал папе оставаться в Дубае.

Бин Рашиди хмурит сросшиеся брови:

– С чего вдруг ваш отец решил взять с вас подобное обещание? Чего он опасается?

– Без понятия. Но это было его единственным условием. И отец был настроен крайне серьезно.

– При всем моем уважении осмелюсь заметить, что мой отец, а у него семь сыновей, никогда не стал бы ставить нам такие глупые условия, когда на кону преуспевание его детей.

– Это Америка. Кстати, а зачем я вам нужен? У вас уже есть восемь пилотов.

– Дэвид, отобранные кандидаты очень хороши, но только для вас пилотирование «Морских дьяволов» стало второй натурой. Нас ожидает очень специфическое задание. То, что позволит нашей команде выполнить свою миссию более эффективно.

– А какое именно?

– Я сейчас не могу раскрывать все детали, но вы получите достойное вознаграждение... Скажем, четверть миллиона долларов, помимо того, что оговорено в соглашении.

– Черт! А кого я должен убить?

– Убить? Нет. Речь идет об одном погружении. И ни о чем более.

– А почему этого не может сделать Сьютс?

– Вы пилотируете подводные аппараты лучше, чем он. Итак, по рукам?

– Я должен позвонить отцу. Уверен, что смогу его переубедить.

– А если нет?

– Если нет, тогда я пас.

– Папа, это просто смешно!

– Смешно?! Дэвид, ты понятия не имеешь, чего хотят от тебя эти арабы! Неужели ты думаешь, что бин Рашиди станет предлагать такую чертову уйму денег за развлекательную прогулку?

- Я справлюсь.
- Дэвид, это слишком опасно.
- Откуда ты знаешь?
- Знаю – и все.
- Откуда?

– Потому что сперва они обратились ко мне. – Джонас на секунду умолк, прикидывая, стоит ли открывать карты. – Дэвид, я им отказал, потому что это чистой воды самоубийство.

Дэвид, оцепенев, садится на двуспальную кровать:

- Самоубийство? Что ты этим хочешь сказать?

– Я не вправе распространяться на эту тему. Мы с Маком подписали договор о неразглашении.

- Марианская впадина?

– Хуже.

- А что может быть хуже?

– Дэвид, послушай меня. Закончи свою работу в океанариуме, но не вздумай доверять этим людям.

Дэвид сглатывает ком в горле:

– Папа у меня есть друг. Она прошла отбор для выполнения миссии.

- Она? У тебя появилась подружка? Боже правый!..

- Так что мне теперь делать?

- Отговорить ее.

– Это легче сказать, чем сделать. – Дэвид отводит от уха мобильник. Кто-то настойчиво стучится в дверь номера. – Папа, мне нужно идти. Я тебе перезвоню.

Дэвид открывает дверь.

Кайли входит в номер и сразу падает в его объятия. Ее губы впиваются в рот Дэвида, в ее дыхании чувствуется запах пива.

- Скучал по мне?

– Угу. – Пинком закрыв за Кайли дверь, Дэвид ведет девушку к дивану. – Итак, что там сегодня вечером было? Они сказали, куда вас отправляют?

– Нет. Но посулили нам денег. Кучу денег, дорогой. – Кайли стягивает футболку и начинает расстегивать ему штаны.

– Погоди. Мне нужно кое-о-чем с тобой поговорить. Я встречался с бин Рашиди. Он пытался уговорить меня поехать с вами.

– Неужели? – У Кайли глаза становятся круглыми. – Ух ты! Дэвид, это было бы потрясно...

– Я ему отказал. Более того, я только что говорил по телефону с отцом. Так вот, он сказал, что это чистой воды самоубийство. И что бин Рашиди пытался подписать его на это дело, но отец наотрез отказался.

– Но почему? В чем смысл нашей миссии?

– Он не сказал. Не имел права. Что-то вроде договора о неразглашении. Кайли, ты не можешь ехать!

– Как это так не могу? Дэвид, я еду. И дело не только в деньгах, которые, кстати, очень даже хорошие. Нет, я действительно хочу поехать.

– Ты что, глухая? Я ведь все ясно сказал! Мой отец совершал погружение в Марианскую впадину, и он считает это самоубийством.

– Без обид, дорогой, но твоему отцу уже сто лет. В его возрасте пойти ночью в туалет – уже практически равно самоубийству.

– Мило. Очень мило.

– Ладно, шучу-шучу. Послушай, мы все знали, что идем на риск, когда подписывали контракт. Но для ученых, работающих в поле, это непременно условие сделки. Разве нет?

– Полагаю, что так.

– Дэвид, подумай хорошенько. Что бы там ни приготовил для нас бин Рашиди... это станет уникальной возможностью, а быть может, и научным прорывом. Ты только посмотри на этот океанариум. Прикинь, сколько денег они потратили. Должно быть, они обнаружили какие-то новые виды экзотических животных, раз уж вбухали столько денег в океанариум. Неужели тебе не хочется к этому приобщиться?

– Кронозавр.

– Что?

– Кронозавр. Древняя морская рептилия.

– Я знаю, кто такие кронозавры. А при чем здесь они?

– Двадцать лет назад один сказочно богатый и влиятельный магнат, некий Бенедикт Сингер, начал исследование Марианской впадины на предмет наличия там редких марганцевых конкреций, которые, как он считал, помогут совершить прорыв в термоядерном синтезе. Но в результате он обнаружил там некоторые подвиды кронозавра, которые, несомненно, входили в пищевую цепь мегалодона. Мои родители

участвовали в этой экспедиции. И едва не погибли. Отец не говорит, но я догадываюсь, за какими видами охотится бин Рашиди.

– Кронозавры... Ух ты! – Кайли ложится на кожаный диван, пытаюсь вспомнить, как выглядят сорокафутовые плиозавры.

– Кайли, только не вздумай проболтаться. Никто не знает...

– Нет, конечно нет.

– Значит, ты скажешь капитану Сьютсу, что увольняешься.

– Ни за что!

– Кайли...

– Дэвид, а что, если бы тебя пригласили принять участие в экспедиции на борту «Алвина» в далеком тысяча девятьсот семьдесят седьмом, когда они обнаружили гидротермальные источники? Ты бы отказался, потому что это слишком опасно?

– Это совсем другое дело.

– Но не для меня. Я никогда не хотела быть одной из этих яйцеголовых ученых, по двадцать часов в день просиживающих в лаборатории. Нет, моя цель – работать исключительно в полевых условиях. Кто не рискует, тот не пьет шампанское. И ты это знаешь.

– Но разве не ты говорила, что меги тебя пугают?

– Пугают. Но это не работа в океанариуме. А покорение передовых рубежей науки. Я смогу побороть страх, если буду морально готова. Поехали со мной! Я знаю, ты хочешь. – Кайли тычется носом ему в шею. – Только представь... Мы вдвоем на научно-исследовательском судне, днем отлавливаем морских животных, а ночью спим рядышком...

– Не могу. Я дал слово.

– Я тоже. И я еду.

– Но я люблю тебя. – Дэвид и сам не ожидал, что у него вырвутся эти слова. Застигнутая врасплох, Кайли смотрит на него округлившимися от удивления глазами. – Да-да. Мы совсем не знаем друг друга, но я действительно тебя люблю. И я не из тех, кто гоняется за первой попавшейся юбкой! Всю ночь у меня было такое чувство, будто из груди живьем вырывают сердце. Понимаю, это против твоих правил, но я действительно тебя люблю.

Кайли кладет голову Дэвиду на грудь:

– Ты серьезно?

– Тсс!

Они держат друг друга в объятиях, на время отгоняя от себя проблему. Наконец усталость берет свое, и они засыпают, не разжимая рук.

Кайли неожиданно просыпается. Смотрит на часы:

– Дэвид, Дэвид, проснись!

– А который час?

– Начало пятого. Мне пора собираться. Мы отправляемся меньше чем через час.

– Значит, ты все-таки едешь?

– Да. И считаю, что ты тоже должен ехать.

– Кайли...

– Давай заключим соглашение. Если мы прямо на месте поймем, что миссия реально самоубийственная, тогда оба уедем. Без возражений. Но я должна убедиться сама. Я не могу упустить такой шанс просто потому, что твой отец решил, будто это безумие. Понятно?

– Да.

Кайли встает:

– Относительно того, что ты говорил мне раньше... Я хочу, чтобы ты знал: твои слова очень много для меня значат. – Она нежно целует Дэвида в губы и идет к двери. – Увидимся, когда я вернусь.

Дэвид, не вставая с дивана, обреченно смотрит ей вслед.

Часть 2

Лучше купить маленький букет и подарить другу прямо сейчас, чем возложить охапку красных и белых роз на его гроб.

Ирландский тост

Глава 22

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Две недели спустя

Холодный западный ветер дует со стороны Тихого океана, на безоблачном небе сияет солнце.

Джеймс Макрейдс смотрит с палубы, как огромная толпа заполняет арену. По обеим сторонам лагуны разместились две съемочные бригады Си-би-эс, которые снимают ролик для программы «60 минут», запланированной к выходу в эфир в конце месяца. Над головой кружат чайки, этих падальщиков манят аппетитные запахи, витающие над киосками с едой, которые сорок один день находились в вынужденном простое.

Наглые птицы даже примостились на новой стеклопластиковой стене, защищающей нижние двадцать два ряда в южном конце лагуны.

Мак снимает с плеча рацию:

– Палуба вызывает Принцессу.

Сквозь треск пробивается голос Даниэллы Тейлор:

– Не смей меня так называть.

– Ты уже три дня ходишь в гриме.

– Заткнись!

– Народу битком, куча съемочных групп. Постарайся хоть сейчас не навернуться. Это плохо для бизнеса.

– Может, где-нибудь уже продают скидочные товары для ранних пташек, а? Тогда мы бы с радостью от тебя избавились.

– Желаю удачно провести шоу, малышка! – улыбается Мак, переключившись на другую волну. – Палуба вызывает базу. Джей Ти, ты ко мне поднимешься?

Джонас, который находится в лаборатории тремя этажами ниже, отвечает:

- Буду через пять минут. Ну а как там зрители?
- Пока вроде бы сухие.
- Ладно, будем стараться, чтобы не намокли.

Закончив разговор, Джонас поворачивается к доктору Николсу, который сидит перед двумя компьютерными мониторами и рядом видеомониторов, дающих картинку разных частей лагуны.

Последние несколько недель Джонас и его команда тестировали передатчик, который они имплантировали в мозг Ангелу, регистрируя ее реакцию на различные комбинации импульсов. Путем стимулирования правого периферического отдела обонятельного мозга доктор Николс сумел создать фантомный запах, притягательный настолько, чтобы с тридцатипроцентной вероятностью выманить большую самку из канала в лагуну. А когда в южную часть лагуны опускали половину говяжьей туши, вероятность положительного результата увеличивалась до пятидесяти пяти процентов. Ну а когда к этим двум составляющим прибавлялся еще и Бобби Бейтман, Ангел реагировала всегда.

Бобби Бейтман был изобретением Мисти Уокер, работавшей у доктора Стелзера техническим специалистом по окружающей среде. Мисти, только что пережившая мучительный развод, вела нескончаемые дискуссии с коллегами женского пола по поводу того, какими качествами должен обладать идеальный мужчина. И вот две недели спустя Мисти пришла на работу с новым бойфрендом, секс-куклой в натуральную величину, со всеми причиндалами, да к тому же с дополнительными роботизированными приспособлениями.

Джонас, вдохновленный этой шуткой, попросил Мисти внести некоторые модификации в куклу, чтобы та имитировала хаотичные движения плывущего человека. В результате получился антропоморфный робот с конечностями, способными грести и отталкиваться, и с «бьющимся сердцем», генерирующим в воде электрические импульсы.

Пятнадцать тысяч зрителей вскочили с мест, аплодируя Даниэлле Тейлор, идущей к подиуму в южном конце бассейна. Поклонившись, Даниэлла берет в руки беспроводной микрофон:

– Дамы и господа, добро пожаловать в обновленный Институт Танаки, где вы увидите самое пугающее шоу планеты.

Тем временем Тедди Бадо и его команда из трех человек, включая Мисти Уокер, миниатюрную женщину с русыми волосами, вкатывают на платформе со стальной пружинной катапульты ободранную тушу. Платформу устанавливают на заранее подготовленную позицию в южной части бассейна, катапульта нацелена на центр лагуны.

– Сегодня один счастливчик из числа зрителей получит шанс выиграть миллион долларов! – Дани подходит к одному из гостей, сидящему в первом ряду. – Сэр, какой самый безумный поступок вы готовы совершить, чтобы выиграть миллион долларов?

– Я? Даже и не знаю... Покормить Ангела?

– Покормить Ангела? Неужели вы думаете, что вам за это дадут миллион долларов? – (Зрители неодобрительно шикают.) – А как насчет вас, мэм? Миллион долларов. На что вы готовы?

– Боже мой! Я готова раздеться и пробежать вокруг лагуны в чем мать родила!

Ее муж в ужасе закрывает голову руками под громкий свист публики.

– Сомневаюсь, что зрителям это понравится. Ну а вы, сэр? Что скажете?

Двадцативосьмилетний Натан Ли Толберт, сидящий в четвертом ряду с банкой пива в руках, встает и поворачивается к публике:

– За миллион баксов я готов переплыть лагуну! Каково?

Трибуны неистовствуют.

– Ух ты! А как тебя зовут?

– Бобби Бейтман. Из Бейонна, Нью-Джерси.

– Бобби, давай уточним. Значит, за миллион долларов ты готов проплыть вдоль всей лагуны...

– Нет, переплыть ее поперек. Только поперек.

– А ты хороший пловец?

– Чертовски хороший. Правда, я слегка пьяный. – Он неожиданно обнимает Дани за плечи.

Она стряхивает его руку:

– И ты готов прямо сейчас переплыть лагуну за миллион долларов?

– Прямо сейчас? – Он снова поворачивается к толпе зрителей. – Легко! Давай сделаем это!

– Хорошо, Бобби, спускайся вниз! – Зрители сходят с ума, когда Натан Толберт идет вслед за Дани к А-раме. – Тедди, попроси кого-нибудь принести Бобби мокрый гидрокостюм. Самый большой размер.

Один из людей Тедди идет в кладовку и уже через секунду вручает Дани гидрокостюм, а та, в свою очередь, отдает его Натану:

– Бобби, ступай переоденься. Можешь воспользоваться вот этой туалетной кабинкой. – Она показывает на огороженную туалетную кабинку возле южной трибуны.

Помахав толпе, Натан ныряет внутрь.

– Остановись! Сейчас же остановись! – Появившийся возле бассейна Джонас отчаянно кричит в пришпиленный к рубашке беспроводный микрофон, рация которого засунута в задний карман брюк.

– Папа, пожалуйста! Шоу в самом разгаре!

– Юная леди, возможно, у тебя после удара мозга съехали набекрень. Ты не можешь позволить пришедшему на шоу зрителю рисковать своей жизнью. Даже за миллион долларов!

– А почему бы и нет?

– Почему бы и нет? Потому что, если здесь случится хоть что-то ужасное – смещение позвонков, например, или утопление, или что-нибудь еще хуже, – то зрители, получившие психологическую травму от этого зрелища, могут потом засудить наш институт.

– Папа, они не будут этого делать. Ну что, будете или нет? – (Над ареной звучит многоголосое «нет».) – Вот видишь! Эй, Бобби, как там твои дела?

– Я готов. Просто немного нервничаю.

Джонас открывает дверь туалетной кабинки, и Натан передает ему Бобби Бейтмана, роботизированную куклу, одетую в гидрокостюм с капюшоном и надувной жилет, пристегнутый с помощью невидимой проволоки-струны к катушке лебедки на А-раме.

Мисти активирует дистанционное управление, робот начинает шагать. Джонас с Дани подводят куклу к краю южной подпорной стенки, а тем временем Натан продолжает из кабинки говорить в беспроводный микрофон, ведя вместо куклы диалог с Дани:

– Я что-то немного волнуюсь. А где Ангел?

С трибун доносятся ободряющие возгласы.

– Бобби, Ангел уже в канале. Если хочешь это сделать, то, пожалуй, не стоит тянуть резину.

– Ты дашь мне напоследок совет?

– Плыви как можно быстрее, ну и без лишних всплесков.

– Ладно, можешь готовить наличность.

Джонас с Дани проводят Бобби мимо недавно установленного ограждения к краю подпорной стенки:

– Ладно, на счет «три». Один... два... – (Толпа восторженно кричит «три», но кукла остается сидеть на стене, ее роботизированные руки цепляются за Джонаса.) – Бобби, в чем дело?

– Просто нервничаю. Можно повторить все сначала?

– Ладно. Давай еще раз. Один... два...

На счет «три» Джонас выпускает куклу, она ныряет в воду. Надувной жилет держит ее на поверхности. Под восторженные крики зрителей роботизированные конечности, дистанционно управляемые Мисти Уокер, начинают грести и отталкиваться, а тем временем проволока, прикрепленная к катушке на верхушке А-рамы, тащит куклу через бассейн, создавая полное впечатление, будто та реально плывет.

Толпа впадает в экстаз.

Мак включает рацию:

– Палуба вызывает базу. Бобби в воде. Дело за Ангелом.

Доктор Николс активирует нейроимплантат, стимулирующий обонятельный мозг Ангела.

Большая самка зависла на глубине семидесяти футов, прижавшись рылом к стальным воротам в канал, слегка отвисшие челюсти фильтруют морскую воду, пропуская ее через жабры. Ее голову украшает кроваво-красный прямоугольный шрам – все, что осталось от хирургического робота, сброшенного сразу же после того, как животное очнулось от наркоза.

Акула внезапно настораживается, ампулы Лоренцини нацеливаются на электрические импульсы Бобби Бейтмана, боковая линия регистрирует вибрации роботизированной куклы на поверхности бассейна, ноздри вдыхают искусственно генерируемый едкий запах.

Ангел покидает ворота и плывет в голубую лагуну, выступающий из воды спинной плавник извещает присутствующих о появлении

звезды шоу.

Отчаянные вопли зрителей наполняют арену, когда Ангел, появившись в лагуне, направляется в сторону ничего не подозревающего пловца, барахтающегося где-то в центре бассейна.

Дани, укрывшаяся вместе с отцом за стеклопластиковым ограждением, кричит в микрофон:

– Бобби! Бобби! Выбирайся из воды! Тед, кто-нибудь! Бросьте ему трос!

Плохо понимая, что происходит, зрители вскакивают на ноги. Они вопят, визжат, впадают в неистовство, когда спинной плавник, покружив вокруг пловца, внезапно исчезает под водой.

Мак инструктирует Тедди по рации:

– Погоди... Погоди... Давай!

Активировав лебедку А-рамы, Тедди сматывает прозрачную проволоку и выдергивает Бобби Бейтмана из воды в тот самый момент, когда Ангел летит на него, как ракета «Поларис».

Ангел, щелкая челюстями, пытается ухватить Бобби. И, опровергая законы гравитации, выпрыгивает из воды, после чего с оглушительным всплеском плюхается обратно в воду.

В прозрачную стену, за которой укрываются Дани с Джонасом, ударяет взрывной волной, зрители из нижних рядов инстинктивно ныряют вниз.

Затем Дани выходит из-за ограждения и взволнованно говорит в микрофон:

– Давайте-ка наградим нашего каскадера Бобби Бейтмана дружными аплодисментами! – (Механическая секс-кукла машет беснующейся публике с верхушки А-рамы. Причем большинство зрителей все еще верят, что это живой человек.) – Ну а теперь как насчет небольшого угощения для нашего Ангела... Ангела Смерти?

Тедди выстреливает высоко в воздух из катапульты 150-фунтовым говяжьим боком, который падает прямо в центр лагуны, где его молниеносно ловит гигантскими челюстями перевозбужденная акула.

Команда Тедди, воспользовавшись моментом, поспешно опускает Бобби Бейтмана на настил, кладет его на каталку и увозит прочь, напоследок дав помахать рукой зрителям.

Дождавшись, когда Ангел вернется в канал, Дани обращается к публике:

– На этом наше сегодняшнее шоу закончено! Спасибо, что пришли! Соблюдайте осторожность и покидайте арену через ближайшие выходы, но не забудьте посетить галерею «Загона для меча». Следующий сеанс кормления Белль и Лиззи состоится в пятнадцать часов.

Джонас обнимает дочь за талию, и они идут по мокрому настилу к служебному выходу, прислушиваясь к репликам с трибун.

– Тот парень Бейтман просто чокнутый. Сколько бы они ему ни заплатили, этого явно недостаточно.

– За миллион баксов я бы тоже на это пошел.

– Кто бы сомневался!

– А когда плавник начал кружить вокруг парня, мне показалось, что у меня вот-вот случится инфаркт.

Джонас подмигивает Дани:

– Ты была великолепна. Ну и как ощущения?

– Голова немного побаливает, а так ничего страшного. Папа, твое новое шоу... просто находка. Оно здорово заводит публику. Им кажется, будто они в воде вместе с Бобби.

Подняв глаза, Джонас замечает Тома Кьюбита, который поджидает их в коридоре. Адвокат выразительно качает головой.

– Томми, что стряслось? Надеюсь, никто не умер?

– Еще нет. Но парамедики до сих пор возятся с полученными в результате обмороков травмами и с одним сердечным приступом, который, как я полагаю, случился у твоего страхового агента. При таких темпах мне, пожалуй, придется поселиться в зале суда.

Они смотрят на каталку, где лежит накрытая простыней неподвижная фигура с выпирающим мужским достоинством, обтянутым мокрым гидрокостюмом.

– Улыбнись, Том. Все могло быть куда хуже. Взгляни на Бобби... Он вполне счастлив.

Океанариум Дубая

Дубай, Объединенные Арабские Эмираты

На бетонных основаниях в гигантском искусственном озере длиной окружности более трех миль установлены двенадцать акульных плавников высотой двести футов.

Дэвид и Монти стоят под ласковыми лучами заходящего солнца на одном из шести перекинутых через озеро мостиков из акрилового стекла и стали. В озере уже плавают несколько сот черепах: те, что побольше, – зеленые, а те, что поменьше, – биссы. Всех их перевезли из Персидского залива в акриловом бассейне глубиной тридцать футов.

Дэвид задумчиво смотрит, как одна из рептилий высовывает голову из позолоченной закатным солнцем воды:

– Думаешь, они счастливы?

– Черепахи? А то! Они наверняка каждую ночь устраивают черепаши оргии. Хотя, конечно, лишь люди и дельфины делают это ради развлечения. По крайней мере, я так слышал. Я когда-то читал, что оргазм у свиней длится тридцать минут. В следующей жизни я хотел бы быть свиньей.

– Что значит «в следующей жизни»? – ухмыляется Дэвид.

– Ну наконец-то! Впервые за всю неделю я вижу на твоем лице улыбку.

– А чему радоваться? Мы переехали из пятизвездочного отеля с круглосуточным обслуживанием номеров и кабельным телевидением в тесный трейлер со стареньким теликом «Саньо», который принимает только местные каналы на арабском. Без обид, но, прожив вместе с тобой последние несколько недель, я понял, что если назову тебя свиньей, то нанесу оскорбление этим благородным животным. Ну и плюс тот факт, что каждое утро мне приходится буквально силком тащить твою вонючую задницу из кровати...

– У меня биполярное расстройство. Бывают хорошие дни, а бывают плохие. Ты знал, на что шел, когда решил меня усыновить. – Монти отхаркивает мокроту и сплевывает ее в озеро, явно заинтриговав этим биссу. – Хотя, сам знаешь, еще не поздно.

– Для чего не поздно?

– Уехать, чтобы найти свою женщину. Если ты попросишь, они доставят тебя туда на самолете.

– С чего ты взял?

– Слышал, как один из горилл бин Рашиди толковал о тебе с доктором Бекер. Разговор был на арабском, но я уловил суть. Там что-то

не заладилось в этой их охотничьей экспедиции. Странно, что тебе ничего не сказали.

Дэвид раздосадованно хлопает ладонями по алюминиевым перилам:

– Они мне вообще ничего не говорят. Я не знаю, куда их отправили или как у нее дела... да и вообще, что она сейчас делает.

– Хочешь выяснить?

– Каким образом?

– Бассейн с их пометкой «плохая рыба». Давай-ка проверим, что это за плохая рыба, которую они отловили.

– Но как? Они постоянно держат галерею Т-1 запертой. А когда туда входит Бекер, то у дверей остается охранник, который следит, чтобы никто случайно вслед за ней не зашел.

– Главная вентиляционная шахта. Она проходит через все площадки восьмого этажа.

– Откуда ты знаешь?

– Я шесть часов в день кромсаю сырую рыбу. Во время перерыва я сижу в кабинете директора, играюсь с его компьютером. А экран сенсорный. Так вот, в компьютере есть план океанариума.

– А как мы проберемся в шахту?

– Мы войдем туда через воздухозаборник системы кондиционирования воздуха на площадке Т-3. А оттуда можно легко проползти в Т-1.

Дэвид смотрит на часы:

– Ночная смена заступает на дежурство в восемь. У нас есть сорок минут. Погнали!

Они вприпрыжку бегут по мосту к входу на третий этаж. Дэвид магнитной карточкой открывает дверь. В вестибюле пусто. Дневная смена покинула здание двадцать минут назад. Они проходят в восточное крыло к аквариумам Т-1, Т-3 и Т-5, после чего той же магнитной карточкой открывают дверь Т-3 с табличкой «Посторонним вход воспрещен». Внутренний коридор ведет к лестнице, по которой они поднимаются еще на пять этажей до уровня 8. Миновав ряд закрытых дверей, помеченных как Т-3, они попадают на верхнюю площадку пустого аквариума.

Бассейн величиной с пруд стоит пустой, так же как и рабочая площадка. Работают системы фильтрации. Ультрафиолетовые лампы

освещают заросли кораллов на глубине семьдесят футов.

– Здесь. – Монти толкает передвижные подмости к решетке воздухообменника системы кондиционирования воздуха, проложенной вдоль стены на высоте пятнадцать футов.

– Стандартные винты. Можно отвернуть дрелью.

Дэвид роется в шкафчике для инструментов. Находит дрель, проверяет заряд, вставляет биты. Затем передает дрель Монти, который начинает отворачивать алюминиевую решетку размером четыре на четыре фута.

Вывернуть винты оказалось для Монти плевым делом.

– Как два пальца об асфальт. Пошли.

Забравшись на подмости, Дэвид лезет вслед за Монти в алюминиевую трубу.

В темном туннеле очень холодно, градусов на тридцать холоднее, чем снаружи, в лицо бьет мощный воздушный поток. Они ползут на четвереньках, нещадно обдирая ладони.

– Да, фонарик нам точно не помешал бы, – шепчет Дэвид.

– Просто следуй за мной. – Достигнув основного места разветвления труб, Монти поворачивает налево, проползает девяносто футов, после чего пролезает в еще одно короткое разветвление слева от них, которое заканчивается тусклым квадратиком света. – Видишь вон там? Это и есть воздухообменник Т-1.

Дэвид подползает к решетке, пытаясь рассмотреть площадку вокруг бассейна Т-1:

– Вроде бы никого. Но как мы открутим решетку изнутри?

– Без понятия. А ты, случайно, не прихватил с собой плоскогубцы-утконосы?

– А ты просил меня взять плоскогубцы?

– Думал, ты и сам догадаешься.

– Индюк тоже думал, да в суп попал! Кто я, по-твоему? Чертов Том Круз из фильма «Миссия невыполнима»? Жди здесь!

Дэвид ползет назад к разветвлению, сворачивает по трубе Т-3, спускается по подмостям, берет из шкафчика две пары плоскогубцев, после чего поспешно возвращается по воздухопроводу к Монти, которому уже удалось вывинтить пальцами три из четырех винтов:

– Похоже, плоскогубцы были без надобности.

– Уйди с дороги. – Дэвид отвинчивает последний винт, и они снимают решетку.

Бетонная площадка находится в пятнадцати футах под ними, в помещении темно, если не считать мигающих красных огоньков, указывающих на выход.

– Мне что, прыгать?

– И переломать себе, к чертовой матери, щиколотки, чтобы мне потом еще восемь недель ухаживать за тобой? Подвинься!

Дэвид вылезает ногами вперед, повисает на руках и прыгает с высоты восьми футов, сгруппировавшись при падении. Затем находит лестницу и приставляет ее к стене для Монти, который, поставив на место решетку, присоединяется к Дэвиду, уже стоящему у края темного бассейна.

– Не видно ни зги, – шепчет Монти. – Может, включить свет?

– Нет. Они явно держат бассейн в темноте по какой-то причине. Возможно, здесь обитают ночные виды.

Дэвид отыскивает главный электрический щит и тумблеры красных ночных огней аквариума в нем. На поверхности бассейна загораются кроваво-красные пятна.

Монти обшаривает глазами бассейн в форме песочных часов. У дна кружит какая-то темная тень.

– Там что-то есть.

– Что именно?

– Без понятия. Возможно, лох-несское чудовище.

– Давай спустимся в галерею. Оттуда нам будет лучше видно.

Друзья направляются к выходу, затем по бетонной лестнице спускаются на пять пролетов на уровень 3. Открыв металлическую пожарную дверь, они оказываются в просторной галерее – широком темном коридоре, который освещается лишь красным сиянием, исходящим от высоченной стены аквариума из акрилового стекла.

Монти всматривается в панорамное окно:

– Черт, я по-прежнему ничего не вижу! Эй, Несси! Покажись, девочка!

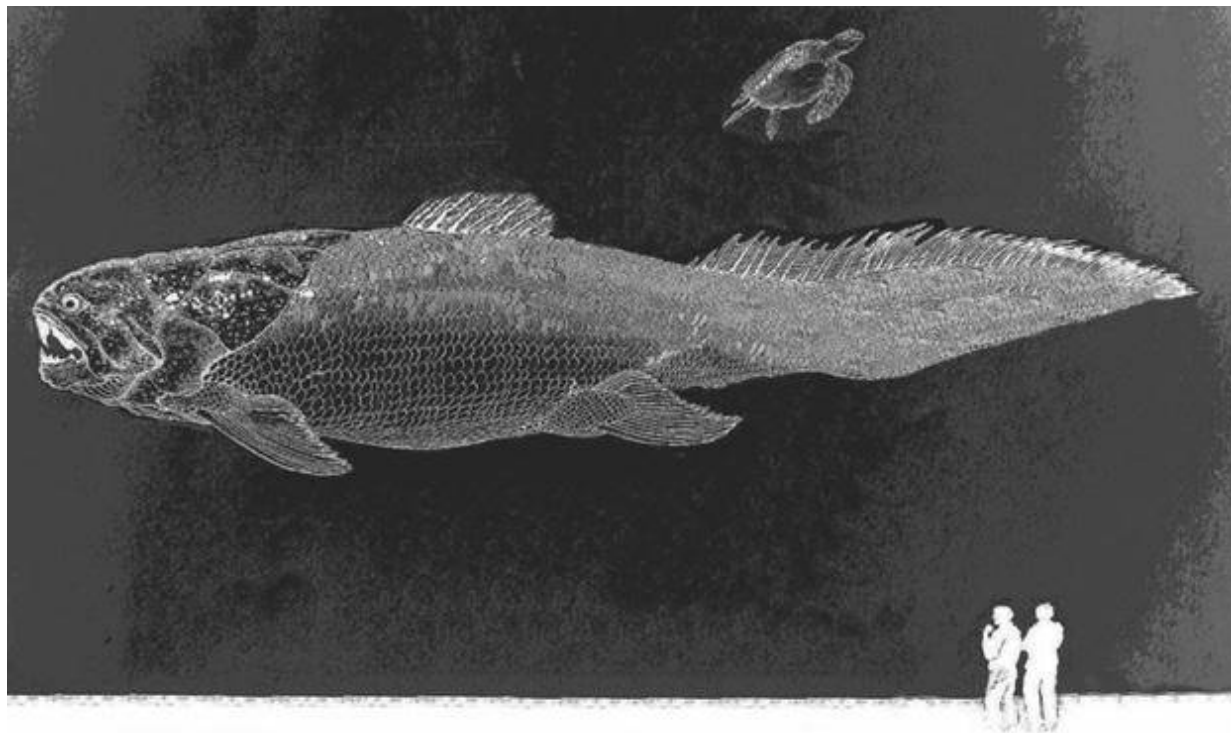
Дэвид чувствует, как по спине крадется предательский холодок:

– Монти, замри!

– Зачем?

– Просто не двигайся. Она тебя видит.

– Кто меня видит?

Монти оборачивается. Какое-то странное существо медленно кружит в сторону панорамного окна галереи, выпученные глаза с ночным зрением мерцают изумрудно-зеленым светом.

– Господи... что это?!

Первый на планете настоящий океанский хищник – панцирная рыба – величественно плывет мимо окна галереи; у нее покрытая пластинами темно-коричневая толстая шкура, слегка серебрящаяся на брюхе. Тело диковинной рыбы размером со школьный автобус сужается от жуткой бронированной головы к массивному хвосту с ярко выраженной верхней лопастью. Разинутые челюсти демонстрируют костные пластины – острые как бритва и зазубренные в результате неправильного прикуса.

У Дэвида замирает сердце, когда хищник скрывается в тени, а затем разворачивается и снова проплывает мимо панорамного окна галереи.

– Это дунк, – шепчет Дэвид дрожащим голосом.

– А кто такой дунк?

Резкие движения Монти настораживают хищную рыбу. Сделав крутой вираж, она атакует панорамное окно. Стекло взрывается снопом пурпурных электрических искр, заставляющих животное ретироваться обратно в темноту.

Монти падает на колени, по его лицу текут струйки пота.

– Что это было?

Подойдя поближе, Дэвид показывает на восьмиугольные приборы размером с мужской кулак, закрепленные с интервалами в десять футов на внутренней части панорамного окна галереи:

– Это датчики удара. Они нужны для того, чтобы дунк не разбил стекло.

– Дунк? Ты имеешь в виду эту доисторическую рыбу, которую они выставляют в том отеле?

– Дунклеостей. Владычица девонских морей.

– Мне казалось, эти твари давным-давно вымерли!

– Действительно вымерли... около трехсот миллионов лет назад.

– Триста пятьдесят пять миллионов лет назад, если уж быть точным. – В галерею входит наследный принц. Его сопровождают Барбара Бекер и двое охранников с выпирающим из-под черных пиджаков автоматическим оружием. – Мистер Монтгомери, когда вы изучали план океанариума, вы разве не заметили, что здесь повсюду под потолками установлены камеры слежения?

– Наверное, я упустил это из виду. Я немного говорю по-арабски, а вот читаю не слишком хорошо.

– Меня восхищает пытливый ум, однако незаконное вторжение считается в моей стране наказуемым преступлением. Дэвид, мне очень приятно видеть тебя снова. Ну что скажешь об этом первом животном, которое мы здесь поселили?

– Если честно, у меня просто нет слов.

– Что ж, я рад, что тебе понравилось. И больше всего мне нравится наблюдать за тем, как эта рыба охотится на живую добычу. Итак, кто из вас двоих хочет поплавать?

Охранники делают шаг вперед, заставив Дэвида покрыться холодным потом.

Наследный принц улыбается:

– Доктор Бекер, мы всего-навсего развлекаемся, с вашего позволения.

Барбара Бекер берет рацию:

– Покормите Т-1.

Через несколько секунд пульс Дэвида наконец приходит в норму. Нырнув в темноту, дунклеостей мечется у самого дна, как тигр в клетке. Но вот что-то с громким всплеском падает в бассейн, прямо над головой у зрителей.

Зеленая морская черепаха весом в шестьсот фунтов плывет в сторону панорамного окна и в панике скребет лапами по акриловой поверхности.

Возникшее шумовое возмущение настораживает дунклеостея. Он выгибает спину дугой, его маленькие грудные плавники затвердевают и опускаются вниз. Хищник, выписывая аккуратные восьмерки, начинает подбираться к черепахе.

Монти шепчет Дэвиду:

– Похоже, о спасении черепах можно смело забыть.

– Тсс!

Дунклеостей отрывается от дна и кружит возле панорамного окна, демонстрируя зрителям толстую броню и жаберные щели. Памятуя об ударе током, доисторическая рыба не рискует атаковать окно, но отгоняет от него черепаху.

Черепаха, до смерти напуганная присутствием крупного хищника, бросается стрелой в сторону виднеющегося на дне нагромождения камней.

Монструозная рыба нападает на добычу сзади, сжимая черепаху мощными челюстями.

Хрясь!

Этот раздавшийся под водой звук, несмотря на акриловое стекло, невозможно ни с чем спутать. Костистые челюсти дунклеостея давят толстый панцирь черепахи, словно щипцы для орехов – грецкий орех. Дэвид, помертвев, наблюдает за тем, как напряженно колышется серебристое брюхо монстра, заглатывающего останки мертвой черепахи.

Доктор Бекер хватается Дэвида за руку:

– Смотри.

Возбужденный дунклеостей нарезает круги по поверхности бассейна, затем внезапно извивается в конвульсиях, отрывивая облаком коричневой рвоты осколки панциря черепахи.

Доктор Бекер шепчет на ухо Дэвиду:

– Невероятно, да?

– Он что, питается исключительно черепахами?

– Мы пробовали кормить его рыбой, но он предпочитает менее проворную добычу. Эти рыбы не самые быстрые охотники, и, в отличие от акул, у них не такие развитые органы чувств. Но они едят все, что шевелится, а потом отрыгивают кости. Несколько дней назад мы прикрепили к внутренней стороне панциря одной из черепах нагрузочную пластину. Так вот, давление челюстей этой рыбы составляет восемь тысяч пятьсот шестьдесят фунтов на квадратный дюйм. Похоже, наш дунк переплюнул вашего мегалодона.

– Что ж, это, конечно, впечатляет. Но запомните, для Ангела ваш дунклеостей всего лишь мелкая рыбешка. – Дэвид поворачивается к наследному принцу. – Марианская впадина?

– Нет. Дунклеостей был отловлен на большой глубине в одном специфичном месте в Филиппинском море. К сожалению, пока я не имею права вдаваться в детали, но могу лишь сказать, что там внизу полно других монстров: экзотических видов, которых еще никто никогда не видел. Дэвид, присоединяйся к нам. Помоги нам поймать этих удивительных животных, и я тебя озолочу.

– Но у вас и своих пилотов хватает. Зачем я вам?

– Да, наши пилоты действительно хороши, но им... пока не приходилось попадать в действительно сложные ситуации.

За стеклом величаво проплывает дунклеостей, лишенные век глаза, обладающие ночным зрением, холодны и бездушны, из пасти свисают ошметки коричневого черепашьего мяса, застрявшего в адских зубных пластинах.

Дэвид закрывает глаза, пытаясь представить, каково это пилотировать «Морского дьявола» в кромешной тьме враждебного моря, с давлением воды шестнадцать тысяч фунтов на квадратный дюйм, чтобы выманивать самых жутких монстров в истории Земли из адской бездны и накидывать на них сети.

– Мой отец был прав. Это самоубийственная миссия.

– Мисс Сифурт наверняка с тобой не согласится. Она в Филиппинском море и, возможно, прямо сейчас, пока я тебя уговариваю, охотится на этих существ. До меня дошли слухи, что она ужасно по тебе скучает, но старается держаться. У тебя хороший вкус.

Эта девушка – бесценная жемчужина, которую нужно беречь. Будь моя воля, я бы сделал ее одной из своих жен.

Кровь бросается Дэвиду в лицо, каждый мускул в его теле дрожит от переизбытка адреналина.

– Вы что, меня дразните?

– Нет, я предлагаю тебе шанс, который выпадает лишь раз в жизни. Мисс Сифурт решила ловить момент. Ну а ты когда решишься?

– Хорошо, ваше высочество. Я займусь пополнением вашего океанариума. Но вы и ваши бандиты оставите Кайли в покое. Вам все ясно? Начиная с этой минуты она работает только со мной.

Наследный принц улыбается:

– Как пожелаешь. Я взял на себя смелость упаковать твои вещи. Мой личный самолет вылетает через час.

– А как насчет Монти?

– Мистер Монтгомери может сопровождать тебя в качестве матроса. В этом случае ему нужно будет лично упаковать свои вещи. Но если он хочет остаться на борту судна, ему придется научиться убирать за собой, а не то он будет спать в рыбном лотке.

Глава 23

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Две юные самки мегалодона в тандеме обходят дозором свои владения. Лиззи занимает доминантную позицию сверху, Белль находится снизу – ее голова на уровне тазового пояса сестры. Ложбина, образованная при движении мощного туловища Лиззи, позволяет Белль без труда скользить по бассейну.

Питер Карлайл, двадцатилетний директор вопросам образования Океанографического института Танаки, наблюдает из-за бетонной колонны галереи «Загона для мегалодона» за тем, как две сорокашестифутовые акулы кружат по бассейну. Заикнувшись на акулах после того, как он четырехлетним мальшом посмотрел фильм «Челюсти», Питер посвятил себя изучению акул и даже сделал на этом карьеру. Получив степень бакалавра в области морской биологии, он закончил магистратуру в Морской лаборатории в Мосс-Лэндинге, где отслеживал леопардовых акул в Элкорн-Слау, в одном из крупнейших приливо-отливных маршей Калифорнии.

Для студента последнего курса Беркли летняя практика в Океанографическом институте Танаки стала не только подработкой, но и частью исследовательской работы. Диссертация Питера была посвящена трофическим взаимодействиям пелагических акул, таких как большая белая, а именно взаимодействию этих хищников с другими видами в соответствующих пищевых сетях и цепях.

Наблюдать за Белль и Лиззи уже само по себе было весьма познавательно. Благодаря кооперативному поведению эти две сестренки сумели исключить остальных трех сестер из своей пищевой сети, впрочем, как и всех других нарушителей их жизненного пространства.

Как отмечено в диссертации Питера, странное поведение молодых мегалодонов постепенно перерастает в новые формы доминирования – на сей

раз распространяющиеся за пределы их бассейна. Последние несколько недель сестренки стали все чаще использовать поведение, известное как высовывание головы из воды, то есть они держали головы вертикально над водой, чтобы иметь возможность наблюдать за происходящим в их водном царстве. Четыре дня назад Лиззи до смерти напугала ремонтных рабочих, что-то чинивших на площадке вокруг лагуны. Повернувшись, они увидели, как двадцатитонная акула, подплыв к краю «Загона для мег», внимательно за ними наблюдает. И с тех пор, если кто-нибудь из персонала лагуны осмеливался подойти слишком близко к ограждению, сестренки натурально впадали в неистовство и начинали хлестать хвостами, окатывая непрошенных гостей водой. Став свидетелем столь необычного поведения, доктор Стелзер ввел новое правило: никому не разрешалось подходить к краю бассейна ближе чем на двадцать футов.

Это правило распространялось и на посетителей галереи. Панорамное окно из нескольких слоев акрила было двусторонним, что позволяло мегам видеть тысячи зрителей, глазеющих на них в течение дня. Взрослеющих детенышей явно возбуждало присутствие людей, и это заставило доктора Стелзера протянуть полицейскую ленту по всей протяженности галереи на расстоянии пятнадцати футов от акрилового стекла. В качестве дополнительной меры предосторожности освещение в галерее было выключено для того, чтобы места для зрителей находились в тени.

Питер смотрит на часы, когда билетеры галереи открывают двери для следующего шоу:

– Добрый вечер, ребята! Добро пожаловать в обзорную галерею «Загона для мег». Будьте добры, садитесь потеснее, поскольку все билеты на шоу проданы. Подходить к панорамным окнам или заходить за полицейскую ленту категорически запрещено, так же как и делать фото со вспышкой.

Пятнадцатилетний Коннор Бут заходит внутрь вместе со своей молодежной группой, его сердце испуганно бьется. Коннор уже в четвертый раз посещает «Загон для мег». Первый визит Коннора в галерею восемь месяцев назад нагнал на него столько страха, что Коннор даже решил бросить серфинг.

В данный момент Коннора нервирует наличие полицейской ленты, эта преграда приносит дополнительный риск в пари, которое парень

заклучил со своими дружками. Повернувшись направо, Коннор смотрит на Дейва Лаунсбери, сидевшего через три места от него: внимание руководителя молодежной группы всецело поглощено четырехлетним сыном.

– Итак? Ты действительно собираешься это сделать? – Чесса Мэньон, решительная рыжеволосая девица с большими зелеными глазами и манящей улыбкой, пихает Коннора локтем в левый бок.

– Не могу. Лаунсбери слишком близко.

– Поменяемся местами. Быстро! – Чесса перелезает через Коннора, уступая ему свое место. – Дай знать, когда будешь готов, и я тебя прикрою.

Райан Райтсман, сидящий сразу за Коннором, хлопает своего соперника по голове:

– Ну что, кишка тонка?

– Не бери в голову. – Чесса кладет одну руку на колено Коннора, а другой наводит камеру сотового телефона. – Тебе нужен всего лишь один хороший снимок.

– Я не смогу это сделать, когда они проплывут мимо окна. Если я подойду слишком близко, меня сразу заловят. Нет, это нужно делать, когда они будут на подходе.

– Если мне удастся заснять все на мобильник, значит ты выиграл.

Коннор достает брелок и небольшой цилиндр – зеленую лазерную указку на основе твердотельного лазера с диодной накачкой. После чего проверяет указку, направив ее на пол. Тем временем под охи и ахи зрителей мимо трехэтажного окна проплывают два монстра размером с грузовик.

Питер Карлайл начинает презентацию, звуковые колонки установлены на задней стене, подальше от бассейна.

– Белль и Лиззи, рожденные в неволе одновременно еще с тремя самками, при рождении весили две тысячи семьсот фунтов, что в девяноста процентах случаев превышает вес взрослых больших белых акул. Сестрам сейчас пять лет, и они по-прежнему считаются молодняком. Зрелости они достигнут только через четыре – шесть лет. И тогда они будут величиной со свою мать по имени Ангел, длина которой составляет семьдесят четыре фута, хотя вряд ли сравняются с ней по весу.

Коннор смотрит, как два меча исчезают в дальнем конце бассейна. Изучив их манеру плавать, парень теперь точно знает, где и когда две хищницы снова пересекут аквариум, прежде чем подплыть к окну. Приготовив лазерную указку, Коннор пихает в бок Чессу. Она наклоняется вперед, заслонив лазерную указку от руководителя молодежной группы, сердце девушки начинает тревожно биться, когда вдалеке появляются сперва Лиззи, а за ней Белль. Акулы плывут зигзагом вдоль дна в центре бассейна, на расстоянии девяносто футов от панорамного окна.

Коннор активирует указку, направив тонкий желто-зеленый луч мощностью 300 милливатт через панорамное окно прямо в глубь аквариума. Луч света ударяет в левую ноздрю Белль, не причинив ей особого вреда, и она спокойно продолжает плыть. Затем яркий лазерный луч пронзает ей чувствительный левый глаз и, повредив сетчатку, возбуждает все хищные рефлексы нервной системы.

Питера Карлайла, стоящего спиной к бассейну, настораживает скорее не луч лазера, а внезапная реакция публики. Повернувшись, он видит, как Белль отделяется от сестры, меняет курс и, набрав скорость, нацеливается на панорамное окно галереи!

– Боже мой!..

Зрители истошно кричат, оцепенев от ужаса, когда разъяренный гигант весом сорок две тысячи фунтов таранит панорамное окно. Такое впечатление, будто кто-то пытается кувалдой разбить пуленепробиваемое ветровое стекло. В результате чудовищного удара первые три слоя акрила разлетаются вдребезги, а само 150-тонное панорамное окно от воздействия распространяющейся ударной волны едва не вылетает из рамы.

Акриловое стекло дробит хрящи на рыле мегалодона, оглушительная звуковая волна сотрясает океанариум, словно землетрясение силой шесть баллов.

– Спокойствие! Сохраняйте спокойствие! Помещение покидать в порядке очереди! Эй, вы, кончайте толкаться! Охрана, хватайте парня!

Питер Карлайл поворачивается спиной к беснующейся толпе и проводит рукой по акриловому стеклу, кожей чувствуя его реверберации. Поврежденный участок представляет собой двенадцатифутовую воронку в разбитом акриле с расходящимися трещинами, паутиной покрывающими окно галереи.

В стекле застрял вошедший на дюйм пятидюймовый нижний зуб, с корня которого свисает полоска розовой ткани десны.

Панорамное окно явно не подлежит восстановлению, хотя и не пробито насквозь. Единственное, что спасает нижний уровень Океанографического института Танаки от затопления 60 миллионами галлонов морской воды, – хлипкий четырехдюймовый слой акрила.

Когда последний зритель наконец покидает галерею, Питер остается там с двумя охранниками.

– Задрать все двери. Галерея официально закрыта... Навсегда.

Западная часть Тихого океана

227 морских миль от Гуама

Транспортный самолет Ан-124 «Руслан» разработки ОКБ им. О. К. Антонова парит на высоте 42 000 футов над Тихим океаном. Бушующие над океаном грозы раскачивают тяжелый транспортник.

Дэвид Тейлор, который сидит, пристегнувшись, на одном из 88 мест, прямо за открытой дверью кабины пилота, чувствует, что его начинает укачивать.

– Здорово трясет. Лично я рассчитывал, что мы полетим на роскошном частном джете принца, а не на этой арабской версии «Гэлэкси С-5».

– На самом деле русской версии, – поправляет Дэвида Монти, который как ни в чем не бывало продолжает лакомиться орехами из пакетика. – И этот гораздо больше. Подарок шейху. Кстати, о шейхах. А ты знал, что в древней Англии простолюдин не мог заниматься сексом или заделать ребенка без согласия короля? А получив такое согласие, он должен был повесить на дверь табличку «Сожительство с уведомлением короля». Понятно? С. У. К. А. Теперь ты знаешь, откуда пошло это существительное.

– Лично я предпочел бы использовать его как междометие. Где ты набрался всей этой тривиальной фигни?

– Это вовсе не тривиальная фигня, а викторина «Тривиадор». До армии я был спец в этом деле. Соревновался в старших классах и

колледже. Меня никто не мог переплюнуть. И даже теперь, когда у меня мозги всмятку, это откуда-то вылезает. Словно ураган.

– Типа того, который в данный момент швыряет нас то туда, то сюда? – Дэвид сжимает подлокотники, когда самолет проваливается в воздушную яму и снова выныривает.

– А ты знал, что ураган за десять минут выбрасывает столько энергии, сколько содержится во всем ядерном оружии мира? С Матерью-Природой не стоит шутить! Если дело дойдет до гонки вооружений, эта сука уложит нас на обе лопатки.

– Класс! Я, пожалуй, пойду пройдуся, а не то прямо сейчас блевану.

Монти расстегивает ремень безопасности и идет следом за Дэвидом в огромный грузовой отсек.

– Занятно. Тут я чувствую себя как рыба в воде, а вот на глубине...

– А что это за хрень? – Дэвид сразу становится ниже ростом на фоне десятка грузовых контейнеров с надписями на арабском.

Монти читает наклейки:

– Китовое мясо... Три тысячи сто пятьдесят килограммов. Примерно семь тысяч фунтов. Плюс семнадцать баррелей внутренностей. Все заморожено. Или это приманка, или бин Рашиди собирается кормить свой экипаж самыми погаными суши, какие мне только доводилось видеть.

– На кого, черт возьми, мы охотимся?

– Мы? Что значит это твое «мы»? Сам заварил эту кашу, сам и расхлебывай.

– Тогда объясни еще раз, а ты-то зачем за мной увязался?

– Я твоя совесть, Пиноккио. Я тот парень, которому придется звонить твоему отцу, когда вы с Принцессой Кайли не сможете выплыть на поверхность. «Привет, доктор Тейлор. Вы меня не знаете, но я когда-то жил с вашим сыном в одном трейлере... Да, сэр... Чудный мальчик... Хорошая голова на плечах. Вот только жаль, что ему не хватило ума не лезть куда не следует. У него была отличная работа в Дубае, но он почему-то решил, что должен вырвать Принцессу Кайли из когтей плохого наследного принца и его злобного дракона, которого ваш сын собирался поймать для океанариума Дубая... пока они сами его не съели».

– Да неужели? А ты разве не в курсе, что для командного игрока не существует слова «я»?!

Дэвид возвращается на место, оставив Монти смеяться в одиночестве.

Глава 24

Филиппинское море

Западная часть Тихого океана

Тяжелый военно-транспортный вертолет «Боинг СН-47 Чинук» сбавляет скорость до шестидесяти узлов, когда на горизонте показываются два экспедиционных судна.

Судно, что побольше, – супертанкер типа «Malacca-max», с достаточно малой осадкой, позволяющей проходить по Малаккскому проливу, самому удобному морскому пути из Персидского залива в Азию. Корпус переоборудованного японского супертанкера, получившего новое название «Тонга», темно-красный ниже ватерлинии и серый с красным – выше. Это плавучий стальной остров длиной 1100 футов, шириной 196 футов, водоизмещением 300 000 тонн. На плоской открытой палубе спокойно можно разместить три футбольных поля, кормовая надстройка высотой с двенадцатиэтажный дом. Несмотря на десятифутовую волну, судно, не шелохнувшись, прочно сидит в воде.

Второе экспедиционное судно «Дубайленд I» теряется на фоне супертанкера. «Дубайленд I» – это точно такое же судно, что и 280-тонный рыболовецкий траулер, на котором Дэвид работал несколькими неделями ранее. Маневрируя туда-сюда в районе левого борта «Тонги», траулер использует супертанкер в качестве защиты от волн, чтобы смягчить натиск недружелюбного моря.

«Чинук» приземляется, спаренные винты вертолета, прокладывают ему дорогу сквозь шторм. Зависнув над палубой «Тонги», вертолет спускает на лебедке груз: первый из дюжины контейнеров, которые нужно перевезти с транспортного самолета наследного принца. Сталь ударяется о сталь, создавая электрический разряд, от которого команда танкера бросается врассыпную. Успокоившись, члены экипажа принимают высвобождать контейнер, после чего вертолет приземляется на корме.

Дэвид и Монти, с вещевыми мешками в руках, покидают воздушное судно. Вертолет резко взлетает, взяв курс на базу ВВС в Гуаме, где его ждет предназначенный для транспортировки груз.

Холодный косой дождь бьет прямо в лицо, одежда моментально становится мокрой. Дэвид машет рукой бригаде азиатов, облепивших контейнер, но его приветственный жест остается без ответа.

– И куда теперь? – кричит он, пытаясь перекричать ветер.

Монти показывает на корму.

Сгибаясь под порывами штормового ветра, они спешат к кормовой надстройке.

Их встречает американец лет сорока с редющей каштановой шевелюрой на шишковатой голове, что компенсируется переизбытком волос на шее, спине и руках.

– Господа, добро пожаловать на борт «Тонги», – говорит он с нью-йоркским акцентом. – Мы вас ждали. Ник Като, вахтенный офицер. Похоже, с Гуама на нас надвигается непогода, да?

Дэвид кивает:

– А я-то, дурак, считал, что это просто нелетная погода.

– Нас здорово потрепал тайфун, ну а то, что мы имеем сейчас, можно смело назвать невинной прогулкой по озеру. Я попрошу капитана позволить вам переждать шторм на борту «Тонги». Чтобы вы смогли привыкнуть к качке. Остальные пилоты подводных аппаратов уже на борту траулера.

Дэвид выглядывает из иллюминатора. Интересно, Кайли сейчас на борту траулера или уже на глубине нескольких миль от поверхности бушующего океана?

Они поднимаются вслед за Ником Като на пять пролетов вверх по винтовому трапу. Кругом сплошь панорамные окна и стальная обшивка. По всему периметру ходовой рубки расположены ультрасовременные стойки с компьютеризированными приборными панелями.

На командирском месте, с кружкой горячего кофе, сидит капитан судна Тимон Сингх, в жилах которого пятьдесят процентов индийской крови и пятьдесят британской.

Ростом он чуть меньше шести футов, но крепко сбитый и плотный, как игрок в регби, с короткими темными волосами, оттеняющими

бронзовую кожу, кустистыми бровями и большим орлиным носом. На капитане штаны цвета хаки и кожаная куртка.

Тимон Сингх со скучающим выражением лица смотрит на Дэвида и, не вынимая свисающей из уголка рта пожеванной зубочистки, произносит с ярко выраженным британским акцентом:

– Значит, ты и есть тот хваленый пилот подводных аппаратов, которого мы все ждем?

– Дэвид Тейлор. – Дэвид протягивает руку, но капитан демонстративно ее игнорирует.

– Приходилось бывать на борту супертанкера?

– Нет. Должно быть, его жутко сложно вести.

– Вести? – Капитан Сингх презрительно фыркает. – Тут всем управляют компьютеры. Мы только прокладываем курс и задаем нужную скорость с учетом погодных условий на море. Нам требуется два часа, чтобы достичь крейсерской скорости шестнадцать узлов. Если хочешь повернуть, то планируешь это за несколько часов. Ну а если хочешь остановиться, то впереди должно быть не меньше пяти километров водного пространства, возможно, вдвое меньше, поскольку мы только что загрузили балласт.

– И что за балласт?

– А ты кто такой?

– Джейсон Монтгомери, по совместительству пилот, а так в основном мойщик посуды. Так какой балласт вы везете?

– Морскую воду. Арабы заставили япошек простерилизовать трюмы и разделить их резиновыми барьерами на отдельные резервуары с соленой водой. Причем каждый резервуар оснащен средствами контроля за соленостью и температурой. И все это для кучки морских животных, которые пока только в проекте.

– Не совсем так, капитан. – На капитанском мостике появляется низенький усатый филиппинец, одетый в желтый непромокаемый плащ. – Ричард Хибшман, морской биолог. Вашингтонский университет. Руковожу разделочным цехом.

– Разделочным цехом?

– Лабораторией. Но разделочный цех более точное название. Моя работа – анализировать содержание желудка выловленных из этих глубин умерших особей в надежде получить ключ к разгадке, кто там

еще может скрываться. И наш капитан ошибается: в прошлом месяце японцы поймали дунклеостея...

– ...который был тотчас же отправлен в Дубай, – выплюнув зубочистку, перебивает его капитан. Единственными рыбами, которые попали на борт, были эти громадные лучепёрые, но и они буквально через пару часов окочурились.

– Лучепёрые?

– Рыба Лидса. Лидсихтис. Гигантские фильтраторы размером с синего кита. Мы поймали уже четыре таких, последнюю не далее как сегодня рано утром. Она продержалась почти двенадцать часов, вдвое дольше других. Что обнадеживает. Я собираюсь делать вскрытие. Хотите присоединиться?

– С удовольствием!

– Я пас, – машет руками Монти. – Капитан, на вашем дрейфующем континенте найдется какое-нибудь тихое местечко, где человеку можно отдохнуть за банкой холодного «Хейнекена»?

– Мистер Като, отведите нашего друга в комнату отдыха и проследите за тем, чтобы он хорошенько наклюкался.

– Есть, сэр.

Дэвид спускается следом за филиппинцем по трапу кормовой надстройки на два уровня ниже основной палубы.

– Рад видеть тебя на борту, Дэвид. Я большой поклонник Океанографического института Танаки. Я даже приезжал посмотреть несколько ваших шоу, когда вы снова открылись. Здесь, на борту танкера, мне и поговорить-то особо не с кем. Вахтенные офицеры держатся особняком. Ну а остальные члены команды – японцы, а я не знаю их языка. – Ричард открывает водонепроницаемую дверь. – Нам сюда.

Они входят в машинное отделение, Дэвида встречает оглушительный шум и облака пара. Ричард ведет его через лабиринт тяжелого машинного оборудования к двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен» на английском и японском.

– Ну как, готов?

Дэвид кивает.

Дверь открывается, выпустив в коридор волну холодного соленого воздуха. Дэвид следует за ученым по узким мосткам, ведущим

прямоком в недра судна. Огромное пространство, изначально предназначенное для хранения трех миллионов баррелей сырой нефти, разделено на пять больших садков с примитивной системой фильтрации, расположенных на четыре этажа ниже основной палубы. К садкам можно спуститься по винтовому трапу, который тянется к перфорированной стальной палубе.

– Интересующие нас виды в садке номер четыре.

Ричард ведет Дэвида к следующему трапу. Они спускаются на два этажа вниз, на палубу садка номер четыре: толстую решетку, занимающую более одной трети площади отсека в восемьсот квадратных футов. К барабанам, установленным вдоль нижней части основной палубы высоко над головой, прикреплены стальные тросы, которые свисают с потолка и исчезают под водой. Ричард открывает пульт управления, расположенный на вертикальной опорной балке, и нажимает на какую-то кнопку.

Наматывающиеся тросы начинают тянуть из воды грузовую сеть с огромной рыбой.

Мертвый лидсиктис медленно поднимается головой вниз. Серповидный хвостовой плавник в серо-коричневых пятнах безжизненно падает набок.

Сорок футов... пятьдесят... и это еще явно не конец. И вот появляются огромные, похожие на ласты грудные плавники и голова, как у морского окуня, размером с мусоровоз. Мокрая сеть с гигантом длиной восемьдесят семь футов раскачивается над палубой.

– Береги ноги! – Ричард нажимает на другую кнопку, и палуба, на которой они стоят, выкатывается вперед, меняя положение палубы садка номер пять так, что она практически полностью накрывает садок номер четыре.

– Так нам будет где развернуться.

Доктор Хибшман опускает намотанные на барабан тросы, грузовая сеть раскрывается, вывалив мертвую рыбу Лидса на перфорированный стальной настил.

– Все верно. Лид-сик-тис. Она воняет. – (И действительно, от рыбы исходит такая невыносимая вонь, что Дэвид поспешно прикрывает рот рукой.) – Нам понадобятся респираторы и инструменты. А еще непромокаемые плащи и резиновые сапоги. Иди за мной.

Дэвид проходит вслед за доктором Хибпшманом уже по другому помосту в разделочный цех. Это обычная общая душевая комната, переделанная под лабораторию. На кафельном полу установлены два стальных стола. В стоящих в ряд шкафчиках лежат различные режущие и другие инструменты, резиновые передники и спецодежда.

Десять минут спустя, надев непромокаемый плащ, сапоги, перчатки и респиратор, Дэвид с помощью бензопилы начинает вскрытие пятидесятитонной костистой рыбы.

Они заканчивают вскрытие только после семи часов вечера. Два часа напряженной работы – и вот они уже практически пробились в желудок размером с лимузин. Ричард зажимает тонкий кишечник семнадцатидюймовым зажимом, чтобы предотвратить попадание остатков непереваренной пищи в брюшную полость. Затем повторяет ту же процедуру с толстым кишечником, после чего с помощью кишечных ножниц вскрывает гигантский желудок.

Из места разреза фонтаном бьет гнилостная коричневая жижа: концентрированный органический суп сливается через отверстия в стальной палубе. Поправив респиратор, доктор Хибпшман, к немалому удивлению своего молодого помощника, залезает в слизистую оболочку желудка, фильтруя пятифутовый орган собственным телом:

– Креветка... медуза... немного планктона... впрочем, как всегда. Высокая концентрация сероводорода и метана, поступающих в результате холодного просачивания под Филиппинской плитой. Очень странно... Что-то небогато для рыбины длиной восемьдесят пять футов. Погоди-ка... А это что еще такое? Похоже на...

Неожиданно голова доктора Хибпшмана исчезает, его тело полностью затягивает в коричневую жижу!

И когда из полости живота появляется отчаянно дергающаяся рука в резиновой перчатке, Дэвид понимает, что дело плохо. Он хватается за руку и рывком вытягивает его из вспоротой полости, а вместе с ним... и семифутовую акулу весом 225 фунтов, впившуюся челюстями в живот несчастного доктора.

– А-а-а! А-а-а! Уберите это от меня! – Из рта доктора фонтаном бьет кровь, заливая респиратор.

Дэвид хватается за доктора и оттаскивает от чудовищной акулы. Монстр по-прежнему сжимает внутренности Ричарда, прижав их

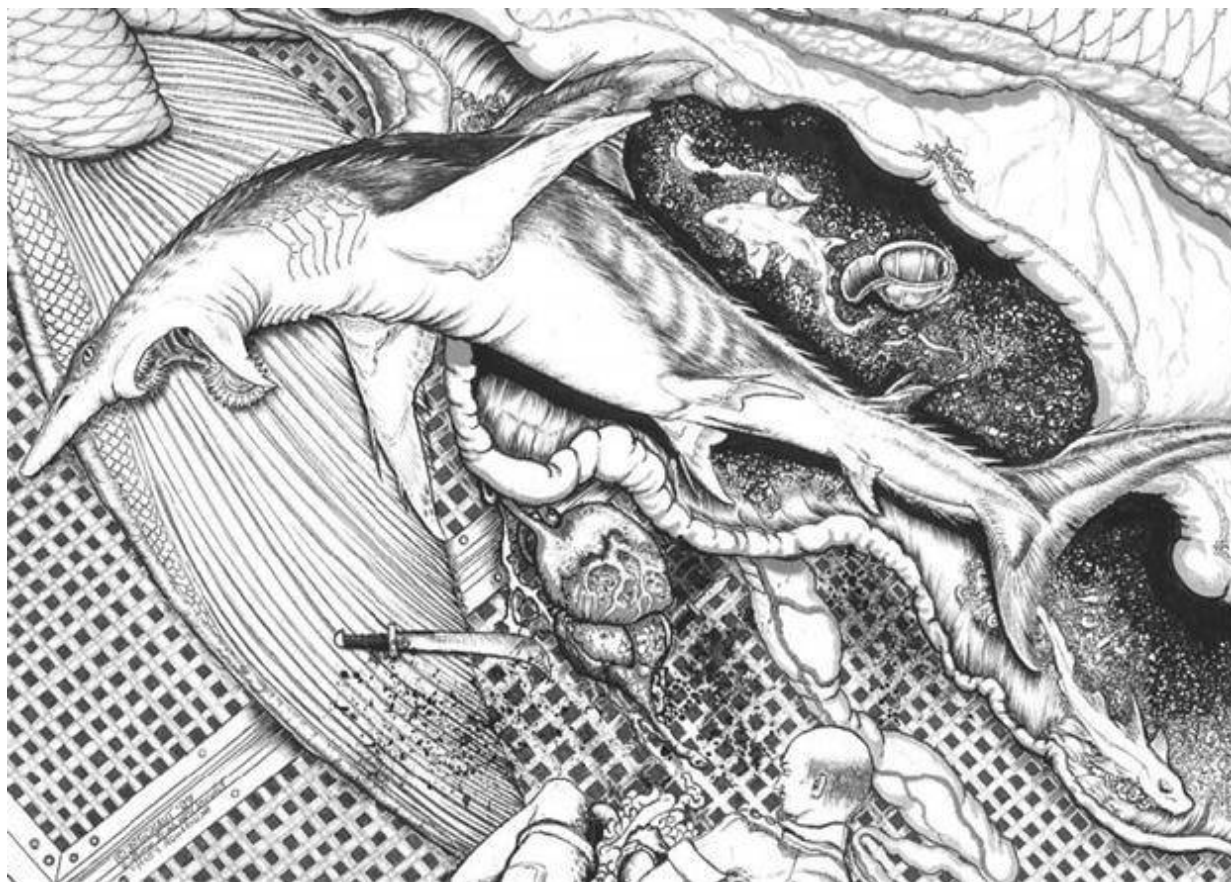
верхней челюстью к весьма необычной нижней: спиралевидной формы и снабженной изогнутыми зубами наподобие зубьев циркулярной пилы.

Первобытная акула бьется и мечется среди коричневой жижи. Примитивные жаберные щели трепещут от нехватки воздуха. В конце концов акула отпускает доктора Хибпшмана. Из открытой раны в животе выпадают кишки, выпотрошенный доктор истекает кровью прямо на палубе.

Дэвид, дрожа всем телом, хватается доисторическое животное за хвост, тащит по металлической палубе и сталкивает прямо в садок. Древняя акула падает с высоты двадцать футов в бассейн с морской водой и исчезает в глубине.

С отчаянно бьющимся сердцем Дэвид опускается на колени возле умирающего доктора и, осторожно поддерживая его голову, снимает с него респиратор.

Ричард Хибпшман смотрит на Дэвида, открывает рот, желая что-то сказать, но захлебывается собственной кровью. Буквально секунду спустя глаза Ричарда стекленеют и его душа отлетает.

Глубоко дыша, чтобы справиться с шоком, Дэвид откидывается на стальную опорную балку. Остроконечный спинной плавник разрезает поверхность бассейна. Это древняя акула геликоприон пожирает коричневую жижу и кровь, стекающие через отверстия в стальной палубе прямо в садок номер четыре.

На борту «Дубайленд I»

Филиппинское море

Ибрахим аль-Хашими входит в каюту капитана и с дрожью в голосе сообщает новости Фейсалу бин Рашиди:

– Останки биолога, согласно приказу, помещены в холодильную камеру.

– Он меня больше не интересует. Расскажи об акуле!

– Акула... Это просто невероятно. Самка геликоприона, причем в прекрасной форме.

– Но как она там оказалась? Ты вроде говорил мне, что эти рыбы Лидса – фильтраторы.

– Так и есть, сэр. Я закончил вскрытие лидсихтиса. Похоже, рыба недавно потеряла фильтрующие пластины, расположенные в глотке. Это происходит каждый год. Таким образом, при отсутствии фильтрующего органа произошло случайное заглатывание акулы, что, в свою очередь, привело к гибели лидсихтиса от удушья. Что до геликоприона, то его поимка – большая удача, хотя акула и вырастет максимум до десяти футов. Нижняя челюсть содержит более ста семидесяти острых как бритва зубов, расположенных по спирали. Этот вид датируется концом юрского периода, более ста пятидесяти миллионов лет назад. В журнале Марена геликоприон не упоминается, поэтому я даже представить себе не мог, что мы можем найти нечто подобное.

– А как насчет видов, описанных Мареном? Когда мы сможем их хотя бы найти, не говоря уже о том, чтобы поймать? Хашими, я начинаю терять терпение. И мой кузен тоже!

– Сэр, мы их непременно найдем...

– Но не сегодня. – В каюту входит Брайан Сьютс, одетый в заляпанные рабочие брюки и прорезиненную робу. Он снимает мокрую робу, вешает на крючок, плюхается в мягкое кресло. – Мои команды поднимаются на поверхность. Никаких потерь. Никакого улова.

Директор океанариума кожей чувствует, что бин Рашиди в ярости.

– А на какую глубину океана Панталасса они сегодня погрузились?

– Команда «Бета» совершила погружение почти на милю, после чего пилот сломался. Отчасти из-за этой приманки в воде.

– Тогда уберите приманку! Найдите выход получше! – Бин Рашиди распаляется все сильнее, сросшаяся бровь лезет вверх, точно длинный червяк. – А как насчет Тейлора?

– Он из тех, кто любит отвечать на брошенный им вызов. Предоставьте это мне. – Брайан достает из маленького холодильника пиво. – Я слышал о Ричарде. Невероятно! Кто-нибудь уже связался с его семьей?

– Чисто формально он числился в твоём экипаже, – заявляет бин Рашиди. – Вот ты этим и занимайся.

– Есть, сэр. Надо же! А этому малышу хватило сообразительности спасти акулу. Как он сейчас?

– Спит в лазарете на борту «Тонги», – отвечает Ибрахим аль-Хашими. – Нам нужно поговорить о геликоприоне. Кто получит приз за его поимку? Чисто формально рыбу Лидса поймала команда «Дельта». Они будут настаивать на получении лишних очков.

– Нет! – отрезает бин Рашиди. – Особь, которую поймала команда «Дельта», подохла. Так что запишите улов на счет Тейлора. И пусть перебирается к нам на траулер. Я хочу сегодня вечером с ним поговорить.

Темно-оливковый океан едва различим при режиме ночного видения. Дэвид чувствует, как море всей своей тяжестью сдавливает тонкий корпус беспомощного подводного аппарата. Слышит, как сгибаются крылья под воздействием чудовищного давления. Невидимые тиски сжимают акрил, заставляя его протяжно стонать.

Где-то вдалеке кружит длинная тень. Привлеченная нарушением электрического поля, она медленно приближается. Через стекло бездушные глаза существа мерцают зеленым светом, черный зрачок устремлен прямо на него...

– А-а-а! – Дэвид рывком садится на кровати, в помещении царит полутьма.

И только через несколько томительных секунд к Дэвиду возвращается память.

Танкер. Лазарет. Он откидывается на подушку, восстанавливая цепь событий. *Не стоило в это ввязываться...*

Кто-то включает верхний свет. Ник Като предлагает Дэвиду бутылку воды:

– Ну как, тебе уже лучше?

– Ага.

– Шторм немного стих. Экипажи подводных аппаратов возвращаются на базу. Капитан говорит, тебя ждут на борту траулера.

Восковая убывающая луна озаряет нагромождение облаков над головой, на палубе прохладно, но вполне комфортно. Дэвид перегибается через леер левого борта. Внизу, в тридцати футах от палубы танкера, маневрирует «Дубайленд I», его экипаж устанавливает вдоль правого борта толстые резиновые шины грузовиков, чтобы не повредить металлические обшивки судов.

Ник Като спускает веревочную лестницу с леера танкера:

– Это единственный способ спуститься вниз. Если, конечно, ты не прочь искупаться.

– Нет уж, спасибо. Я пас.

Дэвид перекидывает левую ногу через леер, балансируя на планшире, после чего перекидывает правую ногу и начинает осторожно, перекладывая за перекладкой, спускаться по качающейся лестнице. Достигнув нижней перекладки, он ступает на резиновую шину, откуда его втягивает на борт траулера немолодой мужчина в толстом спортивном костюме.

– Добро пожаловать на борт, крутыш!

Дэвид роется в памяти, пытаясь вспомнить имя бывшего контрабандиста:

– Рик? Как поживаешь?

Рик Мейджерс в сердцах сплевывает:

– Словно пасу стаю белок. Кучка трусливых пилотов, у которых кишка тонка обследовать дно. Малыш, возьми меня с собой вниз. Мы

покажем им класс.

Дэвид смотрит на корму траулера. Под лучами мощных прожекторов из моря вытягивают грузовую сеть с чем-то тяжелым внутри, затем тащат груз по кормовому слипу. Траловые лебедки выбирают сеть, в которой оказывается «Морской дьявол».

Люк кабины открыт. Коренастая женщина лет тридцати пяти неуклюже вылезает из кресла пилота и тотчас же устраивает разнос кому-то из экипажа.

С кресла второго пилота поднимается гидроакустик, облаченный в куртку с капюшоном. Гидроакустик снимает капюшон, и Дэвид видит копну длинных темных волос.

Кайли...

С тяжело бьющимся сердцем Дэвид машет ей рукой. Пилот подводного аппарата Дебби Юмел, первой заметив Дэвида, показывает на него пальцем. Кайли обращает взгляд на своего любовника, однако лицо ее остается непроницаемым. Оставив подводный аппарат, она спешит по верхней палубе навстречу Дэвиду.

Дэвид поджидает девушку за большой траловой лебедкой. Кайли идет, низко опустив голову. Молодой Тейлор уже сотни раз мысленно представлял их воссоединение, но теперь ее понурый вид сбивает его с толку.

– Дэвид, тебе тут не место.

– Мне тут не место? Похоже, у меня явно не в порядке с головой. Ведь если мне не изменяет память, ты сама уговаривала меня присоединиться к тебе.

Рик Мейджерс подбирается поближе, чтобы подслушать их разговор.

Кайли меряет его недовольным взглядом:

– Рик, мы тебе не мешаем?

– Черт! Нет, совсем не мешаете.

Кайли сердито выкатывает на него глаза и, схватив Дэвида под руку, тащит его за собой:

– Пошли!

Она ведет Дэвида к порталным рамам, а затем по алюминиевому трапу на среднюю палубу. Дэвид следует за Кайли по узкому коридору мимо кают-компаний, после чего они, свернув направо, оказываются в коротком коридорчике с каютами с обеих сторон.

Открыв ключом каюту номер пять, Кайли пропускает Дэвида вперед. Кюта совсем крохотная. Две койки, две тумбочки и отдельная ванная комната. По стенам развешено женское нижнее белье, которое занимает каждый квадратный дюйм свободного пространства.

– Миленькая каюта. Полагаю, твоя соседка поладит с Монти.

– Дебби замужем. И на борту нет прачечной, так что приходится приспособливаться.

– Кайли, все эти две недели я думал только о тебе. И мне казалось, ты обрадуешься нашей встрече.

– Так оно и есть. Но здесь тебе не Дубай, и у меня сейчас голова занята совсем другим. Я работаю.

– А разве мое присутствие на борту этому как-то мешает?

– Нет. Хотя да. Возможно, чуть-чуть. Это примерно то же самое, как если бы твоя девушка неожиданно заявила к тебе в летний футбольный лагерь. Да, ты хочешь быть с ней, но сейчас тебе нужно сосредоточиться на другом. Твое присутствие нарушает динамику нашей группы.

– Насколько мне известно, твоя группа оказалась не слишком-то динамичной.

– Да, нам предстоит преодолеть массу препятствий, но мы с каждым днем совершенствуемся. Поскольку никакие тренировки не могут подготовить тебя к работе в полевых условиях. Дэвид Шифман уволился уже после первого погружения. Похоже, вычеркнул этот пункт из списка вещей, которые хотел сделать. Ну а Питер, тот парень-инвалид, покинул нас на прошлой неделе. Слишком тяжело передвигаться в инвалидном кресле по траулеру. Питер был нашим лучшим оператором сонара, и после этого всех перетасовали.

– Ведь я теперь здесь. Быть может, я смогу вам помочь?

– Быть может. Самая большая проблема – экстремальная глубина и то, что мы ничего толком не знаем о Панталассе. Они так называют подземное море.

– Погоди-ка... Тут что, есть подземное море?

– Я думала, ты знаешь. Не сомневаюсь, что они тебя проинструктируют, раз уж ты здесь. Оно расположено под котловиной Паресе-Вела. Нам сказали, площадь этого моря пять тысяч квадратных миль. И мы каким-то образом должны исследовать его, спускаясь через одно-единственное окно. Бин Рашиди постоянно на взводе. А у нас

даже нет карт, чтобы ориентироваться. Есть только большая дыра в морском ложе, через которую мы попадаем в огромный океан черной воды, расположенный под вызывающим клаустрофобию каменным потолком, и потолок этот напрочь лишает тебя присутствия духа. Наша цель – обследовать Панталассу на предмет наличия жизненных форм. «Морские дьяволы», в сущности, служат приманкой. Если мы находим какое-то существо, наша задача – выманить его из дыры, на выходе из которой нас уже ждет японский подводный аппарат с сетями наготове. Но проблема в том, что все мы до ужаса боимся слишком далеко удаляться от входа в Панталассу.

– И о какой глубине идет речь?

– Входное отверстие расположено на глубине восемь тысяч семьсот двадцать шесть футов. Оно находится в плите из вулканической породы толщиной сто двадцать пять футов, под которой и лежит Панталасса.

– А каково расстояние до дна Панталассы?

– По данным сонара, глубина подземного моря составляет тридцать одну тысячу пятьсот футов. Но никто из нас не рискнул погрузиться глубже четырнадцати тысяч футов.

– А кто поймал дунка?

– Японцы. Они опустили в дыру приманку, после чего несколько недель держали ее у самого дна, пока мимо не проплыл дунк. Ну а потом они битых шесть часов выманивали рыбу наружу. Кстати, ты ее видел?

– Это что-то невероятное.

– Я слышала о том, что случилось на борту танкера. Хотя и не знала того парня из лаборатории. Они стараются, чтобы мы, пилоты, держались подальше от танкера. Его смерть... Просто ужасно!

– Акула, напавшая на покойного, была до того жуткой, что страшнее некуда.

– Ты знал, что это мы поймали рыбу Лидса? Мы с Дебби приманили ее прошлой ночью. Это наш первый улов. Если бы она выжила, то мы получили бы бонус сто штук.

– Потрясающий улов! Рыбина величиной с кита!

Внезапно раздается стук в дверь, в каюту входит Дебби Юмел:

– Ребята, простите, что прерываю. Дэвида ждут в капитанской каюте.

Брайан Сьютс приветствует Дэвида, как старого друга:

– Дэвид! Ну наконец-то мы тебя залучили! Входи. С мистером бин Рашиди ты уже встречался. А ты знаком с доктором аль-Хашими? Он директор океанариума.

– Привет. – Пожав протянутую ему руку, Дэвид поворачивается к миниатюрной брюнетке лет тридцати, сидящей рядом с бин Рашиди. – Дэвид Тейлор.

– Да, я в курсе.

Брайан представляет незнакомку:

– Элисон Петруччи, бывшая коллега доктора Марена. Тебе знакомо такое имя?

– Ага. Тот самый придурок, который пытался убить моего отца.

Элисон вымученно улыбается, но ее глаза мечут молнии.

– На самом деле гениальный придурок. И в результате не Марен убил твоего отца, а твой отец – Марена. Хотя, возможно, Марен получил по заслугам. Он годами пестовал свое раздутое эго. Уверовал в собственную непогрешимость. А как насчет тебя? Ты тоже, как и твой отец, считаешь себя неуязвимым?

Брайан встает между ними:

– Не кипятитесь, ребята. Мы все здесь делаем одно дело. Дэвид, присаживайся. Мне нужно кое-что с тобой обсудить.

Ибрахим аль-Хашими разворачивает и кладет на стол перед Дэвидом батиметрическую карту Филиппинской плиты и котловины Паресе-Вела к юго-востоку от нее с надписями на арабском:

– Пятнадцать лет назад доктор Марен, обнаружив базальты, датируемые ранним меловым периодом, примерно сто пятьдесят миллионов лет назад, предпринял всестороннее исследование котловины Паресе-Вела. И хотя большая часть результатов исследований доктора Марена была уничтожена...

– ...после того, как твой отец потопил его яхту, – уточняет Элисон.

Бин Рашиди больно сжимает запястье Элисон:

– Я не плачу тебе за комментарии.

Элисон судорожно сглатывает, выражение ее лица становится менее воинственным.

Аль-Хашими продолжает:

– Как я уже сказал, большая часть работ доктора Марена пропала. Однако уцелевшие записи в журналах однозначно свидетельствуют о существовании доисторических жизненных форм на глубине двести футов под котловиной Паресе-Вела. И все они обитатели древнего моря, которое в течение сотен миллионов лет остается изолированным от Тихого океана.

Дэвид внимательно изучает карту:

– Вижу дунклеостея. О каких еще видах идет речь?

– Это кронозавр. Талассомедон. Шонизавр, а точнее, *shonisaurus sikanniensis*. Мозазавр. Ну и главный приз – это лиоплевродон.

– А какая там внизу температура воды?

– Шесть градусов по Цельсию. Около сорока двух градусов по Фаренгейту.

– Слишком холодно. Вы ищите не в том месте.

Бин Рашиди останавливает взгляд темно-карих глаз на аль-Хашими:

– Как я и говорил.

– Дэвид, обоснуй свою точку зрения.

– Тепло против холода. Гидротермальные источники против холодных просачиваний. Для Филиппинской плиты характерны как гидротермальные источники, так и холодные просачивания, а это свидетельствует о том, что пищевые цепи в вашем древнем море должны поддерживаться в том числе и за счет них. Рыба предпочитает холодные просачивания. Дунклеостей и лидсихтис – рыбы, впрочем, так же как и геликоприон. *Shonisaurus sikanniensis* – это крупные ихтиозавры, и, полагаю, вы вполне можете их там найти. Но все остальные монстры в свое время были морскими рептилиями, следовательно, для поддержания нормальной температуры тела им требуются более теплые воды.

– Твой отец обнаружил мегалодона в Марианской впадине, где они обитали в теплых водах, подогреваемых гидротермальными источниками.

– Меги – это исключение из общего правила. Этих доисторических акул, конечно, можно считать рыбами, но огромные размеры делают их теплокровными. Итак, как я уже говорил, ищите поля гидротермальных источников, и вы найдете всех остальных живых существ. Конечно, это

легче сказать, чем сделать, если приходится вести поиски в подземном море площадью пять тысяч квадратных миль.

Бин Рашиди, дергая себя за бородку, смотрит на Элисон:

– Скажи ему.

– Есть еще один путь. – Элисон склоняется над картой. – Майкл потратил шестнадцать лет и большую часть семейного состояния на исследование Панталассы. Входное отверстие, которое находится под нами, – всего лишь одно из десятка таких, которые Майкл просверлил, угрохав на это гигантские деньги. Однако обследования большинства отверстий оказались безрезультатными. И все же в трех случаях Майклу удалось обнаружить изобильные пищевые цепи, включая и то отверстие, что прямо под нами. Майкл оборудовал в каждом отверстии маленькие абиссальные лаборатории, которые крепятся ко дну с помощью тросов и груза. Он назвал их «засидками».

– Покажи ему план лаборатории. – Брайан Сьютс передает Элисон тубус, из которого та вынимает несколько чертежей.

– Лаборатория представляет собой сферу весом сорок семь тонн и диаметром примерно тридцать футов, установленную на овальной платформе на четырех ногах. Сфера в принципе обитаемая. Ее титановый корпус способен выдержать давление даже выше, чем в Марианской впадине. Но именно платформа, на которой покоится сфера, придает уникальность дизайну конструкции. Платформа содержит герметичный ангар и функционирует как глубоководный осушаемый док.

Дэвид удивленно поднимает брови:

– А какой именно подводный аппарат использовал Марен?

– Одноместный подводный аппарат, но и один из твоих «Морских дьяволов» без проблем войдет в ангар.

– Погодите-ка! Значит, вы хотите, чтобы я пришвартовал «Морского дьявола» к этому куску металла? На глубине тридцать одна тысяча футов!

– Это абсолютно безопасно, – успокаивает Дэвида Ибрахим аль-Хашими. – Марен довольно часто использовал «засидку».

– Ага, сто лет назад. Этот жестяной шарик наверняка уже успел превратиться в покрытое ракушками ржавое ведро.

– Неправда, – парирует Брайан Сьютс. – Несколько месяцев назад мы послали для осмотра сферы «барракуду» – дистанционно

управляемый аппарат Марена. Корпус совершенно цел. Более того, последние шесть недель мы использовали «барракуду» для очистки ворот ангара от ракушек. Система находится в рабочем состоянии: дистанционно управляемый аппарат смог войти в ангар, пришвартоваться и покинуть ангар. Все прошло без сучка без задоринки.

– Ну тогда зачем я вам нужен?

– Внутри лаборатории находятся составленные Мареном карты Панталассы с координатами других «засидок» – еще двух окон, через которые мы попадем в другие обитаемые районы моря, – отвечает Ибрахим аль-Хашими. – Эта информация бесценна.

– Так сколько стоит ваша бесценная информация?

– Четверть миллиона долларов, – говорит бин Рашиди. – И даже больше, если удастся поймать этих морских монстров. Плюс еще пятьдесят тысяч за поимку геликоприона.

– Геликоприона поймал не я. И вообще, эти деньги следует отправить семье покойного биолога. А что касается погружения, то риск колоссальный. Моя жизнь стоит куда больше, чем какие-то двести пятьдесят тонн.

Брайан Сьютс сворачивает карты:

– Да, риск определенно есть. Но риск просчитанный. Фирма твоего отца разработала «Морских дьяволов» специально для того, чтобы осваивать новые глубины. Ты или доверяешь конструкции аппарата, или нет. Глубоководный док функционирует. И тебе предлагают щедрую плату за то, чтобы ты опустился на глубины, которые твой отец покорял на гораздо менее надежном подводном аппарате.

– Если все так просто, капитан, почему бы вам самому это не сделать? Или у вас кишка тонка?

– Чего у меня нет, крутыш, так это твоего опыта. Ты наш лучший пилот. Но если ты отклонишь предложение, то можешь не сомневаться – я кочевряжиться не стану.

– А что еще интересного есть там внизу, кроме дикого давления, способного взорвать грецкий орех?

За Брайана отвечает Ибрахим аль-Хашими:

– По нашим предположениям, в Панталассе очень бурные течения. У нас возникли проблемы с маневрированием дистанционно

управляемого подводного аппарата на глубине более двадцати двух тысяч футов. Но «Морской дьявол» гораздо тяжелее «барракуды».

– Управлять «Морским дьяволом» при сильном течении – это все равно что запускать воздушного змея во время тропического циклона, – качает головой Дэвид. – Если я все же подпишусь на эту авантюру, мне понадобится хороший второй пилот... кто-то, кто сможет выдержать стресс.

– Питер больше не с нами, – говорит Брайан. – После него Кайли, пожалуй, лучший оператор сонара из всей нашей команды.

– Нет, Кайли не подойдет. Дайте мне этого старого пердуна.

– Рика? Он даже в подметки ей не годится.

– Меня не волнует сонар. Меня волнует лишь то, чтобы мой второй пилот не растерялся на глубине шести миль. Рик когда-то был контрабандистом. Он привык работать в стрессовых условиях. Ну а теперь выкладывайте, какие засады там есть еще. Вряд ли вы станете предлагать хренову кучу денег лишь за борьбу с течениями.

Ибрахим аль-Хашими поворачивается к бин Рашиди, тот кивает.

– Мы подозреваем, что на большой глубине водятся морские существа. Крупные.

– Под «крупными», насколько я понимаю, вы подразумеваете нечто более массивное, чем дунк, так?

– Мы не уверены. Возможно, там водятся рыбы Лидса. Или что-то еще. Мы пробовали приманить их наживкой, но безуспешно. Похоже, они предпочитают есть добычу... живьем.

– Достаточно. – Бин Рашиди наклоняется поближе к Дэвиду. – Мы предлагаем тебе небольшое состояние, чтобы ты совершил погружение, которое еще шесть месяцев назад сделал бы совершенно бесплатно. Тебе сейчас на десять лет меньше, чем было твоему отцу, когда он покорил Марианскую впадину для ВМС. И все же, несмотря на твой юный возраст, у тебя уже больше опыта, чем у него тогда, и более совершенный подводный аппарат. Вопрос только в том, унаследовал ли ты от отца его мужество. – Араб откидывается на спинку стула. – Или блудный сын предпочитает вечно оставаться в тени великого Джонаса Тейлора?

Глава 25

Долина Биг-Сур, Калифорния

Бесконечная ночь. Бесконечные тревоги.

Перед передним бампером «лексуса» мелькает тускло освещенный асфальт. Правая фара всего в нескольких дюймах от стального дорожного ограждения Тихоокеанского прибрежного шоссе. Этот барьер – единственное, что отделяет извилистую двухполосную горную дорогу от обрыва высотой в тысячу футов, нависшего над суровым океаном, который выплескивает свою вечную ярость на каменистый откос.

Джонас, сбавь скорость. Жизнь – слишком ценная штука...

Но он на полной скорости летит вперед, навстречу густому туману, скрывающему желтый дорожный знак.

Джей Ти, сбавь скорость, ты едешь чересчур быстро...

Он видит пролом в ограждении, понимает, что это, должно быть, открытая площадка, предназначенная для того, чтобы направляющиеся на юг туристы могли остановиться и сфотографировать живописный вид на горы Санта-Лючия.

Он слишком резко вписывается в узкий левый поворот, правый передний бампер «лексуса» задевает на скорости семьдесят миль в час дорожное ограждение, вся жизнь проносится у Джонаса перед глазами...

Автомобиль подпрыгивает и взлетает на воздух. Буквально через секунду Джонас уже висит вниз головой. Мир вокруг как-то странно притих, когда шоссе вдруг сменяется обрывом, которого Джонас никогда раньше не видел и никогда больше не увидит, а машина, будто в замедленной съемке, падает навстречу грохочущему прибою и острым камням, грозящим оборвать земное существование Джонаса.

Одна дурацкая ошибка... один фатальный просчет... одна секундная промашка – и вот его жизнь окончена.

Так держать, придурок! На сей раз ты действительно облажался.

Громкий удар разрывает тишину ночи, словно кто-то с силой бьет в медные тарелки...

Джонас открывает глаза. Грудь тяжело вздымается, по лицу текут струйки пота. Каким-то чудом ему удалось выжить в аварии, а значит, сейчас он лежит на больничной койке, изуродованный до неузнаваемости.

В комнате хмурая утренняя полутьма, стоящая вокруг тишина точно насмехается над ним.

Он в собственной постели. Целый и невредимый. Но как?

На него накатывает волна облегчения. *Сон... Это был всего-навсего сон.*

Терри тянет к нему руку:

– Ты в порядке?

Он садится в кровати, голова гудит от эмоционального перенапряжения, в мозгу снова и снова прокручиваются сцены ночного кошмара, образы все еще невероятно живы.

– Мне снилось, что я вот-вот умру, что я умер. Я почувствовал удар. Это было как наяву.

– Ангел?

– Нет. Автомобильная авария, недалеко от нашего дома, на шоссе номер один. Ночью был густой туман. Я ехал слишком быстро. Задел передним бампером дорожное ограждение, машина упала с утеса.

Терри садится рядом с мужем:

– А что еще?

– Когда я падал, то сказал себе: «На сей раз ты действительно облажался». Помню, я слышал свои мысли вслух так же отчетливо, как я сейчас слышу тебя. Что бы это могло значить?

– Джонас, этой ночью ты лег спать, терзаемый заботами о «Загоне для меча». Ты переживал, что галерею затопит раньше, чем мы успеем провести восстановительные работы. И твое подсознание хотело что-то тебе сказать.

– Что я облажался?

– Или что тебя ждет авария за ближайшим поворотом. Может, пора положить конец гонке и выйти из игры.

– Что? Совершить самоубийство?

Терри шутливо хлопает мужа по голове:

– Институт! Может, нам пора уйти на покой. Подальше от всех этих стрессов.

– И чем, по-твоему, мне заняться? Играть в гольф? Ненавижу гольф! Вот как раз от гольфа у меня и возникает самый сильный стресс.

– А у меня от твоих монстров. За двадцать пять лет я сыта ими по горло. И ведь ты обещал, что в один прекрасный день мы отправимся в путешествие. Поедем в круиз до Аляски.

– Так мы ведь запланировали круиз на отпуск. Для этого совершенно необязательно уходить в отставку.

– Твое подсознание говорит тебе совсем другое.

– Может, мне просто нужно проверить тормоза на «лексусе»?

– Ты думаешь, я шучу? Джонас, вчера перед сном я смотрела «Вечернее шоу». Так вот, эти проклятые активисты R. A. W. наняли Лану Вуд в качестве своего представителя.

– А кто такая Лана Вуд?

– Актриса. Давным-давно, когда у тебя еще были каштановые волосы, она играла девушку Бонда. Впрочем, не важно. Так вот, она показала кадры съемки, как «Медуза» отгоняет электрошокерами Лиззи и Белль в тот вечер, когда те атаковали Анжелику.

– Что?! Почему ты мне не сказала?!

– У тебя и так забот по горло.

– Но где, черт возьми, он раздобыли пленку?! Нужно срочно вызвать Томми. – Джонас хватает с прикроватного столика мобильник.

Однако Терри решительно забирает у мужа телефон:

– Джонас, просто послушай меня. У нас отложено достаточно денег, чтобы позаботиться о детях и даже о внуках. Вечное состояние стресса от руководства институтом, ежедневных разборок с R. A. W., проблем с Ангелом... Все это укорачивает нам жизнь, которой и так-то немного осталось. Если в один прекрасный день Господь Бог порадует нас внуками, мне все же хотелось бы насладиться этим чудесным моментом. Чтобы мы оба могли насладиться.

Сбавь скорость. Жизнь – слишком ценная штука...

Джонас прижимает Терри к груди, поглаживая по длинным шелковистым волосам цвета оникса:

– Хорошо, бабуля, скажи, что я, по-твоему, должен сделать.

– Отпустить Ангела на волю?! Мы что, слишком близко подошли к микроволновке или типа того? – Куски непрожеванного сэндвича падают изо рта Мака, сидящего напротив Джонаса в кабинке ресторана.

– В следующий раз говори чуть громче. А то официантка тебя плохо слышит. – Джонас наклоняется вперед и приглушает голос. – Боюсь, все кончено. Даже если мы сумеем починить «Загон для мег», Белль и Лиззи уже вышли из-под контроля. Только представь, что будет через пять лет, когда они достигнут размера Ангела.

– Но освободить Ангела?

– Какое средство, по-твоему, более смертельно: освободить Ангела или пустить ее к сестренкам?

– С тем же успехом можно спросить меня, что мне больше нравится: быть повешенным или застреленным? Ведь в любом случае я все равно покойник.

– Послушай меня внимательно. Мы не собираемся просто взять и открыть ворота в канал, чтобы отпустить Ангела с прощальными подарками. Мы перевезем Ангела на судне в западную часть Тихого океана, после чего, активировав нейроимплантат, отправим ее в глубокие воды. Когда она вернется в Марианскую впадину...

– Ого! Это поистине знаменательный момент, за исключением одной маленькой детали, умник... А что будет, если она там не останется?

– Используем систему GPS, чтобы отслеживать Ангела. И если она поплывет вдоль побережья, предупредим местные власти. Но она не станет этого делать. Мы сможем использовать имплантат, чтобы держать ее подальше от мелководья и путей миграции китов. И если она даже убьет отбившегося от стада серого кита или горбача... Что ж, океан большой.

– А она большая рыба... с большими зубами.

– Мак, а что ты предлагаешь взамен? Если мы будем сидеть сложа руки, то или через день, или через неделю, или через месяц Белль разобьет стекло галереи «Загона для мег» и затопит институт, убив себя и Лиззи, а заодно причинив многомиллионный ущерб.

– Предлагаю другой вариант. Я беру гарпунную пушку и стреляю в нейроимплантат Ангела, и мы предоставляем лагуну в распоряжение сестренок. После того, как наглухо запечатаем канал.

– Да, я уже об этом думал. Но мне не нравится эта идея.

– Представь, что Ангел – это Старый Брехун^[8]. Старый Брехун заболел бешенством и стал угрозой для семьи, поэтому Трэвис взял дробовик – и БАБАХ! Прямо промеж глаз!

– Пару дней назад я ездил навестить Эда Хендрикса в больницу. Я спросил его: как, по его мнению, должны ли мы убить Ангела? И знаешь, что он мне ответил?

– Попробую угадать. Он сказал, мы должны отрезать Ангелу оба грудных плавника, а он их съест.

– Он сказал, что не стоит держать ее взаперти.

– Ух ты, как благородно! Похоже, если человек лишается обеих ног, он становится более духовным. Можешь смело поделиться его сентиментальными взглядами с семьями тех, кого Ангел сожрала в Маккови-Коув несколько лет назад.

– Мак, я не хочу ее убивать.

– А что, если она беременна?

– Я не Господь Бог. Если Природа хочет, чтобы эти существа плодились, то кто я такой, чтобы ей мешать?!

– Я тебе вот что скажу: увези Терри на недельку в отпуск, а когда вы вернетесь назад...

– Мак...

Мак, сдавшись, качает головой:

– Значит, на судне, а?

– Да. И все это останется строго между нами. Кто-то из отдела Стелзера снабжает R. A. W. нашими записями с видеокамер. Последнее, что нам сейчас нужно, – это информировать общественность о нашем маленьком плане.

– Кстати, о плане... И где, интересно, мы возьмем судно, которое сможет выдержать монстра весом пятьдесят одна тонна и длиной семьдесят четыре фута?

На борту «Дубайленда I»

Филиппинское море, западная часть Тихого океана

Гром разрывает серый рассвет, точно шумный сосед сверху. Глухие раскаты эхом разносятся по темной поверхности воды, предвещая очередной шторм, что явно не сулит ничего хорошего экипажам обоих судов.

Дэвид Тейлор лежит на нижней койке каюты, которую прежде занимал Питер Гейер. За всю ночь Дэвид так и не сомкнул глаз, мучительно пытаюсь понять, стоило ли соглашаться на предложение бин Рашиди. Мысленно Дэвид уже репетирует предстоящее погружение. Он представляет спуск вниз по спирали под крутым углом в бездонную тьму, где компасом ему будет служить лишь дистанционно управляемая «барракуда». Даже при наличии такого быстроходного подводного аппарата, как «Морской дьявол», путь до дна преисподней займет почти девяносто минут, причем лишь при стабильных условиях. Когда они достигнут лаборатории Марена, робот послужит триггерным механизмом для осуществления стыковки. После чего начнется самая тяжелая часть операции.

На глубине 31 500 футов давление воды достигает экстремальных 14 000 фунтов на квадратный дюйм. Рыбы не чувствуют давления впадины, поскольку пропускают через себя воду, но все, что имеет заполненные воздухом полости, – будь то человек, или обитаемая станция, или подводный аппарат – моментально взорвется, если корпус окажется недостаточно крепким.

Именно поэтому разработчики глубоководных аппаратов отдавали предпочтение сферической форме, обеспечивающей равномерное распределение давления воды по всей поверхности корпуса. Дэвид твердо верил в разработанный отцом подводный аппарат, поскольку его кабина – спасательная капсула представляла собой акриловый батискаф. А вот что действительно тревожило молодого пилота, так это подводный док. Овальная форма гораздо менее устойчива к внешним воздействиям, нежели круглая. И мысль о том, что подводный док может разрушиться под тяжестью «Морского дьявола», приводила Дэвида в ужас.

Невероятное давление воды. Опасные течения. Ненадежный док. И потенциальная встреча с кошмарными хищниками. Его отец был совершенно прав: это действительно самоубийственная миссия, и Дэвид ни за какие деньги не согласился бы на подобную авантюру, если бы не одно «но»... Он был влюблен.

Ведь, откажись он совершить погружение, его заменил бы капитан Сьютс, который наверняка взял бы с собой Кайли в качестве второго пилота. Спору нет, Сьютс действительно прекрасный командир, но у него слишком мало опыта в пилотировании подводных аппаратов, ведь он в общей сложности провел на борту «Морского дьявола» меньше ста часов. Более того, этот человек тренировался лишь в условиях достаточно мелкого Персидского залива и ни разу не совершал погружения на экстремальные глубины.

Дэвид выбрал в качестве второго пилота Рика Мейджерса исключительно по причине своих чувств к Кайли. Погружение во впадину требует максимальной концентрации, и Дэвид понимал, что явные шероховатости в их отношениях будут его отвлекать. Как любил говорить его крестный Мак: не сри там, где ешь, и не смотри в лицо смерти с напрягшимся членом.

Конечно, можно было пригласить вторым пилотом Сьютса, но Дэвид не раз видел, как brave военные элементарно лажали на больших глубинах. А перспектива вправлять мозги бывшему солдату, растекшемуся из-за клаустрофобии на глубине шести миль, не слишком вдохновляет.

Дэвид смотрит на настенные часы. 6:35.

С тобой или без тебя, но погружение состоится через час. Папа нырял в Марианскую впадину на одноместном «Эбис глайдере». По крайней мере, я буду не один.

А еще отец наткнулся на маму Ангела...

Придурок! Нужно было послушать отца и поехать в футбольный лагерь.

Лежа на койке, Дэвид слышит, как матросы, работающие на верхней палубе у него над головой, отдают швартовы от танкера. Забавно, но японских моряков явно заинтересовала национальность Дэвида. Прошлым вечером они вполголоса обсуждали в кают-компании азиатские черты его лица. Причем некоторые из них отпускали замечания по-японски, наверняка пытаясь проверить, знает ли он их язык.

Однако Дэвид не поддался на провокацию. Ведь у него был хороший учитель: Масао Танака, дед со стороны матери.

Масао Танака изучал искусство стратегии самураев, описанное легендарным японским воином Миямото Мусаси. В 1645 году Мусаси,

живя в пещере в горах на острове Кюсю, написал «Книгу пяти колец». Мастер кэндо закончил рукопись, в которой он описывал школы владения мечом и говорил, каким видом оружия, где и когда нужно пользоваться, за несколько недель до своей кончины. И сотни лет после его смерти книга эта считалась наиболее всеобъемлющим психологическим руководством по искусству стратегии, борьбы и даже ведению бизнеса.

Интересно, а что посоветовал бы мне Мусаси?

Дэвид закрывает глаза, и у него в ушах сразу возникает хриплый голос дедушки, цитирующего великого мастера кэндо. Существует ритм во всей жизни воина, в победах и поражениях, как в гармонии и диссонансе. Существует также ритм Пустоты. Прежде чем вступить в бой, различай выигрыш и потерю в делах мирских, но прозревай невидимое...

Успокоившись, Дэвид открывает глаза.

Двадцать четыре года назад сын Масао Ди Джей ринулся в Пустоту самонадеянно и безрассудно, и Пустота поглотила его. Отец Дэвида уцелел во впадине лишь благодаря тому, что делал благородное дело: спасал свою жену.

Если мои помыслы останутся чисты, при наличии хорошей подготовки я смогу проникнуть в Пустоту и вернуться победителем. А это означает, что я делаю это не ради денег, а ради того, чтобы помешать Кайли совершить погружение.

От этих мыслей его отрывает внезапный стук в дверь. Скотившись с койки, Дэвид идет открывать.

На пороге стоит Кайли:

– Брайан мне все рассказал. Ты что, действительно собираешься совершить погружение?

– Да.

– Тогда ты возьмешь меня вторым пилотом.

– Кайли, я делаю это не ради денег.

– А ради чего тогда? Надеюсь, ты не вздумал изображать из себя мачо, чтобы защитить меня?

– На самом деле я защищаю себя.

– Интересно как? Взяв Рика вторым пилотом? Я спускалась на гораздо большие глубины, чем он. И, даже находясь не в лучшей форме,

я все равно буду на голову выше Рика как гидроакустик. Ему до меня еще расти и расти.

– Кайли, я не могу совершить с тобой погружение... Только не на такую глубину. Мне нельзя отвлекаться. Я должен сконцентрироваться.

– Тебе будет легче сконцентрироваться с опытным вторым пилотом.

– Рик тоже опытный.

– Рик вышел из завязки. Надирается перед каждым погружением. От него разит алкоголем. И вообще, раз я мешаю тебе сконцентрироваться, когда на кону реально высокие ставки, значит наши отношения абсолютно бесперспективны. Если, конечно, ты не хочешь этим сказать мне, что между нами был только секс, и ничего больше.

– Я так не говорил.

– Отлично! Тогда я отправляюсь с тобой. Увидимся на палубе.

Дэвид растерянно смотрит ей вслед, гадая, как бы Миямото Мусаси справился с женщиной.

Неудивительно, что этот парень предпочел жить в пещере.

Сорок минут спустя Дэвид, позавтракав и опорожнив кишечник, появляется на палубе. Над морем поднимается северо-западный ветер порывами до тридцати узлов. Шестифутовые волны раскачивают траулер, и Дэвид, опасаясь вывернуть наружу остатки завтрака, торопится поскорее спустить «Морского дьявола» на воду.

Брайан Сьютс выходит из рулевой рубки, чтобы проводить Дэвида до подводного аппарата:

– Великий день. Ты готов?

– Готовлюсь к погружению. Зачем вы ей сказали?

– Затем что для всех нас очень важно, чтобы миссия прошла успешно. И если бы не ваши романтические отношения, то и вопроса не стояло бы, брать или не брать ее вторым пилотом.

– Быть может, вы ей все рассказали из опасения, что я выберу вас?

В глазах Брайана появились опасные огоньки.

– Послушай меня, спортсмен! Держи в узде свой член, и все будет хорошо.

– И ты тоже послушай, придурок! Надеюсь, твои слова, что подводный док в порядке, соответствуют действительности. Или я

вернусь и все здесь, к такой-то матери, разнесу.

Сьютс отвечает гнусной ухмылкой:

– Значит, ты у нас теперь крутой?

– Нет. Я всего-навсего нахальный студент колледжа, которого наняли совершить погружение, для которого у тебя кишка тонка. Но если я ошибаюсь, можешь заменить меня прямо сейчас. Ну что, слабо?

Брайан дает задний ход:

– Нам нужны эти карты. Ты более опытный пилот, чем я. Это твоё погружение.

– Ага, так я и думал. Болтать – не мешки таскать. Никакого кокоро^[9], никакой силы духа. И не важно, что ждет меня впереди, просто запомни, кто из нас двоих ястреб, а кто фазан... сэр.

Дэвид презрительно смотрит на Брайана в ожидании пари, заранее зная, что пари не будет.

Брайан отводит глаза и кивает:

– Ладно, готовься к погружению.

Мысленно вытирая кровь соперника с невидимого меча, Дэвид поворачивается к Сьютсу спиной и направляется на корму к подводному аппарату, который уже стоит на тележке на кормовом слипе. Кайли, в джинсах и толстовке с капюшоном, ждет в кабине пилота. И пока Дэвид разминает четырехглавые мышцы, подошедший следом Брайан начинает ее инструктировать.

К ним присоединяются другие пилоты. Дебби Юмел наскоро обнимает Дэвида, Маркус Слабин дружески стучается с ним кулаком:

– Чувак, я рад, что это ты, а не я.

Джефф Хок возносит к небу молитву:

– Господь Всемогуций, не оставь своей милостью наших друзей во время погружения и позаботься, чтобы они благополучно вернулись к нам.

– Спасибо, святой отец.

Доктор Джотто вручает Дэвиду коричневый бумажный пакет:

– Сделал собственными руками. Очень полезная вещь.

Открыв пакет, Дэвид вынимает оттуда гибкую пластиковую шестидюймовую трубку, соединенную с бутылкой вместимостью шестнадцать унций с крышкой.

– Это портативный мочеприемник, – подмигивает Джотто. – Надеюсь, размер подойдет.

– Самый большой. Спасибо, док. Реально полезная вещь. А для моего второго пилота вы тоже такое сделали?

– Оно уже на ней. Удачи, малыш.

К Дэвиду, насупившись, подходит Рик Мейджерс:

– У меня для тебя тоже кое-что есть. – Рик показывает средний палец.

– Ага, спасибо большое.

Дэвид, опустившись на палубу, делает серию отжиманий, растяжек для поясницы, четырехглавых мышц, щиколоток, после чего залезает в открытую кабину пилота.

Кайли встречает его улыбкой:

– Может, хочешь немного пробежаться? Я подожду.

– Погружение будет долгим.

– Девяносто шесть минут до лаборатории, если мы не выйдем из графика. – Кайли показывает на новый тумблер, установленный на пульте управления с ее стороны. – Это устройство передает сигнал с антенны аппарата на подводный док, чтобы мы могли активировать ворота в том случае, если потеряем «барракуду».

– Надеюсь, твое устройство сработает. А иначе мы можем просто-напросто застрять в ангаре.

– Я захватила с собой много воды плюс снэки. Как насчет жевательного «Имодиума»?

– Уже прикончил целых три штуки. Мой пищеварительный тракт девственно чист. Сфинктер намертво запечатан. Ну как, детка, готова к погружению?

Кайли капризно надувает губы:

– Сосредоточься на своей работе, и, возможно, тебе повезет... Чуть позже... может быть.

– Я тебя слышал.

Дэвид задраивает люк кабины пилота, ждет, когда загорится зеленая лампочка, после чего показывает большие пальцы команде техников. Четверо человек, привязанных страховкой к траулеру, спускают по слипу тележку с подводным аппаратом прямо в холодные океанские воды.

Волны подхватывают подводный аппарат, обладающий нейтральной плавучестью. Пристегнув ремень безопасности, Дэвид включает спаренные движители, опускает вниз правое крыло, чтобы

погрузиться на небольшую глубину, осторожно обходит гребной винт траулера и ныряет в голубую бездну.

А на глубине сорок футов уже кружит похожий на барракуду пятифутовый дрон в форме торпеды со стальными плавниками. Дистанционное управление необитаемого аппарата, снабженного сонаром и инфракрасным маяком на небольшой видеокамере, осуществляет Брайан Сьютс, который находится в рулевой рубке вместе с Фейсалом бин Рашиди и Ибрахимом аль-Хашими.

Когда «Морской дьявол» приближается, «барракуда», резко нырнув, ведет его в глубины океана.

– Тебе вовсе не обязательно двигаться по спирали, – говорит Кайли. – Просто сохраняй угол погружения шестьдесят градусов. Я скажу тебе, когда нужно будет сменить курс.

– Есть, мэм.

– Небось скучал по мне, да?

– Нет, разве что по нашему сексу.

– Ты врешь.

Дэвид прибавляет скорость. Погружение настолько крутое, что лишь ремни безопасности удерживают его в кресле пилота. Подводный аппарат покидает мезопелагическую зону, голубая бездна становится фиолетовой.

Тысяча футов... Тысяча шестьсот...

Солнечные лучи поглощаются чернеющей серой завесой.

Дэвид смотрит на приборы. Температура воды опустилась до 52 градусов по Фаренгейту, давление быстро перевалило за 720 фунт-силы на квадратный дюйм, увеличиваясь каждые 33 фута на 14,7 фунта на квадратный дюйм.

Черная пустота внезапно оживает тысячью мерцающих огоньков.

Подводный аппарат очутился в другой вселенной – батипелагической зоне, где существует самая обширная экосистема на планете. Обитатели батипелагиали, насчитывающие до десяти миллионов видов, приспособились к жизни в кромешной тьме за счет того, что в ходе эволюции у них появились большие выпуклые глаза, способные улавливать мельчайшие частицы света. Более того, некоторые виды научились самостоятельно продуцировать свет.

Биолюминесценция живых организмов осуществляется за счет химических реакций, в данном случае светоизлучающего биологического пигмента люциферина с его катализатором люциферазой. Используя в качестве кофактора аденозинтрифосфат, люцифераза способствует окислению люциферина, в результате чего происходит биолюминесцентное свечение.

Люминесцентные огоньки, словно светодиодные лампы в командном центре, вспыхивают и гаснут, приветствуя подводный аппарат и двух его пилотов, спускающихся во впадину.

Дэвид включает прожекторы, и его тотчас же ослепляет вихрь морских снежинок: это органические частицы опускаются с мелководья на дно. Он выключает огни, положившись на приборы и режим ночного видения. После чего смотрит на глубиномер, цифры на котором переваливают за отметку в 5300 миль. *Еще одну милю прошли. Осталось пять...*

Крылья «Морского дьявола» трещат под давлением воды 2400 фунтов на квадратный дюйм. Дэвид незаметно вытирает вспотевший лоб:

– Шкура у матери Ангела светилась в темноте. У Ангела поначалу тоже, но с годами свечение ослабло. Должно быть, из-за режима питания. Как думаешь?

– Думаю, что ты нервничаешь. Когда ты в последний раз спускался на подобную глубину?

– В старших классах. Пробрался на подводном аппарате в залив Монтерей, когда родители отдыхали на Гавайях, а сестра развлекалась со своим парнем.

– Скажи мне честно. Что ты будешь делать, если столкнешься в Панталассе с каким-нибудь реально большим светящимся существом?

– Если я столкнусь с чем-то реально большим, значит ты плохо делаешь свое дело.

– Кстати, о деле, нам пора сменить курс. Поверни на два-семь-ноль и уменьши угол погружения до пятидесяти пяти градусов. Примерно через десять минут мы окажемся в паутине.

– А это еще что за хрень?

– Рыболовные сети. В большом количестве. Они заякорены вокруг входа в Панталассу и растянуты с помощью буев под разными углами. Каждая сеть принайтвлена тросом к танкеру. Это очень важно. Так что

не забывай о сетях. Ты можешь попасть во входное отверстие, только следуя курсом два-семь-ноль под углом пятьдесят пять градусов. Если нам придется спасаться бегством из Панталассы, необходимо строго держаться пути отступления, или мы попадем в сети, совсем как тунец.

– А с тобой и Дебби такое случалось?

– В первую же неделю, во время четвертого погружения. Мы кружили на глубине двенадцати тысяч футов, как вдруг в двухстах ярдах позади нас на сонаре появился огромный объект. Я психанула, решив, что это мег, а Дебби от страха едва не врезалась в каменный потолок. В конце концов она все же попала в туннель – так мы называем входное отверстие, – но при подъеме совершенно забыла о сетях. Следующее, что я увидела, – это как нас вытаскивают на поверхность в одной из грузовых сетей. И мы уже ничего не смогли сделать. Нам оставалось только ждать.

– А что за объект был на сонаре?

– Рыба Лидса, как потом оказалось. Безобидная, точно ягненок. Но я ведь тебе говорила, это было мое четвертое погружение. Сейчас я уже научилась справляться с критическими ситуациями. – Кайли показывает куда-то вперед. – Вон там. Видишь красные предупреждающие огни? Это сети. А вот и «барракуда». Следуй за ней. Она приведет нас прямо к входному отверстию.

Кайли включает рацию:

– Спайдермен, прием. Вызывает команда «Дельта».

– Команда «Дельта», это Спайдермен. Мы вас видим. Скажи своему безбашенному пилоту сбавить скорость до пяти узлов, пока ваша волна не запутала наши сети. Мне бы не хотелось вас торпедировать.

– Это ты, Джеймс?

– А кто же еще, моя сладкая?!

– Джеймс Видал, познакомься с Дэвидом Тейлором, моим сегодняшним пилотом. Джеймс – наш наводчик. Дополнительная пара глаз и ушей.

– Последыш. Лучше поздно, чем никогда. Может, мы все же увидим хоть какое-то действие?!

Дэвид поправляет головную гарнитуру:

– Джеймс, ты сейчас где?

– На морском дне. На два часа.

Дэвид включает прожекторы, освещая серо-коричневые контуры грузовых сетей, закрепленных в 150 футах от илистого дна с помощью частично надутых оранжевых плавучих буюв. Прямо над дном завис, едва видимый среди грузовых сетей, принадлежащий JAMSTEC японский батискаф «Синкай-6500», белый с желтыми крыльями. В прямоугольном корпусе двадцатипятитонного подводного аппарата заключена герметичная титановая сфера диаметром шесть с половиной футов. Батискаф оснащен двумя манипуляторами, поворотными двигателями, прожекторами, цифровой видеокамерой и камерами для поккадровой съемки, корзинами для сбора образцов и сонаром переднего обзора.

– Я тебя сфотографировал, Джеймс. Отличный аппарат... Конечно, для тех, кто любит черепах.

– Эй, я просто военный инженер. Работаю на Дядю Сэма с девяносто восьмого года. Сьютс завербовал меня в эту охотничью экспедицию после моей второй командировки в замечательную иракскую провинцию Анбар в составе Третьей пехотной дивизии. И я всегда считал наши «Брэдли»^[10] очень крутыми. С удовольствием махнул бы эти «механические руки» на двадцатимиллиметровую пушку, хотя сомневаюсь, что она мне понадобится. Я уже десять дней здесь торчу, но единственное, что мне пока удалось увидеть, – это косяк тунцов-переростков. Так что живо тащи свою детскую задницу в эту дыру и отлови там несколько реальных монстров. Лишние деньги нам с парнями явно не помешают.

Дэвид, следуя за «барракудой», проводит «Морского дьявола» через лабиринт сетей, и вот наконец в поле его зрения появляется туннель.

Туннель размером с тупик в жилом районе – это бездонная яма в бесплодном плоском морском дне. Ил, засасываемый в черную горловину, отшлифовал каменные края, придав отверстию идеально круглую форму.

– Господь Всемогущий! И как только Марен отыскал эту штуку? Неужто сам ее просверлил?

– Никто не знает. – Кайли переключает головную гарнитуру на сонар. Ее лицо сразу становится серьезным. – Здесь очень сильное нисходящее течение. Иди на малой скорости.

Дэвид приближается к центру туннеля, наружные огни высвечивают слегка зазубренные каменные склоны. Лучи прожекторов практически не разрывают тьму, словно входное отверстие – это черная дыра в пространстве, поглощающая весь свет. Тем временем «Морской дьявол», двигаясь по спирали на скорости пять узлов, начинает погружение в узкий туннель в вулканической породе. Тьма черной пеленой накрывает подводный аппарат. Но вот впереди появляется древняя лакуна – Панталасса.

Глава 26

Панталасса

«Морской дьявол» выныривает из туннеля, зависнув под бескрайней древней плитой, возраст которой составляет более 225 миллионов лет. Органические вещества, вымываемые течениями, оседают на каменном потолке, питая десятки тысяч ползающих по перевернутому морскому дну трилобитов – бесцветных членистоногих, массово собравшихся для кормежки в этой абиссальной Мекке.

Дэвид включает наружные огни подводного аппарата, яркие лучи падают на подземную крышу, освещая выпученные стеклянные глаза крабов и лобстеров, улиток и морских скорпионов с колючими ядовитыми хвостами. Алебастровые экзоскелеты диковинных животных снабжены шипами и длинными тонкими щупальцами. Крупные особи длиной до семи футов переползают через своих более мелких собратьев.

В кабине становится прохладно, температура воды за бортом чуть выше температуры замерзания. Кайли поправляет термостат, затем, наклонившись к Дэвиду, нежно целует его в губы:

– На удачу.

– Следи за временем. Я хочу вернуться на это самое место через два часа. – Нажав на джойстики и педали, Дэвид увеличивает скорость и уходит в крутое пике, отметка глубиномера тотчас же перескакивает через 9000 футов.

Погружение протекает в напряженном молчании, желание шутить пропадает. Кайли через наушники сонара слушает звуки окружающего их моря. Вода кристально-прозрачная и очень холодная, крылья подводного аппарата жалобно стонут, протестуя против усиливающегося давления океана.

Две мили...

Три.

В воде снова появляются частицы. Морской снег. Это со дна в результате холодных просачиваний поднимается содержащая сероводород и метан порода.

Морской снег идет все плотнее, вынуждая Дэвида выключить наружные огни. «Морской дьявол» проходит отметку 20 000 футов, давление воды приближается к 9000 фунтов на квадратный дюйм.

Сфокусируйся... Ты прекрасно справляешься... Все отлично. Старайся не думать о толще океана над головой... Все идет хорошо.

Неожиданный толчок – и сердце начинает тревожно биться. На приборной панели загораются красные огни. Дэвида бросает в холодный пот.

Кайли хватается за руку:

– Что это было?

– Не знаю. – Подводный аппарат дрожит и трясется, турбулентность лишает присутствия духа. Дэвид ослабляет нажим на левую педаль, затем – на правую. – Это правый винт. Похоже, что-то попало на вал. Винт нужно срочно выключить, пока я не потерял управление. – Дэвид сбрасывает скорость, уменьшив угол погружения.

Он смотрит на Кайли, которая, словно оцепенев, впиалась пальцами в сиденье, ее лицо в сиянии светодиодных ламп пепельно-серое, глаза наполнены ужасом.

Вот дерьмо! Она вырубается...

– Кайли! Эй... – Дэвид трясет Кайли за плечо, искусственно стимулируя гипервентиляцию.

– Дэвид, забери меня отсюда! Забери меня отсюда! Дэвид, умоляю!

– Ты в порядке. Просто дыши.

– Не могу! Я не могу дышать! Забери меня отсюда! Давай поднимемся к туннелю! Задержимся там на несколько минут! Только несколько минут!

– Кайли, успокойся! – Пошарив за спинкой кресла, Дэвид находит бутылку воды. – На, выпей. Маленькими глотками. Смочи лицо.

Кайли пытается отвернуть крышку. Неуверенно делает глоток, заливая водой толстовку... Глаза девушки прикованы к глубиномеру, перескочившему через отметку 21 500 футов.

– Боже мой! Боже мой! Еще десять тысяч футов... Ведь это почти две мили! И о чем я только думала?! – Кайли обеими руками хватается за Дэвида, вонзая ногти в его тело. – Дэвид, забери меня! Обратнo! Прямо сейчас! Давай, Дэвид, забери меня... А-а-а-а!

Подводный аппарат делает головокружительный нырок, отпрыгивает в сторону, перекачивается через крыло.

Зажмурившись, Дэвид давит на джойстики, в животе – тошнотворная пустота, винты явно проигрывают схватку с природой, бороться с которой, похоже, бесполезно. Кайли чувствует, как сила тяжести вдавливают ее в спинку кресла, а к горлу подступают рвотные массы. Девушка сидит, зажимая пальцы в край сиденья, паническая атака парализует мозг, лишая способности соображать, время сжимается до двух драгоценных песчинок в песочных часах ее брэнного существования. Она задерживает дыхание в ожидании смерти... в ожидании последнего мига, мига, когда кабина пилота взорвется, а мозговое вещество забрызгает акриловое стекло. И для Кайли тягостное ожидание смертного часа гораздо хуже самой смерти.

Кайли сворачивается калачиком, ее легкие готовы исторгнуть предсмертный крик... но смерть почему-то отступает. Турбулентность так же внезапно, как и возникла, исчезает. Подводный аппарат выравнивается и продолжает плавно идти вперед, словно попав в глаз бури.

Девушка, жадно ловя губами воздух, открывает глаза, ее мозг лихорадочно пытается освободиться от цепких щупальцев липкого страха, остатки здравого смысла подсказывают ей, что подводный аппарат перестал вращаться и она до сих пор жива!

Однако все имеет свою цену. За чувство облегчения приходится платить. Нащупав дрожащими руками коричневый пакет, Кайли наклоняется, и ее рвет, мозговое давление повышается, затем падает, очистительной волной промывая кровеносные сосуды.

Кайли запечатывает пакет и откидывается на спинку кресла пилота, направив вентилятор на потное, бледное лицо.

Дэвид протягивает ей бутылку с водой:

– Ну как, полегчало?

Кайли кивает:

– Что это было?

– Коварное течение. Совсем как река во время разлива. Шириной с полмили, не меньше. Проходящее через весь слой воды. Кошмарный ужас.

– И как...

– Отец научил меня справляться со стремительными течениями. Если тебя закрутит течением, нужно просто плыть параллельно берегу.

- А где мы сейчас?
- Примерно в миле к востоку от нашего места назначения.
- Дэвид?
- Тсс! Закрой глаза и постарайся отдохнуть.

Кайли просыпается, как от толчка. Дэвид изменил курс, в очередной раз направив подводный аппарат в крутое пике. Взгляд миндалевидных глаз Дэвида непривычно суров; он сосредоточенно ведет аппарат, одновременно внимательно слушая сигналы сонара.

Девушка смотрит на глубиномер: 29 265 футов. На нее снова накатывает горячая волна паники, однако Кайли, слишком измученная, чтобы в очередной раз бороться со страхом, гонит ее прочь.

– Кайли, послушай меня. Забудь об этих цифрах, они ничего не значат. Ты хочешь вернуться наверх? Надевай наушники и определи, где находится дно, чтобы мы могли закончить работу и свалить отсюда, к чертовой матери.

Кайли кивает. Вытерев слезы, она на ощупь, по проводу, находит сваливающуюся гарнитуру и надевает на голову:

– Перехожу в активный режим. – И прежде чем Дэвид успевает возразить, Кайли посылает громкий, раскатистый звуковой сигнал...

Пинг!

Реверберации стремительно распространяются во всех направлениях, отражаясь от неорганических и органических объектов окружающей водной среды.

– Есть! Четыреста семьдесят футов. Обнаружила «барракуду». Курс ноль-восемь-пять. Угол погружения тридцать пять градусов.

Скорректировав курс, Дэвид сбрасывает скорость до пятнадцати узлов.

– Кайли, в следующий раз спрашивай меня, прежде чем посылать сигнал. Звук распространяется...

– Тсс! Я засекла лабораторию. Пять градусов направо, затем двести двадцать ярдов на запад.

«Морской дьявол» медленно движется вперед в сорока футах от изменчивого морского дна. Бесконечные выбросы холодных сернистых соединений, поступающих из бесчисленных расщелин на дне, поднимаются метановыми облаками, точно пар над канализационными решетками зимой.

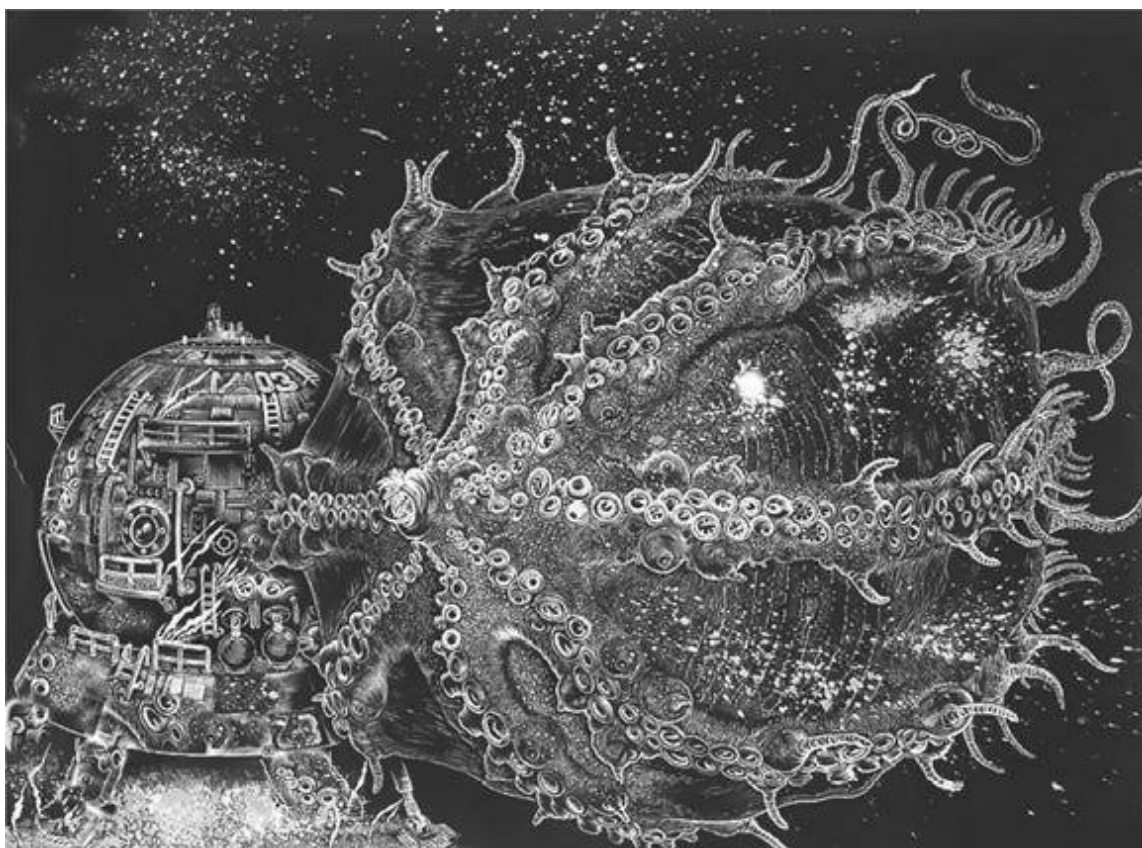
– Активирую стыковочный узел. – Кайли нажимает на зеленую кнопку на расположенном у ее правого колена пульте управления. Секундой позже в наушниках раздается глухой рокот, впереди из темноты возникает тусклая полоска света, которая, постепенно разгораясь, освещает илистое дно.

– Я ее вижу. – Дэвид берет курс на выпуклый объект и, сбросив скорость, зависает в пятидесяти футах от него.

– Дэвид, чего ты ждешь?

– У нас гость.

Между подводным аппаратом и искусственным желтым сиянием возникает черная тень: расплывчатый шар органического происхождения размером с лабораторию. Пара демонических люминесцентных синих немигающих глаз злобно смотрит на подводный аппарат из темноты.

Дэвид приглушает светодиодные лампы на панели управления, пытаясь лучше разглядеть чудовище:

– А это еще что за ком с горы?

– Он за нами наблюдает, – шепчет Кайли.

– Здесь что-то не так. – Дэвид нашаривает тумблеры наружного освещения. Переключив стандартные белые огни на красные, он включает прожекторы, которые освещают пышную студенистую массу со щупальцами, покрытыми семидюймовыми игольчатыми шипами.

– Ух ты! Это *Vampyroteuthis infernalis* – адский кальмар-вампир.

– Это не может быть кальмаром-вампиром. Кальмары-вампиры длиной меньше фута. Ну а этот монстр шириной не меньше двадцати пяти футов.

– Да, и большие белые акулы дорастают лишь до двадцати футов, только та, что живет в нашей семье, размером с два тягача. Перед нами наверняка доисторический кузен адского вампира. Ну а синие огни – это даже не глаза, а фотофоры: вырабатывающие свет клетки. Они светятся изнутри. Защитный механизм.

– Боже, вот бы его поймать!

– Тридцать минут назад ты не чаяла поскорей унести ноги, а теперь хочешь поймать вампира? А вот я хочу поскорей убрать его с дороги. Давай-ка проверим, как ему понравится яркий свет. – Дэвид переключает обратно красные огни на белые.

Ослепленный кальмар выворачивается наизнанку и, поспешно сложив вместе бурые щупальца, исчезает в темноте.

– Да, вот потому-то они и назвали это существо адским вампиром. А теперь давай взглянем на лабораторию.

Дэвид направляет подводный аппарат к сферической лаборатории. Прожекторы освещают титановый корпус, покрытый рачками и илом. Под проржавевшей титановой сферой находится овальное сооружение, плоское дно которого спрятано под четыремя титановыми ногами. Открытый ангар похож на диковинный гараж на две машины. «Барракуда» висит рядом, словно роботизированный часовой.

Теперь настала очередь Дэвида бороться с паникой. С замиранием сердца он заводит «Морского дьявола» под затопленный док. Выглянув из окна кабины, Дэвид пристально осматривает внутренности освещенного ангара, пытаясь обнаружить потенциальные засады.

– Дэвид?

– Тсс! Наушники. Слушай.

– А что я должна услышать?

– Признаки усталости металла. Неустойчивость.

Кайли надевает наушники:

– Слышу скрежет и поскрипывание, но ничего криминального. Дэвид, если мы собираемся попасть внутрь, не стоит мешкать. Мне до чертиков страшно висеть над дном.

А тем временем Брайан Сьютс, сидя в рулевой рубке траулера «Дубайленда I», следит за дном Панталассы, находящимся в тридцати одной тысяче футов от поверхности, с помощью дистанционно управляемого подводного аппарата. Камера ночного видения «барракуды» показывает, что «Морской дьявол» завис под затопленным стыковочным узлом, отказываясь туда входить.

– Ну давай же, Тейлор! Какого черта ты тянешь резину?!

Пилоты, сгрудившиеся за спиной Сьютса, и затесавшийся в их компанию Джейсон Монтгомери внимательно наблюдают. Монти, поднявшийся на борт траулера уже после того, как Кайли с Дэвидом, отправились на задание, мучительно размышляет, доведется ли ему вновь увидеть своего юного наивного друга.

– Маркус, вызови Спайдермена, – приказывает Брайан радисту. – Скажи ему, чтобы передал сообщение. Чем дальше Тейлор будет тянуть с докованием...

– ...тем сильнее нагрузка на открытую дверь ангара.

– Вас поняла, Джеймс. – Кайли смотрит на Дэвида, на ее тонкой шее бьется голубая жилка. – Дэвид, да или нет?

– Меня мучают смутные сомнения.

– Тогда прислушайся к своей интуиции. Лично я в тебя верю.

– Я боялся, что ты это скажешь. – Дэвид увеличивает давление воздуха в кабине пилота, добавив подводному аппарату плавучести, чтобы тот спокойно вошел в ангар.

Дэвид с Кайли, оказавшиеся в окружении толстых металлических стен, в изумлении осматривают непривычную обстановку, истово молясь, чтобы титановая сфера не стала их могилой.

Дрожащей рукой Кайли нажимает красную кнопку на пульте управления стыковочной станцией.

Ржавый металл, испещренный следами ракушек, жалобно стонет, подводный аппарат всплывает в ангар, горизонтальные ворота закрываются.

Свет внутри ангара моргает и гаснет.

Темнота.

И тишина, если не считать их тяжелого дыхания.

Дэвид с Кайли держатся за руки в ожидании неминуемого конца, изо всех сил борясь с клаустрофобией. У Дэвида по лицу стекают бисеринки пота, волосы на загривке встают дыбом, кожу неприятно покалывает.

Ну давай же... давай!

Мощный генератор оживает... и тотчас же вырубается.

На пульте управления ангаром тревожно мигает желтая лампочка.

Кайли вручную выключает сигнал тревоги. Нажимает на зеленую кнопку. Ничего. Нажимает на красную кнопку... Ничего.

– Проклятье! Кнопку заклинило.

У Дэвида кровь отливает от лица.

– Система дала сбой в середине процесса.

– Тогда как мы отсюда выберемся?

Мы не выберемся. Мы умрем здесь, запертые в этом титановом гробу.

– Будем надеяться, что генератор заработает, – хрипит Дэвид.

Минуты кажутся часами.

Пот заливает лицо Дэвида, тело содрогается от неистового стука сердца. *А вдруг это ловушка? А что, если Элисон Петруччи решила отомстить отцу за смерть Марена? Какого черта ты им доверился? Папа ведь уговаривал тебя не ехать. Он говорил, что это самоубийственная миссия. Так почему же ты его не послушал, придурок?!*

Их оглушает пронзительный металлический скрежет. Включается запасной генератор. Свет снова загорается, активируются мощные помпы, полукруглые стены оживают и содрогаются.

Вода постепенно уходит из камеры.

«Морской дьявол» застывает на решетчатом настиле.

Дэвид уже собирается открыть люк, но Кайли неожиданно хватается за руку:

– Не сейчас. – Девушка показывает на предупредительные красные огни ангара, означающие, что подводный док до конца не герметизирован.

Измученные тяжелым погружением, Кайли с Дэвидом отстегивают ремни безопасности и с удовольствием потягиваются.

– Не уверен, что системы жизнеобеспечения в лаборатории Марена функционируют. Кайли, пошарь под сиденьем. Ты найдешь там маленький баллон с воздухом и маску.

Внезапно уши закладывает от громкого постукивания. В ангар начинает поступать сжатый воздух.

Красные огни в стыковочном узле сменяются зелеными.

Дэвид задерживает дыхание, не решаясь открыть люк. *Господи, прошу Тебя, сделай так, чтобы наши мозги не растеклись по ветровому стеклу.*

Через двадцать секунд люк с шипением открывается.

Дэвид откидывается на спинку кресла:

– Давай сделаем это по-быстрому.

Они осторожно вылезают из кабины, соскользнув вниз по крылу аппарата на мокрый пол. Прямо над овальным ангаром находится соединенная с ним титановая сфера лаборатории, выпуклый пол которой одновременно является потолком стыковочного узла. К люку в потолке ведет металлическая лестница.

Поднявшись по лестнице, Кайли берет за кремальеру, чтобы открыть герметичный люк. Тем временем Дэвид обследует поврежденный правый винт. Кожух, защищающий гребной вал и винт, треснул. Четырехдюймовые осколки акрила застряли в лопастях винта.

Кайли, повернув кремальеру, рывком открывает люк. Перепад давления между стыковочным узлом и лабораторией сотрясает титановые стены ангара.

Дэвид с Кайли испуганно переглядывается. Они будто оказались в эпицентре землетрясения.

– Иди! Делай что должно. А мне нужно тут кое-что починить!

Кайли кивает. Надев маску от маленького баллона с воздухом, девушка заползает в лабораторию, задравив за собой люк.

Стены стыковочного узла перестают дрожать.

Дэвид приступает к починке винта.

Датчики движения активируют внутреннее освещение лаборатории. Из вентиляционных отверстий со свистом вылетает поток затхлого воздуха, заполняя помещение лаборатории.

Кайли, стянув маску, озирается по сторонам.

Сфера разделена на два уровня, на нижнем уровне, помимо двух коек, установлены унитаз с душевой кабиной, кухня, водонагреватель и система охлаждения. Большой резервуар с водой и два генератора входят в систему жизнеобеспечения, которая, судя по индикаторным лампочкам, находится в рабочем состоянии.

Жилое помещение. Ладно, иди дальше. Кайли забирается по алюминиевой лестнице на второй уровень.

На втором уровне находится рабочая зона с лабораторным оборудованием, гидроакустической станцией, рацией и компьютером. Полки уставлены книгами, стены увешаны картами и изображениями различных доисторических животных. Небрежно посмотрев на рисунки, Кайли устремляет взгляд в сторону темного иллюминатора.

Ну давай же! Ты теряешь драгоценное время...

Открыв шкаф для хранения документов, девушка начинает искать составленные Мареном карты Панталассы.

Сидя на корточках перед правым винтом, Дэвид с помощью разводного ключа пытается снять поврежденный акриловый кожух, но внезапно его настораживает гулкая вибрация стен. Выпрямившись, Дэвид ощупывает стену ангара: толстые сдвоенные листы титана дрожат в несущем каркасе.

– Боже мой!..

Дэвид бросается обратно к винту, изо всех сил пытаясь освободить его от акриловых осколков. *Две минуты... максимум три... хотя, возможно, лишь несколько секунд! Допустим, у меня есть минута... И за эту минуту я должен закончить, пока эти стены не раздавили меня, как консервную банку.*

Кайли обнаруживает две карты в нижнем отделении шкафа. Вытащив свернутые карты, она уже собирается уходить, но ее останавливают доносящиеся со стороны ангара глухие раскаты. Грохот усиливается по нарастающей, словно приближающееся цунами.

Дэвид наконец-то освобождает винт от осколков. Поднимается по лестнице. Стучит по люку разводным ключом:

– Кайли! Быстрее!

Люк стремительно открывается. Решетчатый настил гнется и скрипит. Сунув Дэвиду карты, Кайли буквально слетает с лестницы.

Споткнувшись о крыло «Морского дьявола», Дэвид падает ногами вперед в кабину пилота. Сует карты за спинку сиденья, на которое плюхается Кайли. Девушка нажимает на зеленую кнопку пульта управления стыковочным узлом. Ничего. Только моргают эти ужасные желтые лампочки.

Слышится скрежет металла. Полукруглая стена перед ними на секунду выгибается, но, выдержав натиск наступающей воды, встает на место.

– Дэвид, нам лучше вернуться в лабораторию!

Дэвид, раздираемый сомнениями, осматривает сферу. Останавливает взгляд на открытом люке. *Концевой выключатель?*

– Жди меня здесь! – Дэвид выпрыгивает из кабины пилота, взлетает по лестнице, захлопывает крышку люка, крепко закрутив кремальеру, и, о чудо, желтые лампочки сразу перестают мигать.

Кайли нажимает на зеленую кнопку, из-под пола ангара вырывается фонтан воды. Промокший до нитки Дэвид поспешно забирается в кабину. Кайли задраивает люк, и они начинают напряженно ждать. Весь процесс занимает добрых двадцать секунд. Между тем титановые стены выгибаются вовнутрь, потом снова выпрямляются, и так до бесконечности. Электричество моргает, уровень воды неуклонно повышается.

Дэвид включает двигатель, они с Кайли поспешно пристегиваются. В ангаре становится темно. Вода поднимается до потолка, горизонтальные ворота открываются. Подводный аппарат в очередной раз испытывает на себе давление 14 031 фунт на квадратный дюйм, которое расплющивает титановый стыковочный узел, словно алюминиевую кастрюлю.

Вода в затопленном доке ликвидирует разность давления между впадиной и ангаром, предотвращая взрыв...

Под действием перепада температур ангар затягивает океанскую воду, словно в вакуум.

Дэвид вжимает педали в пол, запуская двигатели «Морского дьявола». Леденящая душу секунда – но вот современные технологии останавливают силы природы, подводный аппарат удерживается во

встречном потоке, винты поднимают облако пузырьков, создавая свой собственный вакуум.

Титановые стены выгибаются и начинают разрушаться. Внезапное изменение объема воды выталкивает «Морского дьявола» на свободу. Интенсивно вращающиеся винты ловят волну, швыряя подводный аппарат в темноту! Морское дно несется прямо на них. Дэвид резко тянет на себя джойстики. Но слишком поздно.

Подводный аппарат зарывается носом в илистое дно, и все вокруг накрывает зловещая тишина.

Глава 27

Океанографический институт Танаки

Залив Монтерей, Калифорния

Самоотвозный земснаряд «Макфарланд» – это 319-футовый стальной монстр. Проржавевший корпус выкрашен красной краской ниже ватерлинии, с черной каймой сверху, белая кормовая надстройка возвышается на пять этажей. Построенный судостроительной компанией «Бетлехем стил» еще в 1967 году, земснаряд поначалу входил в состав флотилии земснарядов инженерных войск США – судов, предназначенных для дноуглубительных работ основных судоходных каналов.

Работающий, точно гигантский пылесос, земснаряд оснащен двумя всасывающими трубами с грунтозаборными устройствами – сосунами, втягивающими ил – смесь воды с песком. В свою очередь, ил проходит через грунтоприемник, откуда по рукавам поступает в бункер. Загрузочный бункер представляет собой массивный резервуар, который тянется через все судно, будто бассейн для Олимпийских игр. Вместительность бункера «Макфарланда» составляет более 6000 тонн ила, который затем сбрасывается через гигантские днищевые стальные заслонки.

Несмотря на внушительные размеры и водоизмещение 10 000 тонн, земснаряд является быстроходным и маневренным судном, снабженным двумя двигателями по 3000 лошадиных сил и носовым подруливающим устройством мощностью 500 лошадиных сил.

После сорока лет эксплуатации «Макфарланд» был списан вследствие сокращения финансирования флота земснарядов бюджетно-контрольным управлением США. С тех пор земснаряд потихоньку ржавел в доках Филадельфии, пока не нашелся частный предприниматель, решивший спасти судно от сдачи на металлолом.

Джонас с Маком стоят на мостике «Макфарланда», отделанная красной плиткой рубка оснащена рядами новых компьютерных консолей и системами GPS, установленными с четырех сторон от больших панорамных окон. Впереди простирается главная палуба и гигантский бункер, занимающий все пространство между мостиком и носом судна. Резервуар длиной 175 футов, шириной 45 футов и глубиной 55 футов, предварительно очищенный от застарелых илистых отложений, заполнен морской водой. Правый и левый сосуны земснаряда зафиксированы на небольшой глубине, чтобы закачивать в бункер не песок, а морскую воду.

Мак удивленно качает головой:

– Когда ты успел все это сделать?

– Четыре года назад. Через три месяца после появления детенышей Ангела. Я понимал, что мы не сможем содержать шестерых взрослых мегов, и прикинул, что нам понадобится нечто реально большое для транспортировки некоторых из них потенциальным покупателям. Федералы отдали судно практически задаром. У нас ушло еще двести тысяч на то, чтобы поменять начинку и навести кое-какой блеск. К тому же нам списали налоги.

– Замечательно! А где в это время был я?

– Проводил медовый месяц. Я ведь тебе все рассказал, когда ты вернулся.

– Когда ты толковал о земснаряде, я решил, что ты просто хочешь расчистить дно канала. – Мак подходит к панорамному окну, выходящему на корму, которая находится менее чем в ста футах от ворот в канал лагуны Танаки. – А каково расстояние между воротами в канал и днищевыми заслонками?

– По оценкам капитана, примерно двести двадцать пять футов. Просвет между нижней частью киля и дном составляет только шесть футов, и это нам на руку. Мы опустим тяжелые грузовые сети с обоих бортов судна, а также со стороны носа, это заставит Ангела свернуть прямо в открытый резервуар.

– А что, если она не захочет заплывать внутрь?

– Мы положим в резервуар наживку. Плюс доктор Николс будет стимулировать ее с помощью трансмиттера. Более того, надеюсь, анестетик немного поумерит ее боевой дух. Когда акула окажется в

бункере, доктор Николс усыпит ее на время поездки – и дело в шляпе! По моим прикидкам, до Марианской впадины где-то дней пять пути.

– Мне нравится, – улыбается Мак. – А знаешь, какая часть из твоей программы мне нравится больше всего?

– То, что тебе не придется лезть в воду?

– Вот именно. Постой-ка! Ты вроде сказал «анестетик»? А кто будет проводить анестезию? Ты?

– Всего и делов-то! Я же не буду спускаться в канал. Просто вставлю подающий шланг в одно из отверстий.

– Джей Ти, не люблю затасканные клише, но ты слишком старый для подобного дерьма. Пусть этим займется один из наших аквалангистов.

– После того, что случилось с Хендриком, это дохлый номер. Никто не согласится. Да и вообще, мы до сих пор не знаем, кто передал записи камер наблюдения «Загона для мегга» этим отмороженным защитникам животных. Мы с Терри хотим выпустить Ангела без лишней огласки. Ведь все думают, что земснаряд просто расчищает вход в канал. Сегодня вечером в Океанариуме Монтерея у Терри состоятся дебаты с новым представителем R. A. W. К тому времени, как наш персонал и весь остальной мир поймет, что Ангел исчезла, мы уже будем в открытом море.

– Мило.

– А Триш не будет возражать против твоего отъезда?

– Думаю, все будет нормально. – Мак устремляет взгляд на канал, улыбаясь от уха до уха.

– Что?

– Триш тащится от нашего младенца. Это мальчик.

– Да неужели? – Джонас хлопает друга по спине. Мак Младший, а? Черт, это здорово! Вот и на твоей улице праздник.

– Только боюсь, мне придется учить его играть в бейсбол, передвигаясь на ходунках. Знаешь, нам следует все заснять.

– Рождение твоего сына?

– Нет. Выпуск Ангела на волю. Спорим, это будет отличный документальный фильм. Уже заранее предвкушаю, как вытянутся рожи у всех этих засранцев из R. A. W., когда они его увидят.

– Мы над этим работаем. Дани взяла руководство на себя. И только что наняла съемочную группу. – Джонас показывает на корму, где

высокий лысеющий блондин с бородкой о чем-то беседует с коренастым итальянцем с зализанными назад волосами.

У Мака глаза лезут на лоб:

– Эрик Холландер и Джеймс Гелет? Ты что, пригласил шестерок Марена?

– Холландер не знал о планах Марена. А кроме того, они отлично сделали свое дело. Ты видел их документальный фильм «Акула в действии»? Это шедевр.

– Ну, я не знаю... А Холландер полезет вместе с тобой в воду?

– Черт, нет, конечно!

Мак коварно ухмыляется:

– Поживем – увидим.

Океанариум Монтерей-Бей

Монтерей, Калифорния

Океанариум Монтерей-Бей расположен в семи милях от Океанографического института Танаки, в деловой части Монтерея, неподалеку от Каннери-Роу, и входит в число лучших океанариумов мира. В нем насчитывается двести галерей и выставок, включая настоящий лес из ламинарии. Именно этот океанариум первым стал содержать и экспонировать больших белых акул.

Дебаты между Океанографическим институтом Танаки и прославленной представительницей R. A. W. организованы на первом этаже океанариума, в «Портола кафе», на открытой террасе с видом на океан. Служба безопасности и местная полиция уже оцепили зону отдыха, отделив участников дебатов и съемочную бригаду программы новостей Пятого канала от публики.

Лана Вуд закрывает глаза, позволив гримерше нанести грим на веки. Бывшая кинозвезда явно взволнована перспективой вновь появиться перед камерами, она чувствует приятное возбуждение, хотя всего-навсего представляет группу защитников животных.

Терри Тейлор отказывается от грима, ее миндалевидные глаза устремлены вдаль, на линию горизонта, где неподалеку от лагуны Танаки стоит на якоре огромное судно. У Терри тоже сердце бьется

сильнее обычного, но больше от страха, ведь она знает, что ее муж в очередной раз вступил на опасную тропу.

Боже, спаси и сохрани его! И пусть все на этом закончится, раз и навсегда...

Барбара Рэби, президент калифорнийского отделения Лиги женщин-избирательниц, занимает место на сцене. Поприветствовав гостей, она начинает дебаты:

– Мисс Вуд...

– Зовите меня, пожалуйста, просто Лана.

– Лана, последние четыре года R. A. W. требует, чтобы руководство Океанографического института Танаки выпустило на свободу содержащихся в неволе мегалодонов. Итак, вы поддерживаете их позицию с учетом того, что на данный момент общественное мнение явно склоняется в пользу изоляции этих опасных хищников?

– Барбара, я искренне верю в то, что главная миссия океанариумов и зоопарков – просвещать публику, демонстрируя диких животных. Однако я решительно не могу поддержать заведение, где животные подвергаются насилию. Наша организация наглядно продемонстрировала, что перенаселенность «Загона для мег» привела к смерти одного из детенышей, гибели тренера Стивена Моретти, а несколько дней назад едва не стала причиной масштабной катастрофы, когда один из детенышей мег едва не разбил вдребезги обзорное окно галереи. Оставшиеся два детеныша уже слишком крупные, чтобы делить один бассейн на двоих. В связи с этим мы просим Океанографический институт Танаки выпустить оставшихся мегов в дикую природу, которая является их родным домом.

– Миссис Тейлор...

– Институт признает необходимость неотложных мер для обеспечения Лиззи и Белль достаточным жизненным пространством. И тем не менее выпускать этих хищников на волю смертельно опасно.

– С чего вы это взяли? – парирует Лана. – Вы ведь сами не раз говорили, что обычно мег не питаются людьми. Залив Монтерей входит в Красный треугольник, где обитают сотни больших белых акул, а также популяции тюленей и морских львов, которые служат кормовой базой для акул. Тогда почему эти создания не могут существовать в гармонии с Природой подобно их современным кузенам?

– Белль и Лиззи – взрослые мегалодоны, а не большие белые акулы. Они характеризуются другими поведенческими привычками и демонстрируют абсолютное бесстрашие, атакуя все, что их провоцирует.

– Да. Мы уже видели, как ваши тренеры их провоцировали с помощью электрошокеров в пять тысяч вольт.

– Мисс Вуд, Лиззи и Белль никогда не подвергались насилию! – вспыхивает Терри. – Пять тысяч вольт для них все равно что тазер для бешеного слона. Что касается нападения Белль на окно галереи, то записи видеокамер, сделанные в тот день, отчетливо зафиксировали, как подросток в толпе провоцирует Белль, пустив в ход лазерную указку.

– Да, случай действительно ужасный, – соглашается Лана. – И все же это не является причиной держать двух детенышей в неволе.

– Есть еще одна причина. Сестренки, как мы их называем, выработали специфические симбиозные хищнические взаимоотношения в отстаивании своих территориальных претензий. По нашему глубокому убеждению, если выпустить их в залив Монтерей, это кардинальным образом нарушит пищевые цепи, а также подвергнет опасности пассажиров судов и дайверов. Коли на то пошло, гораздо безопаснее выпустить на волю Ангела, нежели сестренок.

Это заявление вызвало шоковую реакцию у зрителей.

Барбара Рэби призывает к тишине:

– Миссис Тейлор, я не думаю, что члены R. A. W. или другие зоозащитники предлагают выпустить на волю Ангела... Что скажете, Лана?

Лана Вуд отыскивает взглядом в толпе зрителей Джесси Томпсон, которая энергично качает головой.

– Конечно нет. Ангел, похоже, вполне счастлива в своей лагуне. Нас волнует только судьба ее детенышей, подвергающихся жестокому обращению.

Терри усмехается:

– Эти детеныши, как вы их называете, в один прекрасный день перерастут свою мамашу и станут не менее свирепыми. Мы ведь сейчас обсуждаем не истребление тюленей ради шкур или гарпунную охоту на китов. Мисс Вуд, мы имеем дело с очень крупными и очень опасными хищниками.

– Знаешь, я передумал. Я не полезу в воду к этому монстру! – Тридцативосьмилетний Эрик Холландер, оттолкнув Джеймса Гелета, который протягивает ему баллон с воздухом, расстегивает мокрый гидрокостюм.

– Эрик, я понимаю, тебе до чертиков страшно. Но ты же сам слышал, Тейлор сказал, что это абсолютно безопасно.

– Тогда сам туда и лезь!

– Эй, я всего лишь продюсер. Ты у нас режиссер. Ну а кроме того, я не слишком хорошо плаваю.

– Я тоже! Особенно когда конечности парализованы от страха.

– Эрик, подумай о фильме. Ты можешь снять что-то такое, чего никто никогда не видел. Помнишь, как мы снимали интервью со Спилбергом? Так вот, это вещи одного порядка. Подобные кадры совершат прорыв в документалистике. – (Эрик, начавший снимать жилет-компенсатор, останавливается на полдороге.) – Подумай хорошенько. Ты же слышал, что говорил Макрейдс. Если один из нас не согласится нырнуть в воду, он пригласит Крэга Лаутербаха из «Рацио продакшнс». А потом телеканал «Хистори» будет крутить это семь раз в месяц, и мы потеряем шанс получить нашу «Эмми».

– Мне глубоко наплевать.

– А как насчет DVD? Сделай это, и мы будем делить дивиденды шестьдесят на сорок.

– Нет, семьдесят на тридцать.

– Шестьдесят пять на тридцать пять, и твое имя будет стоять на первом месте.

Эрик перегибается через леер:

– Я тебя ненавижу.

– Да, но уже через час ты меня полюбишь. – Гелет поспешно прикрепляет баллон с воздухом к компенсирующему жилету своего партнера. – Только запомни, подплыви как можно ближе к отверстиям в воротах, а иначе мы получим размытые кадры.

– Что значит – как можно ближе?

– Ну, я не знаю. Может, на пару футов. Впрочем, какая разница? Если ты будешь находиться по другую сторону ворот в канал, Ангел не сможет до тебя добраться.

Внезапно лицо Эрика Холландера становится бледным как полотно. Он перегибается через леер, и его рвет.

Проходящий мимо Мак хлопает режиссера по спине:

– Вот так, сынок. Не держи это в себе. Все лучше, чем блевать в маску.

Двое ныряльщиков прыгают солдатиком в воду за кормой «Макфарланда». Джонас тащит за собой восьмидюймовый резиновый шланг. Эрик Холландер крепко сжимает подводную HD-видеокамеру. У Холландера так сильно стучит в висках, что ему кажется, будто у него вот-вот случится аневризма головного мозга.

– Джонас, я не могу.

– Конечно можешь. Оглянись. Ты упускаешь классный материал.

Повернувшись, Холландер видит прямо перед собой киль земснаряда, на фоне спаренных винтов и подруливающего устройства аквалангисты кажутся карликами.

– Вот это да! – Холландер снимает крышку объектива, после чего снимает под широким углом гигантский киль «Макфарланда» от середины до носа, через открытые днищевые заслонки струится солнечный свет. Повернувшись направо, Холландер видит завесу из выброшенных за борт грузовых сетей, которые опускаются на илистое дно в девяноста футах ниже ватерлинии. – Невероятно! Я чувствую себя... букашкой.

– Это еще только легкая закуска. Главное блюдо у нас впереди. – Выровнявшись на глубине шестидесяти футов, Джонас плывет в сторону величественных ворот в канал, которые вырисовываются в дали.

– Ты что, специально используешь подобные термины?! – Эрик старается не отставать от Джонаса, но быстро выдыхается из-за волнения и отсутствия навыка.

Джонас останавливается в пятидесяти футах от ворот. *Тут явно что-то не то...*

Эрик завис в воде возле Джонаса. Между створками ворот прямо перед ними безмятежная морская синева – и никаких признаков

расплывчатого белого пятна.

– Джонас, где она?

– Достаточно близко, чтобы тебя учуять. Жди здесь. – Подплыв к заросшей водорослями и ракушками стене, Джонас ждет появления пленницы лагуны; дыхание вырывается из груди прерывистыми толчками, глаза напряженно вглядываются в даль.

Ничего.

Подплыв к отверстию шириной два фута, Джонас заглядывает внутрь, переводит взгляд наверх, потом – вниз.

В канале никого нет.

Дэвид обшаривает глазами бетонную стену.

Между набегающими волнами в воду падает золотистая завеса солнечного света, подпорные стенки густо покрыты водорослями, океанское течение игриво колышет бурю массу, заставляя ее танцевать.

Выждав несколько секунд, Джонас включает встроенный в маску передатчик:

– Мак, в канале Ангела нет. Ты ее видишь в лагуне?

Мак, стоя на мостике лицом к корме, направляет бинокль на лагуну и сразу замечает движущееся под лазурной водой белое пятно:

– Похоже, она сейчас на глубине. Нарезает круги. – Мак поворачивается к Бренту Николсу, который с открытым ноутбуком сидит возле компьютерной консоли. – Эй, док, а тебе не кажется, что размеры «Макфарланда» и его близость к ее лежбищу пугают нашу рыбку?

– Что ж, не лишено вероятности. – Доктор Николс внимательно смотрит на экран, компьютерная программа настроена на нервную систему Ангела. – У нее слегка учащен пульс и дыхание. Полагаю, она вполне может воспринимать судно как более крупного противника.

– Снимок на миллион долларов, да? – кипятится Эрик Холландер, забыв о прежних страхах. – И что мне теперь прикажешь делать? Переименовать свой документальный фильм? Назвать его «Цыпленок в океане»? – Эрик наводит камеру на отверстие в створке ворот, снимая лазурное безмолвие. – Всего-навсего перебивка для фильма. Пустая трата времени.

Джонас внимательно обследует стальные створки, мысленно возвращаясь к тому времени, когда впервые увидел Ангела под водой у этих самых ворот. Тогда он был совершенно другим человеком. Ему шел всего сорок второй год, он недавно женился, но на плечи уже давил невероятный груз переживаний из-за потери первого ребенка и финансовых проблем Океанографического института Танаки. В тот день Джонас отправился проверить петли ворот в канал, а в результате едва не лишился жизни. Куда ушли все эти годы? Что бы он изменил, если бы смог перевести часы назад?

В тот день Бог тебя спас, дав второй шанс... и вот пожалуйста, через двадцать с лишним лет ты вернулся на то же самое место. Так заслужил я второй шанс или же бездарно его профукал?

От грустных мыслей Джонаса отрывает голос доктора Николса:

– Частота пульса Ангела уже зашкаливает. Не думаю, что она испугалась «Макфарланда». Скорее, она разъярена его присутствием.

– Джонас, это Мак. Она покидает лагуну. Ты ее видишь?

Джонас подплывает к другому отверстию, смотрит на голубовато-зеленую воду и ждет, ждет... И неожиданно видит свою рыбку.

У Джонаса моментально учащается сердцебиение. Он испытывает нечто вроде дежавю, когда, буквально за долю секунды оценив скорость Ангела, положение ее тела, манеру поведения, осознает, что балансирует на опасной грани между жизнью и смертью.

Первое, инстинктивное желание Джонаса – уплыть прочь. Но, переборов себя, он делает рывок к Эрику Холландеру и хватает его за локоть.

Режиссер сердито вырывает руку:

– Ты что, спятил?! Ты портишь мне кадр.

– Она нацелилась на ворота! Шевелись! – Джонас пытается оттащить Эрика, но безуспешно.

Тогда Джонас, быстро проплыв мимо стальных стенок, ищет укрытие за южной подпорной стенкой канала.

Режиссер поворачивается к отверстию в воротах, успокаивая себя тем, что толстые стальные ворота удержат взаперти акулу-альбиноса, уже попавшую в поле его зрения.

БАБАХ!

Чудовищный рев, подобный раскатам грома, едва не разрывает барабанные перепонки, заглушая все остальные звуки и высвобождая

по второму закону Ньютона заряд энергии, который с нечеловеческой силой толкает несчастного режиссера вперед. Прямо на него несется морское дно, ударная волна вдавливая Холландера лицом в песок, подбрасывая изломанное тело, точно тряпичную куклу, мучительный звон в голове не позволяет оперативно отреагировать на пронзительный протяжный скрежет выламываемых из проржавевшей рамы петель. Этот душераздирающий звук был последним, что восприняли органы чувств Эрика Холландера до того, как его сознание сказало «довольно» и отключилось.

Ангел, мотая головой, как бешеный бык, протискивается между сорванными с петель створками в открытый океан. По мере ее приближения к более крупному противнику включаются первобытные защитные механизмы, а также инстинкт доминирования. Спина Ангела выгибается дугой, грудные плавники опускаются, хвостовой плавник напрягается, отчаянно взбивая воду. Доисторическая акула идет в атаку. Она вгрызается в перо руля, затем устремляется вдоль дна, нацелившись на кровь, капающую из вспоротого брюха противника.

Уроженец Теннесси, вахтенный офицер Кристофер Шейн Лонг, помогавший одному из матросов спустить в бункер приманку, внезапно чувствует мощный подводный толчок. Перегнувшись через ограждение правого борта, Кристофер Лонг оглядывается на канал:

– Вот черт!..

Колючую проволоку и буи, еще несколько секунд назад ограждавшие вход в канал, медленно уносит течением.

Лонг снова поворачивается к бункеру, собираясь предупредить об опасности, но крик замирает в горле. В бункере внезапно возникает мощный водоворот, в котором появляется треугольная голова цвета слоновой кости – шире и длиннее, чем бетономешалка зятя Лонга.

Кристофер отчаянно хватается за леер, пытаясь удержаться, когда монстр начинает таранить стальные стенки. Мощные удары раскачивают судно, вода из бункера выплескивается на палубу.

Мак подходит к переднему панорамному окну капитанского мостика:

– Она уже внутри! Капитан, закрывайте заслонки! Док, срочно начинайте давать наркоз!

– Не могу! – Доктор Николс лихорадочно работает на компьютере. – Уровень тестостерона превышает порог восприимчивости. Она слишком возбуждена!

К стоящему у окна Маку присоединяется капитан «Макфарланда» Роберт Нилис. Капитан с ужасом смотрит на творящийся внизу хаос. Акула, яростно взбивая воду хвостом, рвет зубами трубы.

– Макрейдс, ради всего святого, сделайте хоть что-нибудь, пока она нас не потопила!

Покинув мостик, Мак спускается на главную палубу, но неожиданно трап уходит у него из-под ног, и он буквально повисает на леере. Поспешно включив рацию, Мак истошно орет:

– Розенфельд, размотай рукав и начинай качать!

Вахтенный офицер, тридцатичетырехлетняя рыжеволосая красotka Робин Розенфельд, с командой из трех человек разматывают на корме триста футов резинового рукава, прикрепленного к лебедке. Свободный конец шланга соединен с гидравлической помпой и емкостью размером с джакузи, содержащей смесь морской воды с трикаин метансульфонатом.

Джеймс Гелет, увертываясь от брызг и стараясь не путаться под ногами у разъяренной Робин, снимает происходящее на камеру с использованием стабилизатора.

– Гелет, убери от меня эту чертову камеру! – Робин уже готова отпихнуть Гелета, но тут ее внимание переключается на спешащего к ней Мака. – Макрейдс, мы разматываем рукав. Что, черт возьми, случилось?!

– Ангел в бункере! Дайте мне пространство для маневра и начинайте закачивать анестетик.

– Будет сделано.

– Эй, погодите! – Гелет прекращает съемку. – Значит, мег уже на борту? Ну а где ж тогда Эрик с Тейлором?

– Все еще внизу. С минуты на минуту должны выплыть на поверхность.

Конец рукава тянется от борта судна через всю главную палубу. Розенфельд переключает лебедку на нейтральное положение, потом – на реверс, вытравливая рукав в сторону Мака, который ловит конец и

тянет мокрый рукав через лабиринт тридцатишестидюймовых труб на шкафут главной палубы.

Гелет обращает взгляд в сторону океана, но не видит никого на поверхности воды. *Эрик в порядке. Иди и сделай снимок на миллион долларов!* И Гелет, отбросив ненужную рефлексию, спешит за Маком.

С десяток матросов, вцепившись в леерное ограждение вокруг бункера, замерли в проходах вдоль правого и левого борта, а прямо под ними разъяренный белый левиафан таранит стенки своей клетки, нагоняя на главную палубу шестифутовую волну.

Мак тащит шланг вниз к правому проходу. Подоспевший на помощь матрос помогает Маку направить рукав прямо в бункер. Джеймс Гелет пересекает правый проход и, обхватив ногами леерную стойку, начинает лихорадочно снимать, а Мак истошно орет в рацию:

– Давай, Розенфельд, давай!

Ангел прыгает, пытаясь достать Мака, но промахивается. Ее голова появляется на поверхности в десяти футах ниже мостика, жуткие челюсти в ярости грызут металлическую обшивку, а Мак тем временем направляет струю молочно-белой жидкости прямо в открытую пасть.

Акула скользит обратно в воду, после чего снова совершает пробный прыжок, однако Мак в очередной раз поддавливает ее, вливая анестетик в бездонную глотку.

Мощный анестетик поступает через жабры в организм, успокаивая нервную систему. Ангел протестующе мотает головой, но по мере воздействия лекарства ее движения становятся все более вялыми. И вот буквально через минуту монструозная голова исчезает под водой, и акула принимает горизонтальное положение, пытаясь плыть, чтобы дышать.

Мак кричит в рацию:

– Капитан, запускайте всасывающие насосы!

Две массивные всасывающие трубы, проложенные по бортам судна, начинают закачивать воду в переднюю часть бункера, обеспечивая тем самым устойчивый поток, поддерживающий мегу на плаву.

Теперь, когда нервная система Ангела пришла в норму, Brent Николс получает возможность настроить ее мозг на другую волну. Доктор переводит мегу в «спящий режим», который позволяет акуле отдыхать, поскольку в спинном мозгу срабатывает механизм,

контролирующий плавательные мышцы, которые толкают ее вперед, чтобы она могла дышать.

Джеймс Гелет продолжает снимать. Но теперь над поверхностью воды в бункере виднеется лишь кончик спинного плавника. Ангел уже приспособилась к скорости течения воды, накачиваемой сосунами: хвостовой плавник медленно движется из стороны в сторону.

Повернувшись, Мак с Гелетом замечают рядом Джонаса, все еще в гидрокостюме.

– Она в бункере! Слава богу!

Гелет довольно улыбается:

– Похоже, вы, парни, пропустили самое интересное. Но не волнуйтесь. – Продюсер любовно похлопывает по камере. – Я все успел заснять на пленку. Похоже, Эрику придется поторговаться по поводу его доли от продажи DVD. Кстати, а где он сам?

– Он в лазарете с контузией, вывихом плеча и тремя сломанными ребрами. – Джонас сует Гелету камеру Холландера. – Прежде чем пересматривать условия сделки, советую сперва проверить отснятый материал.

Глава 28

Панталасса

Первобытный холод окутывает раненое животное, заползая в крылья, сжимая конечности, покрывая трещинами толстую шкуру. Адское давление воды помогает холоду закрепиться на занятых рубежах, и он мало-помалу забирает себе внутреннюю теплоту умирающего существа.

Дэвид Тейлор открывает глаза. Его судно захватила Смерть. Она крадет жизнетворное тепло, окутывая толстым покрывалом тьмы обесточенный подводный аппарат. Акриловый корпус «Морского дьявола» трещит и скрипит, океан уже предъявляет свои права на зарывшийся носом в песок под углом в тридцать градусов подводный аппарат, который, за исключением хвоста и задней части кабины пилота, практически целиком покрыт илом.

Тело Дэвида во власти гипотермии. Внутренний термостат уже опустился на два градуса. От пронизывающего холода трясутся конечности и зуб на зуб не попадает. Пар от замерзшего дыхания растворяется в тусклой оливковой дымке над головой, в стекле виднеется узкая полоска океана, песчаное морское дно постепенно поглощает остатки света.

Девушка – где-то рядом, окутанная тьмой, одурманенная сном. Дэвид хрипит:

– Кай...ли.

Он тянется к ней рукой, кровь загустела и свернулась, мышцы не слушаются. Дэвид трясет ее, заставляя проснуться.

– Ужасно... холодно.

Дэвид пробует включить двигатель. Умирающему запасному аккумулятору едва хватает сил запустить спаренные винты, но они, пару раз чихнув, тут же сдыхают.

Песок забивает приемные патрубки, вырубая винты. А без винтов мне не удастся подзарядить аккумуляторы. Аварийная капсула тоже не годится... Пять часов подъема только до входного отверстия... При такой скорости мы оба умрем через тридцать минут.

Не могу думать. Слишком холодно.

Дэвид тянет Кайли на себя и, не обращая внимания на ее протесты, поворачивает ее лицом к себе и сажает на колени. Стягивает с Кайли толстовку и футболку, затем просовывает ее голову в свой свитер, прижав девушку к своей груди. Прикосновение полуобнаженных тел подзаряжает их дополнительным внутренним теплом.

Дэвид укутывает Кайли снятой одеждой, и они остаются сидеть, тесно прижавшись друг к другу, в темном подводном гробу.

Кайли, стуча зубами, шепчет на ухо Дэвиду:

– Отвези нас домой.

– Запасной аккумулятор на последнем издыхании. Двигатели забиты песком. Нужны винты, чтобы вырабатывать энергию. Но пока мы погребены под слоем песка, винты работать не будут. Рация тоже вырубилась.

– Найди... выход.

Дэвид стискивает зубы, в глазах вскипают слезы отчаяния. *Найти выход? Но как? Выбраться наружу и толкать аппарат? Вызвать буксир? Ну почему, почему ты меня не послушалась и не осталась со мной в Дубае?*

У Кайли по лицу струятся слезы, стекая на грудь Дэвида. Он еще крепче прижимает девушку к себе, ласково гладит по спине, пытаясь собрать в кучку путающиеся от холода мысли. Амнезия наступает, когда температура тела падает до 94 градусов по Фаренгейту, беспмятство наступает при 86 градусах, смерть – при 79 градусах.

С каждой минутой Дэвид теряет не только остатки разума, но и волю к жизни.

Запрокинув голову, Дэвид смотрит на оливковое море над головой. Наверху внезапно возникает какое-то движение.

Адские стервятники... Ждут, когда можно будет поживиться. Замерзнуть до смерти. Полагаю, это еще не худшая смерть. Мы просто уснем, и все дела. Как глупо... Впервые в жизни я получил все, что хотел... деньги, крутую работу, подводный аппарат и самую красивую девушку из всех, что когда-либо удостаивала меня вниманием. Да, моя первая настоящая любовь... и я ее профукал... пустил все коту под хвост из-за своего чертова эго. Мне не стоило входить в лабораторию, я это задницей чувствовал, но не прислушался к внутреннему голосу. Черт, не надо было соглашаться на погружение!

Брайан наверняка наложил бы в штаны на глубине двадцать тысяч футов. И повернул бы назад. Принял бы единственно верное решение. В отличие от тебя, Джонас Младший. Так много планов... и все пошло прахом.

Дэвид в ярости бьется головой о спинку кресла. На этой неделе мне должен стукнуть двадцать один год. Двадцать один... Как грустно, блин!

«Двадцать один? – в голове звучит укоризненный голос Масао Танаки. – Я был вдвое моложе тебя, когда умер мой отец и мне пришлось работать на потогонных фабриках, чтобы прокормить семью. Миямото Мусаси было всего тринадцать, когда он впервые дрался на дуэли. А в двадцать один год он уже дрался на дуэли сразу с четырьмя противниками, с одним за другим!»

Но как ему удалось победить в таких сложных условиях?

«Он придерживался Бусидо. Пути воина. Путь воина – это смерть. И в смерти кроются все решения».

Я не понимаю.

«Когда перед тобой стоит выбор: жизнь или смерть, большинство людей выбирают жизнь. Но воин выбирает смерть. И тогда он идет по жизни, не боясь проиграть».

Дедушка, но как это может мне помочь?

«Ты не должен забывать, что везде есть своя стратегия. Мусаси подробно объяснил это в „Горин-но сё“, „Книге пяти колец“, пяти элементов».

Земля... вода... огонь... ветер... и пустота.

«Твоя битва с водой. Какова стратегия Мусаси, когда приходится иметь дело с этим элементом?»

Вода принимает форму сосуда, в котором находится. Мусаси использовал всю длину длинного меча в «Книге воды», чтобы контролировать битву и притягивать к себе противника.

«А как ты можешь использовать эту стратегию?»

Я не знаю.

«Подумай о населяющих впадину существах, которые обитают в вечной тьме. Как им удается выживать в таком элементе, как вода?»

Дэвид резко открывает глаза. Они притягивают к себе добычу.

– Кайли, просыпайся! У меня идея! – (Она что-то невнятно бормочет ему в ухо.) – Кайли, очнись! Просыпайся! – Дэвид

лихорадочно растирает ей руки.

Он роется в бардачке. Находит фонарик, аккумуляторы работают. Дэвид вылезает из свитера, прижимается лицом к заднему стеклу кабины, направив луч фонаря на нижнюю часть левого крыла, заставляя свет танцевать.

Удильщик использует биолюминесцентную приманку, чтобы привлечь добычу. Мы сделаем то же самое. Давай иди сюда, кто бы ты ни был! Укуси! Укуси как следует! Лишь бы только не мег или дунк.

Над головой мелькает какая-то тень, за ней – другая, потом еще две.

Пятифутовый геликоприон устремляется вперед, делает два круга вокруг аппарата, кусает обшивку правого крыла, после чего быстро уплывает. За ним следуют еще две акулы, одна из них двенадцатифутовая *Edestus giganteus* – доисторическая рыба с торчащими из пасти, словно гигантские ножницы, челюстями и острыми лезвиями зубов.

В считанные минуты «Морской дьявол» стал причиной настоящего пищевого безумия у дюжины не самых больших, но свирепых акул.

Так не пойдет. Мне нужен кто-то покрупнее и помассивнее.

Дрожа от возбуждения, Дэвид продолжает водить фонарем.

Над головой появляется новая тень, и остальные рыбы бросаются врассыпную.

На призывный свет фонаря откликнулась семнадцатифутовая костистая рыба *Xiphactinus audax*. Огромная голова, роднящая ксифактина с семейством тарпоновых, нависает прямо над ярким лучом. Хищная рыба разевает челюсти, демонстрируя острые, как у пирании, четырехдюймовые нижние зубы и четыре верхних резца, напоминающих шестидюймовые гвозди.

Не отрывая глаз от доисторической рыбы, Дэвид продолжает направлять луч фонаря вдоль правого крыла подводного аппарата. *Тебе ведь хочется этого, здоровяк? Реально хочется? Тогда иди и возьми!*

Дэвид взмахивает фонарем, хищник подпрыгивает вслед за лучом. Яростно хлещет мощным хвостом, ксифактин вонзает жуткие челюсти в правое крыло «Морского дьявола» и в отчаянном порыве вытаскивает его из песка.

Схватив Кайли, Дэвид вжимается в кресло, пока гигантская рыба, остервенело мотая головой, швыряет их туда-сюда, как на плохом

аттракционе.

– Кайли, пристегнись!

Акрил протестующе скрипит, песок летит во все стороны. Дэвид вжимает в пол педали, шепотом произносит молитву и, когда рыба в очередной раз встряхивает аппарат, едва не оторвав спасательную капсулу от корпуса, включает силовой рубильник.

Левый гребной винт дважды проворачивается и останавливается, правый винт, чуть-чуть прокрутившись, тоже останавливается, после чего начинает неохотно работать, плюясь песком и медленно набирая обороты.

– Давай, детка! Давай! – Дэвид жмет на правую педаль, чувствуя, как по мере освобождения гребного вала от песка винт увеличивает вращающий момент.

Рыба в очередной раз трясет подводный аппарат, и – о чудо! – запасной аккумулятор подзаряжается, а светодиодные лампочки начинают моргать. Ожившая система вентиляции обдувает кабину потоками холодного воздуха, правый пропеллер резко увеличивает число оборотов.

Дэвид тянет на себя оба джойстика, чтобы, маневрируя, сбросить хищника, однако рыба решительно отказывается сдаваться: она намертво вцепилась в крыло острыми зубами, явно не желая уплыть прочь несолоно хлебавши.

С трудом перебравшись на место второго пилота, Кайли пристегивается ремнем безопасности. После чего переводит сонар в активный режим:

ПИНГ! ПИНГ... ПИНГ... ПИНГ... ПИНГ...

Оторопевшая рыба разжимает челюсти, выпуская добычу.

Дэвид вжимает правую ногу в пол и срывается с места. Волна адреналина наполняет мышцы живительной силой, мозг моментально фокусируется, словно лазерный луч.

– Дэвид, она прямо позади нас!

– Держись, крошка. – Дэвид делает «бочку», устремив аппарат круто вверх, затем резко ложится на левый борт – левый винт выплевывает песок и оживает. – Да! Да! Ты моя девочка!

Увидев, что аппарат набирает скорость, Дэвид выжимает из него максимум. «Морской дьявол» отрывается от юркого преследователя, делает петлю и ослепляет ксифактина задними огнями.

Испуганная рыба ныряет в темноту.

Двигатели подводного аппарата разогреваются, закачивая тепло в кабину через систему вентиляции.

Кайли обнимает Дэвида, покрывая его лицо мокрыми поцелуями, смешанными со слезами. Сняв свитер, Кайли снова натягивает его на Дэвида, после чего одевается сама; замерзшие скулы оттаивают от широких улыбок, пальцы начинают гореть по мере восстановления циркуляции крови в онемевших ногах.

Достав наушники, Кайли надевает их на голову, активирует сонар, прислушивается. Внезапно ее лицо вытягивается.

– Ой, нет! Они прямо перед нами. Сворачивай в сторону! Ложись на другой курс!

Дэвид делает тугую петлю в 180 градусов и прибавляет скорость до тридцати узлов, притушив наружные огни, чтобы улучшить видимость.

– В чем дело? Что ты там слышишь?

– Что-то очень большое. Реально большое. И их очень много.

– Рыбы Лидса?

– Такого же размера, но куда более проворные. В двухстах ярдах от нас и быстро приближаются.

Выжав из подводного аппарата максимальную скорость, Дэвид мчится по впадине на скорости тридцать два узла. Пожеванное правое крыло, утратившее гидродинамические характеристики, дрожит и трясется, не слушаясь управления.

– Сто ярдов... семьдесят ярдов! А можно еще быстрее?

– Это максимальная скорость. Больше никак не выжать. А я могу их обогнуть?

– Нет места. Их слишком много. Дэвид, один уже подбирается сбоку!

Дэвид поворачивает голову влево, и у него внезапно холодеет едва успевшее оттаять сердце.

Сперва появляется голова, похожая на дельфинью: длиной восемнадцать футов от кончика вытянутой морды до скошенного назад черепа. Острые, как у косатки, зубы и огромный, размером с большой надувной мяч, глаз, обладающий ночным зрением и мерцающий серебристыми огоньками.

– Ихтиозавр! Проклятый ихтиозавр! Причем очень крупный. Шонизавр. Длиной семьдесят... восемьдесят футов. И весит не меньше синего кита.

– Дэвид...

– Настоящий монстр. Посмотри. Видишь жаберные щели прямо за головой? Кайли, жаберные щели!

– Дэвид, не отвлекайся! Лавируй! Прямо за нами еще один! Хватает зубами хвостовую антенну.

– Держись! – Дэвид рвет на себя оба джойстика, подводный аппарат взмывает вверх под углом семьдесят градусов, но стая ихтиозавров – три самки и два детеныша – поднимается следом за ними.

– Кайли, какая глубина?

– Мы только что миновали отметку двадцать девять тысяч восемьсот пятьдесят футов. Дэвид, что ты делаешь? Так мы никогда не доберемся до туннеля.

– А я и не собираюсь туда плыть. – Дэвид проверяет компас, корректирует направление подъема так, чтобы они двигались на восток.

– Двадцать семь тысяч...

Кайли взвизгивает, когда одна из самок пытается укусить правое крыло, но промахивается, поскольку другой охотник пихает подводный аппарат сзади, тем самым невольно спасая его от смертельно опасных челюстей.

– Двадцать пять тысяч футов... Дэвид, берегись!

Двое хищников подталкивают аппарат в сторону третьего охотника: гигантской самки длиной семьдесят пять футов, предпринявшей атаку сверху.

Дэвид маневрирует, делает «бочку» прямо под щелкающими челюстями, огибает передние грудные плавники мастодонта, едва избежав столкновения с задними плавниками, по касательной задевшими стекло кабины пилота, после чего проносится мимо молотящего хвоста и поднимается под углом девяносто градусов в поисках...

– Течение! Держись!

Дэвид делает обратную петлю, вписываясь в стремительный поток воды, едва не потеряв при этом болтающееся правое крыло. Выровнявшись, «Морской дьявол» стрелой летит в темноту.

Течение крутит и вертит вставший на дыбы подводный аппарат. Дэвид балансирует, приспособив взлеты и падения к скорости потока, и наконец выравнивает аппарат. «Морской дьявол» мчится на восток по конвейерной ленте воды, оставив далеко позади стаю ихтиозавров.

– Ух ты! – Расстегнув ремни безопасности, Кайли страстно целует Дэвида в губы. – Я люблю тебя! Если бы я так не окоченела, то непременно уселась бы к тебе на колени, чтобы заняться подводным сексом!

Дэвид сдерживает довольную ухмылку:

– Мы пока еще в этой адской дыре. Пристегнись. Нужно выбраться из течения, пока оно не отнесло нас к Гуаму.

Кайли снова пристегивает ремни безопасности и надевает наушники.

Дэвид сбрасывает скорость и, стараясь поддерживать поврежденные крылья подводного аппарата в равновесном состоянии, начинает плавный подъем, чтобы вырваться из холодного плена стремительного потока воды.

А в нескольких морских милях к западу от них «Морской дьявол» команды «Альфа», пилотируемый Джеффри Хоком, погружается на шестнадцать тысяч футов: максимальную глубину, которой когда-либо достигал Хок, в данный момент находящийся в состоянии крайнего нервного напряжения. Бывший рулевой на подлодке класса «Огайо», посвященный в духовный сан, выравнивает подводный аппарат и кружит, тем временем второй пилот Маркус Слабин внимательно слушает сигналы сонара.

– Ну?

– Тсс! – Слабин, наклонившись вперед, прижимает наушники к ушам. – Я что-то слышу... Какие-то посторонние звуки.

– Команда «Дельта»?

– Возможно. Но нужно проверить.

Три сильных звуковых сигнала реверберируют в толще воды. Звуковые волны затухают в темноте, отражаясь от всех встреченных по пути объектов и предупреждая обитателей ареала о вторжении в их жизненное пространство.

– Засек их. Вот дерьмо! Это не команда «Дельта». Какие-то животные. Их там пять! На глубине девятнадцать тысяч футов. Они меняют курс и быстро поднимаются. Джефф, нужно поскорей уносить отсюда ноги!

Джеффри Хок вжимает педали в пол, дергает на себя джойстики и начинает головокружительный подъем.

– Спайдермен, прием. Это команда «Альфа». У нас гости.

«Морской дьявол» пролетает отметку четырнадцать тысяч футов, пилот старается вести аппарат практически вертикально.

– Команда «Альфа», какой они величины?

– Господи, чертовски большие! – истошно кричит Слабин.

– Не поминай имени Господа всуе!

– Заткнись и веди аппарат! – Слабин еще раз проверяет сетку сонара. – Пять неопознанных объектов, причем трое длиной не меньше семидесяти – восьмидесяти футов. Они прямо за нами...

– Успокойся, Маркус. Ты наверняка просто приманил косяк рыб Лидса.

– Хрен тебе! Это не медлительные фильтраторы. Они очень проворные и явно нацелились на нас.

– Прохожу отметку одиннадцать тысяч футов.

Маркус отмечает глубину и время на секундомере, с тем чтобы определить скорость погони.

– Нас отделяет всего тридцать секунд. Джефф, когда достигнешь дыры, не сбрасывай скорость! Нужно выжать из долбаного аппарата тридцать узлов! Эй, святой отец, ты меня слышишь?

Пот градом катится по лицу Джеффри Хока, скапливаясь за шиворотом.

– Слишком быстро! Нам не выбраться из дыры на такой скорости. Мы запутаемся в сетях.

– К черту сети! Или ты предпочитаешь стать кормом для рыб?!

– Команда «Альфа», прием. Мы зафиксировали ваше местоположение. Джеффри, при такой траектории ты отклонишься от цели. По моей команде ложись на курс ноль-шесть-ноль. Три... два... один...

– Готов! – Хок корректирует угол подъема, «Морской дьявол», словно баллистическая ракета, устремляется вверх.

У Хока отчаянно трясутся руки, дыхание вырывается из груди судорожными толчками. Выход из этого ада прячется где-то во тьме прямо над головой, однако у Хока не хватает навыков пилотирования на предельной скорости, и сейчас его вера в человека – и Господа Бога – явно подвергается испытанию на прочность.

– Так держать, святой отец! Ты идешь правильным курсом. Мистер Слабин, включайте наружные огни.

Вспыхнувшие прожекторы подводного аппарата освещают каменный потолок и постепенно увеличивающуюся черную дыру с водой.

– Итак, начинаем, господа. Поднимайтесь в дыру по моему сигналу. Три... два...

Преследуемый сорокатонным монстром «Морской дьявол» пролетает через вертикальную каменную шахту на скорости двадцать два узла.

В голосе Спайдермена слышится плохо скрытое волнение:

– Вы выманиваете их наверх. Не снижайте темпа! «Тонга», приготовить сети!

Аппарат задевает выступы скальной породы. Хок сворачивает налево. Затем направо. Каждый маневр требует ловкости и отточенности движений. Однако Хоку явно не хватает скорости реакции, что заставляет его...

– Не тормози!

– Я должен! – Ослабив нажим на педали, Джеффри Хок возвращает контроль над аппаратом, но одновременно дает возможность ближайшему к ним ихтиозавру приблизиться вплотную.

Доисторический охотник, яростно работая хвостом и плотоядно щелкая челюстями, прыгает вперед за ускользающей добычей, треугольные зубы вонзаются в правое крыло.

Джеффри Хок и Маркус Слабин, не сговариваясь, вопят от ужаса, когда «Морской дьявол» кренился набок в бесконтрольном вращении и врезается носом в вулканическую скалу. От удара в корпусе кабины пилота моментально появляется двухдюймовая трещина....

БА-БАХ!

Давление воды 3500 фунтов на квадратный дюйм разрывает акриловую спасательную капсулу и расплющивает ее, забрызгивая

стекло кровью и ошметками плоти, после чего океан втягивает останки подводного аппарата в свое ненасытное чрево.

Альфа-самка, жадно глотая куски пластика и человеческого мяса, выплывает головой вперед из входного отверстия в Филиппинское море, где сразу попадает в одну из сетей. Самка отчаянно бьется в поднимающейся сети, но только еще больше стягивает свои узы. Тем временем из входного отверстия вылетают еще два члена охотничьего отряда. Первый из них с ходу безнадежно запутывается в толстой сети, ну а второй, избежавший лабиринта сетей, ведет за собой стаю гигантских ихтиозавров в открытое море.

Над главной палубой танкера разносится надрывный вой сирены, призывающей матросов занять свои места. Лебедки наматывают тросы. На глубине семь тысяч футов начинается перетягивание каната – борьба не на жизнь, а на смерть. Охотники сами стали добычей. Находившиеся в заточении виды вырвались на свободу из преисподней, возраст которой исчисляется 210 миллионами лет.

У Дэвида Тейлора уходит двадцать бесконечно долгих минут на то, чтобы высвободить «Морского дьявола» из цепких объятий подводного течения Панталассы. Но вот наконец Дэвид сбрасывает скорость, пустив подводный аппарат в дрейф. Внизу по-прежнему глухо рокочет бурлящая вода, которая вливается в безбрежное черное море.

Кайли прислушивается к звукам в наушниках:

– На сонаре чисто. Как далеко мы сейчас от туннеля?

Дэвид дважды поверят их местоположение:

– Ух ты! Входное отверстие находится в сорока семи и семи десятых мили к востоку, и это еще не считая четырех миль вверх. Попробуй рацию.

– «Дельта» вызывает Спайдермена. Ответьте, пожалуйста. «Дельта» вызывает Спайдермена. Ничего не выходит. Только статические разряды. Похоже, одна из этих тварей откусила антенну.

Измученный необходимостью постоянно отражать смертельные угрозы, Дэвид откидывает голову и закрывает глаза, пытаясь сосредоточиться. Тихий рокот Панталассы в сочетании с потоками тепла из системы вентиляции действуют на Дэвида усыпляюще. Его веки тяжелеют, тело расслабляется...

– Дэвид!

– Прости. Я совершенно без сил.

– На, поешь чего-нибудь. – Кайли достает из бардачка два пакетика орехов с сухофруктами, один передает Дэвиду, второй берет себе.

Дэвид закидывает в рот горсть арахиса, изюма и темного шоколада. Уровень сахара в крови сразу повышается, сон как рукой снимает.

– А где карты Марена?

Пошарив за спинкой кресла, Кайли достает две карты, разворачивает первую:

– Батиметрическая карта Панталассы. Я насчитала двенадцать входных отверстий, включая вот эти три, которые Марен отметил красным.

Дэвид тычет пальцем в красный кружок:

– Это отверстие, через которое мы спустились. – Он достает из бардачка логарифмическую линейку и проверяет их местоположение. – Получается, что в данный момент мы находимся здесь, в восточной половине Панталассы.

Кайли вглядывается в карту:

– Похоже, у нас не такой уж богатый выбор. Ближайшее отверстие здесь, в двадцати двух милях к северо-востоку.

– Оно приведет нас прямоком в Марианскую впадину. Будь я проклят, если полезу в логово мегалодона!

Кайли в очередной раз изучает карту, измеряя расстояния логарифмической линейкой:

– А как насчет этого выхода? Он в восьмидесяти пяти милях отсюда, но уже к востоку. Большую часть пути мы сможем плыть по течению, вдвое сократив время. Плюс у нас есть подробная карта Марена. По-моему, неплохой вариант.

– Или можно вернуться назад.

Кайли поднимает глаза на Дэвида:

– Там ихтиозавры. Неужели ты действительно хочешь вернуться?

– Ладно. На восток так на восток. Держись! – Дэвид вжимает в пол педали, увеличивает скорость до двадцати узлов и, дернув на себя джойстики, посылает «Морского дьявола» брюхом вперед в ревущее течение Панталассы.

На борту «Макфарланда»

Тихий океан

Звездное покрывало раскинулось на безлунном ночном небе, океан, свинцово-серый и бархатный, сливается с бескрайним горизонтом.

Джонас сидит на стальной решетке прохода правого борта, облокотившись на нижнюю перекладину леерного ограждения.

Внизу тихо мерцает темная морская вода, подсвечиваемая белоснежной шкурой ее обитателя, верхняя доля хвостового плавника едва шевелится, хвост делает равномерные, как удар метронома, взмахи.

Завороженный этим зрелищем, Джонас мысленно переносится на двадцать шесть лет назад, когда команда «Кику», судна Масао Танаки, поймала в сети мать Ангела. В ночь, очень похожую на сегодняшнюю, они с Терри стояли у леера на корме, мучительно раздумывая, стоит ли тащить пойманную самку мегалодона в Институт Танаки или лучше сразу ее утопить.

Терри была в ярости. Она жаждала отомстить за смерть брата. А вот я из тщеславного желания доказать всему миру, что мегалодоны действительно существуют, захотел сохранить самке жизнь. И это стало для всех переломным моментом – решением, которое круто изменило жизнь множества семей. Сколько невинных людей могло бы остаться в живых, если бы я убил мать Ангела, когда мне представился такой шанс? Сколько семей я избавил бы от горькой участи оплакивать своих близких? Если бы я положил конец этой истории еще тогда... И не было бы ни мегов, ни Ангела, ни Белль с Лиззи. И буду ли я считать сегодняшний день переломным моментом лет через десять, если, конечно, доживу до глубокой старости? А что, если мое решение выпустить на волю нашего монструозного домашнего питомца погубит меня... или кого-то, кого я люблю? А что, если Ангел снова беременна? Могу ли я допустить возрождение видов, которые, по замыслу Матери-Природы, не должны были делить океанские глубины с человеком?

Убей ее! Прямо сейчас! Собери ее останки – и концы в воду! Через неделю вернешься домой и сообщишь, что благополучно выпустил Ангела в Марианскую впадину. После чего навсегда закроешь лагуну от греха подальше. Чтобы ее злобное отродье никогда не узнало вкуса открытого океана.

Почувствовав ароматный дым пенковой трубки, Джонас поворачивается и обнаруживает, что капитан Нил наблюдает за ним с верхней носовой палубы:

- Похоже, твой приятель чем-то расстроен.
- Мак? А в чем дело?
- Без понятия. Он на мостике. Общается с кем-то по рации.

Джонас с тяжелым сердцем поднимается на мостик. Мак, с глазами, полными слез, стоит на балконе, выходящем на переднюю палубу.

– Мак, что случилось? Что-то с Триш? С младенцем?

– Нет. – (На Джонаса одновременно с чувством облегчения накатывает волна паники.) – Я не доверял бин Рашиди и поэтому внедрил в его окружение своего человека. Присматривать за Дэвидом. – (У Джонаса екнуло сердце, кожа покрылась испариной.) – Я только что узнал от своего друга последние новости. Дэвид принял предложение бин Рашиди. Ублюдок уговорил мальчика совершить погружение в подземное море. Мальчик пропал.

У Джонаса тотчас же резко подскакивает давление.

– Что случилось? Выкладывай!

– Они отправили Джонаса в компании со вторым пилотом на одном из «Дьяволов» в подводную лабораторию. Они пришвартовались...

– Где? На какой глубине?

– Глубоко. На глубине тридцати одной тысячи футов.

– Господь Всемогуций!..

– Им удалось проникнуть внутрь. А вскоре после этого стыковочный док взорвался. «Барракуда» уничтожена взрывом. Так что теперь невозможно узнать, удалось им уцелеть или нет. – (У Джонаса перед глазами возникает огненный вихрь. Он падает на колени и, дрожа всем телом от нахлынувших эмоций, закрывает лицо руками. Слепая

ярость оттесняет горе на задний план.) – Рация не работает. Возможно, это просто помехи.

– Отвези меня туда.

– Я уже вызвал вертолет. Ты вылетаешь из Сан-Франциско на Гавайи, а оттуда – на Гуам. На Гуаме тебя будет ждать другой вертолет, который доставит на судно бин Рашиди.

– Свяжись с институтом. С кем-нибудь, кому ты доверяешь. Я хочу, чтобы моим рейсом отправили прототип «Эбис глайдера III».

– «Эбис глайдер?» Джонас, но ведь у бин Рашиди есть «Морские дьяволы».

– Это спасательная операция. Мне нужен аппарат с манипулятором.

– Ладно. – Мак задумчиво смотрит на свинцовый океан. – Джонас, Дэвид хороший пилот...

Джонас кивает, комок в горле мешает говорить.

– Я найду его.

Глава 29

Панталасса

Интерактивная биомасса нашей планеты – это саморегулирующая гомеостатическая система, поддерживающая в равновесном состоянии глобальные температуры и химический состав воздуха и воды, что необходимо для сохранения жизни на Земле.

Лоном Земли являются океаны. Океанские течения входят в систему глобальной циркуляции, регулирующей глобальные температуры и обеспечивающей живые существа питательными веществами. На течения среди прочего воздействуют ветер и приливы, лунная гравитация и вращение Земли, но основным механизмом, обуславливающим возникновение океанских течений, является термохалинная циркуляция. Теплые воды поднимаются вверх, в то время как холодные, более соленые воды, характеризующиеся большей плотностью, опускаются вниз. Разность плотности воды под воздействием температуры (термо) и солености (халинность) приводит в движение большие потоки воды подобно тому, как струйные течения переносят большие объемы воздуха. И наглядным примером этому служит Гольфстрим.

Гольфстрим, входящий в глобальную систему циркуляции океанов, – это мелкое теплое течение, которое переносит больше воды, чем пятьсот Амазонок, вместе взятых. Нагретый экваториальным солнцем, Гольфстрим в верхних слоях океана отдает такое количество тепла, что им можно было бы сто раз нагреть всю Землю. В ходе продвижения на север мимо Флориды течение постепенно охлаждается под воздействием ветра, усиливающего испарение. По мере увеличения солености и понижения температуры течение постепенно опускается в глубинные слои Северной Атлантики, замещаясь более теплыми водами, что происходит на всем пути его продвижения.

Достигнув около Гренландии температур, характерных для субполярного климата, течение опускается на глубину 6000–10 000 футов, откуда сворачивает на юг, в Западную Атлантику. Под воздействием рельефа морского дна эта подводная река делает петлю

вокруг Антарктики, после чего устремляется в Тихий и Индийский океаны, где снова поднимается к поверхности, чтобы снова начать свое путешествие вокруг Земли. Эта так называемая океаническая конвейерная лента настолько широкая, что иногда ей требуется более тысячи лет, чтобы обогнуть земной шар.

Подводное течение Панталассы осуществляет перенос питательных веществ по той же схеме. Холодные просачивания из древнего океанского ложа способствуют мощному апвеллингу плотной холодной воды, поток которой устремляется по часовой стрелке на восток вследствие вращения Земли. По мере продвижения на восток этот поток сталкивается с выбросами теплой воды из тысяч гидротермальных источников, расположенных на сейсмоактивном океанском ложе. Гидротермальные источники, или «черные курильщики», извергают обогащенную химическими веществами и минералами воду, температура которой достигает семисот градусов по Фаренгейту. При подъеме нагретая вода сталкивается с холодным слоем, и в результате образуется гидротермальная струя.

Этот крутящийся потолок из высоко минерализованной воды очень эффективно захватывает и сохраняет тепло, создавая внизу тропический абиссальный слой. Разность плотности между верхним холодным слоем и тропической впадиной превращает подводный поток Панталассы в бурную реку, скорость течения которой резко увеличивается на протяжении шестисот миль. По мере приближения к восточной оконечности подземного моря количество геотермальных источников уменьшается и температура воды резко понижается. Опустившись в глубинные слои, холодное течение поворачивает на юг, потом – на запад, где со временем встречается с холодными просачиваниями, после чего весь процесс начинается сначала.

В глубинах Панталассы экстремальные перепады температур и солености подпитывают подводную реку, и механизм этот вот уже 250 миллионов лет обеспечивает древних обитателей Панталассы достаточными запасами пищи. Более того, холодные просачивания и гидротермальные источники не только способствуют переносу питательных веществ, но и создают резко отличающиеся между собой температурные зоны, которые позволяют разделить их обитателей на две разные пищевые цепочки.

Дэвид Тейлор, закрыв глаза, мочится в гибкую пластиковую трубку, соединенную с бутылкой вместимостью шестнадцать унций.

– Боже, как хорошо! Еще немножко, и я бы лопнул. – (Кайли, всецело поглощенная пилотированием подводного аппарата по подводному течению Панталассы, не реагирует на слова Дэвида.) – Я закончил. Уверена, что мне нечем тебя заинтересовать?

– Я ведь тебе уже говорила, что обезопасилась.

– Интересно как? Чем-то вроде подгузника или типа того?

– Когда мы выберемся из этого дерьма, обязательно дам тебе примерить. А теперь заканчивай поскорее. Течение очень коварное.

– Нельзя подгонять парня, который писает. Если остановиться посередине процесса, может лопнуть простата. – Дэвид даже постанывает от облегчения.

Неожиданно он замечает, что подводный аппарат поднимается вверх.

...19 175 футов.... 18 840 футов...

– Кайли, не дергай аппарат. Ты слишком быстро поднимаешься.

– Я тут ни при чем. Это все течение.

И, словно в ответ на ее слова, нос «Морского дьявола» неожиданно взмывает вверх. Кайли не успевает выровнять аппарат, и Дэвид забрызгивает штаны мочой.

– Это уже не смешно!

– Я не специально. Я ведь ясно сказала тебе, мне с этим течением не справиться.

Дэвид закрывает бутылку, застегивает штаны и берет в руки джойстики, которые сразу оживают в его ладонях.

– Переключайся... Давай! – Дэвид всем телом ощущает давление течения на крылья подводного аппарата. – Какого черта? Здесь явно происходит апвеллинг!

– А то! Посмотри на температуру воды.

Датчик температуры показывает пятьдесят семь градусов по Фаренгейту, причем цифры продолжают расти.

– Должно быть, мы попали в зону гидротермальных источников.

– А это хорошо?

– Нет, пока мы движемся вместе с потоком. Перепад температур может...

Внезапно столб бурлящей воды врезается в крылья подводного аппарата подобно ураганному ветру, срывающему черепицу с крыши. Нос «Морского дьявола» взмывает вверх, подводный аппарат переворачивается на 360 градусов и падает набок. После чего турбулентный поток его выплевывает.

Потеряв скорость, поврежденный аппарат, обладающий нейтральной плавучестью, зависает вверх дном.

Дэвид массирует пульсирующий затылок, в голове звенит так, словно в нее попали футбольным мячом.

– Не мог бы ты нас перевернуть, пока я не блеванула? – стонет Кайли.

Поколдовав над перевернутым пультом управления, Дэвид умудряется запустить двигатели. Правый гребной винт с надрывным металлическим лязганьем трется о металл. Опасаясь, что винт повредит кожух, Дэвид слегка ослабляет нажим на педали. Затем с помощью левой педали выравнивает аппарат и осторожно ведет его вперед на скорости три узла.

– Ты в порядке?

– Голова просто раскалывается. Меня укачало. Подгузник насквозь мокрый. И вообще, мне безумно страшно. По-твоему, я в порядке?

– Все лучше, чем умереть. Если мне не изменяет память, я буквально на коленях умолял тебя не подписываться на эту авантюру.

– Ладно, признаюсь, ты был прав. – Кайли лезет в аптечку за аспирином, проглатывает сразу четыре таблетки, запив ледяной водой. – Есть какие-нибудь идеи по поводу того, где мы находимся?

Дэвид проверяет их местоположение:

– Мы примерно в четырех милях к юго-западу от ближайшего входного отверстия на карте Марена и в двух милях от каменного потолка Панталассы. А как там сонар? Что-нибудь можно услышать?

Кайли прислушивается к звукам в наушниках:

– Только это течение. Оно забивает все внешние звуки.

– Тогда я еще немного продвинусь вперед. – Дэвид запускает левый винт и неожиданно замечает, как впереди в темноте вырисовывается нечто странное. Настроив контрастность системы ночного видения кабины пилота, Дэвид вглядывается в оливково-зеленую бездну, затем поспешно выключает двигатель, позволив подводному аппарату дрейфовать.

– Что ты делаешь?

– Тсс! Чуть впереди, прямо над головой.

Кайли всматривается в колышущуюся массу размером с кита в двух футах над ними. И, приглядевшись, понимает, что перед ней одно из звеньев древней пищевой цепи Панталассы.

Хадопелагиальный криль, роящийся в воде, будто стая саранчи, поднимается из глубин наверх, чтобы кормиться микроскопическими частицами питательных веществ. Вокруг мерцающего белого облака криля вьется стайка удильщиков, они кружатся в темноте, совсем как подхваченные торнадо светлячки. Светящийся водоворот атакуют похожие на глубоководные бомбы акулы, которые движутся настолько стремительно, что их даже невозможно идентифицировать.

А в центре этого абиссального шведского стола находится рыба Лидса весом 83 000 фунтов.

Покрытый зияющими ранами гигант длиной 85 футов истекает кровью. Хищные обитатели теплых вод Панталассы поедают рыбу живьем, пресекая ее попытки уплыть от мучителей.

Двенадцатифутовый мозазавр из семейства галозавровых атакует огромный лучеобразный грудной плавник рыбы Лидса. Работая всеми четырьмя перепончатыми конечностями, мозазавр намертво смыкает крокодильи челюсти на плавнике, двойные ряды тонких крыловидных зубов прокалывают плоть и кости. Отчаянно мотая головой, сидящей на мощной шее с трепещущими жабрами, мезозавр вырывает шестидесятифунтовый кусок мяса из рыбы Лидса.

На запах свежей крови плывет парочка шестифутовых гибодусов. Эти представители морской фауны триасового – мелового периодов, с высокой верхней лопастью хвостового плавника, как у лисьей акулы, характеризуются наличием торчащих из-за глазниц дьявольских рогов, а также гребнем на передней части спинного плавника – оружием, способным отразить атаку сверху. Акулы – обе самки – набрасываются на рыбу Лидса, погружая тупые рыла в кровоточащий лоскут розовой плоти. Извиваясь всем телом в приступе пищевого безумия, они насквозь прокусывают зазубренными зубами кости и ткани.

Привлеченный запахом крови, из темноты появляется эласмозавр – монстр длиной сорок пять футов, с тонкой шеей длиной в полтуловища. Этот пузатый плезиозавр нацелился на открытую рану прямо над левым грудным плавником умирающего лидсихтиса, который уже

привлек несколько десятков похожих на пираний удильщиков. Эласмозавр ускоряется с помощью шестифутовых ласт, стараясь подплыть поближе к месту кровавого пиршества, после чего, сделав выпад головой, атакует с тыла удильщиков, протыкает трех из них острыми, как шипы, зубами и попутно распугивает остальных. Но пока он, втянув голову обратно, пережевывает пищу, удильщики успевают перегруппироваться и снова приступить к трапезе.

Краем глаза Дэвид улавливает какое-то движение. Повернувшись налево, он видит прямо перед собой змеиные глаза хайнозавра. Гигантский мозазавр подплывает к «Морскому дьяволу», демонстрируя во всей красе жуткое туловище длиной пятьдесят семь футов. Голова с крокодилыми челюстями, способными проглотить взрослого мужчину, переходят в короткую толстую шею на плотном туловище с четырьмя лапами, которое заканчивается похожим на угря мощным двадцатифутовым хвостом.

Не обращая внимания на притихшего «Морского дьявола», чудовище весом тридцать две тонны кружит под рыбой Лидса. Хайнозавр оценивает размер добычи и силы внезапно приплывшего откуда-то сверху гигантского соперника. В какой-то леденящий душу момент Дэвид по ошибке принимает появившееся существо за взрослого мегалодона, но вскоре осознает, что это не один, а целых два монстра, плывущих в боевом порядке.

Самки кронозавра чуть мельче гигантского мозазавра, но не менее опасны. Их череп длиной семь футов имеет мощные челюсти, снабженные девятидюймовыми треугольными зубами, а крепкое туловище обладает хорошо развитой мускулатурой, начиная от толстой шеи и кончая коротким треугольным хвостом. Монстры движутся почти синхронно: второй кронозавр плывет в кильватерном следе первого.

Совсем как Лиззи и Белль!

И в этот момент просветления Дэвид отчетливо понимает, что в среде обитания крупных хищников самое главное – это размер или кажущийся размер.

Воды из лагуны поступают в «Загон для мег». И хотя бассейны физически отделены друг от друга закрытым проходом, сестренки чувствуют присутствие Ангела... и они ее боятся.

Заметив появление кронозавров, мозазавр устремляется вверх, чтобы застолбить место за обеденным столом. Бездонная, как у питона, пасть открывается, челюсти защелкиваются на беззащитном брюхе лидсихтиса. Умиравший гигант дергается в конвульсиях, а тем временем мозазавр, мотая туда-сюда головой, вырывает крыловидными зубами восьмисотфунтовый шмат плоти и внутренностей.

Кровь хлещет струей из смертельной раны, заливая пирующего мозазавра, который сторожит свою добычу, зависнув под растерзанным лидсихтисом. Мощные челюсти монстра перемалывают мясо в мягкую массу, жаберные щели и толстый живот колышутся от напряжения.

Внезапно мозазавр уплывает прочь, оставляя кровавое пиршество.

Кронозавры следуют его примеру. Так же как и акулы, эласмозавр и даже удильщики – все как один покидают зону поражения.

Повисает зловещая тишина.

Кайли дрожит как осиновый лист, кровь отливает у нее от лица. Схватив Дэвида за руку, она показывает на экран сонара, на котором внезапно появляется яркая точка, стремительно приближающаяся на глубине семьдесят футов под ними.

Дэвид, прижавшись к стеклу кабины пилота, смотрит вниз, его глаза зорко следят за движением воды, синяя жилка на шее судорожно

бьется.

Свинцово-коричневая в светлых пятнах спина идущего на сближение существа сливается с морской водой. Сидящая на короткой мускулистой шее вытянутая крокодилья голова величиной с детеныша мегалонихты занимает треть туловища. Челюсти длиной тридцать два фута вооружены десяти-, двенадцатидюймовыми зубами. Острые клыки торчат из зубастой пасти наподобие «розочки».

На шее монстра видны жаберные щели высотой до двадцати футов – результат эволюционной адаптации, дающей ему возможность дышать, как рыбы. Туловище величиной с железнодорожный вагон снабжено мощной грудной клеткой, поддерживающей мускулистый плечевой пояс с мощными передними лапами. Сужающееся брюхо переходит в задние конечности и коренастый хвост. Обтекаемая форма, придающая морскому гиганту своеобразную грацию, позволяет развивать высокую скорость.

– Лиоплевродон... – со священным ужасом шепчет Дэвид, у которого глаза лезут на лоб при виде самого крупного морского хищника из когда-либо обитавших на планете за четыре миллиарда лет ее существования.

Монстр, проскользнув под «Морским дьяволом», величественно поднимается, свет желтых змеиных глаз отражается в стекле ночного видения. На фоне лиоплевродона длиной 122 фута мертвый лидсиктис кажется карликом. Молниеносным движением лиоплевродон захватывает разинутыми челюстями лидсиктиса, прикусывает его зубами и, взбивая воду передними лапами, стремительно исчезает со своим призом во тьме.

Дэвид облегченно вздыхает. Кайли шепчет благодарственную молитву... И тут внезапно из темноты прямо перед ними возникает гигантская голова мозазавра, который смыкает челюсти на подводном аппарате. К счастью, прочный корпус кабины пилота выдерживает испытание, оказавшись мезозавру явно не по зубам.

У Кайли от ужаса перехватывает дыхание, крик замирает в горле.

Дрожащими руками Дэвид пытается запустить двигатели. Каким-то чудом ему удается включить наружные огни. Тьма внезапно превращается в розовую глотку, темный пищевод и желтые, в коричневых пятнах зубы размером с банан. Наружное давление переваливает через отметку 19 000 фунтов на квадратный дюйм, на

пульте управления загораются красные лампочки. Спасательная капсула вот-вот разрушится под сокрушительным воздействием воды и зубов монстра. Еще немного – и пилотов ждет мучительная гибель.

Не в силах проглотить добычу, мозазавр разжимает челюсти, приготовившись к новому укусу, и в этот самый момент Кайли переводит сонар в активный режим, обрушивая на мозазавра сильные звуковые волны, а Дэвид нажимает на педаль, пробуждая к жизни левый винт. Пулей вылетев из пасти монстра, «Морской дьявол» исчезает в темноте.

Кайли рвет на голове волосы, ее измученный мозг парализован страхом.

– Это просто дурной сон, это просто дурной сон...

Дэвид, отчаянно лавируя, направляет аппарат вертикально вниз:

– Кайли, мне нужна твоя помощь!

– ...это просто дурной сон.

– Кайли, соберись! Он следует за нами в сторону дна. Мне нужно знать, что оно из себя представляет.

– А? – Обернувшись, Кайли видит мозазавра, так и норовящего ухватить подводный аппарат жуткими челюстями.

Надев наушники, Кайли начинает активно прощупывать Панталассу в поисках древнего морского ложа.

Показания глубиномера переваливают за 28 000 футов, температура воды повышается до 65 градусов по Фаренгейту. По мере продвижения в сторону дна давление воды продолжает увеличиваться, чудовищный вес океана сминает несущую конструкцию «Морского дьявола». Акриловые швы поврежденного правого крыла лопаются. Из-за резкого ухудшения гидродинамических характеристик подводный аппарат взбрыкивает, точно норовистая лошадь.

– Дэвид, слишком быстро! Слишком большая глубина!

– Определи наше местоположение!

– Дно на глубине тридцать одна тысяча восемьсот семьдесят семь футов, но повсюду «черные курильщики». Ты должен выровняться!

– Скажи это Годзилле! – Дэвид включает наружные огни, освещая окаменелый лес гидротермальных источников, трубы высотой 100–400 футов выплевывают в бездну густые черные облака минерализованной воды.

Мозазавр делает очередной выпад, задевая передними зубами правый винт.

Подводный аппарат беспомощно крутится в практически отвесном падении. Дэвид нацеливается на один из «черных курильщиков». Тела пилотов буквально вдавливаются в кресла, когда «Морской дьявол», развернувшись на 180 градусов, обходит жерло «черного курильщика» шириной 30 футов, делает «бочку» и выравнивается на глубине 31 470 футов.

Разъяренный мозазавр, с размаху налетевший на трубу «черного курильщика», обжигает брюхо и хвост кипятком, но не сдаётся и упорно продолжает погоню.

Дэвид лавирует вокруг «черных курильщиков», облепленных колониями белых рифтий. Подводный аппарат бросает из стороны в сторону в струях кипящей воды, каждая реверберация сотрясает кабину так, что у пилотов начинают стучать зубы.

Зажмурив глаза и упершись ногами в панель управления, Кайли упрямо посылает в творящийся кругом хаос звуковые волны, одновременно выкрикивая команды:

– Правый борт на десять градусов! У тебя есть еще двести футов. Приближаешься к отвесной гряде. Поднимайся по моей команде. Спокойно, спокойно... Три... два... один... Поднимайся!

«Морской дьявол» взмывает над подводной грядой, затем опускается в ложбину.

Мозазавр следует за ними через гряду. Однако уже в ложбине прекращает погоню. Делает круг слева от них, потом – справа и исчезает во мраке.

Дэвид уменьшает скорость левого винта:

– Он отстал?

– Нет, все еще здесь. Кружит в четырехстах футах от нашего правого крыла, но держится на расстоянии. Его явно что-то испугнуло.

Дэвид выключает наружные огни, взглядываясь в стекло ночного видения.

Из оливковой мглы материализуется монстр длиной 500 футов.

Глава 30

Сан-Франциско, Калифорния

Вирджил Уэйд Кармен откидывается на спинку неудобного дивана, уставившись на постер «Освободите Вилли».

Заставь их выложить деньги на бочку. Сара нормальная, а вот второй девице я не доверяю. Непонятно, чего от нее можно ждать. Те, кто красит волосы в фиолетовый цвет...

В комнату входят две женщины, и Вирджил тотчас же перестает дергаться.

Сара натянуто улыбается:

– Вирджил, ты от нас что-то скрываешь. Так?

– Я рассказал все, что знал. Ангел исчезла. Джонас с Маком выпустили ее...

– ...выпустили где? – У Джин Томпсон вздуваются вены на шее, лицо искажается от ярости. – Тейлор не стал бы ее просто так отпускать. Только не в Морской заповедник залива Монтерей!

– Никто не знает. Терри словно воды в рот набрала, но я выяснил. Выяснил, как они это сделали, куда везут Ангела, и вообще получил кучу интересной для вас информации. Но это обойдется вам недешево.

Сара смотрит на Джин, затем на Вирджила:

– Сколько?

– Сто штук. Налом. Только не говорите мне, что не можете этого себе позволить. Я в курсе, что вы заполучили двоих новых спонсоров. И все благодаря моей пленке. Согласитесь, дамы, ведь это я обеспечиваю вам массмедиа, YouTube, видео и спонсоров. Черт, благодаря мне вы даже заполучили Лану Вуд! А теперь я хочу свою долю.

Джин уже открывает рот, чтобы обматерить Вирджила, но Сара ее останавливает:

– Вирджил, спасибо, что предоставил нам информацию, но это не та вещь, которую институт сможет долго держать в секрете. Какой нам прок...

– Сара, Джонас тебя переиграл. Он выпускает Ангела вдалеке отсюда, в безлюдном месте, перехватив у тебя инициативу. Более того, он все документирует. И потом швырнет вам это прямо в лицо. Я могу сообщить его местоположение, куда он направляется и...

– Черт, он везет ее обратно в Марианскую впадину!

– На чем?

– На судне, естественно. Сукин сын! – Возмущению Сары нет предела. – Во время дебатов у входа в лагуну стоял земснаряд.

Вирджил даже вспотел от волнения:

– Хитрожопые ублюдки! Теперь, когда Ангела нет, Тейлор спокойно закроев лагуну. Лиззи он переведет в один бассейн, а Белу – в другой...

– ...и мы не при делах! – Джин в сердцах пинает свое эргономичное кресло. – Сара, я только что подписала контракт с «Каналом YouTube». Мы обещали им видео освобождения Белль и Лиззи. Ты хоть представляешь, какая сумма на кону?!

– Я могу это сделать, – говорит Вирджил.

Сара пропускает его заявление мимо ушей.

– Может, мы все-таки сумеем использовать Ангела. Интересно, каков общественный вес нашей сестринской организации в Японии?

– Забудь. Они занимаются исключительно защитой китов.

– Это может сработать. Учитывая, что Ангел сейчас в западной части Тихого океана...

– Ты что, глухая? – Вирджил бросает в Сару подушку. – Я сказал, что могу освободить Белль и Лиззи!

– Интересно как?

– Канал остался открытым. Должно быть, ворота были повреждены во время эвакуации Ангела. Терри даже не думает их чинить, поскольку они с Джонасом планируют в любом случае закрыть лагуну. Строительные работы начнутся через три дня, а значит, у нас полно времени, чтобы разместить съемочную бригаду у входа в канал, пока я буду выпускать сестренку.

Сара, вопросительно подняв брови, смотрит на Джин, подсаживается поближе к Вирджику:

– Вирдж, но как мы это сделаем?

– Мы? Вы ничего не будете делать. Я единственный человек, который может открыть канал.

– Какой канал?

– Канал, соединяющий лагуну с «Загоном для меча». Он расположен примерно на пятьдесят футов ниже основного уровня. С обеих сторон канал закрыт воротами, оставлен лишь фут свободного пространства, чтобы выровнять давление между двумя аквариумами. Все это специально предусмотрено при проектировании на случай, если нам понадобится выпустить детенышей в лагуну. Мы использовали канал только один раз. Когда Ангел рожала.

Джин присаживается на подлокотник дивана Вирджила:

– А у тебя есть доступ к управлению каналом?

Вирджил кивает:

– Сто штук налом – и сестренки поплывут прямо к вашей съемочной группе, а вы сможете уложить Джонаса Тейлора на обе лопатки. Мое предложение остается в силе до полуночи. А потом я даю интервью океанариуму Майами.

– Сто штук?! Держи карман шире! – выпаливает Джин. – Да я лучше удавлюсь, чем отвалю тебе такие деньжищи.

– Что ж, на нет и суда нет. – Вирджил встает, собираясь уходить. – Не сомневаюсь, в ПЕТА для вас всегда найдется работа. Например, обливать кровью знаменитостей в норковых манто.

Филиппинское море

Западная часть Тихого океана

Транспортный вертолет «Сикорский S61N» парит в небе над Тихим океаном, держа курс на юго-восток на скорости 120 узлов. В кабине сидят два пилота, а их единственный пассажир вытянулся на полу грузового отсека возле двенадцатифутового контейнера с надписью: «Т.О.И. „ЭБИС ГЛАЙДЕР III“. Не кантовать».

Джонас лежит на одеяле, брошенном на старый армейский матрас, тело отчаянно нуждается во сне, но сумбур в голове мешает уснуть. Для родителя нет ничего страшнее, чем мысль о том, что твое чадо в беде, но еще хуже – это состояние неизвестности, когда ждешь и не знаешь, что стало с твоим ребенком. Джонасу пришлось пережить два мучительных дня, в течение которых он, покинув «Макфарланд»,

вернулся на вертолете в Сан-Франциско, чтобы улететь на Гавайи, а оттуда – стыковочным рейсом на Гуам. И вот сейчас был конечный этап его путешествия длиной пять тысяч миль: перелет на вертолете через Филиппинское море в поисках супертанкера «Тонга». Хотя это еще не конечный этап, а только начало. Конечным этапом будет путешествие длиной шесть миль в бездну – тест на выживаемость, который он, Джонас, прошел двадцать три года назад. Правда, теперь успешному выполнению миссии может помешать возраст, волнение и общее переутомление, как умственное, так и физическое.

Мне нужно поспать... ради Дэвида.

Поправив импровизированную подушку, Джонас закрывает глаза, но усталый мозг отказывается слушаться доводов разума.

Информатор Мака сказал, что Дэвид преуспел в пилотировании «Морского дьявола». А это значит, что он или покинул лабораторию и заблудился, или покинул лабораторию и попал в западню, или попал в западню в самой лаборатории, когда взорвался подводный док...

От мрачных мыслей, которые в очередной раз пытаются пробить броню решимости, на глаза наворачиваются слезы.

Нет! Тебе не стоит туда спускаться! Организуй спасательную операцию.

Если Дэвид заперт в лаборатории, тебе понадобится трос, длины которого должно хватить, чтобы достать до дна, плюс еще миля слабины. Предположим, для верности 37 000 футов. Лаборатория весит сорок семь тонн, а значит, понадобится промышленная лебедка, достаточно мощная, чтобы поднять лабораторию на поверхность. На борту танкера наверняка что-то такое имеется.

Ну а если Дэвид заблудился там, внизу, или подводный аппарат получил повреждения, то найти мальчика будет очень и очень непросто. Лучшая стратегия осуществлять поиск вдоль дна путем пинг-пунга по увеличивающемуся радиусу.

Воспоминания о схватках с *Carcharodon megalodon* в Марианской впадине безжалостно нарушают ход мыслей Джонаса.

Наплевать и забыть! Не важно, что там внизу. И, кроме того, если подводный аппарат Дэвида поврежден, он наверняка использует спасательную капсулу. Правда, спасательная капсула будет всплывать неуправляемо, и шансов, что она попадет прямо во входное отверстие, один на миллион, а значит, Дэвид может застрять под каменным

потолком Панталассы... там, откуда, возможно, и следует начинать поиски.

Джонас беспокоится ворочается с боку на бок.

Нет, Джонас, так не пойдет. Сперва ты должен немного поспать... ради Дэвида.

Панталасса

Монстр стоит вертикально, возвышаясь на пятьсот футов над морским ложем, опустошенным в свое время этим вторжением извне. Чудовищная гора проржавевшей стали весом примерно 10 000 тонн покоится, зарывшись носом в ил, в окружении обломков, что некогда были высокой верхней палубой, трехногой грот-мачтой, восемью котлами и четырьмя турбинами, от которых работали четыре гребных винта наружного вращения.

Включив наружные огни «Морского дьявола», Дэвид медленно маневрирует вокруг киля тяжелого крейсера типа «Портленд». Притихшие винты облеплены ракушками, стальная обшивка проржавела, но осталась нетронутой, если не считать двух здоровенных дыр в кормовой части, возникших в результате удара японских торпед, потопивших американский крейсер более шестидесяти лет назад.

Дэвид направляет «Морского дьявола» вдоль правого борта крейсера, вокруг бимса шириной шестьдесят шесть футов, и сталкивается с тремя носовыми орудиями, обращенными сейчас в сторону морского дна. Оружие это, буквально до неузнаваемости облепленное ракушками, стало убежищем для самых маленьких обитателей бездны.

Наружные огни «Морского дьявола» высвечивают надпись: СА-35.

– Боже мой, Кайли! Да это же «Индианаполис»!

Укомплектованный личным составом и готовый к плаванию в ноябре 1932 года, военный корабль США «Индианаполис» впервые принял бой в южной части Тихого океана через два месяца после того, как японцы атаковали Перл-Харбор. Как флагманский корабль Пятого флота, крейсер завоевал десять боевых звезд за битву за Иводзиму,

атаку на Марианские острова и за бомбардировку, предшествующую битве за Окинаву.

В июле 1945 года крейсер вернулся на военно-морскую верфь Мар-Айленд в Калифорнии, чтобы взять на борт секретный груз для перевозки в южную часть Тихого океана: урановые сердечники для атомных бомб, впоследствии сброшенных на Хиросиму и Нагасаки. Шестнадцатого июля крейсер прибыл на один из группы Марианских островов – остров Тиниан, – где и выгрузил секретный груз.

Двумя неделями позже, 30 июля 1945 года, в 12:14 «Индианаполис» был торпедирован в Филиппинском море японской подлодкой. Корабль затонул за двенадцать минут, утащив вместе с собой на дно триста членов экипажа. Оставшиеся девятьсот человек в ожидании спасателей провели четверо суток без еды и воды в открытом море, кишащем акулами, которые массово нападали на беспомощных моряков.

Из 1196 членов экипажа «Индианаполиса», что были на борту в то роковое утро, уцелели лишь 316 человек.

Дэвид в священном ужасе смотрит на призрачные обломки:

– Я читал об «Индианаполисе» в старших классах. Согласно воспоминаниям выживших моряков, крейсер пошел на дно носом вперед. Корабль весом двадцать миллионов фунтов врезался в дно Филиппинского моря на скорости сорок узлов. Крейсер пробил носом, словно гигантской наковальней, дыру в морском ложе, после чего продолжал падать вниз, прямо в Панталассу, пока окончательно не застрял в его дне. Теперь понятно, почему корабль так и не смогли найти!

– Но Марен наверняка нашел, – говорит Кайли. – Вероятно, он искал обломки кораблекрушения, а в результате наткнулся на эту дыру. И очень может быть, что Панталассу он обнаружил совершенно случайно.

– Похоже на то.

Кайли прижимает наушники к голове и внезапно бледнеет:

– Мозазавр! Направляется прямо к нам!

Дэвид резко жмет на педали, но правый винт уже давно вышел из строя, а левый швыряет аппарат в сторону верхней палубы

«Индианаполиса» – прямо в темный проход, некогда служивший самолетным ангаром.

Дэвид быстро восстанавливает контроль, но вместо того, чтобы свернуть от корабля в сторону, направляет подводный аппарат в покрытое ракушками прямоугольное отверстие.

Ба-бах!

Промахнувшийся мозазавр врезается массивным черепом в стальную обшивку, звуковая волна от оглушительного грохота сотрясает корпус крейсера. Чудовищные размеры не позволяют мозазавру проследовать за подводным аппаратом в отверстие, и хищник начинает курсировать туда-сюда перед входом, поджидая добычу.

Дэвид с Кайли наблюдают из укрытия за тем, как их потенциальный убийца стоит на карауле.

– Дэвид, а что, если попробовать дать деру...

– У нас ничего не получится. Правый винт сдох, а крылья утратили гидродинамические свойства. Больше пятнадцати узлов нам не выжать.

– А как насчет спасательной капсулы?

– Неудачная идея. Снаружи слишком много всяких тварей, которые так и норовят нас сожрать. И даже если нам удастся добраться до входного отверстия целыми и невредимыми, нам ни за что не провести через него спасательную капсулу. Мы просто-напросто прилипнем к каменному потолку Панталассы и застрянем там, пока у нас не закончится воздух, которого и так уже осталось очень немного. – Он показывает на датчик уровня CO₂. – Фильтры очистки воздуха тоже сдохли.

Кайли, дрожа всем телом, смотрит на датчики:

– А насколько нам хватит воздуха?

– Минут на двадцать. Ну, может, еще на десять, если мы воспользуемся маленькими баллонами. – Дэвид улыбается со слезами на глазах. – Я не хотел тебе говорить. Думал, мы типа заснем – и все, конец.

– Нет! Это еще не конец. – Кайли разворачивает карту Марена. – Если дыра прямо над кораблем, значит лаборатория Марена должна быть где-нибудь поблизости.

– Не лишено вероятности. Я об этом как-то не подумал.

– Ты сможешь воспользоваться глубоководным доком, чтобы починить винт. И мы, надеюсь, сумеем пополнить запасы воздуха или

прочистить фильтры!

– Дай мне карту. – Дэвид сравнивает свои координаты с координатами лаборатории, отмеченной на карте. – Это совсем близко... примерно в двухстах ярдах к северу. – Он устремляет глаза на черную тень, проплывающую мимо входа в ангар. – У меня только один маленький вопрос: как нам пробраться мимо нашего голодного друга?

– Давай посмотрим вокруг. Может, здесь есть другой выход?

Дэвид раскручивает подводный аппарат и, включив наружные огни, начинает обследовать внутренности «Индианаполиса».

В ангаре темно, покрытые минерализованной породой ржавые переборки оккупировали колонии мидий-альбиносов, призрачно-белые двустворчатые моллюски длиной в фут, абсолютно слепые бельдюги, веретенообразные морские скорпионы, а также бесчисленное множество членистоногих, включая трилобитов. И все они питаются отложениями, образовавшимися за шестьдесят лет на стальных листах в результате выбросов минералов из гидротермальных источников.

Из-под зарытого в дно носа судна бьет мощная струя горячей минерализованной воды, насыщенной метаном и солью.

– Кайли, это насыщенный солевой раствор.

– С чего ты взял?

Дэвид отпускает джойстики, «Морской дьявол» начинает подниматься.

– Вот видишь! Вода настолько соленая, что держит аппарат наплаву.

– Дэвид, смотри... – Кайли показывает на нечто массивное, передвигающееся вдоль задней переборки.

Дэвид поворачивает аппарат и снова включает наружные огни.

Это черепаха, причем самая большая из всех, каких ему когда-либо доводилось видеть. Длиной шестнадцать футов от маленькой, узкой головы до острого хвоста, с панцирем размером с «фольксваген-жук», существо это весит как минимум тысячу двести фунтов. Двигаясь вдоль стены, черепаха небрежно склевывает ракообразных крючковатым острым клювом.

– Archelon ischyros... Она дышит, как рыба. Гляди-ка, вон там еще две! – Дэвид нажимает на левую педаль и продвигается вперед, нацелившись на ближайшую к нему черепаху. Врезается в нее, после чего начинает гоняться за ней по ангару.

– Что, черт возьми, ты творишь?!

– Предлагаю мозазавру альтернативный обед. – Дэвид в очередной раз направляет аппарат на черепаху, подгоняя ее к выходу из ангара.

Испуганная яркими огнями подводного аппарата, черепаха плывет к выходу из ангара, но, заметив мозазавра, оперативно разворачивается.

Дэвид снова таранит мягкое кожаное подбрюшье черепахи, оттесняя ее к проему. Мозазавр щелкает крокодилыми челюстями, но промахивается, и черепаха, быстро перебирая ластами, уплывает прочь.

Мозазавр плывет следом за ней.

Дэвид выжидает тридцать секунд, выводит искалеченный подводный аппарат из самолетного ангара «Индианаполиса» и, стараясь держаться у самого дна, направляется на север.

– Сто пятьдесят ярдов... сто... Дэвид, сбрось скорость, а иначе пропустишь лабораторию.

– Я пока еще ничего не пропустил! Ты что, продолжаешь активировать ворота дока?

– Все уже активировано. – Кайли прислушивается к звукам сонара. – Все работает. Я слышу, как открываются ворота.

– Ты уверена? Тогда почему не горят огни ангара?

– Без понятия. Может, Марен решил сэкономить на лампочках. Вперед! Курс один-семь-ноль, и сбрось скорость!

Дэвид резко разворачивает подводный аппарат, устремляясь на юг. В тридцати ярдах от них между «черными курильщиками» уже вырисовываются очертания сферической подводной лаборатории.

У Дэвида кружится голова, перед глазами все плывет, количество диоксида углерода в кабине достигло угрожающего уровня. Стряхнув усыпляющий дурман, Дэвид ведет «Морского дьявола» в темный проход подводного дока.

Кайли снова берет пульт управления, чтобы закрыть ворота в ангар, но в этот самый момент одновременно с «Морским дьяволом» туда стремительно влетает нечто огромное и отшвыривает маленький подводный аппарат в сторону.

Кабина пилота крутится волчком, стены ангара ходят ходуном, моргающие огни подводного аппарата выхватывают из темноты гигантскую черепаху, которая в панике мечется в узком пространстве подводного дока.

Титановые ворота закрываются.

Включившиеся генераторы начинают медленно осушать ангар.

Оказавшаяся в ловушке доисторическая черепаха впадает в неистовство. Она переворачивает набок подводный аппарат, бьется головой о задраенный люк в потолке ангара, царапает стены, оставляя на полированной титановой обшивке глубокие рваные борозды. Вся эта суэта настораживает мозазавра. Разъяренный хищник начинает кружить вокруг лаборатории.

БАМС!

Мозазавр врезается в приподнятое плоское дно подводного дока. Сферические стены ангара выгибаются внутрь.

Морская вода внутри ангара продолжает убывать, давление выравнивается. Голова и конечности черепахи начинают разбухать и в конце концов лопаются, точно спелая дыня. Ошметки внутренностей разлетаются по камере, оседая на выгнутых стенах. Жуткий грохот сотрясает ангар, чудовищное давление воды на стены угрожает нарушить его герметичность.

Не теряя времени даром, Дэвид запускает мучительный процесс разгерметизации кабины. Они с Кайли берут маленькие баллоны с воздухом, укладывают в брезентовый рюкзак бутылки с водой и еду. Люк кабины открывается. Из-за перепада давления у них тотчас же закладывает уши, из носа идет кровь, что по иронии судьбы помогает спастись от чудовищной вони, исходящей от останков гигантской черепахи.

Кайли выкатывается из кабины и скользит вниз по искалеченному правому крылу. Затем, утопая в вязких черепашьих внутренностях, быстро забирается вверх по титановой лестнице. Дэвид чувствует себя словно под кайфом: глаза вылезают из орбит, а давление в голове, кажется, вот-вот взорвет череп. Вскарабкавшись по лестнице следом за Кайли, он помогает ей повернуть покрытую ржавчиной кремальеру, и в этот самый момент подводный док содрогается, как при землетрясении.

Из последних сил Дэвид налегает на крышку люка и распахивает ее настежь. Из-за резкого перепада давления Кайли буквально засасывает головой вперед в лабораторию. Дэвид, одной рукой держась за лодыжку подруги, а другой – за крышку люка, успевает вовремя захлопнуть титановую крышку. Буквально через долю секунды титановые стены под действием давления воды 14 000 фунтов на квадратный дюйм с оглушительным скрежетом выгибаются внутрь и...

БАБАХ!

Воздух внутри ангара словно высасывается одним глотком, толстые титановые стены складываются, как карточный домик.

Лишившись нижней опоры, сферическая лаборатория весом 94 000 фунтов падает на обломки стыковочной станции, навеки успокоив мозазавра и пригвоздив его череп к морскому дну.

Глава 31

На борту «Тонги»

Филиппинское море, западная часть Тихого океана

Джейсон Монтгомери пересекает широкую палубу супертанкера, направляясь к японским матросам, сгрудившимся вокруг люка. Пятидесятифутовый подъемный кран опускает туда кусок размороженного китового мяса весом две тонны и сбрасывает его в один из бассейнов в недрах танкера.

Вода буквально вскипает, когда два ихтиозавра начинают рвать зубами добычу.

Понаблюдав пару минут за пойманными животными, Монти покидает палубу. Он спускается по трапу в центр управления, где его приветствует вахтенный офицер Ник Като, который сидит за компьютером и, сдвинув густые брови, напряженно работает.

– Мистер Монтгомери, вам опять понадобилась рация?

– Моя кухня... Она очень больна.

Като отрывает глаза от экрана:

– А мне казалось, это была твоя бабушка.

– Моя кухня Пэтти для меня все равно что родная бабушка. Я ужасно за нее волнуюсь. – Монти оглядывается вокруг. На мостике, кроме Като, никого нет. – До меня дошли слухи, что «Тонга» возвращается в Дубай.

– Ты все правильно слышал. Бин Рашиди хочет доставить туда своих новых рыбок в свежем виде. «Тонгу» заменит танкер того же класса «Могамигава». Впрочем, он даже больше «Тонги». Бин Рашиди говорит, что хочет поймать самую большую добычу, если, конечно, удастся ее найти.

– У меня есть предложение, – включается в разговор появившийся на мостике капитан Сингх. – Пусть «Могамигава» курсирует туда-сюда над входным отверстием, пока ему не удастся засосать этого монстра.

Монти улыбается, неверно интерпретируя слова капитана:

– Да уж, его задница точно нуждается в самой большой затычке, это и к бабке не ходи.

Капитан меряет американца суровым взглядом:

– А ты что-то имеешь против мистера бин Рашиди?

– Я? Нет. Конечно нет.

В разговор вмешивается Ник Като:

– Капитан выразился в прямом, а не в переносном смысле. В две тысячи седьмом году «Могамигава» курсировал в Персидском заливе на предельной скорости и буквально «сел» на американскую атомную подлодку. «Ньюпорт-ньюс» класса «Лос-Анджелес», если не ошибаюсь.

Капитан кивает:

– «Могамигава» – большое судно, водоизмещением триста тысяч тонн. Когда танкер движется очень быстро, то делает в воде воронку, способную засосать под киль что угодно. А водоизмещение американской подлодки всего-навсего семь тысяч тонн. Всегда выигрывает тот, кто больше.

– Это так называемый эффект Вентури, – говорит вахтенный офицер, возвращаясь к работе. – Что-то насчет ускорения воды при прохождении через сужение вследствие повышения давления.

– Эффект Вентури... Ну да, конечно, – растерянно чешет затылок Монти. – А вы в курсе, что соотношение общего веса термитов к весу всего населения нашей планеты составляет десять к одному? По крайней мере, я так слышал. – Заметив, что капитан переглянулся с вахтенным офицером, Монти растерянно добавляет: – Извините. Я просто волнуюсь за своего друга. Все считают, что случилось худшее. А иначе он бы уже связался с нами по рации. Японский подводный аппарат собирается спустить в дыру ретрансляционный передатчик. Попробовать поймать сигнал. Но если рация команды «Дельта» выключена, то все этодохлый номер.

– А как насчет спасательной операции?

– У нас остался лишь один «Морской дьявол». Но никто не хочет его пилотировать. Особенно после того, что случилось с командой «Альфа».

На пульте управления Ника Като моргает красная лампочка.

– Капитан, у нас гости. Очередной транспортный вертолет. – Вахтенный офицер, надев наушники, устраивается перед рацией.

Тимон Сингх подходит к выходящему на корму панорамному окну и направляет бинокль на приближающийся вертолет.

– Слишком маленький, чтобы это было очередной доставкой. Они себя идентифицировали?

Ник Като принимает сообщение, и от удивления у него глаза лезут на лоб.

– Это военный транспортник из Гуама. Они везут к нам пилота для выполнения спасательной операции... Джонаса Тейлора.

Панталасса

Океанское ложе сердито рокочет громовыми раскатами, грозные звуки реверберируют через толстую титановую обшивку.

Лежа лицом вниз в удушающей темноте, Дэвид Тейлор придвигается поближе к девушке, его тело изнурено, сознание проваливается в блаженную пустоту, которую несет с собой сон.

– Эй, Дэвид! Просыпайся, чувак!

Он открывает глаза и с изумлением обнаруживает, что лежит лицом вниз на старом, знакомом диване в пятнах пива. Через открытую балконную дверь в комнату квартиры неподалеку от кампуса Флоридского университета струится солнечный свет, в воздухе веет зимней прохладой.

Его сосед Чад Тру Ледяное Сердце, центральный защитник и лонгснэппер в их футбольной команде, сидит на полу с ноутбуком:

– Чувак, ты стонал во сне.

Дэвид садится и едва не падает на подушку от приступа жуткого похмелья:

– Что случилось?

– Ты вчера задал жару на пивной вечеринке «Дельты».

– «Дельты»? Ничего не помню. А я хорошо оттянулся?

– Похоже, что так. Ты и та брюнетка с шикарными сиськами здорово надрались.

– Кайли?

– Да кто ее знает. – Звонит телефон, но Чад не реагирует. – Это наверняка твой старик. Все утро названивал.

Дэвид хватается трубку:

– Алло?

– Дэвид, слава богу!

– Папа?

– Дэвид, тебе нужно оттуда убираться. Воздух кончается, у тебя осталось не так много времени.

Дэвид растерянно оглядывает комнату:

– Папа, ты о чем? Сегодня прекрасный день. И приятный прохладный ветерок.

– Дэвид, проснись...

– ...открой глаза.

Дэвид просыпается в холодном поту и открывает глаза. Кайли стоит возле него на коленях. В тусклом аварийном освещении ее лицо кажется бледным как полотно, в глазах плещется страх.

– Как долго я спал?

– Не знаю. Я тоже вырубилась. Прости, что разбудила, но я уже вся издергалась. Еще немного – и у меня крыша поедет.

Дэвид садится, голова гудит.

– «Морской дьявол»?

– Погиб. Так же как и стыковочная станция. Мы застряли на дне. Попали в ловушку.

Дэвид встает, оглядывается по сторонам, от слишком долгого пилотирования подводного аппарата руки и ноги смертельно болят.

– А где система жизнеобеспечения?

– Вон тут. – Кайли подводит Дэвида к нише, где находятся два генератора, подсоединенные к сборке топливных элементов и баку, вмещающему пятьсот галлонов воды. – Есть идеи, как работает эта хреновина?

Из-за близости к гидротермальным источникам внутренности металлической лаборатории превратились в настоящую сауну. Смахнув пот со лба, Дэвид изучает систему жизнеобеспечения:

– Это очень высокотехнологичная штука. Такие устанавливаются на военных подлодках. – Дэвид показывает на тумблер. – В принципе, она работает в двух режимах: для жизнеобеспечения и для выработки электричества. В режиме жизнеобеспечения, как сейчас, она использует топливные элементы для электролиза питьевой воды и переработки

двуокиси углерода в кислород и метан. В режиме выработки электричества накопленный кислород и метан служат топливом для твердооксидных топливных элементов, генерирующих постоянный ток.

– Это все хорошо. Но ты лучше скажи мне, сколько воздуха у нас осталось.

Дэвид проверяет уровень воды в баке:

– Черт! Меньше семи галлонов.

– И что это значит?

– А это значит, что если пойдешь в туалет, то не сливай воду.

– Дэвид, мне сейчас не до шуток. На сколько часов?

– Без понятия! Думаю, немного. Я ведь тебе не какой-то там сраный инженер! – С раскальвающейся головой, сердитый на себя за то, что оказался в таком сложном положении, Дэвид, протиснувшись мимо Кайли, поднимается по алюминиевой лестнице на верхний уровень.

В лаборатории Майкла Марена царит настоящий бардак. Рабочие станции, заваленные картами и рисунками, упавшие с полок книги и видеооборудование, компьютер – все это оказалось свалено в кучу на полу, когда сфера рухнула на останки стыковочного дока.

– Кайли, поднимись наверх и помоги мне найти рацию.

– Нет.

– Почему нет? – Дэвид смотрит на нее с верхней ступеньки. – Ты что, серьезно?

– Мне не нравится, как ты со мной разговариваешь.

Дэвид хлопает себя по лбу:

– Кайли, мы застряли в титановом шаре на дне Богом забытого моря, кругом монстры, над головой шесть миль океана, и воздуха осталось максимум на пять часов... И ты при этом собираешься со мной собачиться?

– Я в курсе нашего положения! Я ведь уже сказала, что нахожусь на грани нервного срыва, а ты своими воплями делаешь только хуже!

– Ладно-ладно. Прости. Я тоже слегка не в себе. А теперь, будь так добра, помоги мне найти рацию Марена.

Кайли забирается по лестнице наверх. Тычет пальцем в рацию в корпусе из нержавеющей стали, лежащую у рухнувшего стола в двух футах от Дэвида:

– Прямо у тебя под носом, мистер инженер.

Стиснув зубы, Дэвид ставит стол на место, кладет на него рацию и вставляет шнур электропитания:

– Не работает. Спустишь вниз и переключи тумблер с «СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ» на «ПОСТОЯННЫЙ ТОК». Пожалуйста.

– Пустая трата времени. Разве рация может работать на такой глубине?

– Не знаю. Может, с помощью оптоволоконного кабеля, прикрепленного к буям с ретрансляторами и антенной? Марен, конечно, был скользким типом, но жутко умным. Он наверняка придумал какой-то способ общения с внешним миром на случай неполадок. Когда мы обходили кругом первую лабораторию, я заметил болты с проушиной, прикрученные к корпусу. Возможно, эти лаборатории были спущены на тросах.

– Тогда еще не все потеряно. Они могут послать за нами другой подводный аппарат с буксировочным тросом...

– ...но только если мы реанимируем рацию.

Кайли спускается с лестницы, щелкает тумблером над топливными элементами, включив наружные прожекторы, которые заливают бездну красным светом.

Дэвид, прижавшись лицом к акриловому стеклу толщиной три фута, вглядывается в иллюминатор. Из-под дна лаборатории поднимается густое облако крови. Мимо проносится какая-то тень, за ней – другая.

А потом появляются кронозавры. Медленно выдвигаясь из тьмы, два тридцатишестифутовых плиозавра делают круг почета вокруг лаборатории, их присутствие отпугивает акул и других представителей водной фауны, нацелившихся на невидимый объект под титановой сферой.

Первый кронозавр исчезает из виду, но несколько секунд спустя появляется снова и попадает в поле зрения Дэвида. Из отвратительной пасти свисает кусок хвоста мезозавра.

– Ну как, работает?

– Ты о чем?

– О рации, конечно! Она работает?

С трудом оторвавшись от завораживающей картины пищевого безумия, Дэвид проверяет передатчик. Там горит зеленая лампочка.

На борту «Тонги»

Филиппинское море, западная часть Тихого океана

Холодный ветер хлещет по палубе супертанкера, свистит в трубопроводах и стальных леерах, взбивая белые барашки на шестифутовых волнах.

Джонас Тейлор выходит из транспортного вертолета. Его встречает парень лет тридцати, смахивающий на рестлера. Крепко сбитый, с длинной мексиканской бородкой, на бритой голове бейсболка.

– Я Джонас Тейлор. Полагаю, ты и есть информатор Мака.

– Джейсон Монтгомери. Зовите меня Монти. Патриция Педраццоли – моя тетя. Правда, теперь, насколько мне известно, ее фамилия Макрейдс.

Джонас направляется к ведущему внутрь трапу:

– Где мой сын?

– Никто не знает. Мы потеряли с ним контакт двенадцать часов назад... плюс-минус. Но если вам нужен второй пилот, я готов. Правда, пилот из меня никакой. А точнее, довольно дерьмовый. Хотя, если это спасательная операция, я ваш человек.

– Спасибо, но я предпочитаю работать один. Где бин Рашиди?

– Ждет вас на мостике.

Фейсал бин Рашиди явно чувствует себя не в своей тарелке, несмотря на присутствие Брайана Сьютса, капитана Сингха, вахтенного офицера и вооруженного телохранителя.

– Доктор Тейлор, никто насильно не заставлял вашего сына совершать погружение. Мы предложили ему выполнить эту миссию, и он согласился.

– Он ведь еще совсем мальчишка.

– Ему двадцать лет, – вступает в разговор Брайан Сьютс. – По закону он считается взрослым.

– Ты использовал его, сволочь! Подкупил моего сына, подбив на выполнение самоубийственного задания! Вы завербовали его, как раньше пытались завербовать меня. А теперь я хочу знать зачем. Что там внизу есть такого, чтобы посылать туда Дэвида?

– Нам понадобились карты Панталассы. – Из капитанской каюты выходит Элисон Петруччи. – Майкл хранил их в абиссальных лабораториях.

Джонас впивается взглядом в миниатюрную брюнетку:

– Мы знакомы?

– Встречались однажды. Примерно пять лет назад. На борту яхты Майкла.

– Яхты Марена? Погодите-ка... Вы были его помощницей.

– И его любовницей.

– Любовницей? – усмехается Джонас. – Интересно, что там можно было любить?

Элисон размахивается, чтобы дать Джонасу пощечину, но он отражает удар и, вывернув девушке запястье, заводит ее руку за спину.

Телохранитель бин Рашиди, молниеносно вытащив 9-миллиметровый пистолет, целится прямо Джонасу в грудь.

– Тпру! Не будем горячиться. – Брайан Сьютс, оттащив Элисон от Джонаса, знаком приказывает телохранителю опустить пистолет. – Доктор Тейлор, мы все здесь хотим одного и того же. Скажите нам, что нужно для спасения Дэвида, и мы вас этим обеспечим.

Джонас переводит взгляд с Брайана Сьютса на бин Рашиди, оценивая ситуацию:

– Мне нужен трос длиной семь миль и мощная лебедка, способная поднять со дна лабораторию Марена.

– А как вы закрепите трос? – спрашивает Брайан. – Ведь «Морские дьяволы» не снабжены манипуляторами.

– Я привез с собой собственный подводный аппарат.

Тем временем Ник Като слышит по рации сигнал вызова с траулера.

– «Тонга», прием. Ответьте, пожалуйста.

– «Тонга» слушает. Продолжайте.

– У нас срочное радиосообщение от команды «Дельта».

– Включите громкую связь.

Все присутствующие на мостике сгрудились вокруг рации, напряженно вслушиваясь.

– ...восемьдесят семь и две десятые мили от вашего местоположения. Повторяю, это команда «Дельта». Мы застряли во второй лаборатории Марена. Наши координаты: тринадцать и

восемьдесят четыре сотых градуса северной широты и сто сорок и тридцать три сотых градуса восточной долготы, в восьмидесяти семи и двух десятых мили от вашего местоположения. Повторяю, это команда «Дельта»...

Джонас хватается микрофон:

– Дэвид, это папа! Мы тебя поняли! Дэвид, мы уже начали действовать!

Его перебивает радист траулера:

– «Тонга», команда «Дельта» не может принимать входящие сообщения. Они могут только передавать. Мы засекли их местоположение и связались со Спайдерменом. Мы будем готовы наладить связь менее чем через час.

Глава 32

На борту «Макфарланда»

Филиппинское море, Западная часть Тихого океана

Мак стоит на носу «Макфарланда», утреннее солнце приятно греет лицо, смягчая воздействие холодного тихоокеанского ветра.

Со стороны нос земснаряда может показаться совершенно обычным: V-образное сооружение, предназначенное для того, чтобы рассекать волны. Однако ватерлиния явно вводила стороннего наблюдателя в заблуждение, скрывая истинный киль судна – выпуклую, закругленную конструкцию, которая простиралась еще на тридцать футов дальше носа земснаряда, что придавало дополнительную устойчивость судну, а также его экипажу и спящему монстру, занимавшему треть поперечного сечения земснаряда.

Мак смотрит на океан, мысленно проникая сквозь его темно-синюю поверхность. Подобно ватерлинии, маскирующей истинный киль судна, море скрывает свое покрытое осадками изменчивое дно, где с незапамятных времен идет яростная борьба за территорию.

А в семи милях под килем «Макфарланда» тектонические силы двух океанских плит – колоссальной Тихоокеанской и менее крупной Филиппинской – сошлись в эпической битве, и столкновение это наложило неизгладимый отпечаток на всю планету.

Тихоокеанская плита, возникшая на срединно-океанском хребте, где остывает и затвердевает поднимающаяся из мантии расплавленная порода, гораздо массивнее ее крошечной соперницы. И когда западный край Тихоокеанской плиты сталкивается с восточным краем Филиппинской, тяжелая плита гигантским клином уходит под более легкую, образуя таким образом Марианскую впадину – самый глубокий желоб планеты. Погружаясь все глубже в мантию, Тихоокеанская плита испускает горячие жидкости и газы, в результате чего мантия начинает плавиться. Расплавленная магма, в свою очередь, поднимается,

прорывая океанское ложе в виде гидротермальных источников и подводных вулканов. Двадцать пять – пятьдесят миллионов лет назад, примерно в то же время, когда *Carcharodon megalodon* стал доминантным хищником Мирового океана, конвергентная граница Марианской впадины породила цепь вулканических островов, известных как Марианские. Из этих пятнадцати небольших массивов суши южные острова сложены известняками, в то время как северные представляют собой действующие вулканы.

Более пятидесяти вулканов усеивают Марианскую дугу. Все они входят в Тихоокеанское огненное кольцо: подкову длиной 21 600 миль из цепочки вулканических островов, островных дуг и океанских впадин, окаймляющих Тихоокеанскую плиту. Причем именно здесь и происходит девяносто процентов самых разрушительных землетрясений в мире.

Мак лениво обводит взглядом береговую линию Гуама – самого южного острова Марианского архипелага. Джонас сейчас на борту «Тонги» – супертанкера, разрезающего воды юго-западнее Западно-Марианского хребта, где расположено тайное входное отверстие в Панталассу, обнаруженное в свое время Майклом Мареном. Приказ Мака – не менять позиции и ждать, когда Джонас закончит спасательную операцию, и только потом выпускать Ангела в Марианскую впадину.

Обернувшись, Мак окидывает взглядом десятифутовую верхнюю лопасть хвостового плавника, который неторопливо ходит из стороны в сторону, пока его обладатель спит.

– В Панталассе и своих монстров более чем достаточно. Последнее, что сейчас нужно Джонасу, – это пережить из-за тебя.

Мак долго-долго смотрит на водоотливное отверстие земснаряда. Задумчиво проводит заскорузлой рукой по рычагу...

Я мог бы убить тебя прямо сейчас... и одним махом избавиться от всех наших бед.

Яхт-клуб Сан-Франциско

Сан-Франциско, Калифорния

Загорелый и подтянутый, с покрытыми татуировками руками и шрамом над левым глазом, Джозеф Майкл Парк совсем не похож на типичного финансового воротилу с Уолл-стрит. И тем не менее именно там этот человек, окончивший с отличием школу права Северо-Западного университета, сколотил свои миллионы, раскрутив интернет-компанию «ШокНетВидео».

– Добро пожаловать на борт. Смотрите под ноги. – Парк приветствует гостей из R. A. W., поднимающихся на борт его спортивной яхты «Кливленд рокс» длиной шестьдесят восемь футов. – В центральном салоне есть буфет. Угощайтесь. – Парк аплодирует Лане Вуд, которая со своим четырехлетним внуком поднимается по трапу. – Пленти О’Тул! Я ваш самый большой фанат. «Бриллианты навсегда» был первым фильмом о Джеймсе Бонде, который я посмотрел в кинотеатре. Спорим, я был тогда не намного старше этого мальчугана.

Лана натужно улыбается на камеру:

– Мой внук Макс. Макс помешан на акулах. Он практически умолил меня взять его с собой. Вы не возражаете?

– А где Белль и Лиззи?

Парк приседает перед парнишкой на корточки, изо всех сил стараясь не смотреть в камеру:

– Макс, Белль и Лиззи по-прежнему томятся в клетке. Но если нам повезет, мы сможем увидеть, как они впервые плывут навстречу свободе.

Лана помогает внуку подняться на борт яхты. Они пересекают палубу и входят в салон: отделанную вишневым деревом и плюшем жилую зону, которая в данный момент под завязку забита действующими и бывшими членами местного отделения «Ангелов ада».

У Ланы вытягивается лицо.

– Пошли, Макс. Мы уходим.

– Лана, подождите! – останавливает актрису Сара Томс. – Я понимаю, вы расстроены...

– Я вам уже говорила, что не хочу, чтобы мое имя связывали с бандитами.

– «Пропавшие ребята» вовсе не бандиты. А просто байкеры, которые помогают привлечь всеобщее внимание к нашему делу. Почему бы вам не отвести Макса на флайбридж, где более уединенно.

Оттуда вы сможете увидеть с высоты птичьего полета, как Белль и Лиззи наконец обретут свободу.

Лана меряет зоозащитницу гневным взглядом:

– Вы ступили на тонкий лед. Не советую со мной шутить. Если события выйдут из-под контроля, вам придется высадить меня на берег. В противном случае во время ближайшего публичного выступления я объявлю об отставке. Пойдем, Макс.

Взяв внука за руку, она начинает проталкиваться сквозь толпу пьяных рокеров к винтовой лестнице на флайбридж.

Спаренные двигатели спортивной яхты оживают, выпуская белые облака выхлопных газов и окиси углерода.

На борту «Тонги»

Филиппинское море

Джон Лебланк, вес которого перешагнул за отметку триста шестьдесят три фунта, пожалуй, самый корпулентный член экипажа «Тонги», благодаря чему ему удалось снискать уважение японских матросов, которые смотрят на него, как на борца сумо. Некогда аккуратная черная эспаньолка на чисто выбритом лице, которой Лебланк щеголял в начале путешествия, превратилась в неряшливую черную бороду, поскольку дежурства от зари до зари в течение последних трех дней не оставляли времени даже на сон, не говоря уже о бритве.

Сидя на груде мокрых грузовых сетей возле кормовой швартовой лебедки, военно-морской инженер, выросший на базе ВВС, отчаянно пытается не заснуть, пока его бригада сращивает концы стального троса, чтобы сделать один семимильный трос. Завидев направляющихся к нему Брайана Сьютса и бин Рашиди с вооруженным телохранителем в арьергарде, Лебланк с трудом поднимается на ноги.

Брайан осматривает трос:

– Много еще осталось, мистер Лебланк?

– Это последняя секция. Подсоединим крюк, намотаем трос, и все готово. – (Палуба содрогается под ногами, капитан супертанкера выключает двигатели, после чего переключает их на реверс, начиная

процесс торможения за три мили до места стоянки.) – Сэр, а эта лаборатория, которую нужно вытащить... сколько она весит?

– Сорок семь тонн.

– Тогда, при всем моем уважении, это все равно что писать против ветра. Нам такой груз в жизни не поднять.

– Лебедка недостаточно мощная?

– Лебедка отличная. Проблема в тросе. Эти короткие сплесени крепкие, но не рассчитаны на вес более шестидесяти пяти тысяч фунтов.

– Мистер Лебланк, делайте то, что в ваших силах. Это все, о чем мы можем вас просить.

Инженер показывает на корму, где Джонас Тейлор готовит свой подводный аппарат к погружению:

– А что, если он спросит?

В темных глазах бин Рашиди появляется холодный блеск.

– Инженер, заканчивайте сращивать трос. Доктора Тейлора я беру на себя.

Джонас Тейлор лежит на спине, проверяя дно «Эбис глайдера III». Длина подводного аппарата в форме кинжала – еще не протестированного прототипа на четырехколесном шасси – от заостренного носа до задней форсажной камеры составляет девять футов, аппарат имеет два коротких крыла, сдвинутых на две трети назад, именно туда, где, по идее, должна быть рукоятка кинжала. Крылья оснащены движителями, между крыльями находится сферическая кабина пилота на одного человека. Акриловое стекло с системой ночного видения кабины пилота сумрачно-зеленого цвета в тон темной окраски корпуса. На корме обтекаемого аппарата хвостовое оперение из четырех стабилизаторов, в которых расположены баки с жидким водородом – топливом для подводной форсажной камеры сжигания, предназначенной для резких ускорений.

Под килем подводного аппарата находится роботизированный манипулятор. Джонас работает над захватным механизмом, который упорно не хочет открываться.

– Доктор Тейлор, можно вас на два слова, – прочистив горло, говорит Брайан Сьютс.

– У меня нет времени. Гидравлический захват не работает, и я...

– Уделите нам время, – вмешивается в разговор бин Рашиди. – А иначе у вас отпадет необходимость и в захвате, и в вашем аппарате.

Джонас вылезает из-под «Эбис глайдера» и в упор смотрит на араба:

– Если вы хотите что-то сказать, говорите.

– Вашему сыну удалось привести нас на то самое место, которое мы искали три года, потратив бесчисленное количество денег. Однако какой прок в том, что мы нашли входное отверстие, если ни один из моих акванавтов не хочет спускаться вниз, чтобы выманить монстров, которых я так давно ищу?!

– Это не моя проблема.

– Нет, теперь это стало вашей проблемой, – говорит Брайан Сьютс. – Услуга за услугу. Мы обеспечиваем вас средствами для спасения сына, но хотим получить кое-что взамен.

Усталость и волнение подогревают тлеющий гнев Джонаса.

– Вам нужен монстр для вашего аквариума? Отлично! После того, как я спасу Дэвида...

– После того как вы спасете Дэвида, у меня не останется средств воздействия, – заявляет бин Рашиди. – Или вы сейчас выманите наверх животное, которое мне нужно, или лаборатория Марена не увидит дневного света.

Джонас надвигается на бин Рашиди, но между ними тут же встает охранник.

– Твоя взяла, ублюдок! Я постараюсь заманить что-нибудь в твои сети... Но только после того, как прикреплю трос к лаборатории.

– Что-нибудь меня не устроит. Мне нужен лиоплевродон!

Панталасса

– ...это команда «Дельта». Мы застряли во второй лаборатории Марена. Наши координаты: тринадцать и восемьдесят четыре сотых градуса северной широты и сто сорок и тридцать три сотых градуса восточной долготы. Повторяю, это команда «Дельта»...

– Дэвид, довольно! Мы уже шесть часов подряд этим занимаемся. Если они нас до сих пор не услышали, то, значит, и не услышат.

Бросив микрофон Дэвид поворачивается к Кайли.

– Что ты читаешь? – спрашивает он хриплым голосом.

– Теории Марена о возникновении этого изолированного моря. Что там ни говори, но этот парень был чертовски умным. А ты в курсе, что

бин Рашиди субсидировал его экспедицию двенадцать лет назад?

– Нет. Но мне наплевать. – Дэвид подходит к иллюминатору. В красном свете, окружающем лабораторию, купаются тысячи двенадцати-, пятнадцатифутовых белых миксин. Скользкие, похожие на угрей существа поедают останки мезозавра. – Ты только посмотри на их размер! Мне кажется или здесь действительно все животные такие огромные?

– У Марена на этот счет была своя теория. Он сравнивает условия в Панталассе с теми климатическими условиями на Земле, когда брахиозавры, например, достигали восьмидесяти футов и восьмидесяти тонн, а сейсмозавры – ста двадцати футов и ста тонн. При таком количестве хищников вокруг даже самым безобидным животным вроде зауропода пришлось выработать такой защитный механизм, как огромные размеры. Все эти гиганты смогли адаптироваться к столь резкому увеличению размеров, поселившись в болотах, поскольку вода уменьшает тяжесть костного каркаса. Размеры гигантских морских рептилий, живущих в древних морях, могли еще больше увеличиться. По мнению Марена, есть свидетельства того, что во время юрского периода сила притяжения Земли была гораздо меньше.

– Ты когда-нибудь слышала о правиле Бергмана? Согласно этому правилу, среди сходных форм животных наиболее крупными являются те, которые обитают в регионах с более холодным климатом. Чем больше масса тела, тем лучше сохраняется тепло. А когда дело касается вопросов выживаемости, то размер играет ведущую роль. Чем больше желудок животного, тем больше пищи он может потреблять. Супергиганты запасают большее количество энергии в жире и мышцах, что помогает в голодные времена. – Дэвид вытирает вспотевший лоб. – Меня реально потряс размер лиоплевродона. Этот монстр, похоже, более ста двадцати футов в длину! По крайней мере, на Земле такого большого скелета еще ни разу не находили.

– Согласно дневниковым записям Марена, окаменелые кости, обнаруженные на дне Панталассы, свидетельствуют о том, что лиоплевродон достиг своего гигантского размера за последние двадцать шесть миллионов лет. Марен утверждает, что резкое увеличение размера хищников совпадает с появлением *Carcharodon megalodon*.

– Но мы ведь не видели мегов, по крайней мере не... – Дэвид замолкает на полуслове, сердце внезапно начинает бешено биться. –

Послушай!

– А что такое? Я ничего не слышу.

– Случилось то, чего я и боялся. Вырубилась система жизнеобеспечения. – Скатившись с лестницы, Дэвид спешит к генераторам. – Топливные ячейки работают... энергия есть. Что там с уровнем воды?

Кайли смотрит на датчик:

– Воды нет. Красная линия.

Разом побледнев, они смотрят друг на друга округлившимися от ужаса глазами. Дэвид рывком снимает крышку с бака и заглядывает внутрь:

– Пусто. Сколько бутылок воды у нас осталось?

Кайли роется в рюкзаке:

– Две бутылки по шестнадцать унций.

– Налей в бак. – Дэвид отдергивает банную занавеску и проверяет унитаз. – В бачке есть еще галлон. Мы должны выкачать ее наружу.

– Дэвид...

– Кайли, без воды система не будет производить кислород. Даже с учетом того, что есть в бачке, воздуха осталось всего на один час.

Глава 33

На борту «Тонги»

Филиппинское море

Два японских матроса закрепляют стропы вокруг длинного носа и хвостового оперения «Эбис глайдера III». Джонас осматривает механическую руку, которая держит титановый крюк, прикрепленный к концу катушки семимильного стального троса. Удовлетворившись, Джонас забирается в кабину пилота одноместного подводного аппарата.

Джейсон Монтгомери протягивает ему холщовый мешочек с припасами:

– Я останусь сидеть на мостике «Тонги» у рации. Если вам что-нибудь понадобится, вам стоит только крикнуть.

– Свяжись со своим дядей на борту «Макфарланда». Наладь ретрансляцию, чтобы я мог поговорить с ним напрямую.

– А вы знали, что самое популярное название для судов – это «Одержимость»?

– Сосредоточься и постарайся не отвлекаться. – Джонас активирует кабину пилота, заdraив над головой темный акриловый купол.

Джон Лебланк, включив лебедку, спускает на стропах обтекаемый сумрачно-зеленый аппарат в Тихий океан.

Система управления «Эбис глайдера III» является точной копией системы управления «Морского дьявола»: правая и левая ножные педали управляют движителями на крыльях, а джойстики – подъемом и спуском.

При этом «Эбис глайдер III» имеет еще и третий джойстик, отвечающий за водородный двигатель, а также ручное управление механической рукой с захватом. Кроме того, подводные аппараты различаются формой корпуса и эксплуатационными характеристиками. И если «Морской дьявол» – судно с гидродинамическими крыльями,

предназначенными для маневрирования, то «Эбис глайдер» – в принципе одноместная подводная высокоскоростная ракета.

Джонас смотрит на электронные часы. 10:37. *Нужно следить за тросом. Нельзя двигаться быстрее, чем он вытравливается.* И пока ныряльщики освобождают подводный аппарат от строп, Джонас вызывает по радиации Лебланка:

– Инженер, какова максимальная скорость вытравливания троса?

– Двадцать футов в секунду.

– По моему сигналу переключите лебедку на максимальную скорость. Три... два... один...

Массивная катушка с тросом, установленная на носу танкера по правому борту, внезапно оживает. При каждом обороте в море вытравливается пятьдесят футов кабеля.

Дождавшись, когда тяжелый носовой обтекатель затонет, Джонас включает спаренные винты. «Эбис глайдер III» ныряет в океан практически под углом девяносто градусов, словно летящая вниз стрела. Буквально через минуту море чернеет. Джонасу, прокладывающему путь вниз, в пустоту, приходится полагаться исключительно на показания приборов. Он чувствует, как трос тянется за механической рукой, расположенной в телескопическом кожухе под килем. Опасаясь порвать трос, Джонас снижает скорость, чтобы обеспечить слабинку.

Две минуты... две тысячи футов... Чувство направления полностью утрачено. Абиссальный снег проносится мимо кабины, словно ночная метель.

Три тысячи футов... четыре тысячи...

– «Эбис глайдер», говорит Спайдермен. Вы приближаетесь к входному отверстию. Вам нужно сбросить скорость. А иначе вы спутаете наши сети.

– Ответ отрицательный, Спайдермен. Вы распутаете сети после того, как я пройду через входное отверстие.

Джонас проверяет на сонаре свою траекторию, чтобы определить, не сбился ли аппарат с курса.

Пять тысяч футов... шесть тысяч... Проклятый трос вытравливается слишком медленно. Течение относит его в сторону. Джонас в очередной раз сбрасывает скорость, поскольку нагрузка на механическую руку уже становится опасной.

Джонас видит огни внизу. А потом он видит дыру.

Она оказалась больше, чем он предполагал: круглое отверстие шириной четыреста футов. Приблизившись к отверстию, Джонас обнаруживает по краям поднятие горной породы.

Отверстие явно не было высверлено Мареном. Кратер возник много лет назад. Подобную дыру могло пробить только нечто очень большое.

Джонас включает установленные на крыльях прожекторы и, направив нос подводного аппарата в черную дыру, спускается в ад на поиски сына.

Панталасса

С помощью пустых пластиковых бутылок Дэвид переливает оставшуюся воду из туалетного бачка. И хотя система снова вырабатывает кислород, датчик воды остается на красной отметке.

Дэвид выкидывает бутылку и ложится рядом с Кайли на койку.

– Все, пусто.

– Сколько нам осталось? Только не ври.

– Я завернул вентили на верхнем уровне и включил систему на минимальную производительность. Максимум... два часа.

Кайли накрывает руку Дэвида своей. По щекам девушки текут слезы, смешиваясь с потом.

– Прости, что втравила тебя в эту авантюру. Это моя вина.

– Нет, я сам сделал свой выбор.

– Дэвид, я люблю тебя. Ты мне веришь?

– Да.

– Я должна кое-что сказать тебе. Собственно, мне уже давно следовало признаться. – Кайли резко садится, откинув прилипшую к шее прядь черных волос. – Меня рекрутировали не только в качестве пилота. Бин Рашиди специально попросил подобраться к тебе поближе. – (Дэвид закрывает глаза, пытаясь сдержать слезы.) – Ему нужно было, чтобы ты совершил погружение.

– Выходит, ты флиртowała со мной в самолете... И потом утром у бассейна...

– Да, но все изменилось, когда я узнала тебя поближе. Я сказала ему, что отказываюсь это делать. Сказала, что я или играю по своим правилам, или ухожу.

– А в ту ночь, когда я говорил со своим отцом? В ту ночь, когда я умолял тебя остаться со мной в Дубае?

– Нет, то была моя собственная инициатива. Мне не хотелось с тобой расставаться...

– Но тебя обуяла жадность. И ты мне не поверила.

– Моя семья не купается в деньгах. В отличие от твоей. Родители едва сводят концы с концами. Им очень нужны деньги. Бин Рашиди предложил мне сто штук за погружение. И я, конечно, не могла упустить такой шанс. Ведь я реально верила, что справлюсь... Правда, лишь до последнего погружения. Как только мы с Дебби Юмел оказались в Панталассе, то поняли, что не способны нырнуть на такую глубину. Ни одна из нас. – (Дэвид садится на койке спиной к Кайли.) – Ты меня ненавидишь, да? Я тебя понимаю.

– Это не так. Ты пыталась помочь семье. А я пытался тебя защитить.

Кайли прижимается к его спине и всхлипывает, уткнувшись ему в плечо:

– Мне так жаль! И так страшно!

Повернувшись, Дэвид порывисто обнимает Кайли:

– Все в порядке.

– А ты разве не боишься?

– Чертовски боюсь! А на погружение я согласился, потому что еще больше боялся потерять тебя. Боялся, что в результате ты совершишь погружение с Брайаном.

– Брайан не справился бы с течением. – Прижавшись к щеке Дэвида мокрым от слез лицом, Кайли страстно целует его в губы. – С тобой я всегда чувствовала себя в безопасности. Дай мне почувствовать это снова.

Дэвид крепко обнимает дрожащую девушку:

– Помнишь, как мы нырнули в этот туннель, выходящий в Панталассу. Через некоторое время мы с тобой войдем в другой туннель. В туннель с ярким небесным светом. Мы просто ляжем рядом и тихо уснем, а потом рука об руку пойдем в лучах света в другое место, в место, где навсегда будем вместе.

Дэвид снова ложится, прижимая Кайли к груди. И вот так, в обнимку, они остаются лежать на крошечном острове убывающего воздуха в древнем море.

«Эбис глайдер» тянет за собой стальной трос через входное отверстие в Панталассу. В теплой воде, температура которой уже составляет пятьдесят шесть градусов по Фаренгейту, кружатся хлопья минеральных выбросов из гидротермальных источников.

Косяк голодных кальмаров, маневрирующих вдоль подземного потолка, атакует прозрачных студенистых медуз, которые мерцают люминесцентными огоньками, как светлячки в период спаривания. Медузы питаются мидиями-альбиносами, креветками, крабами, двустворчатыми моллюсками, какими-то змееподобными существами с выпученными глазами. Ракообразные лениво проплывают сквозь свисающие с каменного потолка скопления рифтий. С колониями рифтий смешиваются темно-красные пальмовые черви и похожие на аккордеон иерихонские черви, питающиеся бактериями и другими микроорганизмами, которые синтезируют органические вещества за счет энергии, получаемой путем окисления диоксида углерода и сероводорода, скопившихся у каменного потолка Панталассы за последние 250 миллионов лет.

Не удостоив вниманием абиссальную пищевую цепь, Джонас выключает наружные огни и продолжает свое безумное погружение.

Десять тысяч футов. Трос легко вытравливается из туннеля, вода становится заметно теплее.

Пятнадцать тысяч футов. Впереди еще половина пути.

– Джонас, ты меня слышишь? – Знакомый голос прорывается сквозь разряды статического электричества.

– Это я... приятель. Ты сейчас где... черт возьми?!

– На глубине примерно двадцать тысяч футов. Мак, ты меня слышишь? – Джонас тянется к рации, и в этот момент на экране сонара появляются три яркие точки в непосредственной близости от подводного аппарата.

Джонас включает наружные прожекторы, ослепительные лучи высвечивают трех странных существ. Они опускаются вместе с подводным аппаратом, у правого крыла. Длина самого крупного из них более двадцати пяти футов. Невероятно, но своей формой эти животные

напоминают подводный аппарат Джонаса. Длинные заостренные раковины моллюсков точь-в-точь как «Эбис глайдер», только снабжены толстыми щупальцами и острым клювом, как у огромного головоногого.

Камероцерас... гигантский ортокон. Это что, мой абиссальный эскорт или им еще раньше приглянулся подводный аппарат?

Джонас слышит звук бурного потока и уже через секунду, скорректировав угол погружения с целью уменьшить сопротивление крыльев, погружается в течение Панталассы. Цилиндрический корпус «Эбис глайдера» стрелой пронзает ревущую реку.

Гигантские ортоконы, не решаясь бороться с течением, возвращаются обратно к каменному потолку. Но внизу Джонаса уже поджидают другие хищники, привлеченные реверберацией двигателей.

«Эбис глайдер» выныривает из течения, и его с ходу атакует стая нотозавров, драконьи пасти которых внезапно появляются в лучах прожекторов. Острые, как иглы, кривые зубы вцепляются в крылья аппарата. В свете прожекторов мерзкие твари кажутся прожорливыми тринадцатифутовыми тюленями.

Джонас, попавший из бурлящего гидротермального потока напрямик в доисторический ад, выключает наружные огни и начинает прокладывать путь через стаю морских рептилий, едва не разрезав одну из них носом «Эбис глайдера».

Тропическое море буквально кишит монстрами – воплощением самых страшных ночных кошмаров Матери-Природы. Среди них агрессивные плиозавры длиной от тридцати до шестидесяти футов, их крокодильи тела снабжены четырьмя гигантскими лапами, а жуткие челюсти – словно плод наркотических галлюцинаций.

Мимо правого крыла проносится кронозавр. Джонас едва успевает свернуть в сторону, а тем временем сверху его уже атакует гигантский мозазавр, загоня аппарат в стаю сорокафутовых ксифактинов: похожих на пираний, быстрых как молния гигантских рыб, облепивших «Эбис глайдер», словно раненую морскую свинью.

В отчаянии Джонас хватается джойстик, управляющий водородным двигателем. Нажимает на верхнюю кнопку, чтобы воспламенить камеру. Горящая жидкость обжигает мозазавру морду, а «Эбис глайдер», вырвав трос из захвата механической руки, ракетой летит вперед.

– Проклятье!

В считанные секунды подводный аппарат достигает дна. Выключив водородный двигатель, Джонас выравнивается, начинает искать сонаром лабораторию Марена и внезапно натывается на антропогенный риф, некогда бывший крейсером США «Индианаполис».

Джонас замороженно смотрит на корабль-призрак. *Так вот, значит, как Марен отыскал эту адскую дыру.* Оторвав наконец взгляд от крейсера, Джонас хватается за рацию, мысленно молясь, чтобы близость к оптоволоконному кабелю лаборатории помогла ему связаться с сыном.

– Дэвид, это папа! Дэвид, ты меня слышишь?

Каждый вдох – это панический хрип. Лаборатория превратилась в туманный вакуум. В маленьком баллоне с кислородом, прикрепленном к носу и рту уже давным-давно закончился сжатый воздух.

В воспаленное сознание Дэвида неожиданно врывается голос. Папа?

Дэвид наваливается на Кайли, лежащую в позе эмбриона. Обожженные легкие дико болят, глаза вылезают из орбит, комната ходит ходуном. Дэвид на четвереньках карабкается по лестнице и находит брошенный за ненужностью радиопередатчик:

– Хр...папа!

– Дэвид! Слава богу!

– Воздух... Нет воздуха.

У Джонаса путаются мысли. Он лихорадочно пытается представить себе устройство лаборатории Марена. *Рация работает. Значит, там есть электроэнергия. Система жизнеобеспечения перерабатывает воду в кислород... Должно быть, у них закончилась вода!*

– Дэвид, послушай меня! Для поддержки системы жизнеобеспечения нужна вода...

– Закончилась!

Закончилась?

– Дэвид, используй что угодно... воду из туалета, воду из бойлера. Пописай, наконец, в чертов бак, если нужно!

Вода из бойлера! Едва держась на ногах, Дэвид спускается с лестницы и ползет к бойлеру. Трясущимися руками открывает боковую панель и обнаруживает покрытый известковым налетом поддон с водой емкостью два галлона.

Осторожнее! Только не распеци! Дэвид вынимает поддон и на дрожащих ногах идет к открытому баку. После чего осторожно выливает туда живительную влагу.

Секунда проходит за секундой. Ничего.

Не в силах больше стоять на ногах, Дэвид падает на колени и ползет обратно к Кайли. Хватает ее за руку, прижимает судорожно подергивающееся тело к груди и ползет вместе с ней к ближайшему воздуховоду. Между тем система жизнеобеспечения внезапно включается, выбрасывая наружу прохладный затхлый воздух.

Прижав лица к решетке, Дэвид с Кайли жадно заглатывают воздух, словно новорожденные птенцы червячков.

– Дэвид? Это папа. Дэвид, ответь мне, когда сможешь. Не сдавайся, малыш!

Еще несколько живительных глотков, и голова проясняется. Дэвид поднимается до середины лестницы и хватается рацию:

– Бойлер... У меня получилось. Но этого недостаточно... чтобы продержаться.

– Посмотри в иллюминатор. Дэвид с трудом залезает на второй уровень и выглядывает в толстый цилиндрический иллюминатор.

В трех футах от лаборатории виднеется кабина пилота «Эбис глайдера III».

При виде подводного аппарата отца у Дэвида слезы наворачиваются на глаза.

– Папа, прости...

– Я люблю тебя, малыш. А теперь послушай меня. Закрой все вентиляционные отверстия, за исключением одного. Попробуй найти способ организовать себе замкнутое воздушное пространство, чтобы не вентилировать всю лабораторию. Тогда даже небольшого количества воздуха вам хватит надолго. Я потерял буксировочный трос. Но я скоро вернусь. А ты держись пока! Хорошо?

– Хорошо.

Собрав силу воли в кулак, Джонас лавирует в сторону от лаборатории и останков мезозавра, похороненного под титановой

сферой. С помощью джойстиков Джонас направляет длинный нос «Эбис глайдера» вертикально вверх под углом девяносто градусов, включает водородный двигатель и, словно крылатая ракета «Томагавк», летит со скоростью сто футов в минуту к каменному потолку Панталассы.

Над головой появляются темные тени. Ошалевшие древние твари остервенело щелкают челюстями, пытаясь ухватить кабину пилота. Джонас увертывается от хищников, обходит бурлящие гидротермальные источники, одновременно решая вопрос, стоит ли пытаться отыскать здесь и закрепить потерянный трос.

Но понимает, что это невозможно.

Хочешь не хочешь, придется возвращаться на поверхность и начинать все заново.

Старайся не натягивать трос, это позволит увеличить скорость погружения. Но как, черт возьми, отогнать всех этих монстров, пока я буду прикреплять трос?! Я не могу их убить, на «Эбис глайдере» мне их не обойти, а свет прожекторов привлекает их, точно ночных мотыльков. Что же делать?

– Проклятье! – Он хватается рацию. – Мак, ты меня слышишь? Мак!

– ...слышу тебя.

– Подгони сюда «Макфарланд» как можно скорее. Монти даст тебе координаты. А потом пусть Николс разбудит нашу спящую красавицу. Мне нужно, чтобы моя девочка сопровождала меня по дороге в ад.

Глава 34

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Вирджил Кармен сидит за компьютером в ожидании, когда остальные покинут лабораторию.

В 22:15 он наконец остается один.

С отчаянно бьющимся сердцем Кармен тушит свет и направляется по пустому подвальному коридору в диспетчерскую. Открывает дверь с помощью карточки доступа. Приглядевшись, он находит пульт управления с надписью «Коридор „Загон для мег“».

Пошарив в кармане, Вирджил выуживает ключи доктора Стелзера, находит ключ от пульта, вставляет в отверстие и поворачивает по часовой стрелке.

Загорается маленький монитор, на тачскрине появляется пользовательское меню. Вирджил нажимает «Открыть коридор», вводит код доступа доктора Стелзера и ждет.

Проходит несколько секунд.

«Доступ разрешен». Появляется временный код, указывающий на то, что ворота в «Загон для мег» работают.

Звездная ночь приветствует Вирджила Кармена, который ступает на пустой настил вокруг «Загона для мег». На горизонте виднеются огни и изящный силуэт яхты, бросившей якорь у входа в канал.

Вирджил достает сотовый телефон и нажимает кнопку скоростного набора, уже готовый услышать: «Итак? Как дела? Вы достали пленку?»

Голос Сары Томс возвращает его в реальность:

– Камеры на месте. Где, черт побери, наши почетные гости?!

– Что? Они разве не покинули загон? Погоди-ка, сейчас посмотрю.

Вирджил пересекает арену, подходит к «Загону для мег». Включает подводные прожекторы, подсвечивая черную воду.

Перегибается через перила, высматривая Лиззи и Белль. Два юных меча медленно нарезают круги в своем обычном боевом порядке. *Проклятье! Неужели ворота не открылись?*

Перейдя через мост, Вирджил спешит к лагуне Ангела. Перелезает через северную подпорную стенку, смотрит вниз. Там светятся огни «Загона для меча», ворота открыты настежь.

– Сара, загон открыт. Они просто его еще не покинули.

– Тогда вымани их оттуда. Мы не можем всю ночь ждать!

– Хорошо-хорошо. Будь наготове. – Вирджил выключает телефон, лихорадочно соображая.

Какого хрена они торчат в бассейне? Ангел... Они по-прежнему чувствуют ее запах в лагуне. Так как же их выманить оттуда?

Бобби Бейтман!

Вирджил рысью бежит в подсобку за роботизированной игрушкой, не замечая Даниэллы Тейлор, которая в полном одиночестве сидит на восточной трибуне и слушает по айподу музыку.

На борту «Тонги»

Филиппинское море

Слухи о скором прибытии Ангела и ее освобождении, разошедшиеся, как круги по воде, взбудоражила экипаж судна.

Спайдермен и его команда из двух человек на борту подводного аппарата «Синкай-6500», работающего на глубине восемь тысяч футов, быстро решили для себя, что пребывание под водой с вышедшим на охоту взрослым мегалодоном не самая хорошая идея. Покинув расставленные сети, двадцатипятитонный аппарат совершил экстренное всплытие, экипаж Спайдермена наотрез отказался возвращаться на пост, несмотря на щедрые посулы бин Рашиди.

Роджер Гоубер имел собственные резоны бояться опасной близости к монстру, которого он уже дважды видел в Монтерее. Капитан «Дубайленда I» пришвартовал траулер к супертанкеру и перевел на борт «Тонги» практически весь экипаж. И пока Джонас Тейлор готовит свой прототип «Эбис глайдера» для второй попытки

погружения, на траулере с ним остаются лишь Гоубер и Ибрахим аль-Хашими.

Джейсон Монтгомери, стоя у леера правого борта «Тонги», вглядывается в морскую даль. Земснаряд «Макфарланд», уже показавшийся на восточном горизонте, быстро приближается. *Использовать монстра, чтобы отпугнуть остальных монстров... А биполярное расстройство почему-то находят только у меня.*

На борту «Макфарланда»

Филиппинское море

Брент Николс, уже теряя терпение, нервно меряет шагами капитанский мостик «Макфарланда»:

– Макрейдс, нейроимплантат не предназначен для этого. Ангел последует за Джонасом в этот ад лишь в том случае, если убедится, что «Эбис глайдер» и есть ее пища.

– Тогда сделай это. Перенастрой ее инстинкты.

– Никогда! Мой эксперимент был направлен на то, чтобы пометить Ангела и провести мониторинг ее поведения на свободе. Это тебе не цирковое представление с собачкой и пони, где все переменные под контролем. Прости, но я ученый, а не ковбой. Я решительно отказываюсь.

– Нет, ты это сделаешь, или я швырну твою жирную ученую задницу в бункер!

– Похоже, ты не понимаешь, да? Когда я настрою мозг мега на подводный аппарат в качестве наживки, мне уже не удастся ничего изменить. Как только Ангел последует за Джонасом в подземное море, мы потеряем сигнал и я не смогу отозвать мега. Что для Тейлора будет равносильно самоубийству.

– Нет, это ты не понимаешь. Ему наплевать. Его ребенок умирает там, внизу. А теперь живо включай свой компьютер и буди Ангела!

На борту «Тонги»

Филиппинское море

Джон Лебланк, стоя у кормовой лебедки, смотрит, как мокрый стальной трос накручивается миля за милей на катушку размером со школьный автобус. Наблюдающий за процессом с борта танкера матрос подает сигнал, когда из моря появляется конец троса с титановым крюком на конце. Инженер стопорит лебедку, оставляя Джонасу Тейлору достаточно слабины, чтобы втащить свободный конец троса на борт траулера.

С верхней палубы траулера Джонас Тейлор багром подтягивает конец спасательного троса в сторону наклонной кормы, где уже стоит «Эбис глайдер». Джонас заползает под узкий нос подводного аппарата, прикрепляет титановый крюк к захвату механической руки и несколько раз проверяет прочность крепления. Наконец удовлетворившись, Джонас подает сигнал матросу, стоящему у носового леера супертанкера, затем залезает в кабину «Эбис глайдера III» и с тяжело бьющимся сердцем задраивает люк.

Матрос сигналил Джону Лебланку, который снова запускает лебедку, вытравливая трос в море.

Падающий кабель увлекает своей тяжестью «Эбис глайдер» носом вперед по кормовому слипу.

Джонас запускает «Эбис глайдер», стараясь не дергать стальной трос, после чего опускается на глубину двести футов и направляет подводный аппарат на восток, на перехват «Макфарланда». Земснаряд, уже приблизившийся к «Тонге» на полмили, дрейфует с выключенными винтами.

«Эбис глайдер» кружит под зловещими стальными заслонками. Джонас включает рацию:

– Мак, я уже на позиции. Ты готов?

Джеймс Макрейдс, стоя на баке «Макфарланда», пытается укрыться от накатывающих волн и каскада воды из затопленного бункера судна.

– Твоя девочка только что проснулась, и она здорово взвинчена. Николс хочет, чтобы ты покружил под килем, пока Ангел на тебя не нацелится. Тогда он сразу начнет действовать.

– Хорошо. И, Мак, спасибо, что ты все эти годы был рядом со мной. Я люблю тебя как брата. Просто хотел, чтобы ты знал.

– Что за хрень ты несешь?!

Джонас слышит глухие реверберации в воде:

– Пожалуй, самое время освободить Ангела, пока она не разнесла, к чертовой матери, земснаряд.

– Джонас...

– Мак, выпусти ее. Пожалуйста.

Смачно выругавшись, Мак меняет передатчик на уоки-токи:

– Открыть заслонки. Выпускайте Ангела.

Стальные заслонки в киле судна с пронзительным скрежетом открываются, соединяя бункер земснаряда с морем.

Последние восемьдесят шесть часов Ангела держали в спящем состоянии. Такой автономный режим позволял самке меча плавать и дышать, хотя все ее чувства были заторможены. И теперь насильно разбуженный хищник длиной семьдесят четыре фута и весом пятьдесят одна тонна дезориентирован и разъярен, стальной бассейн испускает электрические сигналы, которые вносят сумятицу в сенсорную систему. Не в силах восстановить нормальное состояние, Ангел ворочается в воде, бьет хвостом по стенкам своей металлической клетки, таранит ее головой даже тогда, когда заслонки уже открылись.

Наконец она обретает свободу, хотя скорее по чистой случайности, нежели осознанно. Все еще одурманенная, акула отплывает от киля земснаряда, выписывая восьмерки в отчаянных попытках сориентироваться. Функционирующие как встроенная система GPS ампулы Лоренцини регистрируют геомагнитное поле Земли, убирая пелену тумана с мозга и тем самым включая остальные сенсорные механизмы.

С момента последнего кормления прошло почти две недели. Почувствовав внезапно лютый голод, Ангел переключает все рецепторы на ближайшую добычу на новой территории. Обонятельный центр вдыхает нечто такое, что мозг воспринимает как едкий запах крови. Боковая линия фиксирует вибрации раненого животного. Глаза, приспособившиеся к дневному свету, улавливают внизу какое-то движение...

Откинув голову на спинку сиденья пилота, Джонас Тейлор пристально вглядывается в стекло кабины в ожидании меча, сенсорная система которого сканирует новое окружение. *Ну давай же, Ангел! Спускайся ко мне. Я здесь, внизу! А теперь найди меня, если сможешь!*

И будто услышав молчаливый призыв Джонаса, хищница внезапно перестает кружить и идет в атаку.

Джонас направляет «Эбис глайдер» вниз, увеличивает скорость до двадцати пяти узлов и, взяв курс на восток, совершает почти отвесное погружение в сторону входного отверстия в Панталассу. У Джонаса бешено бьется сердце, но отнюдь не из-за страха быть съеденным заживо.

Я слишком долго отсутствовал... почти час. При таких темпах у меня уйдет еще двадцать минут, чтобы добраться до Дэвида, и это лишь в том случае, если все пройдет идеально. Джонас поворачивается проверить, что там с Ангелом. Монстр приближается к входному отверстию в двухстах футах от «Эбис глайдера». *Вот так, хорошая девочка, оставайся со мной.*

Синяя вода постепенно чернеет, мрачные глубины поглощают солнечный свет. Джонасу остается полагаться лишь на показания приборов. «Эбис глайдер» прошел уже первую милю, за ним, в его кильватерном следе, неотступно идет белый монстр, исполненный решимости не упустить добычу.

Спустя две минуты на сонаре появляется потолок Филиппинского моря, на лобовом стекле, ставшем экраном ночного видения, появляется кратер входного отверстия.

Джонас обходит отверстие кругом, позволив Ангелу приблизиться на сто футов к подводному аппарату, после чего вжимает педали в пол и направляет аппарат в кратер.

Ну давай же, Алиса!.. Проследуй за мной в кроличью нору, и я угощу тебя лакомым кусочком!

Ангел замедляет ход, неожиданно проявляя осторожность. Выгнув спину, акула кружит вокруг входного отверстия, омываемая потоком минерализованной воды из кратера, которая обостряет первобытные чувства. Тепло манит к себе, вкус добычи дразнит аппетит, и все же мег не решается нырнуть в дыру, удерживаемый смутными воспоминаниями.

Джонас спускается по туннелю, сложенному вулканической породой. Наружные огни выхватывают из темноты покрытые яркими водными губками выступы черного базальта. Спустившись в Панталассу, Джонас понимает, что Ангела сзади нет. Несколько секунд Джонас парит под каменным потолком... ждет.

– Вот черт!

Маневрируя с помощью двух джойстиков, Джонас направляет аппарат обратно в туннель. В двухстах футах от входного отверстия сбрасывает скорость, гасит наружные огни. И через лобовой экран видит самку мега, которая кружит возле кратера.

Она не собирается спускаться в туннель... Ждет, когда я поднимусь наверх. Так как же выманить ее ко мне?

Джонас включает, потом выключает наружные огни, снова и снова. Бесполезно.

Белый морской скорпион размером с маленького ребенка покидает каменный насест, устремляется вперед и приземляется на кабину пилота, едва не вызвав у Джонаса разрыв сердца. Джонас рефлекторно нажимает на тумблер приборной панели, переключая сонар в активный режим.

ПИНГ! ПИНГ... ПИНГ... ПИНГ... ПИНГ...

Реверберации эхом разносятся по каменному туннелю. Боковая линия мегалодона начинает вибрировать, как камертон. Мотая гигантской головой, точно бешеный бык, Ангел бросается в погоню за добычей.

Застигнутый врасплох Джонас делает вираж на 180 градусов. Острый нос «Эбис глайдера» царапает каменный склон и вклинивается в скалу. Бросив поспешный взгляд наверх, Джонас видит вытянутые вперед разинутые челюсти Ангела.

Джонас вжимает в пол левую педаль и держит ее в таком положении, заставляя подводный аппарат бешено кружиться по часовой стрелке до тех пор, пока вращающий момент не освобождает его из каменного плена. «Эбис глайдер» устремляется вниз. Зубы Ангела смыкаются буквально в дюйме от правого крыла! Правая челюсть прижимается к кабине пилота, серо-голубой зрачок закатывается назад, демонстрируя желтоватую склеру в красных прожилках.

«Эбис глайдер» на полном ходу врезается в дальнюю стенку туннеля. Джонасу, пригвожденному чудовищной головой вслепую щелкающего челюстями меча, ничего не остается делать, как на максимальной скорости продолжать спуск. Джонас поспешно корректирует скорость, чтобы отвести подводное судно как можно дальше от кривой улыбки Ангела. Он лавирует, закладывает крутые виражи, меняет угол погружения, стараясь уберечь крылья аппарата от зубов Ангела, которая в буквальном смысле теснит «Эбис глайдер» к стенке туннеля...

Но вот наконец долгожданная свобода!

Подводный аппарат и преследующий его монстр пульей вылетают из туннеля в Панталассу. Открытое водное пространство позволяет Джонасу оторваться от преследования. Вырвавшись вперед, Джонас ведет за собой в преисподнюю свой жуткий эскорт в надежде, что тот поможет ему спасти сына.

Глава 35

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Вирджил Кармен тащит к западным трибунам и каналу с выходом в океан антропоморфную куклу, известную как Бобби Бейтман. Вдоль всей южной подпорной стенки канала тянется ограждение из сетки-рабицы высотой два фута. Вирджил открывает ключом калитку и попадает на ржавый помост, построенный давным-давно в рамках оригинального проекта китовой лагуны Масао Танаки.

Продольные мостки находятся в шести футах от верхнего края южной подпорной стенки. При высоком приливе мостки заливаются водой на участке сто ярдов, расположенном за короткой полоской частного пляжа. А в двухстах ярдах от этой точки качается на волнах яхта.

Из кармана брюк Вирджила доносятся вступительные аккорды «Металлики» «To Live Is to Die». Он достает телефон:

– Сара, я на мостках. Готовьте камеры.

Вирджил тащит Бобби Бейтмана за спасательный жилет, затем залезает ему в штаны и включает тумблер, расположенный у левой ягодицы. Грудь куклы начинает пульсировать, симулируя сердцебиение.

– Ладно, Бобби, это мне на первый взнос за дом. – Свесившись вниз, Вирджил выпускает куклу, которая плюхается животом в канал и плывет лицом вниз.

– Что ты делаешь?!

У Вирджила тотчас же учащается сердцебиение. Он резко оборачивается. Какая-то женщина светит ему в лицо фонариком.

– Дани, это ты? Опустит фонарь, я тебя не вижу.

– Отвечай на мой вопрос. Не увиливай.

– Что я делаю? А ты как думаешь? Работаю.

Дани направляет луч фонарика на Бобби, затем видит яхту, заякоренную у входа в канал:

– Ублюдок! Значит, это ты сливал информацию R. A. W.!

– Эй, не гони лошадей! Остынь, Дани! Не стоит спешить с выводами!

– Скажи это судье. – Она тянется к уоки-токи. – Охрана, западные трибуны...

Вирджил наваливается на девушку, пытаясь отнять рацию. Дани отбивается, коленом бьет Вирджила в пах, и в этот самый момент ржавые мостки, сооруженные двадцать восемь лет назад, уходят у них из-под ног. Стальная решетка, которую Бела таранит снизу, соскакивает с опорной балки.

Дани с Вирджилом, хватаясь за воздух, соскальзывают в разные стороны со спины юного мегалодона, после чего падают с высоты шесть футов в холодные воды канала.

Панталасса

Четырнадцать... пятнадцать... шестнадцать тысяч футов.

Бусинки пота стекает по лицу Джонаса, каплями дождя падая на приборную панель.

Восемнадцать тысяч футов.

Активный сонар продолжает посылать звуковой импульс в океан, обеспечивая Джонаса точными данными о местоположении Ангела. Мегалодон с каждой минутой все больше теряет интерес к подводному аппарату, заставляя Джонаса сбрасывать скорость и даже возвращаться назад, чтобы приманивать мегу.

В наушниках раздается громкий шипящий звук, идущий по нарастающей: Джонас приближается к глубоководному течению. Это момент истины, момент, которого он больше всего боялся. Джонас замедляет погружение, в очередной раз позволяя Ангелу уменьшить разрыв, поскольку твердо знает, что заставить мегу последовать за ним в гидротермальный источник можно, только выступив в качестве приманки.

Нос «Эбис глайдера» прокладывает дорогу сквозь течение. Джонас отчаянно лавирует, преодолевая сильный восточный поток, в надежде, что хаотичные движения подогреют интерес Ангела.

Но на глубине двадцать одна тысяча футов Джонас теряет ее акустический образ.

Первый нотозавр появляется через пятьсот футов. Он пронесится мимо левого крыла «Эбис глайдера». Однако яркий свет прожектора отпугивает древнего хищника. Секунду спустя на пути «Эбис глайдера» попадают еще два хищника, один из которых, тринадцатифутовый гигант, отшвыривает аппарат в сторону. Течение подхватывает правое крыло, точно лист фольги, увлекая за собой подводное судно. Джонас не в силах восстановить контроль и плывет по течению четверть мили на восток, после чего, изменив угол погружения, вырывается из цепких объятий ревущего потока.

Буквально через несколько секунд на мониторе сонара появляются яркие точки. Охотников явно привлекли акустические сигналы «Эбис глайдера». Джонас даже начинает подумывать о том, чтобы выключить активный сонар, но страх двигаться вслепую перевешивает страх стать приманкой.

Яркая точка, отделившись от головокругительного хоровода неопознанных объектов, поднимается со дна навстречу подводному аппарату. Самка хайнозавра – гигантского мозазавра – длиной более пятидесяти футов, грациозно извиваясь мускулистым телом, устремляется вперед. Самка вышла на охоту не одна, две ее товарки кружат внизу, поджидая в засаде.

Джонас уже прошел отметку сто футов, так и не сумев оторваться от погони. *Включи водородный двигатель, это твой единственный шанс.* Он тянется к джойстику, но в последний момент отказывается от мысли включить форсаж, понимая, что в результате резкого рывка трос снова выскочит из захвата механической руки и операция по спасению Дэвида провалится.

Семьдесят футов... шестьдесят.

Джонас сворачивает на запад и меняет угол погружения, тихо молясь, чтобы удачно проскочить мимо самки хайнозавра и обойти засаду, устроенную ее подругами.

Однако гигантский мозазавр уже нацелился на добычу: тридцать шесть тонн воплощенного ужаса атакует «Эбис глайдер» снизу. В свете прожекторов появляется массивная треугольная пасть. Разъяренный монстр явно вознамерился проглотить подводный аппарат целиком.

У Джонаса вдруг появляется ощущение дежавю. Он понимает, что это конец, что он подвел сына, да и вообще растратил жизнь впустую.

Он закрывает глаза и поэтому не видит, как появившаяся, словно из ниоткуда, белая тень атакует самку хайнозавра.

Вытянутые челюсти Ангела капканом сжимаются на верхней части туловища гигантского мозазавра. Мег все глубже вонзает зубы в тело жертвы, вдавливая грудную клетку во внутренние органы.

Джонас открывает глаза и с удивлением обнаруживает, что до сих пор жив.

Ангел плавает вокруг «Эбис глайдера», выписывая восьмерки; ее спина выгнута, напряженные брюшные плавники повернуты вниз. Мозазавр бьется в предсмертных судорогах в чудовищных челюстях древней акулы, которая треплет свою добычу, словно собака разорванное полотенце.

Две другие точки на мониторе успели рассредоточиться, что обеспечивает Джонасу свободный путь к морскому ложу. Скорректировав курс, он устремляется в глубину. Измученное сердце бешено колотится.

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

В состоянии паники Вирджил Кармен выплывает на поверхность, смятенный разум не выдерживает встречи не во сне, а наяву со своим самым страшным ночным кошмаром. *Где Бела? Где Лиззи? Вылезай, к чертовой матери, из воды. Найди опорную стенку канала. Карбкайся вверх.*

Вирджил не видит белого сияния, величественно поднимающегося прямо под ним. Вытянутые челюсти Лиззи утаскивают беспомощную жертву на глубину.

Крики Вирджила захлебываются в воде, он отчаянно пытается вырваться, плоть на левой лодыжке, попавшей между двумя зазубренными зубами, обдирается до самой кости. Вирджил пытается вырваться. В голове проносится последняя здравая мысль. *Все нормально. Все нормально. Хрен с ней, с ногой! Плыви в безопасное место.*

Слава богу, Вирджил не видит, как подплывшая сзади темная сестра Лиззи разевает жуткую пасть и одним махом избавляет его от страданий.

Тем временем Даниэлла Тейлор цепляется за Бобби Бейтмана. Несмотря на смертельную опасность, девушка сохраняет самообладание. Пошарив под одеждой секс-игрушки, Дани выключает батарейки, после чего карабкается на широкую спину куклы, ставшую спасательным плотом. Дани рассуждает вполне разумно. *Нужно убрать все вибрации и электрические импульсы в воде, и тогда сестренки меня не найдут.*

Дани сохраняет абсолютную неподвижность, задерживая дыхание. Набежавшая волна прибивает надувную куклу к рухнувшей секции железных мостков, однако Дани даже не делает попытки грести.

Белый спиной плавник разрезает воду рядом с девушкой, при желании его можно даже потрогать. В какой-то леденящий душу момент мощный водоворот, поднятый гигантскими тушами плывущих сестриц, затягивает Бобби Бейтмана, разворачивая куклу боком. Дани едва не падает в море, но чудом умудряется удержаться.

Она ждет, когда спинные плавники исчезнут из виду. После чего очень осторожно встает во весь рост и хватается за погнутую стальную раму над головой. Подтянувшись, Дани залезает на узкий стальной брус, еще несколько минут назад поддерживавший мостки. И, дрожа от радостного возбуждения, перебирается на уцелевшую секцию мостков.

Обернувшись, Дани видит белый спиной плавник Лиззи, движущийся в сторону открытого моря. А чуть ниже, придерживаясь обычного для сестренок строевого порядка, в кильватерном следе Лиззи плывет Белль.

Сестренки покидают канал, направляясь в сторону яхты и открытого моря.

Панталасса

Они лежат, прижавшись друг к другу под пластиковой накидкой, на полу возле единственного воздуховода и прислушиваются к рации.

– Кайли, а ты уверена, что не хочешь пописать?

– Ты уже спрашивал десять минут назад. Обещаю, я пописаю в бак для воды, как только у меня возникнет потребность. – Кайли сжимает руку Дэвида. – Не волнуйся. Он скоро будет здесь. Ведь в первый раз он благополучно совершил погружение. И сделает это снова.

Дэвид целует ей руку, затем кладет голову на пол, стараясь дышать как можно медленнее. Когда он в последний раз проверял бак, там оставалось меньше галлона воды, а значит, воздуха хватит максимум на полчаса. Даже при ускоренных темпах подъема лабораторию вряд ли поднимут наверх меньше чем за час.

– Кайли, а какой сегодня день?

– Не знаю. Четверг?

– Я имел в виду дату.

– Кажется, пятое августа. А почему ты спрашиваешь?

Дэвид грустно улыбается:

– Сегодня мой день рождения.

Кайли склоняется над ним, нежно целует в губы:

– С днем рождения. Итак, Дэвид Тейлор, теперь, когда ты официально достиг совершеннолетия, что я могу сделать, чтобы немного скрасить тебе этот день?

– Выходи за меня замуж.

Она с трудом сдерживает нервный смешок, ее глаза наполняются слезами.

– Довольно неожиданное предложение. Ты не находишь?

– Нет, я серьезно. Я хочу быть с тобой до конца жизни.

– Детка, поосторожней со своими желаниями.

– Кайли, мы выберемся из этой передряги живыми. Обещаю. И после всего того, что нам пришлось пережить, нам наверняка не хватит свиданий по уик-эндам во Флоридском университете. Ведь, насколько я понимаю, в ближайшее время ты больше не собираешься совершать погружение в Панталассу.

– Что верно, то верно. Но замужество... это серьезный шаг. Мы оба еще слишком молоды.

– Тогда у нас будет долгая помолвка. По крайней мере, подумай об этом.

– Тсс. Давай не будем зря тратить воздух. – Кайли, крепко обняв Дэвида, кладет голову ему на грудь.

– Дэвид, сынок, ты меня слышишь?

– Папа! – Высвободившись из объятий Кайли, Дэвид хватается рацию. – Папа, ты где?

– Возле лаборатории.

Просунув руку в перчатку управления, Джонас выдвигает телескопический манипулятор, установленный под днищем «Эбис глайдера», мысленно молясь, чтобы манипулятор не пострадал после столкновения подводного аппарата с каменной стеной туннеля.

Появляется механическая рука, по-прежнему сжимающая титановый крюк и стальной трос. Отыскав болт с проушиной в обшивке подводной лаборатории, Джонас вставляет туда крюк, который с трудом входит в слишком узкое для него отверстие.

– Хорошо. Трос подсоединен. Держитесь. Сейчас я подам сигнал «Тонге».

Джонас отпускает крюк и захватывает стальной трос. Пошарив рукой под сиденьем, он нащупывает автомобильные аккумуляторы, обеспечивающие электроэнергией механическую руку. Надевает толстые прорезиненные перчатки и подсоединяет черный провод, идущий от гидравлической системы механического зажима, к отрицательной клемме аккумулятора, после чего несколько раз прикасается красным проводом к положительной клемме, посылая электрический сигнал через стальной трос инженеру на «Тонге».

Проходят долгие мучительные минуты ожидания. Но вот буксировочный трос начинает медленно натягиваться, пытаясь оторвать титановую подводную лабораторию весом сорок семь тонн от морского ложа.

Ну давай же... давай! Джонас переводит взгляд с троса на дно лаборатории, которое не двигается с места. *Боже, сфера слишком тяжелая, трос вот-вот лопнет!*

Снова выдвинув из-под днища «Эбис глайдера» механическую руку, Джонас заходит в тыл лаборатории. Прожекторы подводного аппарата высвечивают обглоданную тушу гигантского мезозавра, а также титановые обломки рухнувшего ангара.

Подводный док по-прежнему соединен с лабораторией. Похоже, опоры за десяток лет зацементировались в морское ложе минеральными отложениями.

Джонас подводит «Эбис глайдер» к лаборатории так, чтобы передний край кабины пилота был прижат к нижней части титанового корпуса, и осторожно подпихивает массивную сферу сзади в надежде, что это поможет оторвать ее от морского дна.

Тихонько нажимая на педали винтов, Джонас постепенно увеличивает вращающий момент. Титан с протяжным скрежетом скребет по лобовому стеклу, и Джонас живо представляет, как давление воды сжимает акриловую поверхность спасательной капсулы. Но он упрямо продолжает делать свое дело, несмотря на то что давление продолжает расти. Джонас переводит винты в режим максимальных оборотов, из-под днища подводного аппарата вырываются тучи песка, смешанного с останками мезозавра.

Однако лаборатория, похоже, слишком сильно увязла.

Тогда Джонас, задействовав третий джойстик, включает водородный двигатель. Титановые болты рухнувшего стыковочного дока протестующе скрипят, скручиваются и ломаются, выхлоп «Эбис глайдера III» обжигает морское дно.

Последний толчок – и освободившаяся от обломков подводного дока лаборатория начинает подниматься.

Глава 36

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Инструктор по дайвингу и специалист по подводным съемкам Скотт Дженкинс собирал зубы мегалодона все последние тридцать пять лет, даже после того, как он открыл в Уилмингтоне, штат Делавэр, на площади четыре тысячи квадратных футов пятизвездочный центр обучения дайвингу «Посейдон адвенчерс». Каждый год бывший офицер войск связи США руководит глубоководными экспедициями дайверов на континентальном шельфе – в районе, который в течение последнего ледникового периода был береговой линией США. В ходе погружений в секретном месте Дженкинс со своими клиентами уже подняли со дна тысячи окаменелых зубов мегалодона, некоторые размером более шести с половиной дюймов от корня до кончика зуба. В то время как большинство собирателей зубов мегалодона предпочитают искать их в руслах рек Южной Каролины и Джорджии, по мнению Дженкинса, самые крупные зубы покоятся на дне глубокого океана, поскольку именно там, скорее всего, предпочитали охотиться взрослые мегалодоны, такие как Ангел.

Однако двадцать восемь лет назад, когда мать Ангела поднялась на поверхность из Марианской впадины, представления Дженкинса о мегах несколько изменились.

Позавчера с ним связался Джозеф Майкл Парк – гуру шокового видео. Парк собирался организовать ночную подводную видеосъемку и искал опытного человека, которому можно было доверять. Поначалу Дженкинс наотрез отказался, но, узнав, что съемки будут проходить сразу за лагуной Ангела, не выдержал и сломался.

В коллекции Скотта Дженкинса насчитывается почти восемь тысяч зубов мегалодона, но в ней нет ни одного белого, не окаменевшего, экземпляра. По логике Дженкинса, за последние пять лет Ангел наверняка успела потерять несколько десятков зубов, которые будет

нетрудно поднять со дна канала. Поскольку большую самку давно увезли, а сестренки еще только собираются покинуть лагуну, у Дженкинса будет несколько часов, чтобы обследовать дно на предмет жемчужно-белых зубов, за каждый из которых частные коллекционеры готовы отвалить от двухсот пятидесяти тысяч до одного миллиона долларов.

Благодаря помощи дочерей Шеннон и Шоны у Дженкинса ушло меньше часа на установку подводных камер по периферии канала. И все же вид разрушенных ворот не мог не нервировать, заставляя еще раз хорошенько подумать о том, стоит ли нырять на дно.

Одно быстрое погружение на рассвете. Один зуб я оставлю себе, остальные продам.

Но когда на подводном мониторе появляются сестренки, Дженкинс снова меняет решение.

При виде белого плавника Лиззи по рядам гостей на борту яхты пробегает ропот.

Сара Томс кричит из рулевой рубки:

– Эй, а вот и они!

Активистка R. A. W. сообщает собравшимся новости, усиленно стараясь не смотреть в камеру Шоны Дженкинс.

Тем временем на нижней палубе, скрытой от объектива камеры, два члена байкерской группировки «Пропавшие парни» выносят на транец завернутую в простыню тушу тихоокеанского белобокого дельфина. Главарь группировки – бритоголовый бандюган Блэр Бейтс – привязывает конец длинной нейлоновой веревки к десятидюймовому крюку. Пошарив под простыней, Бейтс вставляет заостренный конец крюка в пасть дельфину и, проткнув толстую кожу, выводит крюк через дыхало наружу.

Лана Вуд стоит вместе со своим внуком Максом на открытом мостике у леера правого борта. Актриса с отвращением отворачивается, когда мертвого дельфина, прикрепленного к трехфутовому оранжевому бую, швыряют за борт.

– Бабуля, посмотри! Вот они плывут! – Забравшись на леерное ограждение мостика, Макс показывает на канал: шестифутовый белый спинной плавник разрезает темную воду и кружит вокруг яхты под

бурные аплодисменты собравшихся. – Бабуля, это Лиззи! Это Лиззи! А где Белль?

– Понятия не имею. И вообще, я запрещаю тебе залезать на перила.

Двумя палубами ниже, в VIP-салоне, Скотт Дженкинс продолжает следить за видеоизображениями, представленными на шести мониторах. Три подводные камеры передают в режиме ночного видения картинку, полученную у входа в канал; еще две камеры установлены у киля яхты и одна – на шесте, который держит над бортом Шеннон Дженкинс.

Раздосадованный тем, что ему никак не удастся обнаружить темного мег, Скотт связывается по радио с Шеннон:

– Эй, она по-прежнему кружит где-то внизу, а у меня лишь кадры болтающегося на крючке Флиппера. Что категорически нельзя показывать. Где вид с левого борта?

– Трап слишком узкий, а на носу не меньше двадцати байкеров. Не получается.

– Не получается? Прости, не знаю такого слова. – Скотт переключается на другой канал. – Сара, мы не сможем представить тебе кадры документальной съемки, если твои байкеры будут путаться под ногами. Пусть «Пропавшие парни» пропадут пропадом, прежде чем мы потеряем объект съемки.

Дженкинс концентрируется на Лиззи. Мег-альбинос кружит вокруг приманки, проявляя осторожность.

– Ку-ку, я тебя вижу. Ну а где ж твоя вредная сестренка?

Скотт снова смотрит на мониторы. И неожиданно видит ее, существо с темной спиной. Белоснежная треугольная голова заполняет экран монитора, принимающего изображение с видеокамеры Шеннон.

– Шеннон, назад! Бела атакует яхту.

Панталасса

Двадцать четыре тысячи футов.

Частицы ила и ошметки плоти мозазавра продолжают вылетать из-под дна титановой лаборатории, словно хвост кометы. Стальной трос

под тяжестью лаборатории весом сорок семь тонн надрывно скрипит, грубо нарушая первобытную тишину Панталассы.

Лабораторию во время всплытия в непроглядной тьме сопровождает «Эбис глайдер». Пилот подводного аппарата, зажатый в тесной кабине, покрывается холодным потом при каждом тиканье электронных часов, отчетливо представляя себе, как убывает драгоценная вода в системе жизнеобеспечения сына, а с ней – и последние молекулы воздуха.

Двадцать три тысячи футов.

Джонас уже в который раз прикидывает скорость подъема лаборатории. *Восемь тысяч пятьсот футов разделить на шестнадцать минут... Получается четыреста семьдесят два фута в минуту. При скорости четыреста семьдесят футов в минуту и глубине двадцать три тысячи футов... подъем до поверхности займет еще сорок восемь минут... и это при условии, что все пройдет без сучка без задоринки.*

Отбросив секундное сомнение, Джонас берет рацию:

– Дэвид, сколько воздуха у тебя осталось?

– Подожди. – Дэвид уходит, затем возвращается, проверив датчик уровня воды. Голос его звучит напряженно. – На восемнадцать минут.

Джонаса бросает в холодный пот. Не хватает тридцати минут! Он тяжело сглатывает и старается не выдавать своего волнения, упорно отгоняя встающий перед мысленным взором образ Стивена Моретти, хладное тело которого вынули из примерно такой же подводной сферы.

– Дэвид, мы поднимаемся достаточно быстро, но придется еще потерпеть. Неужели больше нигде нет воды?

– Нет. И наши мочевые пузыри тоже пустые. А сколько нам еще подниматься? Папа... Папа, ты там?

Джонас выключает рацию. Он долго держался лишь на адреналине и страхе – страхе за жизнь своего сына. Несмотря на повторный спуск в адские глубины Панталассы, несмотря на смертельно опасные атаки Ангела и прочих тварей, которые даже саму Мать-Природу заставили бы содрогнуться в ночном кошмаре, Джонас не думал о собственном благополучии... вплоть до этого момента.

Присутствие монстра дает о себе знать новыми звуками в наушниках сонара за несколько секунд до того, как непрошенный гость возникает из темноты. Завороженный невероятными размерами

чудовищной твари, Джонас смотрит, как она легко, без усилий, поднимается вместе с подводным аппаратом, и начинает непроизвольно дрожать, ощущая свою полную ничтожность. Голова монстра размером даже не со школьный автобус, а гораздо больше, крокодильи челюсти снабжены кривыми иглами зубов, некоторые длиной с мужское предплечье. Левый глаз, желтый и светящийся, оценивает размеры подводного аппарата. Тварь как будто прикидывает в своем холодном рептилоидном мозгу, стоит ли пробовать эту незнакомую добычу или лучше вообще не тратить на нее энергии.

Гора мышц за плечевым поясом самки лиоплевродона весом 200 000 фунтов внезапно оживает, передние ласты делают единственный грациозный толчок вперед, поднимая бурные волны, монстр неспешно, почти лениво делает круг вокруг подводного аппарата, чтобы присмотреться получше. Древний морской хищник, использующий острый нюх для охоты, гигантский плиозавр пробует ноздрями окружающее море. И в данный момент он нацеливается на ошметки мяса мозазавра, прилипшие ко дну титановой сферы. Мало того что странное существо оказалось съедобным, вдобавок оно еще и ранено. Придя к такому выводу, самка лиоплевродона открывает пасть, отчего концы верхних зубов заскакивают за нижние, и тянется к добыче.

– Нет!

Испугавшись, что гигантская тварь порвет буксировочный трос и тем самым обрежет Дэвида на верную смерть, Джонас включает прожекторы и идет в лобовую атаку.

Ослепленный монстр мотает головой, увильнув в сторону от подводного аппарата. В стекле ночного видения появляется задняя лапа размером с дом. Поднятая ею приливная волна переворачивает «Эбис глайдер» кормой вперед. Подводный аппарат оказывается прямо на пути гигантского хвоста, который напрочь отрывает левое крыло вместе с винтом. От чудовищного удара Джонас едва не теряет сознание. Повиснув вниз головой на ремнях безопасности, он из последних сил дотягивается до джойстика и включает водородный двигатель. Розовое пламя обжигает лиоплевродону морду как раз в тот момент, когда его острые зубы уже успели сжать правое крыло «Эбис глайдера», отодрав двигательный блок, словно листовую обертку початка кукурузы.

Потерявший оба винта, искалеченный «Эбис глайдер» превращается в вихляющую неуправляемую ракету. Водородный двигатель быстро глохнет, и подводный аппарат летит вверх мимо титановой сферы лаборатории. Джонас, жизнь которого после потери контроля над аппаратом висит на тоненькой ниточке, левой рукой тянется к управлению механической рукой, а правой расстегивает ремни безопасности. Прикинув траекторию поднимающейся под ним титановой сферы, Джонас с силой откидывается на сиденье то вперед, то назад в отчаянном стремлении направить в сторону стального троса этот летящий вверх бесполезный кусок акрила, прежде чем он потеряет остатки энергии.

После нескольких неудачных попыток нос «Эбис глайдера» наконец ударяется о буксировочный трос. Джонас выдвигает механическую руку и захватывает стальной трос в тот момент, когда поднимающаяся титановая сфера врезается в кормовой водородный двигатель, подталкивая вверх искалеченный подводный аппарат с его обессиленным пилотом.

Лиоплевродон поднимается вместе с ними. Разъяренный хищник старается ухватить обугленными челюстями ускользающую добычу. Он нацеливается на «Эбис глайдер», но промахивается. Затем пытается кусить титановый шар и сразу теряет несколько зубов.

Изменив тактику, самка лиоплевродона проплывает мимо добычи и исчезает во тьме. Но спустя несколько секунд вновь возвращается и, как бешеный бык, атакует лабораторию.

Боже, она сорвет лабораторию с буксировочного троса!

Джонас, лишенный какой бы то ни было возможности действовать, сжимает в дрожащей руке рацию. *Ты проиграл, старина. Ты очень старался, но этого оказалось недостаточно, и ты проиграл.*

А тем временем крокодилы челюсти медленно открываются, нацелившись на спасательную капсулу... но в самый последний момент лиоплевродон почему-то меняет курс и резко уходит в сторону.

Поднятая хищником волна раскручивает «Эбис глайдер». Единственное, что еще соединяет аппарат с поднимающейся лабораторией, – это десятидюймовый стальной зажим. Наконец подводный аппарат возвращается в прежнее состояние, и потрясенный Джонас видит перед собой Ангела. Мегалодон кружит вокруг останков погибшего мезозавра. Широкая спина акулы выгнута дугой, брюшные

плавники направлены вниз, вся поза мегалодона явно свидетельствует о том, что он не отдаст противнику свою добычу и будет защищать ее до последнего.

Глава 37

Океанографический институт Танаки

Монтерей, Калифорния

Бела, взбудораженная присутствием судна, которое она принимает за территориального соперника, таранит киль яхты всеми своими сорока двумя тысячами фунтов ярости, подпитываемой тестостероном.

Видеооператор Шеннон Дженкинс, балансируя на узкой полоске палубы, идущей вдоль главного салона, успевает сделать всего лишь два шага, когда чудовищный удар внезапно сотрясает яхту. Девушку бросает на леер, через который она падает прямо в воду.

От колоссального толчка яхта кренится на тридцать градусов, сбитые с ног пассажиры валятся друг на друга.

Яхта резко ложится на левый борт, море стремительно надвигается на судно, и Лана Вуд, стоящая на открытом мостике, едва не перелетает головой вперед через леер. Уцепившись за ограждение, женщина чудом удерживается на ногах. Она пытается поймать Макса, но мальчик уже парит в воздухе и исчезает в ночи.

– Макс!

Яхта выравнивается, бывшая девушка Бонда падает навзничь.

Лана ползет на карачках к винтовой лестнице, спускается в главный салон, проталкивается через сплетение тел и пробирается на корму, обшаривая глазами черную воду.

– Макс! – Лана уже на грани истерики. – На помощь! Помогите, хоть кто-нибудь! Я его не вижу! – Она рывком поднимает с пола Блэра Бейтса. – Мой внук упал за борт. Я не могу его найти!

Бейтс, ощупывая окровавленную голову, вглядывается в поверхность моря, и тут из пенной волны на боку выплывает Лиззи, держа что-то растерзанное в зубах.

– Макс! – Лана падает на колени.

От ее душераздирающих воплей кровь стынет в жилах. Остальные пассажиры подхватывают ее крики.

Бейтс хватает ее за руку:

– Нет, леди. Это был дельфин! Поглядите, ваш малыш вон там! – Бейтс показывает на мальчика, показавшегося на поверхности в тридцати футах от левого борта.

Макс, с расширенными от ужаса глазами, барахтается в воде; у него едва хватает сил бороться с пятифутовыми волнами, не говоря уже о том, чтобы звать на помощь.

Увидев своего внука, Лана скидывает туфли на высоком каблуке и ныряет в океан.

А палубой ниже, в VIP-салоне, Скотт Дженкинс извлекает монитор из груды упавшего оборудования, на экране возникает перевернутая картинка с подводной камеры, затем в кадре появляется пара женских ног.

– Господи Иисусе, кто-то упал в воду! – Скотт поправляет головную гарнитуру. – Шеннон, ты что, уронила камеру за борт? Шеннон? – Он поспешно переключается на другой канал. – Шона, где твоя сестра?

– А я знаю? Погоди-ка, я видела в воде ее камеру и шест. Папа, там за бортом эта актриса!

– Найди свою сестру! – Скотт не сводит глаз с монитора. Внезапно в кадре появляется свинцово-серый плавник, который скользит под отчаянно взбивающими воду ногами Ланы Вуд. – Боже правый!

Лана, плывущая по течению, приближается к внуку, не подозревая о том, что в десяти футах от нее находится Бела, уже нацелившаяся на малыша, которого выдало громкое сердцебиение. Увидев в Лане соперницу, претендующую на ее обед, возбужденная хищница, оставив мальчика, делает крутой вираж, поднимается на поверхность и заглатывает добычу целиком!

Потерявшая в кромешной тьме ориентацию, но все еще вполне живая, Лана, преодолевая поток воды, струящейся через приоткрытые челюсти Белы, пытается плыть назад, туда, где, как ей кажется, находится поверхность моря. Она барахтается, падает лицом вниз в вязкую темноту, обдирает руки чем-то острым, ее босые ноги прижимаются к чему-то, похожему на наждачную бумагу на резиновой основе. Уверенная в том, что она стоит на спине у одного из мегалодонов, Лана отчаянно молотит ногами, ее легкие в огне... Но все усилия несчастной женщины напрасны. Бела языком втягивает Лану

Вуд грудью вперед в вонючую пасть, прижимает к верхнему небу, откидывая в сторону, в черное безмолвие. Невидимые ножи врезаются в плоть жертвы. Отчаянные крики Ланы Вуд заглушены безжалостным объятием монстра, оборвавшим земное существование бывшей девушки Бонда, превратившим ее тело в вязкую массу и отправившим ее душу навстречу небесному огню, в то время как ее бранные останки попадают прямым в ад.

Высокие волны заслоняют от Макса жуткую картину гибели бабушки. Кильватерный след Белы тянет малыша обратно в сторону яхты, где его выхватывает из воды Блэр Бейтс. Главарь «Ангелов ада», с трудом переводя дух, опускает мальчика на палубу:

– Ты в порядке, малыш?

Макс кивает, он по-прежнему в шоке.

– А где бабуля?

– Помогите! Помогите мне! – Бейтс и несколько матросов спешат на нос яхты. Шеннон Дженкинс барахтается в воде возле якорной лебедки, высота надводного борта не позволяет девушке ухватиться за леер. – Вы что, тут все разом оглохли? Неужели никто не слышал, как я кричу?

Шеннон затаскивают на палубу, и тут с южной стороны в свете прожекторов возникает катер Береговой охраны. На мостике стоит, завернувшись в одеяло, Даниэлла Тейлор, рядом с ней ее мать Терри.

Трехчасовые поиски Ланы Вуд не принесли результата. К рассвету новость о ее исчезновении облетела все средства массовой информации: произошедшее до ужаса напоминало инцидент с любимой сестрой Ланы – Натали, трагически утонувшей несколько десятилетий назад.

К полудню по тихоокеанскому времени эта история получила продолжение: были арестованы Сара Томс и Джессика Томпсон. А когда останки Вирджила Кармена извлекли из главной дренажной трубы лагуны Танаки, власти тотчас же добавили обвинение в непредумышленном убийстве к растущему списку правонарушений активисток R. A. W.

Были выпущены рекомендации для маломерных судов. Закрыты пляжи для серферов. Все погружения запрещены вплоть до специального уведомления. Капитанов судов и рыбаков попросили

сообщать в Береговую охрану о любых неожиданных появлениях акул, побережье патрулировали вертолеты.

Однако все эти меры предосторожности оказались излишними. Вырвавшись из тесных пределов места своего рождения, сестренки – две юные самки мегалодона – ушли на глубину, в абиссальную равнину подводного каньона Монтерей, а оттуда – в открытое море, подальше от стойкого запаха их доминантной мамы.

Глава 38

Панталасса

Ангел прекращает кормежку, ее спинные мышцы и грудные плавники напрягаются. Она занимает оборонительную позицию, не решаясь оставить добычу. Все ее органы чувств настроены на более крупного противника, кружащего на периферии.

Самка лиоплевродона опускает плавники вниз и, напрягшись, пытается оценить размеры мегалодона. Пути высших хищников редко пересекаются, но когда это происходит, начинается кровавая битва за тотальное господство, в ходе которой может выжить только один.

Первой вступив в бой, Ангел предпринимает ложную атаку, направленную на то, чтобы спровоцировать противника и оценить его реакцию.

Более маневренная, чем мегалодон, самка лиоплевродона легко избегает непосредственного контакта, и мег возвращается сторожить добычу.

Подобный воинственный танец повторяется три раза кряду: мегалодон идет в атаку, оценивая скорость противника, самка лиоплевродона увиливает в сторону, но лишь для того, чтобы приблизиться к останкам мезозавра, которые в конце концов ей удастся ухватить.

Заманив лиоплевродона в зону поражения, Ангел атакует уже всерьез. Ее зазубренные зубы впиваются в короткий мускулистый хвост плиозавра. Укус не смертельный и не калечащий. В ответ самка лиоплевродона, мотнув крокодильей головой, цапает мегу за левый грудной плавник.

Секунд двадцать обе самки нарезают узкие круги и, мотая гигантскими головами, пытаются набрать вращающий момент, достаточный для того, чтобы поглубже вонзить зубы в истерзанную плоть соперницы.

В результате обе сдаются, объявив конец первого раунда.

Самка лиоплевродона отплывает подальше и делает еще один круг, ее изуродованный хвост оставляет за собой кровавый шлейф.

У Ангела тоже кровоточащие раны, правда в основном поверхностные, не страшнее тех, что партнер нанес ей во время жесткого спаривания. Словно бдительная сторожевая собака, Ангел остается у добычи, отказываясь преследовать более верткую соперницу до тех пор, пока та не нарушит границы охраняемой территории.

Лиоплевродон вдвое тяжелее мегалодона, однако челюсти акулы лучше приспособлены для нанесения смертельных укусов, и последнее обстоятельство заставляет самку плиозавра изменить тактику.

Она исчезает в темноте. Чтобы предпринять следующую атаку снизу.

Титановая сфера поднимается, с трудом преодолевая яростное течение, заставляющее ее вращаться.

Кайли с Дэвидом скрючились на полу возле своей «кислородной подушки», рация лежит рядом.

– Папа, папа, ты где? Ответь!

– Я здесь.

– Что случилось? Ты в порядке?

– Прицепился к буксировочному тросу. Потерял оба крыла, поиграв в пятнашки с монстром Марена.

– С лиоплевродоном?

– В жизни не видел такого чудовища. Но не волнуйся. Ангел взяла его на себя.

– Ангел? Папа, что здесь делает Ангел?

– Длинная история, а тебе нужно беречь воздух. Хотя у меня есть идея. Из чего сделаны внутренние стены лаборатории? Они чем-то обшиты или просто титановые?

– Титановые.

– Хорошо. А какая внутри температура?

– Прямо сейчас? Шестьдесят пять градусов. Папа, что ты придумал?

– Чем выше мы поднимаемся, тем ниже температура океана. Я хочу, чтобы ты выставил термостат на максимум. Попробуем заставить эти металлические стены немного попотеть.

– Конденсация... Гениально!

– Как только на стенах выступит влага, собери ее мягкой тряпочкой и выжми тряпочку в бак. Тяжеловато, конечно, но может сработать,

если на это не уйдет слишком много энергии.

– Понятно. – Дэвид смахивает слезы с глаз. – Папа...

– Дэвид, я знаю, что иногда бываю к тебе слишком строг, но я тобой очень горжусь. Ни о чем не волнуйся. Вдвоем мы пробьемся. Ты мне веришь?

– Верю.

Когда лаборатория перестает вращаться, Дэвид выставляет термостат на сто градусов по Фаренгейту, а вентилятор системы отопления – на максимум.

– Мистер Тейлор, это Кайли Сифурт. Я лишь хочу сказать, что у вас потрясающий сын. Он уже раз десять нас спасал. Это все моя вина. Он согласился на погружение, чтобы меня защитить. Мне следовало вас послушать, когда вы нас отговаривали.

– Кайли, я не знаю, что не так с мужчинами из рода Тейлор, но ради женщин мы всегда были готовы на любые безумства. Похоже, мой сын тебя действительно любит. Жду не дождусь, когда мы сможем встретиться лично. Что произойдет примерно через тридцать три минуты.

– Я тоже.

На борту «Дубайленда I»

Филиппинское море

Фейсал бин Рашиди смотрит, затаив дыхание, на монитор сонара, на котором виден курс подводной лаборатории. За поднимающейся яркой точкой следуют два больших объекта.

Брайан Сьютс показывает на точку, зависшую на глубине 21 890 футов:

– Это Ангел. Мы отслеживали ее через «Эбис глайдер». А вот второй объект гораздо крупнее.

– Лиоплевродон?

– Скорее всего.

– А как нам выманить его наверх?

– Похоже, между двумя тварями идет борьба за территорию. Ангел реагирует на нейротрансмиттер, управляемый с помощью прибора на

борту земснаряда. Передайте людям Тейлора, что мы хотим, чтобы Ангел выплыла на поверхность...

- ...а лиоплевродон последует за ней.
- Надеюсь, что так.
- Как далеко от нас «Могамигава»?
- Супертанкер прибудет через час.
- Мы не можем ждать. Пусть на «Тонге» приготовят сети. Затем свяжись с земснарядом и передай им наши требования.
- А что, если они откажутся?
- Ну а если они откажутся, скажи, что тогда мы остановим лебедку.

На борту «Макфарланда»

Филиппинское море

– Сукин сын! – Мак со злостью швыряет рацию. – Я знал, что этим ублюдкам нельзя верить. – Он поворачивается к Бренту Николсу. – А мы можем их надуть? Убедить, что приемник сигналов по-прежнему работает?

– Приемник сигналов действительно работает. По-видимому, стальной трос играет роль подводной антенны.

– Тогда сделай это. Вымани Ангела обратно в дыру.

– А что, если лиоплевродон за ней не последует? Бин Рашиди уже пригрозил оставить Тейлора и его малыша на дне Панталассы.

– Ты прав. Я должен взять это в свои руки. Пожалуй, переберусь на борт арабского судна и попробую запудрить им мозги. Если, конечно, удастся. – Мак наклоняется над ноутбуком морского биолога. – Покажи мне, как действует эта штука.

Панталасса

Десять тысяч футов.

Прижатый к креслу пилота, словно астронавт, Джонас смотрит через стекло ночного видения на каменный потолок Панталассы,

который появляется из оливково-зеленого сумрака. Секундой позже перед глазами возникает входное отверстие, и на Джонаса накатывает чувство бесконечного облегчения.

– Эй, Дэвид, мы вот-вот войдем в туннель. Как там ваши дела?

Дэвид на верхнем уровне лаборатории, а Кайли – на нижнем собирают конденсат с титановых стен.

Кайли хватается рацию:

– Основной генератор вышел из строя несколько минут назад. Мы перешли на резервный. Дэвид побоялся давать ему слишком большую нагрузку и поэтому отключил термостат. Но стены пока еще продолжают потеть. Так же как и мы. И, между нами, мы добавили в бак жидкости еще на три дюйма.

– Хорошо. Очень хорошо. Постарайтесь собрать как можно больше конденсата, а потом ложитесь на пол и отдыхайте. Мы почти дома. – Джонас выключает рацию и внезапно чувствует реверберации стального троса над головой.

С замиранием сердца Джонас хватается за край своего кресла, когда «Эбис глайдер» и титановая лаборатория входят в туннель. Подводный аппарат начинает трястись, когда прядь стального троса – одна из четырех в тросе – повисает вдоль кабины пилота.

Нет, только не сейчас...

Пройдена почти половина пути, уже видно входное отверстие, но внезапно лопается вторая прядь, и лаборатория начала опасно раскачиваться.

– Папа?

– Трос расплзается. Держитесь. Мы почти вышли из туннеля.

Титановая сфера и сопровождающий ее подводный аппарат продолжают подъем, стальной трос жалобно стонет, вытягивая тяжелый груз из отверстия в Филиппинское море. Они поднимаются еще на восемьдесят футов, и тут не выдерживает одна из скруток троса.

У Джонаса внутри все обрывается, когда подводный аппарат, с подвешенной к нему лабораторией весом сорок семь тонн, летит вниз, приземлившись на внешний край входного отверстия.

Лаборатория катится все ближе к краю, увлекаемый ею «Эбис глайдер» ударяется о ее титановый корпус, затем падает боком на морское ложе, образовав клин, препятствующий сползанию сферы в черную дыру.

Глава 39

На борту «Дубайленда I»

Филиппинское море

– Что значит – лопнул трос?

– Мистер Макрейдс, по словам капитана Сьютса, произошла авария. – Темно-карие холодные глаза бин Рашиди невозмутимо встречают гневный взгляд Мака. – Лаборатория и «Эбис глайдер» покинули Панталассу, однако они застряли на дне Филиппинского моря на глубине семи тысяч восьмисот футов. Но мы пошлем за ними спасательный подводный аппарат с другим тросом только после того, как получим то, что нам нужно.

– Пока мы здесь переливаем из пустого в порожнее, у Дэвида может закончиться воздух.

– Тогда мой вам совет. Кончайте болтать и начинайте инструктировать вашего монстра. Как только лиоплевродон выплывет на поверхность, мы предоставим в ваше распоряжение «Синкай», чтобы вы могли прикрепить другой трос... но только если вы предоставите свою команду. Таковы мои условия, мистер Макрейдс. И я не собираюсь добавлять к этому VIP-ложу на стадионе «Пасифик-Белл-Парк» или мирный договор между Израилем и ХАМАС. – Бин Рашиди самодовольно улыбается.

Маку требуется вся его выдержка, чтобы не врезать ноутбуком бин Рашиди. Оттолкнув Ибрахима аль-Хашими, Мак пулей вылетает из рулевой рубки.

Бин Рашиди поворачивается к морскому биологу:

– Гарпунная пушка, заряженная радиометкой... Она в рабочем состоянии?

– Да. Установлена на носу траулера.

– Будьте готовы, мой друг. Она может нам понадобиться.

Панталасса

Самка лиоплевродона выплывает из морских глубин, ее длинное туловище весом 200 000 фунтов легко разрезает воду, не оставляя даже ряби. Она не видит Ангела, но чувствует ее кровь и ощущает вкус мяса мезозавра. Нацелившийся на добычу монстр осторожно поднимается по спирали, чтобы не выдать своего присутствия.

Однако Ангел, которую Мать-Природа снабдила лучшим в мире сенсорным аппаратом, обнаруживает противницу уже на подходе. Ампулы Лоренцини акулы фиксируют электрические импульсы от бьющегося сердца плиозавра. Угол и скорость подъема лиоплевродона такие же, как у атакующей тюленя большой белой акулы, и это представляет для мегалодона реальную угрозу.

Ангел короткими мощными рывками нарезает круги вокруг останков мозазавра, хищнические инстинкты не позволяют ей покинуть добычу.

Тем временем в мозг акулы внезапно поступает другой сигнал. Он стимулирует ее обонятельный центр, выманивая на поверхность. Мег приходит в крайнее возбуждение. Угроза нарастает. Противник медленно, но верно подбирается снизу.

Зажав в челюстях останки мозазавра, Ангел начинает подъем, ее хвостовой плавник с силой молотит воду.

Самка лиоплевродона, оставив прежние уловки, прибавляет скорость и сокращает разрыв между ней и намеченной целью до пятидесяти футов. Разинув челюсть, она делает рывок вперед, чтобы ухватить Ангела за хвостовой плавник, но внезапно ее подхватывает ревущий поток воды.

Течение Панталассы относит лиоплевродона в сторону, заставляя принять горизонтальное положение. Справившись с течением, плиозавр продолжает подъем, но мегалодон уже исчез.

Гигантская самка в очередной раз пытается уловить запах меча. Извиваясь всем телом, как крокодил, она поднимается к подземному потолку, чтобы продолжить погоню.

Лаборатория висит на боку, внутри полный разгром. Оборудование валяется хаотичными кучами, мониторы компьютеров разбиты, книги погребены под рухнувшими полками. Помещение окутано тьмой, только за находящимся на последнем издыхании запасным генератором моргает слабый свет.

Дэвид на четвереньках пробирается через завалы нижнего уровня к системе жизнеобеспечения. Сам агрегат прикручен к полу, но бак для воды накренился, препятствуя притоку драгоценной влаги в блок электролиза, а следовательно, и поступлению воздуха.

– Дэвид, там твой отец!

Скатившись по полу в сторону лестницы, Дэвид перебирается на накренившийся второй уровень. Кайли уже расчистила дорожку к иллюминатору и теперь, прикинув к толстому акриловому стеклу, смотрит на море, купающееся в красном свете наружных огней лаборатории.

Лаборатория лежит на самом краю зияющего входного отверстия. Чуть поодаль виднеется нос «Эбис глайдера», кабина пилота которого придавлена титановой сферой.

– Папа! – Порывшись в груде разбитого оборудования, Дэвид находит рацию. – Папа, ты меня слышишь?

– Я... здесь. – Джонас, висящий под чудовищным углом на сиденье, отстегивает ремни безопасности и падает на верхний люк перевернутой спасательной капсулы, заклиненной под днищем лаборатории.

– Ты не ранен? Как дела?

– Бывало и лучше. А что у вас?

– Система жизнеобеспечения не работает. Мне нужно найти способ залить туда воду.

– Придумай что-нибудь. Единственная хорошая новость – это то, что мы выбрались из Панталассы. Теперь они могут прислать нам другой подводный аппарат с новым тросом.

– Папа... у меня для тебя плохие новости.

Из туннеля поднимается Ангел, ее белая шкура мерцает на экране ночного видения, челюсти сжимают то, что некогда было сорокафутовым мозазавром. Оказавшись в Филиппинском море, Ангел выпускает обглоданный скелет и обходит кругом вход в туннель.

Дэвид прижимает лицо к иллюминатору, чтобы посмотреть, как ведет себя Ангел.

– Папа, она очень возбуждена. Никогда не видел ее такой.

Взглянув на монитор сонара, Джонас обнаруживает поднимающуюся в туннеле яркую точку:

– Это лиоплевродон. Он поднимается за ней. Дэвид, держись!

Лиоплевродон выплывает из входного отверстия, но Ангел, которая уже пошла в атаку, успевает ухватить вытянутыми челюстями более крупную соперницу.

Однако Ангелу не справиться с самкой плиозавра – слишком крупной и слишком проворной. Челюсти акулы соскальзывают с мускулистого торса лиоплевродона размером с военно-транспортный самолет С-5, не зацепив даже переднюю ласту. Столкновение обходится мегу потерей двух передних зубов.

Демонстрируя хорошую реакцию, плиозавр откатывается подальше от смертоносных челюстей акулы и кусает ее за спинной задний плавник, пробив восьмидюймовыми иглами зубов антенну нейротрансмиттера.

Два титана сплелись в смертельной схватке, не обращая внимания на сети, которые уже сбросили с «Тонги».

На борту «Тонги»

Филиппинское море

С востока надвигаются штормовые облака, послеполуденный ливень обрушивается на работающих на главной палубе моряков.

Растянувшись на трубе, измученный Монти почти отрешенно наблюдает за тем, как его дядя Джеймс насаждает на корпулентного инженера:

– У тебя шесть лебедек! А мне нужна только одна.

– Повторяю еще раз для дураков, Макрейдс. Две лебедки на одну сеть, три сети в воде. Приказ бин Рашиди. Он ничего не говорил насчет спуска «Синкая». Да и вообще, уж можешь мне поверить, при наличии двух монстров там, внизу, это неповоротливое ведро с болтами, пожалуй, последнее место, где тебе сейчас захочется оказаться. – Отвернувшись от Мака, Джон Лебланк отправляется поторопить команду, обслуживающую лебедки на носу танкера.

Мак продолжает насаждать на Лебланка:

– Последнее место, где мне сейчас хотелось бы оказаться, – это подводная лаборатория. Мой крестник застрял там, попав в ловушку. И

он задыхается! Так что я хочу буксировочный трос и этот японский подводный аппарат в воде прямо сейчас или...

– Или что? – Лебланк, поддерживаемый с тыла тремя промокшими, заляпанными сажей матросами, поворачивается к Маку. – Послушай, приятель, как только мы выудим из моря нового домашнего питомца бин Рашиди, мы спустим на воду подводный аппарат. А пока не путайся, черт тебя дерит, под ногами!

Тем временем дождь уже льет стеной. Монти неохотно поворачивается на другой бок. На горизонте появляется большое судно. Это «Могамигава» – супертанкер того же класса, что и «Тонга». Супертанкер, все еще на приличном расстоянии от «Тонги», готовится к водному слалому: он сбрасывает скорость и маневрирует, давая то передний, то задний ход и меняя курс. Капитан «Могамигавы» пытается подвести свое судно как можно ближе к «Тонге».

Монти задумчиво смотрит на приближающееся судно, в его голове брезжит некая идея, похороненная под лавиной разношерстных мыслей. *Большой корабль... Молись за Дэвида. Молись за корабль. Богомол не может оплодотворить самку, пока его голова прикреплена к телу. Самка начинает спаривание, оторвав самцу голову. Безголовое насекомое живет еще девять дней, после чего умирает от голода. Правши живут на девять лет дольше, чем левши. Белые медведи левши. Интересно, а Джонас Младший левша?*

Монти хлопает себя по лбу, пытаясь сосредоточиться. *Танкер, танкер, танкер, танкер. Как танкер может помочь Дэвиду? Танкеры такие большие, что не могут остановиться. Блохи могут прыгать на расстояние, в триста раз превышающее длину их тела. Муравьи могут вытягивать груз, в тридцать раз превышающий их вес. Танкеры могут вытянуть подводный аппарат со дна. Это называется эффектом Вентури...*

Мак хватается Монти за воротник:

– Пошли со мной. Нужно, чтобы ты помог мне привязать буксировочный трос к «Морскому дьяволу».

– Танкеры могут поднять со дна подводные аппараты!

– Я знаю. Но сперва нам нужно прикрепить буксировочный трос.

– Нет, дядя Джеймс. Не надо!

Два суперхищника отрываются друг от друга, у обоих кровоточащие раны, но пока ничего смертельного.

Лиоплевродон царствует в Панталассе десятки миллионов лет. Эволюция этого вида от среднего размера морской рептилии до гигантского животного с жабрами позволила ему установить господство в своем ареале. С тех пор как большая самка достигла зрелости, никто не осмеливался оспаривать ее доминантность, даже представители собственного вида. Однако врожденная свирепость мегалодона в сочетании с силой укуса его челюстей делает эту акулу грозным противником и реальной угрозой самому существованию лиоплевродона.

Сделав выбор в пользу менее рискованного пути к победе, лиоплевродон быстро уходит на глубину, заложив вираж в сторону брошенных останков мозазавра. Одним молниеносным движением большая самка подхватывает со дна обглоданную тушу мозазавра, после чего стремительно плывет к входному отверстию, чтобы покинуть поле боя через туннель.

Однако, в отличие от зазубренных зубов мега, гладкие и узкие клыки плиозавра предназначены не для захвата, а для прокалывания. Самка плиозавра не удерживает добычу, и ей приходится перехватывать растерзанную тушу снова.

ХРУМ!

На всех парах подлетев к лиоплевродону, Ангел таранит головой мускулистую шею противницы, увлекая за собой стотонного голиафа на илистое морское ложе. Однако шея плиозавра слишком толстая даже для вытянутых челюстей Ангела, и все же морское дно дает ей некое преимущество, позволяя вонзить нижние зубы по корень, а верхние – до линии десны в толстую кожу плиозавра.

Раненая самка плиозавра отчаянно извивается, пытаясь освободиться, но соперница буквально пригвоздила ее ко дну. Любое резкое движение лиоплевродона заставляет мега яростно мотать головой. В результате семидюймовые зазубренные зубы пропиливают толстый мышечный слой шеи большой самки, впиваясь в нервные окончания.

Самку лиоплевродона парализует от сильной боли.

Она перестает сопротивляться, признавая свое поражение.

Обездвижив противницу, Ангел не ослабляет мертвой хватки. Но лишь до поры до времени.

А время Дэвида и Кайли Сифурт, можно считать, практически вышло. Запасной генератор сдох, воздух закончился, в обесточенной лаборатории с каждой минутой становится все холоднее. Лежа рука об руку на наклонном полу нижнего уровня, юная пара вглядывается в удушающую темноту в ожидании смертного часа.

Первым начинает задыхаться Дэвид.

Кайли сжимает его руку:

– Дэвид, я выйду за тебя замуж. Но я хочу, чтобы свадьба была весной. Так что держись. Дэвид Тейлор, ты меня слышишь? Теперь тебе не удастся уйти в кусты!

Дэвид улыбается в темноте, по его щекам катятся слезы.

Сдавленный голос отца выводит Дэвида из бессознательного состояния:

– ...дождись, пока лаборатория не ударится о днище супертанкера, после этого открывай люк и плыви к поверхности. Дэвид, ты меня слышишь? Если не можешь говорить, хотя бы подай сигнал, что ты меня понял! Дэвид! – (Кайли ползет к рации и дважды стучит по микрофону.) – Хорошо! Детки, держитесь поближе к люку. Я уже слышу, как на нас нацелился супертанкер!

Кайли хватается Дэвида за руку и трясет, пытаясь привести в чувство. Затем, вонзив ногти в его запястья, тащит парня в сторону люка... и тут над ними словно простирается рука Господа: сфера начинает подниматься к поверхности.

Супертанкер «Могамигава» водоизмещением 300 000 тонн и длиной 1100 футов на скорости шестнадцать узлов проходит мимо замершего однотипного судна, его кильватерный след тащит за собой «Тонгу» на четверть мили на восток. Мощный киль «Могамигавы» вспахивает поверхность Тихого океана, оставляя за собой вакуум, который затягивает и тащит вверх лабораторию, «Эбис глайдер», рыболовные сети, останки мозазавра и двух сцепившихся в смертельном объятии монстров.

Лаборатория начинает бешено вращаться в темноте, центробежная сила прижимает Дэвида с Кайли к полу, их руки хватаются за

кремалььеру, открывающую люк.

Динь-дон!

Титановая сфера ударяется о стальной корпус супертанкера. Кайли крутит открывающую люк кремалььеру, в лабораторию проникает голубая струйка воды, которая тут же превращается в бурный поток, срывающий крышку люка. Титановая сфера два раза ударяется о киль супертанкера, задев гребной вал, и начинает тонуть.

Держа своего бесчувственного возлюбленного за шею, Кайли выволакивает его из открытого люка в бушующий Тихий океан. Лаборатория резко уходит вниз, а Кайли с Дэвидом стрелой летят вверх, увлекаемые проходящим мимо танкером.

Кайли жадно хватая открытым ртом живительный воздух, потом трясет Дэвида... Бесполезно. Бережно поддерживая его голову, Кайли делает Дэвиду дыхание рот в рот до тех пор, пока синюшный цвет его лица не бледнеет и Дэвид не начинает отхаркивать морскую воду.

Кайли плывет на спине, положив голову Дэвида между грудей. Затянувшие небо грозовые облака поливают их холодным дождем.

Дневной свет пьянит Кайли.

– Дэвид, ложись на спину и дыши. Детка, просто дыши.

Сделав несколько судорожных вдохов, Дэвид поднимает глаза навстречу проливному дождю. Онемевшие члены постепенно оживают.

– Но как? Как? – спрашивает он Кайли.

– Произошло чудо.

– Мой отец?

– Я... я не знаю.

Дэвид убирает голову с груди Кайли и начинает барахтаться в море. Они дружно обшаривают глазами поверхность воды, но высокие волны закрывают поле зрения.

Корма «Тонги» виднеется в сотне ярдов от них. На борт танкера поднимают какое-то огромное животное. Его туловище запуталось в сети, однако хвост, который остается свободным, яростно хлещет по корпусу судна.

Дэвида бросает в дрожь:

– Ангел...

Фейсал бин Рашиди вприпрыжку бежит по проходу «Тонги» навстречу Лебланку, за которым следует Брайан Сьютс:

– Кто отдал приказ «Могамигаве» пройти мимо нас? Отвечайте!

– Я отдал. – К ним присоединяется Мак. – Но назвался тобой. Когда общался с ними по рации, то, наверное, говорил как форменный придурок, потому что они мне поверили.

– Капитан, уберите этого человека с моего судна! Пусть Тейлоры гниют на дне...

– Вон там! – Монти стоит у леера левого борта, через бинокль вглядываясь в бурную поверхность моря. – Двое выживших! Похоже, это Дэвид с Кайли!

Брайан Сьютс забирает у Монти бинокль, чтобы лично удостовериться. После чего включает уоки-токи:

– Капитан Гоубер, у нас двое выживших в воде в ста ярдах к западу. Отшвартуйте траулер и поднимите их на борт!

– Есть, сэр!

– Нет! Свяжитесь с «Могамигавой» и прикажите им вернуться. Затем освободите сеть от этой твари и найдите лиоплевродона!

– Есть, сэр! Но только после того, как мы поднимем на борт моих пилотов. Макрейдс, перебирайтесь на траулер. Проследите, чтобы они выполнили мои приказы.

– Будет сделано!

– А вот и он! – Монти тычет пальцем вниз, на гигантское животное с темной спиной, которое кружит в воде под бьющимся в сетях мегом.

Фейсал бин Рашиди подбегает к лееру, таращась на чудовищное животное:

– Невероятно! Инженер, готовьте сети!

На изумленных глазах бин Рашиди плиозавр уходит под воду.

– Дэвид, вон там! Я вижу спасательную капсулу твоего отца. – Кайли машет рукой в сторону «Тонги».

В сорока ярдах от них акриловая спасательная капсула подпрыгивает на волнах.

Они подплывают к спасательной капсуле – Кайли с одного бока, Дэвид с другого, – используя обломки крыльев «Эбис глайдера» в качестве плавсредства.

Прижав лицо к стеклу, Дэвид заглядывает внутрь.

Отец, частично пристегнутый ремнем безопасности, не подает признаков жизни.

– Папа! – Дэвид барабанит рукой по кабине пилота. – Папа, ты меня слышишь?

– Эй, Дэвид... – Кайли показывает на танкер.

Дэвид поднимает глаза и видит лиоплевродона в прыжке. Монстр, высунув на тридцать футов из воды гигантскую голову, впивается чудовищными челюстями в основание трепещущего хвоста Ангела.

Ангел отчаянно бьется в сети, кровь брызжет фонтаном.

Лиоплевродон, извиваясь, как крокодил, висит у Ангела на хвосте и отказывается разжимать челюсти. Под действием веса монстра его зубы все глубже впиваются в плоть меча, насквозь протыкая толстые мышцы и хрящи.

Мегалодон бьется в агонии, когда хвостовой плавник безжалостно отделяется от его тела.

Лиоплевродон ныряет обратно в море. Кровь хлещет струей из смертельной раны, забрызгивая борт танкера, красной лужей расплываясь по воде.

Кайли удивленно смотрит на свою грудь, уже покрытую липкой жидкостью. Неужели течение успело так быстро разнести ошметки плоти мегалодона? Девушка поворачивается и, к своему ужасу, обнаруживает рядом с собой растерзанные останки мозазавра. В приступе паники она молотит ногами и, взбивая розовую пену, пытается забраться на спасательную капсулу «Эбис глайдера».

Дэвид, который продолжает вглядываться в стекло спасательной капсулы, обнаруживает, что отец начинает ворочаться. Вне себя от счастья, Дэвид поднимает глаза на Кайли, на лице парня играет радостная улыбка... которая мгновенно сменяется гримасой ужаса. Страх охватывает каждую клеточку его тела, когда появившаяся откуда-то снизу огромная крокодилья пасть открывается, чтобы схватить останки мозазавра...

...а вместе с ними и Кайли!

Девушка издает предсмертный хрип, острые, как иглы, зубы вонзаются в ее тело. Она бросает на Дэвида оторопелый взгляд и исчезает в кровавой волне.

Из груди Дэвида вылетает душераздирающий крик, он стучит кулаками по стеклу спасательной капсулы, умоляя отца очнуться. И когда измученный разум отказывается выдерживать весь этот ужас, Дэвид теряет сознание.

Лежащий на дне спасательной капсулы, Джонас открывает глаза и видит, как монстр тащит Кайли на глубину, чтобы сожрать в один присест. Отвернувшись, Джонас обнаруживает бледное лицо сына, медленно уходящее под воду.

Джонас рывком открывает крышку аварийного люка. Высунувшись наружу, хватает Дэвида за волосы и втаскивает безжизненное тело в открытый люк.

Попав в водоворот, образованный плывущим лиоплевродоном, спасательная капсула вращается, словно гигантская чашка. Монстр кружит под поверхностью моря, оценивая качающийся на волнах объект.

Однако и монстра, и спасательную капсулу уже засекали на траулере. Стоящий на носу Ибрахим аль-Хашими стреляет из гарпунной пушки. Гарпун с радиометкой со свистом пролетает по воздуху и вонзается в широкую спину плиозавра.

Лиоплевродон уходит под воду с военным трофеем: останками мозазавра.

Мак кидается на нос траулера и смотрит вниз.

Джонас, бледный как смерть, обезумевший от горя, прижимает к груди безжизненное тело сына.

– Джей Ти? С Дэвидом все в порядке?

– Он жив. Правда, я сомневаюсь, будет ли он теперь хоть когда-нибудь в порядке.

Эпилог

Монтерей, Калифорния

Два месяца спустя...

Несмотря на то что ему всего сорок шесть, Тим Шульте уже седой как лунь. Издержки профессии психиатра. Открыв дверь своего кабинета, он приглашает ожидающих в приемной пациентов.

Дэвид Тейлор одет в белую футболку и выцветшие джинсы, на правом запястье – фирменная широкая головная повязка «Сан-Франциско форти найнерс». Длинные каштановые волосы свисают неопрятными лохмами до лопаток. Рухнув в кожаное кресло, Дэвид начинает рассматривать дипломы Шульте. Взгляд миндалевидных глаз, обведенных черными кругами, абсолютно пустой.

– Итак? Ты уже целую неделю принимаешь новые лекарства. Ну как, сон налачился?

– Нет.

Шульте что-то записывает в блокноте:

– Давай попробуем попринимать их еще неделю. Химии мозга нужно приспособиться, а это дело небыстрое. А как насчет ночных кошмаров? Ты по-прежнему просыпаешься от собственных криков?

– Да.

– Каждую ночь?

– Если только я хорошенько не приму на грудь.

– И как часто это происходит?

– Каждую ночь.

– А ты не находишь, что это уже некоторый перебор?

– Химии мозга нужно приспособиться, а это дело небыстрое.

– Дэвид, терапия тебе не поможет, пока ты сам не начнешь активно участвовать в лечении. – (Дэвид не отвечает, тупо глядя в окно.) – Твоя мама сказала, ты съехался с Монти. У этого парня биполярное расстройство.

– А в чем проблема?

– Это ты мне скажи.

– Он все время что-то бормочет, ну а я кричу по ночам. Два сапога пара.

– И вы вдвоем напиваетесь. – Психиатр ждет ответа, но Дэвид упрямо молчит. – Насколько я понимаю, твой отец связался с родителями Кайли. Он сказал, они хотят с тобой познакомиться. Для тебя это, возможно, будет даже неплохо. Делить горе с другими людьми – полезно для души.

Дэвид медленно обводит глазами кабинет, остановив наконец взгляд на докторе Шульте:

– Горе – очень странная штука. Когда любимый человек умирает, скажем, от рака, то это реально большое горе. Ты чувствуешь внутри пустоту. Ты делишь свое горе с другими. Но рано или поздно идешь дальше. Но есть и другое горе... скажем, такое, например, как если бы я засунул ствол вашей жене в рот и разнес бы ей голову на миллион кусков. Такое горе куда труднее пережить. В принципе, у тебя есть три возможных варианта. Первый – выбрать самый простой выход из положения. – Дэвид стягивает с запястья головную повязку, демонстрируя три распухших красных разреза, стянутых швами, на внутренней поверхности руки. – Но этот вариант работает лишь до тех пор, пока ты не начинаешь думать о последствиях твоего шага, о том, что ты отправляешь свою семью в ту адскую дыру, в которой барахтаешься сам. И ты понимаешь, что это не так уж и круто. Второй вариант – молчать, когда приходится говорить обо всем этом дерьме с профессиональными утешителями вроде вас, как будто слова, сказанные в этой комнате, способны хоть что-то изменить.

– Ну а третий вариант?

Дэвид с каменным выражением лица смотрит в голубые глаза психиатра, затем встает, собираясь уходить, но на пороге останавливается:

– Это наш последний сеанс. Мы с Монти ненадолго уедем. Скажем так, в деловую поездку.

– И ты находишь это хорошей идеей? Тебя всего лишь три недели назад выписали из больницы.

– Угу, все верно. Но по сравнению с двумя первыми доводами в пользу этого варианта куда больше. Надеюсь, вы мне приснитесь. Там и увидимся. – Прощальный взмах руки – и Дэвид покидает кабинет.

Пролив Хуан-де-Фука

Остров Ванкувер, Британская Колумбия

Северо-западное побережье Британской Колумбии тянется почти на семнадцать тысяч миль, захватывая бесчисленное количество островов, узких заливов и бухт. Ванкувер, самый крупный остров канадской провинции Британская Колумбия, отделен от континента проливом Хуан-де-Фука – узким водным протоком, соединяющим Пьюджет-Саунд и пролив Джорджии с Тихим океаном. Эти богатые питательными веществами воды отличаются большим разнообразием морской фауны, поскольку служат кормовой базой как для местных, так и для мигрирующих видов горбатых и серых китов, косаток и малых полосатиков. Местные рыбаки ловят в соленых водах вблизи острова Ванкувер чавычу и кижуча, морского окуня и терпуга, а также гигантского палтуса, который является основной хищной рыбой на северо-западе Тихого океана.

И вот теперь еще один вид хищников выбрал эти океанские воды в качестве своего нового дома.

Косатки оказались здесь в ходе миграции, причем местные киты-убийцы самым загадочным образом исчезли из этого района несколько недель назад. В стаде насчитывается шесть китов: две зрелые самки, два теленка, молодой самец и тридцатифутовый бык весом двенадцать тысяч фунтов. В течение дня они плыли вперед примерно в одном и том же темпе. Однако ночью резко замедлились для кормежки.

Большой самец чувствует беспокойство. Издавая мелодичные звуки, он сканирует темное море с помощью естественного механизма эхолокации, после чего ведет свое стадо к месту следующей кормежки.

Убойна совсем свежая: окровавленная туша серого кита плавает на поверхности океана. Сперва кормятся самки, вырывая трехдюймовыми коническими зубами здоровенные куски мяса из туши, детеныши подбирают ошметки.

Внезапно самец чувствует присутствие какого-то крупного животного, движущегося вдоль дна. Существо, которое кружит внизу, длиннее быка и в три раза больше в объеме. Хлопая хвостовым

плавником по воде, бык сгоняет стадо вместе... и в этот самый момент появляется второй хищник, стремительно идущий на сближение.

Одна из самок ведет стадо на север, остальные охраняют телят. Молодой самец защищает стадо с тыла, матерый бык плывет внизу, чтобы отразить атаку из глубины.

Лиззи нападает с поверхности воды, отвлекая быка. Бык проплывает мимо самки косатки, чтобы схватиться с агрессором-альбиносом, а тем временем Бела атакует снизу. Поднявшись стрелой вверх на скорости двадцать узлов, свинцово-серая сестренка наносит быку удар в грудь между лапами, затем поднимает его над водой и вгрызается зазубренными зубами в незащищенное брюхо!

К сестре быстро подключается Лиззи. Одним чудовищным движением челюстей она напрочь откусывает самцу косатки спинной плавник.

И пока мегги терзают старого вожака, стадо поспешно меняет курс.

Ни одно животное не осмелится приблизиться к добыче сестренок. Никто не станет оспаривать установленный ими закон: отныне и навек пролив Хуан-де-Фука принадлежит *Carcharodon megalodon*. Именно в этих водах Белль и Лиззи дадут жизнь новому поколению мегов. Детеныши будут спасаться от кровожадных мамаш в скалистых ущельях и на мелководье до тех пор, пока и они тоже в один прекрасный день не станут достаточно крупными молодыми мегами. Вынужденные захватывать другие водные пространства, молодые самки со временем произведут на свет себе подобных. Механизм самооплодотворения спасет данный вид от полного исчезновения. Мать-Природа установила свой особый путь для этих высших хищников.

АНГЕЛ СМЕРТИ УМЕРЛА –
ДА ЗДРАВСТВУЮТ КОРОЛЕВЫ!

Благодарности

С большой гордостью и признательностью я хочу засвидетельствовать вклад тех, кто помог мне завершить работу над книгой «Мег. Дьявольский аквариум».

В первую очередь я хочу поблагодарить моего литературного агента Дэнни Барора из «Baror International» и его помощницу Хизер Барор. Я также в неоплатном долгу перед моей подругой и продюсером Белль Эвери из «Apelles Entertainment» и перед Крейгом Роллом из «Masada Group» за их неустанные усилия по экранизации франшизы «Мег». Хочу поблагодарить Тима Шалта, Стенли Трембли и Шейна Томпсона из «Variance Publishing» за публикацию в твердом переплете.

Отдельное спасибо издательству «Tor/Forge» за массовое издание моей книги. Я крайне признателен Тому Дохерти, моему редактору Линде Квинтон, Эрику Раабу и помощнику редактора Уитни Росс.

Мне чрезвычайно повезло работать вместе с талантливыми художниками, двое из которых внесли неоценимый вклад в эту книгу. Огромное спасибо Эрику Холландеру за великолепное графическое оформление трейлера книги в YouTube (смотри Meg: Hell's Aquarium), а также Уильяму Макдоналду (www.AlienUFOart.com) за оригинальные рисунки, представленные на страницах моей книги.

Отдельная благодарность персоналу океанариума штата Джорджия за информацию, ценные советы и экскурсию за кулисы этого потрясающего заведения, особенно Дейву Сантуччи, директору по связям с общественностью. Мне также хотелось поблагодарить Дэвида Зелски из «Georgia Public Broadcasting» за организацию этого визита. Моя искренняя признательность доктору Марии Сдорлиас и ее коллегам из Школы наук о земле Сиднейского университета за экспертную оценку моего рассказа о тайне, скрытой под Филиппинской плитой, а также за прекрасные карты этого района.

Большое спасибо моей помощнице Лизе Коффман за то, что она умело и со знанием дела обеспечивает поддержку сайта www.SteveAlten.com, а также за ее работу по программе «Adopt-An-Author».

И наконец, я хочу поблагодарить свою жену и верного друга Ким, моих родителей, которые всегда рядом, и, конечно, своих читателей.

Спасибо за ваши письма и замечания, которые представляют для меня большую ценность. Для меня очень много значит ваш вклад в мою работу, так как читатели – это мой самый главный актив.

Стив Алтен

notes

СНОСКИ

1

ПЕТА, или «Люди за этическое обращение с животными», – некоммерческая организация со штаб-квартирой в Норфолке, штат Виргиния, США. – *Здесь и далее примеч. перев.*

2

Психическое расстройство, вызванное боязнью глубины.

Джонас Солк – американский вирусолог, разработчик первых вакцин против полиомиелита.

Майкл Вик – американский футболист, арестованный в 2007 г. за незаконную организацию собачьих боев.

Кочис (1805–1874) – вождь чоконенов, одной из групп чирикауа-апачей, предводитель восстания, вспыхнувшего в 1861 г. Один из величайших лидеров среди североамериканских индейцев.

Ивел Книвел – американский исполнитель трюков, получивший мировую известность благодаря рискованным трюкам на мотоцикле.

Джимми Хоффа – американский профсоюзный лидер, неожиданно исчезнувший при загадочных обстоятельствах.

Старый Брехун – пес, герой одноименного фильма Уолтера Диснея (1957), снятого по детской повести американского писателя Фреда Гибсона о дружбе мальчика и собаки.

Термин, заимствованный из японского языка и переводится как «душа», «сердце».

Боевая машина пехоты США.